

ХАРЬКОВСКАЯ ПРОЗА

АЛЕКСАНДР
МИЛЬШТЕЙН
КОДЕКС ПАРАШЮТИСТА

CF FOLIO

ХАРЬКОВСКАЯ ПРОЗА

АЛЕКСАНДР
МИЛЬШТЕЙН

КОДЕКС
ПАРАШЮТИСТА

Харьков
«Фолио»
2013

ББК 84.4
М60

Серия «Харьковская проза»
основана в 2010 году

Художник-оформитель
Е. В. Вдовиченко

ISBN 978-966-03-5483-8
(Харьковская проза)
ISBN 978-966-03-6182-9.

- © А. М. Мильштейн, 2013
- © Е. В. Вдовиченко, художественное оформление, 2013
- © Издательство «Фолио», марка серии, 2010

ВЕЧНЫЙ
СТУДЕНТ

1. ЭКСПЕРИМЕНТАТОР ДВИЖЕНИЙ ВВЕРХ-ВНИЗ

Чтобы придать замыслу некоторый объём¹, начну со здания.

Первый раз я его увидел, когда мне было лет пять. Я гулял по саду Шевченко с родителями, с их друзьями, подошли, как я теперь понимаю, к центральному входу, взрослые стали кружкэм, оживлённо беседуя, а я, запрокинув голову и прогнувшись назад, увидел, что нависший надо мной небосвод не синий, а жёлтый и, что ещё более странно, — в мелкую клетку.

---

¹ Объём не в смысле «произведения большого объёма», конечно, а в смысле З.В. Мне кажется, что помещение помещения внутрь произведения делает его в большей степени застрахованным от превращения... — вот-вот, я же как раз о куплетах, — в «stand-up», который сам по себе может быть совсем не плох и не плоск, если происходит на своём месте — на сцене, где «перед вами выступит стэнд-ап-комик...» (он же «известный писатель-сатирик...», «кабаретист»). Но если речь переключается в модус «stand-up» в письменном виде, ненароком перепутав его со «stand-by», и, не заметив ошибки, журчит и журчит, тогда это... Тоже «имеет право», и вовсе не обязательно, что «это будет катастрофа»... Однако мне бы хотелось этого по возможности избегать. Во всяком случае, здесь и сейчас. Поэтому, наверно, я вспомнил, что это слово имеет другие значения. «Stand-up», в отличие, скажем, от жизни, не только кабаре, *my charm*, это — ещё и детская картонная книжка с раскладывающимися вкладками. Помните: между раскрытыми страницами выскакивают фигурки людей, петухов, расправляются деревья, калитки, домики...

Прежде чем стереть предыдущий абзац, я взял его в скобки, а потом решил сделать сноской, подумав: если текст всё-таки превратится в балаган (слово, не менее ёмкое, чем «stand-up», кстати, тут же тебе и стены и балагурство), а предисловие, несмотря на его перекрёстные отсылки к харьковскому конструктивизму, окажется вполне бессмысленным архитектурным излишеством... Пусть читатель знает тогда о моих, по крайней мере, изначально благих намерениях.

Потом я видел здание издалека, когда зачем-то попадал с родителями в Ненагорный район и мы возвращались оттуда на трамвае неизвестной мне теперь марки.

Оно внезапно появлялось поверх города нагромождением айсбергов, посыпанных песком, как зимой тротуары¹.

Потом я закончил школу, поступил в «ХГУ им. А. М. Горького», проучился в нём два года, но и после этого у меня не было и нет ни малейшей уверенности в том, что я смогу найти в нём нужную аудиторию.

Или даже не так, ведь худо-бедно я всё-таки их находил, скажем, «методом тыка»... Но вот если кто-то спрашивал, как туда пройти, я разводил руками. Нет, и сравнение с соколоножкой здесь не проходит, дело было не во мне, вы могли спросить кого угодно и услышать или, точнее, увидеть: пожимание плечами.

В какой-то момент стало ясно, что Здание не укладывается ни в чьей голове потому, что там больше трёх измерений. Я понимаю, что то же самое можно сказать о любом уголке Земли, ещё когда я учился в школе, один физик из УФТИ насчитал их 16 или 18 — измерений этих самых, картинка, которой он проиллюстрировал своё открытие, была примерно такой: шахматная доска, в каждом уголке каждого квадрата которой лежит крохотная сфера — похоже на капельки ртути, оставшиеся на паркете от разбитого термометра...

---

¹ Снег там, судя по виду, всегда был равномерно перетёрт с песком, и благодаря этому миру слово «небоскрёб» казалось в детстве таким знакомым — в нём слышался скрип снега и скрежет скреперов.

Но разница заключается в том, что в Здании другие измерения отражены в архитектуре, ставшей каким-то образом слепком с того, что невозможно ни увидеть вне себя, ни представить себе... Поэтому там и нельзя, скажем, попасть из аудитории N в аудиторию N+K на том же этаже без того, чтобы спуститься по лестнице на два или три этажа, подняться на прежний и пойти по нему «как ни в чём не бывало» — тогда там может обнаружиться нужная аудитория.

Во время этих вынужденных нырков в «колодцы пространства»¹ я видел краем глаза студентов в белых халатах, тигли, барокамеры, похожие на батискафы, белых крыс или что-то совсем уж странное: сети, скажем, свисавшие в пролёты лестниц².

И несмотря на то что все коридоры были прямые и длинные, как Сумская улица или проспект Ленина, идя по одному из них всё время в одну сторону, я возвращался в точку, из которой я выходил... Не буду описывать все фокусы тамошнего пространства, скажу ещё только, что я не уверен, что престранное Здание было с самого начала так задумано архитекторами Серафимовым и Серафимовой-Зандберг³, может быть, вся эта топология стала результатом переплетения разных континуумов

---

¹ Я не имею в виду шахты лифтов, потому что, ныряя в поисках аудиторий, я пользовался лестницами, ибо найти неприметную серую железную створку в этих тёмных закоулках здания было ещё сложнее, чем искомую деревянную белую дверь.

² Может быть, это были густые металлические решётки, назначение которых мне и по сей день неизвестно.

³ Хотя вот именно Sandberg — это «песчаная гора» (нем.).

пространства-времени: изначального их «Домпроект-стройка» с реинкарнационным зданием «Университета», которое проектировали архитекторы с другими фамилиями Костенко и Лифшиц.

Первое было построено в 1930—33-х годах, второе накрыло или... как бы сказать... *вобрало* в себя сильно пострадавшее во время войны первое в 1963 году — что совпадает, кстати говоря, с годом моего рождения...

В ту единственную ночь, которую я провёл в университете (каждый обязан был два раза за срок обучения пройти через ночное дежурство), я обнаружил в здании труп. И не в каких-то дальних закоулках, где проступали очертания предыдущего метемпсихоза этой невероятной домины¹, а прямо в туалете на первом этаже.

Именно там лежал неизвестный, почему-то полуголый человек, который впоследствии оказался выпускником университета.

Это нам сообщили через неделю, но так, по-моему, никто никогда и не узнал, что привело его в ночную альма-матер, от чего он ушёл сквозь неё и... к чему всё это было? Во всяком случае, нам об этом не докладывали.

Мы же тогда сразу доложили о трупе, естественно, мы позвонили в милицию. Причём я вспоминаю, что это были не первые милиционеры за ночь дежурства, включавшего в себя не только хождение по тёмному Зданию, но как бы и патрулирование площади Дзержинского.

---

¹ То есть того самого конструктивистского шедевра Серафимова. «Догнать и перегнать» назывался, кстати, проект Домпроектстройки, выставленный Серафимовым на конкурс проектов и — победивший!

«Как бы» потому, что это была самодеятельность младшего преподавателя, который с нами дежурил. По домам не распустил, но вывел на брусчатку вдохнуть свежий воздух.

В противном случае мы бы все уже спали без задних ног, помню, что когда меня позвали на прогулку, я съезжал спиной по стене вахтёрского бруствера — под утро сон брал своё. И вот когда мы, вроде бы как наяву, постояли минут десять-пятнадцать перед фронтоном обкома «в количестве, большем трёх», оттуда вылетела фуражка, остановилась в воздухе, нерешительно приблизилась к нам и тихо спросила: «Ребят, вы чего?» Мы объяснили, что мы — дежурные «по университету и его окрестностям», милиционер сказал: «Фух, а мы тут уж подумали, что вы обком собрались атаковать... А вы по универсуму, значит...» Такой вот шутник оказался, с хвостиком рации, в плащ-палатке шириною с Чёрное море. Мы попрощались с ним и пошли дальше: проделали ещё несколько кругов по периметру площади. Я каждый раз, проходя мимо, пересчитывал каменные шары, лежавшие на ступенях Военной академии имени Говорова, которая недавно тоже стала частью «национального университета», так что в те незапамятные времена мы, расширяя территорию своего дежурства, как бы уже смотрели в будущее.

И вот после такого — сомнамбулического — обхода третьей по величине площади то ли мира, то ли Европы вернуться в университет, пойти там в туалет на первом этаже и обнаружить холодное тело, лежащее на кафеле... Было странно на самом деле.

При том, что я не видел до этого трупов — никто из моих близких тогда ещё не умирал, и учился я не в медицинском институте, а в университете, где в те времена медицинского факультета вообще не было.

Обнаружил тело я не в глубине здания, но когда я ходил в туалет в предыдущий раз, тела там не было... А ведь взялось же оно там откуда-то — пришёл, значит, человек из какой-то, возможно, что и глубины, где что-то делал, с кем-то встречался... Хотя всё это, конечно, пустые домыслы. Как я уже сказал, никто нам не объяснил впоследствии, от чего бывший выпускник направился в Харьков из Курска, где он жил, как нам сказали, и умер в университете, где когда-то учился. Помню, что кто-то из моих сокурсников макабрно пошутил: отравился бедняга в нашем буфете, отвык, мол... И тогда уже кто-то не мог, конечно, не приплести сюда и Пушкина, мол, «Харьковский университет не стоит курской ресторации»... Помню так же, что, когда следующей весной мои соученики на капустнике разыграли пьеску под названием «Таёжный тупица», навеянную сенсационной статьёй в «Комсомольской правде» о найденном в глухой тайге семействе Лыковых¹, мне было совсем не смешно.

Статья в «Комсомолке» называлась «Таёжный тупик». И я тогда, наверное, всё-таки верил, что в университете что-то происходит по ночам, что там *имеют место* какие-то другие формы жизни... По крайней мере, сам факт того, что

¹ Кажется, это были потомки староверов, а может быть, и сами староверы.

кто-то тогда же написал такую пьесу — хотя бы и капустническую¹, — доказывал, что здание располагало к подобным предчувствиям.

При этом на нашем — шестом — этаже было особенно много бесшумно скользящих гештальтов, глядя на которые скорее можно было поверить, что по ночам они где-то здесь и живут — в этом здании, чем в то, что у них есть квартиры в жилых домах, куда они уходят после работы.

Это были преподаватели, как правило, ничего у вас лично не преподававшие, поэтому вы не могли знать наверняка... Может быть, они просто так сюда забредали из закоулков, где проводили остальное время, ели и спали, если они вообще нуждались в этом.

Отдельные из них странно передвигались, лица иных тикали, как часы... У меня непосредственно, я повторяю, эти субъекты не преподавали, поэтому я вообще не уверен, что это были преподаватели.

Зато у нас читал похожий на Шурика из «Кавказской пленницы» карлик-очкарик-холерик, прыгавший у доски выше собственного роста с криком: «Вот эта точка подозревается в убийстве!» Мел бил по доске так, что рассыпался на крошки, доцент жадно шарил вокруг глазами в поисках нового куска... Благодаря ему я что-то запомнил, он будил меня этой своей свистопляской, и я ему всегда буду благодарен. Как за что, — разве непонятно?.. За то, что в голове осталось хоть что-то *разумное и вечное*.

---

¹ В том смысле, что она сплошь состояла из хохм, вроде: «У Лыковых была найдена логарифмическая линейка, сделанная без единого гвоздя».

Но помимо, скажем, перевозбуждённых¹, были у нас и тихие, мегасентиментальные преподаватели... Никогда не забуду, как Н. Л., учившая нас матанализу, прервала изложение леммы Лебега, положила на карниз доски мел, тряпку, которая упала на пол, но Н. Л. не стала её поднимать, махнула на неё рукой и произнесла монолог, который врезался в память, в отличие от теорем, которые она монотонно бубнила два года...

Она была не столько математиком, сколько женой математика, причём академика Академии наук... и даже не «У», а СССР... А к тому моменту ещё и матерью, ну не такого известного, как отец, но тоже — стопроцентного «вычислителя»... «Счастье, — писал Эйлер, — это радость души, которая вычисляет!» Так вот, к вопросу о счастье... Вот что нам сказала тогда эта окружённая со всех сторон математикой женщина... «Как мне вас жаль! — сказала она. — Вот смотрю на вас и думаю... Вы ведь не понимаете ещё, куда вы на самом деле попали... Математики — это самые несчастные люди на Земле... Это я вам могу точно

---

¹ Приходивших на лекции, скажем, в трёх галстуках, два из которых в порыве особого вдохновения забрасывались за спину... Кстати, этот же профессор... Нет, я не зря его, по-видимому, упомянул, он сыграл определённую роль в драме моего отчисления... Так вот, он был известен тем, что мог прийти в нескольких галстуках или в туфлях... Нет, ну не в трёх туфлях, ноги у него было всё-таки две, но на одной — чёрный, на другой — коричневый, это запросто... По сути, мелочи, это на мехмате случилось и не только с ним, самым интересным в нём было, с моей точки зрения, то, что на своём дачном участке этот Семиошко посадил исключительно пирамидальные тополя, которые после этого выкрасил белой водоземлюсионной краской.

Я знаком был с одной из его многочисленных (по рассеянности получившихся, как говорили злые матазыхи) дочерей, поэтому знаю, что говорю.

сказать. Ну, может быть, мгновенье они бывают счастливы, одну секунду, а потом опять не получается, дни и ночи, пять лет, шесть, десять, без передышки... Никакого удовлетворения... От жизни... Вот вроде бы банкет, вот идём, думаю, отдохнём наконец, как люди... Так нет же... Выпили по малюсенькой рюмочке, — тут она показала нам пальцами размер этой самой рюмочки, — и всё, и пошло, и поехало, и вот уже вокруг все снова уравнения пишут — на салфетках...»

Или другая её речь... «Возьмём миллиард, — сказала она, — это же совершенно абстрактная величина, какая разница, вы мне должны миллиард или я вам должна миллиард?»

Но хватит её цитировать... То есть, может быть, в её словах и содержалось предвосхищение нынешнего мирового кризиса... субъектно-объектных отношений, но моя повесть связана с другим преподавателем и пора мне как-то закругляться с этим предисловием, это же всё была только присказка...

Теперь вот непосредственно...

Речь пойдёт о пари, заключённом на первом курсе...

Пари было идиотским, и я сейчас его озвучу... Я хочу сказать, что если бы я согласился заключить такое пари на третьем курсе, это было бы мне сейчас более или менее понятно. Даже если бы и на втором... Но на первом?

Это кажется странным — не таким уж я был тогда парией... Мне было семнадцать лет, я не пил и вообще был хорошим мальчиком. Скажем, родителям бывшей соученицы, к которой я захаживал в гости, я нравился больше,

чем ей самой, что говорит о моём позитивном тогдашнем имидже, не правда ли?

Да что там говорить, не алкая знания, не жаждал я и алка...

голя... Меня просто спровоцировали. Меня вывела из себя слепая уверенность и ещё... этот неестественный для мехмата... естествоиспытательский интерес, загоревшийся в их глазках.

Два идиота настаивали на том, что если пить водку не залпом, а очень маленькими глотками, между которыми делать паузы, опьянение будет несравнимо сильнее, чем при обычном питье.

То есть это будет просто убойное опьянение — опустошивший бутылку методом такого «квантового» питья со 100%-й вероятностью рухнет оземь.

При этом к выводам своим они пришли с помощью выкладок, сами они это не опробовали.

Я вообще не уверен, что они выпили за свою жизнь больше той самой мерной рюмки, которую показала нам Н. Л.

Не могу сейчас точно вспомнить, как встрял в их спор, да они и не спорили между собой... По-моему, они просто высказали идею вслух, кто-то из них, причём адресуя её не ко мне непосредственно, а просто так, где-то рядом... А я начал смеяться... Так что всё-таки встрял...

Сергеев и Хуторянский были люди глупые, но серьёзные, и условия пари сразу же оформились в их устах в схему эксперимента.

А именно: водку следовало пить *напёрстками*, расставленными на ступеньках лестницы.

По пролёту которой на следующий день я и ходил вверх и вниз.

Столько напёрстков, чтобы их расставить по всей лестнице, даже по всем ступенькам одного пролёта, у них, естественно, не набралось, но три или четыре мелкочешуйчатых колпачка Сергеев и Хуторянский где-то там нарыли, у бабушек или у мам, а может быть, и я один принёс...

Нет, вспомнил: реквизит был их... Включая, естественно, «ноль-пять», и так как напёрстков было мало, Сергеев маячил всё время передо мной на лестнице, наливая водку в напёрсток, ставя напёрсток на ступеньку, я нагибался, поднимал, распрямлялся, выпивал, отдавал для очередного наполнения, делал шаг, нагибался, то же повторялось на третьей ступеньке, как я уже сказал, все шаги этого... алкоритма были оговорены.

Может быть, напёрстков было всё-таки больше, потому что я вот именно ходил по пролёту — туда-сюда.

В начале эксперимента Сергеев и Хуторянский были твёрдо убеждены, что я в какой-то момент рухну на ступеньки, ну да я это уже сказал, в этом и был, собственно, весь их стейтмент.

Надо ли говорить, кто выиграл пари?

Забегая вперёд, скажу, что я не упал не только на лестнице, но и потом, когда мы шли по городу.

Я был пьян, но подвижен, вменяем, меня хватало на заигрывание с девушками...

Представляясь «лошадью барока Мюнхгаузена», я предлагал на себе покататься...

Может быть, в какой-то момент мне и показалось, что Госпром нас окружает, что это чёрный локомотив, который идёт по кругу... Ну так это же Госпром, это наш Стоунхендж... Многие харьковчане боялись его в детстве, как бабая...

Но всё это было потом, а самое-то главное — для моей истории — заключалось вот в чём.

В какой-то момент двери подъезда открылись — если они вообще закрывались, — это я точно не помню... И туда вошёл преподаватель с нашего факультета.

У нас он тогда ничего не вёл, но в коридорах мы его видели, и не раз, только что я пытался описать подобные сущности...

Нет, он не дёргался, но был как-то по-своему неотмирн... Не чудаковато, а скорее зловеще...

Я не помню, знали ли мы уже в тот момент, за что его называют Железным Феликсом.

По-моему, мы даже клички этой ещё не слышали... Он придёт к нам читать спецкурс по дифурам, включающий теорию управления, только через год, а пока что получается, что не он к нам, а мы к нему.

Совершенно случайно, разумеется, просто зашли наугад в подъезд одного из ближайших к Госпрому домов.

Кто же знал, что Железный Феликс живёт не в глубине здания университета (или Домпроектстроя — в другом измерении), а в обычном доме, хоть и по соседству с Университетом...

И ещё ближе — к Госпрому¹.

Немая сцена.

На Феликсе светлый костюм такого же песочного цвета, как и здание университета.

И тоже в мелкую, незаметную издали клеточку.

Я его в другом костюме никогда и не видел.

Выражение лица не менялось, как и костюм... Но оно было *таким* каменным, что казалось ещё более странным, чем все мехматовские стереотипии, паркинсонизмы и другие нозологические единицы, вместе взятые...

Может быть, он и не узнал в нас студентов своего факультета, в любом случае я не уверен, вспомнил ли он меня впоследствии...

Думаю, что это вполне вероятно... Вошёл он быстро и бесшумно, поэтому успел увидеть наши манипуляции, а они были *странными*... Так что он мог, конечно, меня запомнить... Вот только я не уверен, что для меня это было плохо...

Нет, я думаю, совсем даже не было плохо... Когда через два года Железный Феликс шёпотом воскликнул: «Ну что ж вы за человек такой!» — это прозвучало не злобно, а наоборот, с такой доверительной, чуть ли не дружеской... интонацией... что я был почти уверен, что на этот раз пронесло...

Ну так вот, не забегая вперёд: он быстро пришёл в себя и прошёл к себе, наверх, Феликс. Не проронив ни слова. Хотя разминуться на лестнице было сложно...

---

¹ Проект которого, прежде чем выставить его на конкурс, архитектор Серафимов назвал «Незванный гость» (подсказывает мне сейчас та же Википедия).

Нет, в этих домах у Госпрома широкие лестницы, это же не Салтовка и не Новые дома... и Феликс молча прошёл мимо нас, как будто мы были скульптурной группой, которая всегда там стояла — в его подъезде...

«Ну что, пойдём отсюда?» — сказал Хуторянский, выйдя из оцепенения.

«Чего это? — сказал Сергеев. — Что мы такого делаем? Ну прошёл и прошёл. Мы же не знали, что он тут живёт».

«Конечно, продолжим, — сказал я, — я только вошёл во вкус!»

Потом шли через площадь, я кричал, что я никогда не пьянею — как лошадь Мюнхгаузена—Пржевальского... В каком-то месте я остановился, пнул ногой камни и закричал, что здесь он, мой тайный бруствер — двадцать камней брусчатки я уложил сам, во время отработки, сразу после вступительных экзаменов. И я дерево одно посадил — на школьном дворе... А на университетском, стало быть, эти каменные буханки, ну перекладывали мы их тогда в отдельных местах площади... Как пяташки... Жизнь, короче, удалась... Дальше — через Сад мимо фонтана... Причём, когда мы проходили мимо фонтана, мне показалось, что я вижу там моих одноклассников, которых там не могло, конечно, быть... Но, тем не менее, они там были, на выпускном вечере... Или, точнее, уже под утро... Они пьют из горла портвейн, стоя на дне неработающего фонтана, сами такие же серые, как дно... Ещё только-только светает, солнце как следует не взошло, но в саду тут и там появляются бледные пятна... Это платья выпускниц... В том году они так похожи

на ночные рубашки, что выпускницы, как одна, натершие ножки, просто вылитые привидения... Туфельки они несут в руках, эти босоножки... И вот хоровод пастельных тонов, медленно вращающийся около столетних дубов, перетекая на площадь... Но там мы уже были... Ночное дежурство, ну да... Вот, где-то так, где-то тут заканчивается это, я бы не сказал, что совсем уж не нужное, предисловие... А так как все предисловия ненужные, то никакое это, значит, было и не пред. Я даже успел заменить, пока вы его читали, «Предисловие» в 1-м подзаголовке на слова из перестроенной песенки, которая и так звучала на периферии сознания в исполнении

Застывшей Музыки Ансамбля Площади Дзержинского,
то бишь Свободы,
пока я это записывал.

2. ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ УСПЕХА

Помню, что последний мой семестр пролетел как-то особенно быстро, подробности сейчас не важны, без разницы, где я был и что делал. Важно то, что незадолго до начала летней сессии Ж. Ф. объявил, что некоторым из нас он разрешит пользоваться конспектом во время экзамена.

На сразу раздавшиеся возгласы «а кому? назовите поимённо!», Ж. Ф. тихо сказал, что этого делать он не будет.

Что это станет известно каждому в отдельности только на экзамене.

Услышав это, я испытал двойственное чувство... Но скорее радостное...

Да нет, однозначно: радостное... Потому что, с одной стороны, своего конспекта у меня не было... Но с другой: я ни на секунду не сомневался, что мне разрешат им воспользоваться.

Конспекта у меня не было по причине моего отсутствия почти на всех лекциях Ж. Ф. начиная с половины семестра...

Конечно, я ни за что не стал бы пропускать подряд столько пар Ж. Ф. — я бы лучше пропустил что-нибудь другое, если бы только не мой оглушительный успех на его коллоквиуме.

Я стал единственным в группе, кто получил четвёрку.

Ну какие там пятёрки... Кажется, была ещё одна тройка, но всё остальное это были сплошные колы и неуды.

И на подобном фоне я выглядел таким знайкой, что это вскружило мне голову, я зазнался, ну да, вообразил себя полностью неуязвимым...

Так что никакого конспекта у меня не было, во-первых, по причине прогула большинства лекций и во-вторых: даже когда я физически присутствовал в «Большой Химической» или как бы даже химически — в «Большой Физической», являвшейся копией «Большой Химической» в одном из параллельных универсумов, вложенных в универ... (В этом можно было бы даже усмотреть какую-то... алхимически-метафизическую симметрию, если бы там не было ещё одного амфитеатра, который назывался «Новая Физическая»... При этом где он фактически располагался, я так и не смог понять, хотя однажды честно пытался его найти, и мне, ясное дело, говорили, что надо вернуться по

коридору, подняться на лифте, потом спуститься по лестнице, повернуться кругом... что я и проделал, но — в тот раз безрезультатно.)

В общем, даже когда я, несмотря на все коллизии, доходил до одного из коллизеев... Впрочем, к чёрту каламбуры!.. Ну, доходил до аудитории «БХ» или «БФ», усаживался там на галёрке, я всё равно ничего не записывал, пребывая в прострации, вызванной многими вещами одновременно, или веществами, если угодно... Часто просто спал, положив голову на руки, а руки на парту.

Все пары Ж. Ф. шли по расписанию с утра, и тогда же, в начале 80-х годов XX века предпринимались попытки как-то так «разгрузить транспортную систему города в часы пик», чтоб не так больно... локтями... И для этой, благой вроде, цели начало наших, скажем, занятий было передвинуто с девяти на полвосьмого утра, что было уже чистым садизмом, разумеется.

Ещё и потому, что одновременно началась борьба с опозданиями — за сколько-то там опозданий грозили отчислением; и я вспомнил сейчас эту картину — я наблюдал её из окна аудитории, расположенной достаточно низко, на первом или на втором этаже (нам там читали что-то духоподъёмное, историю КПСС или политэкономия): одновременно три студентки ползут по чёрным шестам высоченной железной ограды, не пропускающей во двор университета посторонних из сада.

Метров пять-шесть им надо было пролезть, и, очевидно, те из них, кто хорошо успевал на занятиях по физкультуре в средней школе (лазание по канату входило в программу),

преодолевали теперь и эти вертикали, переваливались через верхнюю перекладину и ползли вниз, почти так же медленно, но, может быть, более порывисто, тут уже не так страшно было сорваться, они уже были над целью...

Нет, это было очень далеко от сегодняшних стрип-клубов с шестами — вот именно пялиться там было особо не на что, была осень, и все девчонки *напяливали* на себя не только демисезонные пальто, но и совершенно непрозрачные шерстяные колготы...

Потом они быстро пробежали через дворик и исчезали в одной из запасных дверей универа, начальство всё это не могло не видеть, т. к. располагалось как раз на нижних этажах и запросто могло бы пресечь эти поползновения...

Ну, или не запросто, на центральном-то входе была вертушка, вахтёр там сидел, а тут надо было кого-то специально ставить, морока... Короче говоря, на это смотрели сквозь пальцы, может быть, начальству нравилась в меру эротичная картина: несколько студенток, одновременно висящих на железных шестах, или у начальства были свои ассоциации — назидание другим, ну как те стрельцы на зубцах Кремля... или кусочки мяса на шампурах, соскальзывая вниз, чтобы потом невидимые пальцы подтолкнули их снова... немножко вверх... Но почему только студентки?

Я не знаю, так это запомнилось. Ну, может быть, студенты тоже ползали по чёрным жезлам ограды, просто быстрее взмывали, а потом, перенеся ноги через планку, вовсе *сигали* на землю, вот их и не так было заметно, как этих медленных, почти неподвижных, вызывавших, короче, самые разнообразные чувства в душе наблюдателя студенток....

Мне ещё вспоминается, что они там висели не только осенью, потому что, когда я сдавал экзамен зимней сессии, профессор Ц. Ц. совсем меня не слушал, всё время глядел в окно на высокие чёрные пики с висевшими на них нарушительницами... Может быть, этим воробушкам, этим вершкам, знавшим эти свои шестки... я должен быть благодарен за то, что получил тогда пятёрку по какому-то из «измов»: я уже давно молча сидел — мне нечего было сказать, когда профессор Ц. Ц. вдруг как бы очнулся: «а? Что? Давайте зачётку», взял у меня синюю картонку с золотыми буквами и написал там где-то внутри «отлично», даже не полистав обратно, как это обычно делали все другие гуманитарии, — чтобы поставить среднее арифметическое оценок по основным, т. е. математическим, предметам...

Сам я ни разу не лазил по шестам, если уж я не просыпался вовремя, то попросту прогуливал лекции, хотя и сказать, что совсем уж так прост я был... Нет, я всё-таки заботился о том, чтобы не опростоволоситься: я шёл тогда в студенческую поликлинику, что на улице Дарвина, стучался в кабинет, каждый раз разный, благо терапевтов там было до фига, просил дать мне градусник, засовывал его под мышку...

Фокус заключался в том, что я умел тогда повышать температуру усилием воли и напряжением какой-то «подмышечной» мышцы где-то до 37,6 градуса по Цельсию... Постарев, я утратил эту способность.

Короче говоря — возвращаясь к лекциям Железного Феликса: я не законспектировал ни одного слова. Ни одна буква, ни один «лапласиан» или другой какой значок — просто даже не мог слететь с доски в мою тетрадочку...

Разве что «демон Лапласа»... Шутка.

Что я на самом деле отнюдь не бахвалюсь сейчас своим пофигизмом, как это может показаться, станет ясно читателю, если у меня хватит терпения написать, а у него прочитать мою историю. Но по ходу её я всё-таки хочу сказать пару слов о причинах, они были довольно банальны.

Единственной целью моего пребывания в университете к тому времени было моё желание отсутствовать в это же самое время в другом месте. Что я не математик, я понял ещё на первом курсе, я не буду здесь совсем уже занудствовать, пытаюсь это объяснить... Да это и не так легко объяснить на пальцах, я бы впал в какую-то вульгарную нейрофизиологию... правда, лучше не стоит... Вот, если лаконично и не мудрствуя лукаво задним умом: почти сразу, т. е. в начале первого курса, я понял, что не туда попал, точка.

И если бы не угроза срочной службы в армии, я бы ни за что не остался студентом этого факультета, я ушёл бы добровольно, а потом бы уже думал, куда именно. Но альтернатива «смех-мату»... была вот именно армия с её дедовщиной, дембелями и дебилизмом, о котором я был достаточно наслышан, чтобы не делать резких движений, а продолжать как бы учиться, открывая учебники только перед экзаменами. Конспектов у меня вообще не было — если даже я доходил до лекций, я раскрывал везде одну и ту же общую тетрадь для проформы.

Я был свободен, по сути, всё время, и только во время сессий включался во мне другой человек, который интенсивно вчитывался-вчывся... и, как ни странно, сдавал все экзамены совсем даже неплохо.

Моему альтер эго... Впрочем, к чёрту эти примитивные психо-технические схемы... Мне — мне самому — это удавалось ещё и потому, что у нас был не технический вуз, где надо было бы предоставлять чудовищно-трудоемкие чертежи, схемы проектов, зубрить справочники зубодробительных спецификаций... У нас же главным было: решить задачу, и с этим, как правило, у меня было без проблем, соображал я тогда ещё более или менее адекватно, да и задачи были не ахти какие... Ну да, и нужно было знать хоть что-то из теории... Но после того, как Ж. Ф. сделал объявление — что избранным (им самим) будет разрешено пользоваться конспектами, я заручился обещанием Гены-Аккуратиста, как его называли, — студента из другой группы, что мы, во-первых, будем с ним вместе готовиться к экзамену по его конспекту и, во-вторых, он даст мне свой конспект на экзамен и разрешит переклеить обложку (там у него была написана ампулкой так многократно, что продавлена в дерматине, — его фамилия... Что касается почерка, то я не думал, что Ж. Ф. был такой уж графолог, да и сейчас я так не думаю, после того как он нарисовал тот самый график «производной моего произведения»... Но я забегаю вперёд, к чёрту, к чёрту каламбуры) — и всё это за чисто символические две или три бутылки «жигулёвского».

Но при этом я как будто что-то предчувствовал.

Что-то в ухмылке Гены ещё раньше казалось мне неприятным.

Я несколько раз переспрашивал на всякий случай... «Гена, ты уверен, что мы сможем готовиться вместе?» И он

каждый раз кивал и говорил: «Конечно, старик. Можешь на меня положиться».

И в итоге меня таки «кинул»...

Я не хочу сказать, что это послужило причиной дальнейших событий. Конспект ведь был не единственный, были другие студенты и студентки... Были и учебники, но готовиться, конечно, лучше всего было по конспекту — не потому, что Ж. Ф. читал что-то уникальное, просто конспектом можно было пользоваться на экзамене, и в нём нужно было быстро, спортивно так, ориентироваться.

Надо сказать, что Гена сделал это не сразу, не так чтобы прямо взять и брякнуть «нэ дам!»

Для начала он сказал, что заниматься может только на свежем воздухе, иначе у него болит голова. И это ещё куда бы ни шло, свежий воздух, о'кей... Но он выбрал для занятий такое странное место...

В то время это было не частым зрелищем — чтобы люди в саду Шевченко сидели или полулежали на траве. Это же не Централ-, и не Гайд-парк какой-нибудь... «По газонам не ходить!», а уж валяться...

А мы с Геной сели на траву под сенью одного из самых старых дубов... трёхсотлетнего, я думаю, как минимум, и какое-то время Гена действительно предоставлял мне возможность заглядывать в конспект, который он раскрыл на своём дипломате... поверхность которого была чёрной, слегка бугристой и отблескивающей от солнца — примерно так же, как брусчатка площади Дзержинского ночью, я помню это, потому что взгляд мой то и дело соскальзывал

со страниц конспекта на импровизированную столешницу...

Нас никто не трогал. Если бы появилась милиция — пристали бы, как пить дать... Но милиции, на наше счастье, не было...

И тем не менее, я чувствовал, что не могу сосредоточиться.

Милиция-полиция... Была где-то далеко... Но меня, скажем, отвлекали проходившие мимо пигалицы в мини-юбках... Думаю, что и Гену, но он настаивал на том, что ему нужен свежий воздух и вообще времени нет, некогда ехать ко мне через весь город... К себе он не звал, так как жил в «стеснённых жилищных условиях». В библиотеке же (университетской) и воздух был «плохой», да и «невест» (Гена сардонически называл всех студенток «невестами») там было не меньше...

В какой-то момент я безотчётно буркнул что-то вроде «ну и конспект», что было несправедливо в принципе, потому что конспект был неплохой... Аккуратный такой, ну да, подробный и даже цветной... Гена пользовался цветными ампулами, наподобие того, как гэдээровские немцы, учившиеся вместе с нами, фирменными маркерами.

Может быть, моё раздражение вызвала Генина скоропись, встречавшаяся в тетрадке вперемежку с греческими буквами, иероглифами «для любых», или «существует», или «эквивалентно», «из чего следует» (не знаю, где сейчас взять эти значки в Word'e, если потом найду, вставлю в эти скобки), когда же я что-то спрашивал, Гена бурчал: «Ты издеваешься, ты не можешь этого не знать, ты мне мешаешь...»

К тому же не спеша передвигавшиеся по аллее голые ноги... были особенно близки к нам в тот момент, потому что сели мы, как я уже сказал, на землю, как пубертатные школьники, пытающиеся заглянуть под юбки одноклассниц... Специально роняющие для этого возле них свои ранцы — чтобы нагнуться... Впрочем, мы были не намного старше.

Но я, наверное, уже успел немного отупеть к концу второго курса, поэтому не сразу разгадал сей *ребус с буквами ив и прохожих*... Гена ведь не просто так устроил этот цирк. Это всё было специально подстроено: чтобы продемонстрировать мне, что готовиться вместе мы не можем — ну никак.

А когда я это понял, поступил совсем уже глупо, высказав догадку вслух... Или я сказал не «цирк», а «представление»?

Вспомнил: я сказал «зоопарк», потому что зоопарк был ближе всего, и вообще устроенный Геной «перформанс» (тогда, впрочем, чаще употребляли слово «хэппенинг») был похож на то, как если бы два обитателя зоопарка вышли на волю или по крайней мере сами расширили территорию своего вольера...

В зоологическом саду, который, как мы помним, находился внутри сада (Шевченко), наряду со страшно тесными тюремными клетками были также и огромные вольеры, и целые ландшафтные, почти «национальные», парки внутри парка: пруды, луга, скалы и пастбища на плато для каких-то козлов... Так почему бы и не для таких, как мы с Геной?

О чём я Гену в какой-то момент в лоб и спросил: «Зачем ты устроил этот зоопарк?»

Что было совсем уже глупо с моей стороны.

«Зоопарк, — повторил Гена, — устроил. Я. Ладно. Если тебя это не устраивает, то ты сам понимаешь...»

Я увидел, что его прёт, его жаба давит, отчасти зависть, хотя — чему, собственно, он мог позавидовать? Ну, я не знаю, может быть, Первопричине моего отчисления, которую звали Алла...

Гена захлопнул «общую» тетрадочку и прибавил с этой своей, не внушавшей мне с самого начала доверия, улыбочкой: «Что и требовалось доказать. Боливар не выдержал двоих».

Я хотел было откатиться, сказать «нравится-нравится», но понял, что ли, всю бессмысленность этого.

Отчасти понял, отчасти что-то и во мне разыграло от вида такого явного, мерзопакостного, мелкобуржуазного жлобства... Короче говоря, я послал Гену, разразившись многоэтажной тирадой.

Хорошо было бы, если бы мы с ним там же под дубом ещё и поцапались, «у прохожих на виду», как бы в продолжение темы зоо... Но чего не было, того не было.

Гена меня побаивался и, засунув свой конспект в «дипломат», громко щёлкнул замками, ещё раз ухмыльнулся и поспешил оставить меня одного на солнце с самим собой и без боливара в самом широком смысле.

Разве что шляпой оказался я сам...

Тень от дуба была теперь на другой стороне, но я почувствовал, что надо мной непосредственно сгущается тень какой-то другой природы...

И поёжился.

Я решил взять себя в руки. Не спешить, не паниковать, вообще немного отвлечься.

Открыв портфель, я нашёл там книгу Айзека Азимова «Конец вечности», повлиявшую, кстати... Не столько на меня, сколько на более значительные произведения, которые можно рассматривать как производные...

И не только «Трудно быть богом»... где есть уже и путешествия по Вселенной — чего не было в «Конце вечности», и тогда же, под дубом... я подумал, что «Трудно быть богом» начинается там же, где кончается «Конец вечности»: «...он понял, что это исчезновение означает конец Вечности... и начало Бесконечного Пути», — в самом начале которого Вечные и находят Арканар...

Ну да, и теперь «изменения реальности» это типа «бескровные воздействия»...

То есть «сглаживание углов», ну да, ну да... Дочитывал книгу я не на газоне, как я уже сказал, то была чисто Генина инициатива, побыть поближе к земле...

Оставшись один, я пересел на скамейку, стоявшую на аллее, которая ведёт к памятнику Каразину и, огибая его, за угол, прямо в зев университета... Который показался мне сейчас составленным из перфокарт домиком, даже страшно стало, что вот сейчас он весь рассыплется — при очередном порыве ветра...

Прочитанная же книга казалась похожей на программу с бесконечным множеством подпрограмм—столетий и с управляющим ими всеми модулем «Вечности»...

Там же были и перфокарты — в тексте Айзека Азимова, написанном в конце пятидесятих годов двадцатого столетия, но дело было даже не в технических деталях, вообще не в hardware... А вот именно в отчётливых аналогиях... В структурах кодов с глобальными (у Азимова — «вечными») и локальными (у А. — «временами») переменными, с «темпоральными полями» и соотв. — «фрагментациями памяти», и т. п.

Я упомянул книгу Азимова, которую дочитал в тот день, по-видимому, неспроста: что-то из неё аукнулось и откликнулось в какой-то момент, но как оно аукнулось, я скажу позже, до этого ещё надо добратся по тексту...

В тот же день я, дочитав и положив оказавшуюся похожей на программу для ЭВМ суховатую сайнс-фикшн в портфель, ещё какое-то время сидел, как пенсионер, один на лавочке, глядя перед собой на зелёную рябь листвы... Нет, я понимал, что должен вставать, идти искать чёртов конспект, звонить другим студентам, в конце концов ехать в общежитие... Которое и в самом деле представлялось мне концом концов... То есть я представлял себе, во что выльется «подготовка в общежитии»... Там уж обойдётся, как всегда, без напёрстков, там гранёные стаканы застучат, там будет классика... «Общага периода застоя»... Там я лежал у входа ещё в начале первого курса, носом в дождевой луже и дышал затылком, жабрами или я не знаю чем ещё, и как выжил — выпив нечеловеческое количество пшеничной... Но всё-таки я уже не такой зелёный, — думал я, — свою меру знаю, так что надо ехать, в конце концов, может, всё будет, как говорится, комси-комса... Я вдруг заметил, что

дядечка не вполне определённого возраста, сидевший на другом конце скамейки, поднёс руку к своему лицу и стал его ощупывать... так подробно, как если бы это была не его рука или это был не он, а кто-то другой... Так то есть ощупывают чужие лица слепые — чтобы узнать, кто перед ними стоит...

Что глаза его были закрыты, я, видя его в профиль, был не уверен, и поэтому не мог наблюдать непрерывно, но, поворачиваясь к нему то и дело, видел, как он тихонько ощупывает своё лицо.

«Ну, наверное, такой массаж, — подумал я, — шицу, как-то так...» И вдруг он произнёс: «Тихон». Я в этот момент смотрел на листву. Вздвогнув, я повернулся к нему и понял, что он обращается ко мне. Он успел придвинуться ближе и протягивал мне руку. Я пожал её и сказал: «Андрей».

Имя его оказалось говорящим — по крайней мере, мне оно сразу же подсказало, кто передо мной... Я был наслышан об этом «гении места», появлявшемся чуть ли не на всех защитах дипломов, диссертаций, на всех факультетах, причём иногда его видели одновременно в разных аудиториях. Такова была универсовская «легенда о Тихоне». в которую все уверовали...

Согласно ей, появлялся Тихон всегда неожиданно, когда докладчик говорил уже не первую минуту, или даже час, при этом вваливаясь в аудиторию, Тихон сразу же задавал вопрос на засыпку, как будто перед этим подслушивал под дверь. Но главное, что поражало в этих рассказах, это, конечно, была осведомлённость Тихона во всех областях человеческого знания — что точного, что гуманитарного,

а ко всему ещё я слышал, что ареал обитания этого «демона всеведения» не ограничивается университетом, что он появляется и в других точках города, на литературных вечерах, к примеру, благо их очень немного было в то время, и Тихон при желании мог все их посещать, и в этом как раз не было ничего сверхъестественного, в отличие от основной — университетской — части этой мифологемы.

В общем, я был наслышан, чего уж... И никаких сомнений, что передо мной «тот самый Тихон», а не какой-то его тёзка, у меня не возникло, хотя сам я его до этого никогда не видел, так как ничего не защищал и не нападал... или, не забегая вперёд: не присутствовал на защитах...

Я чуть было не спросил его, был ли он в своё время очевидцем исторической защиты Ж. Ф., но подумал, что нельзя говорить с человеком, исходя из мифологии, окружающей его, это ведь заглазно распространяется и при этом... ну кто знает, ему самому, может быть, кажется, что он-то как раз ленив и нелюбопытен, так, иногда заглянет, походя, в аудиторию, наугад, проходя мимо, а там — защита, ну и, услышав краем уха, что там вещает докладчик, не может себя порой сдержать, чтобы не уточнить, вот и всё, что было, и с кем не бывает, и при чём же здесь, спрашивается, «домовой», «демон», «гений места» и прочие сказки...

— Чем вы так озабочены? — спросил Тихон, чем меня не сильно удивил, потому что ничего, кроме озабоченности, на своём лице я и не предполагал возможным быть считанным.

И дальше за считанные минуты... Я рассказал ему, кто я и что я, даже то, что мне предстоит сдавать экзамен Ж. Ф.

Конечно, я назвал Ж. Ф. не так, а по имени-отчеству, которые теперь не могу вспомнить.

— Не бойтесь, — сказал Тихон и пошевелил — или мне показалось? — усами, — я не знаю, насколько вы подкованы, но в любом случае это уже не тот Феликс. Он был железным, но его сломали. Долго гнули и... Йок. Усталость металла. Последним — это надо признать. Долго держался — человек старой закалки, — в голосе Тихона при этом был какой-то звон... Я пока плохо понимал его интонации.

— И кто ж его так нагнул? — спросил я.

— Как кто? Деканат, ректорат... Они требуют, чтобы количество двоек ни в коем случае не зашкаливало за определённую отметку. Позитивная статистика, показатели. Как во всём, от милиции до Минздрава. Детки, не зная законов Ньютона, успешно заканчивают... физфак. Да что там — диссертации защищают... Про гуманитариев я вообще не говорю.

— Я знаю законы Ньютона, — поспешно сказал я, как будто встретил Тихона не на скамейке в парке, а на экзамене, куда он вломился в открытую дверь...

— Да я-то понимаю... Это всё идёт сверху, — Тихон ткнул пальцем в небо и в сторону, что ли, обкома, — все послушно выполняют предписания, один Феликс был несгибаем. На весь университет один, вот ведь... Отсюда и кличка. Но теперь всё: Федот, да не тот. Так что сдадите вы свой экзамен, даже не сомневайтесь, а пока... Давайте-ка мы с вами лучше сыграем партейку! А чего? Отвлечётесь от мрачных мыслей, отряхнём пух и прах с ваших ног... Опять же, левое полушарие у вас заработает.

На коленях у него теперь лежала шахматная доска, понятия не имею, откуда он её извлёк, портфеля-то у него не было, ну, может быть, из-под полы... Что я наблюдал не раз — парковые шахматисты носили доски под полкой плаща (на Тихоне, несмотря на июнь, была осенняя куртка), но играли они на других скамейках, ближе к фонтану.

— Нет, простите. Мне сейчас не до шахмат, — сказал я, — вы меня, конечно, немного успокоили... Я-то слышу всё время прямо противоположное...

— Я не говорю, что он теперь такой же, как все. Что-то осталось... Но по сравнению с тем, что было, это другой человек, поверьте.

— Ну, это вечная песня, — сказал я, — это мы только и слышим, вот раньше студенты были... А теперь — и преподаватели... Короче, были люди в наше время.

Тихон снова как-то странно улыбнулся — да-да, странно как-то, и сказал:

— У вас есть чем писать?

— Есть. А что писать-то, ходы? Так я не буду играть, я же сказал.

Я ещё подумал: а вдруг это *полностью* мифологический персонаж... Или «чёрный монах», да?

Тогда со стороны эта партия будет выглядеть так, как если бы я сам с собой играл в шахматы, сидя на аллее... Или нет, даже шахмат нет, просто двигаю рукой в воздухе, без всяких фигур... Хорошо ещё, если это не блиц, тогда никто ничего не заметит... ну так, студент иногда повёл рукой в воздухе... А если блиц? Блин, я представил себе эту картину: тык, тык... Т. е. типический городской сумасшедший...

— Ну, ходы записывать, тем не менее, никогда не вредно, — сказал Тихон, — вы пока запишите на всякий случай мой телефон, у меня иногда собирается дома такой кружок... Может быть, и вам будет интересно.

— Тайное общество?

— Да нет, ну что вы. Напротив: открытое всем ветрам «Общество отставных лесников и пустынников», — он снова улыбнулся. — В следующий раз это произойдёт в первых числах сентября. До свиданья, приятно было познакомиться.

— Взаимно, — сказал я и, глядя на удаляющуюся серую спину с тёмным пятном между лопаток... Подумал: а что такого приятного могло быть для него в знакомстве со мной?

Ну, не надо, конечно, воспринимать буквально... фигуры речи, да я никогда это и не делал, просто Тихон с чужих слов казался таким хамлом, что когда передо мной вдруг предстал вежливый интеллигент (прилагательное тут плеоназм, конечно), я подумал, что это другой какой-то Тихон...

Хотя имя было редкое и вообще, я чувствовал, что это тот самый Тихон... что снуёт по универу, влетая в аудиторию, размахивая авоськой, сбегая по ступенькам амфитеатра, прерывая криками докладчиков, чтецов, причём... этот образ теперь, после личного знакомства с прообразом, приобрёл черты, так сказать... Я теперь как будто воочию видел, как он стоит перед кафедрой, за которую вжимается голова «защитника», и вкрадчивым голосом задаёт ему вопрос на засыпку...

Весьма уместным в этой картине (как бы моментально написанной в моём универсуме художником Ге) мне пока-

зался плакат, который висел в «Большой Физической» под или над портретом.

«ЕДИНСТВО ПРИРОДЫ ОБНАРУЖИВАЕТСЯ В ПО-
РАЗИТЕЛЬНОЙ АНАЛОГИЧНОСТИ ДИФФЕРЕНЦИ-
АЛЬНЫХ УРАВНЕНИЙ, ОТНОСЯЩИХСЯ К РАЗНЫМ
ОБЛАСТЯМ ЯВЛЕНИЙ»

КАРЛ МАРКС

Правда, в моём воображении на плакате мелькнуло что-то вроде парафразы этого замечательного — без дураков — изречения, в котором Единство доказывалось существованием Тихона... Но это была абберация, тут же бородач с портрета, погрозив пальцем, как в каком-то довоенном фильме, исправил надпись на плакате, чем вернул меня к мыслям о насущном, и через секунду-другую я уже забыл о призраках коммунизма, понимаете, мне было о чём думать в тот мсмент, было от чего болеть моей головушке...

Я понял, что прежде всего мне надо выйти из зоны низкого давления или, наоборот, высокого, по-любому — выйти...

Откуда такой мандраж? — сказал я про себя. — Ты забыл, что ты был единственным, получившим четвёрку по коллоквиуму, причём твёрдую, как сказал сам Ж. Ф.

В портфеле у себя я машинально нащупал какой-то пакет и, думая, что это что-то съедобное, почувствовал, что проголодался... но вспомнил, что это не завтрак, а бассейные принадлежности... Э-хе-хе... я чуть было не зажевал свою резиновую шапочку... Но вовремя опомнился и, вместо того чтобы ехать в общежитие на голодный желудок

и без закуси... я пошёл в прямо противоположную сторону, т. е. не через площадь к троллейбусу, идущему на восток... или запад, в общем — туда, где было наше общежитие, а через сад наискосок и вниз по каскаду на Клочковскую в так называемый олимпийский бассейн.

На смотровой площадке перед началом каскада я остановился и посмотрел на город.

День был ясный, добрая половина харьковского уезда видна, как на ладони... И я быстро сбежал туда — вниз, как будто скатился сразу по всем лестницам... Настроение при этом у меня улучшилось, словно я разбежался даже не для заплыва — для взлёта.

Но оказалось, что даже не для заплыва...

В бассейне настроение резко упало. Это было странно, такие перепады настроения, как будто внутри меня теперь тоже был каскад... тем более, что внутри бассейна-то я как раз всегда оживал...

Однако в этот раз зелёная вода была покрыта тополиным пухом и от этого казалась какой-то другой жидкостью — жижей... Я не смог заставить себя в неё войти. Сам не знаю почему, может быть, призрак болота и мелькнул лишь на мгновенье, но и потом *белая гадость* на воде и на кафеле напоминала холмики хлорки в общественных туалетах... Может быть, потому, что о «Спартаке», когда он открылся, так много говорили, что воду там совсем не хлорируют, а только облучают ультрафиолетом... И вот, как бы спохватились вдруг и насыпали поверх...

«Да нет, ну какой же это хлор... — уговаривал я себя войти в воду, — обыкновенный пух... хотя почему его тут

так много, где тополя?.. и почему никто там не плавает... пушинки сами по себе тихонько шевелятся, как будто комарихи-водомерки... расселись по трясине по-паучьи... и всё это вместе покачивается... и пахнет... не хлоркой, нет... а чем-то трудно уловимым... «...и кто узнает, и кто расскажет, чем тут когда-то дело пахло...» ...русалочки начёсы и зал совершенно пуст... солнечные лучи, передавленные форточками... гирлянды между дорожками и красные волчки флажки поперёк... Я не сдам экзамен... Если здесь останусь, точно не сдам, как пить дать, утону в этом омуте...»

Я оделся и вышел из пустого бассейна, поднялся обратно по лестницам каскада против течения... На мгновение я увидел себя со стороны: фигурка в эшеровской картинке, где такие же замкнутые на себя системы лестниц и балюстрад, только по ним там бегают ящерицы, или это стоп-кадры одного и того же я...

Я быстро прошёл через сад и через майдан, спустился в метро и поехал на Холодную гору к одnogруппнице, позвонив ей предварительно из якобы неработавшего (так сказала сонная женщина, выйдя из будки на стук двушкой по стеклу) автомата.

Лина на экзамен конспект мне дать не могла, разве что Ж. Ф. разделил бы нас для сдачи на две подгруппы. Такой шанс в принципе был, потому что первые буквы наших фамилий с Линой были в разных концах алфавита.

Но не очень большой шанс, потому что группа к тому моменту поредела примерно наполовину, и, кстати, что там за успокоительное мне вливал сумасшедший Тихон на скамейке возле памятника Каразину о «двоечных раз-

нарядках», поступающих сверху? Я не воспринял всё это всерьёз, нет...

Договорившись с Линой вместе готовиться, я знал, что на экзамен конспект она мне не даст, но не это теперь было главное. Конспект на экзамен я точно найду, — решил я, — а сейчас надо хоть что-то прочитать глазами, пропустить сквозь мозг... А вот для этого совсем уже не остаётся времени...

Я ощущал «цейтнот», т. е. «нехватку времени», почти как «атемнот» — слово, которое я узнал от нашего немца... То бишь воздуха, в котором летали снежинки — огромные, как будто весь город нализался «марок Хофмана»... И к тому же заблудившиеся, как и я, во времени — снежинки... Ах какой рассеянный... Будто пух спал в бассейне, лёжа на воде, а я его «расшурудил»... Раньше нигде не было, а теперь повсюду за мной гнался рой насекомоподобных существ... и они если и не жалили, то во всяком случае... противно щекотали нос, ну вы знаете, как они это делают, я всё время чесал нос, а это же верная примета скорой пьянки, которой мне только и не хватало в тот момент, чтобы всё окончательно обратилось в пух и прах.

И всё-таки, как мне теперь кажется, обошлось бы и на этот раз, если бы в тот «вечер накануне» не произошло одно событие... малозначительное само по себе — я бы никогда о нём и не вспомнил, если бы оно не оказалось спусковым крючком, запустившим маховик...

Хотя какой там к чёрту маховик — затейник... Ну, всю эту литую и очень плохо артикулируемую... махину, увлёкшую меня своей массой в окончательное падение.

Впрочем, лучше теперь обойтись без стимпанка, который в моём исполнении будет ржавым не от «ржать», а вот именно проржавевшим механицизмом, отдающим к тому же казармой, «спусковой крючок» уже был хорош, нет, чтобы написать «триггер», как тогда говорили в харьковском культурном обществе... «Триггеры, культуртреггеры...» А у меня речь прямо как у полковника Шестопалого на нашей военной кафедре: «Раздвинул ножки и нажал на спусковой крючок»...

И ведь Лина никогда не привлекала меня «как женщина». Она была вполне симпатичной, такая себе лисичка... Но совсем не в моём вкусе.

Странно при этом, что Алла, любившая меня подкалывать, приписывая мне несуществующие измены или просто «повышенный интерес» к другим... с какой-то стати часто упоминала вот именно Лину, которая якобы рассказала ей, когда мы только начали с ней — с Аллой то есть — встречаться... что я, представьте, звонил этой самой Лине и признавался в вечной любви, и что было совсем уже странно: декламировал стихи... Да-да, стихи, и почему-то именно Вознесенского, час подряд нашёптывал в трубку.

Полнейший бред, перед вами-то мне уж нечего скрывать: я никогда не испытывал к Лине никаких собственных чувств и не читал ей стихи — ни свои, ни чужие, да и зачем мне было бы для этого ей звонить по телефону, если я мог прочитать ей это прямо на ушко — я ведь видел её каждый день... Или, точнее, не каждый, но всегда, когда я не прогуливал лекции вместе с Аллой, которая слушала лекции в другом ВУЗе-ВТУЗе.

Телефон Лина мне давала, ну да... не помню уже, по какому поводу, субботник, воскресник... мало ли чьи записаны в моей тетради номера, а звонил я по нему в тот день — чешское слово — впервые... не говоря уже о том, что в первый раз переступал порог её отчего дома...

И вот когда мы с Линой сидели там на балконе... Хотя в квартире никого не было, причём родители, по её словам, вообще уехали в различные командировки...

А на балконе было не очень-то уютно, жёсткие табуретки и не такой жёсткий — шатающийся — столик, пахнувший чем-то вроде голубинового помёта и горячей масляной краской... Но всё это уже были мелочи жизни, я только-только начал въезжать в диффуры Ж. Ф., ощущая приятный такой ветерок, и в голове и за пределами балкона... Как будто санки, преодолев сопротивление глубокого наста, покатались наконец с горки, стали набирать скорость... Как вдруг я услышал: «Ну что, мы с тобой так и будем сидеть целый вечер?»

Она сказала это не своим голосом, как будто внутри неё перед этим переключили тумблер... Триггер, ну да... Мне даже показалось, что сквозь неё говорит Алла, я встряхнул головой, но Лина не исчезла, она стояла передо мной в халатике из лоскутов, похожих на латки, и смотрела на меня таким призматическим взглядом, что мне просто больше ничего не оставалось делать, как встать с табурета и положить ладонь на... и так уже почти полностью открытую грудку.

Бывают такие ситуации... Алла, кстати, сама не раз говорила подругам: «Знай, что *любая* женщина, если захочет, может соблазнить *любого* мужчину», — не думая, что я при

этом тоже её слышу... Забывая, какой властью надо мной обладают её слова...

Ну вот и договорилась...

Правда, Лина не была такой крокодилицей, как те подружки, которым Алла давала свои ц. у.

Ну вот, а дальше пошла чистая механика, точно не нуждающаяся в каком-то ещё редукционизме.

Причём «движения монотонные и однообразные», в отличие от стимпанка¹ да Винчи², доставляли мне удовольствие.

---

¹ Я не знаю, зачем копирую отрывок из Википедии, ну для удобства читателя, наверно, если уж решил уберечь его от «постельных сцен» (как бы методами древнего кинематографа — когда в момент X на экране исчезали тела героев и появлялись шатуны, поршни и цилиндры мчащегося паровоза... Не следует забывать, что паровоз всё ещё «летел в коммуны» в тот момент — как это теперь ни цинично звучит, и соответствующие сцены в кино примерно так изображались... Ну, или возникали пресловутые голуби — смена кадра, стало быть: стимпанк — направление научной фантастики, производное от киберпанка, моделирующее альтернативный вариант развития человечества, при котором были в совершенстве освоены технология паровых машин и механика... Термин «стимпанк» появился в 1987 году как пародия на «киберпанк» (и потому иногда считается разновидностью посткиберпанка). Зачастую современным технологиям отыскивались «паровые» аналоги: компьютер — машина Беббиджа, программист — клакёр, робот — заводной механизм-автомат.

² Якобы сделавшего такую запись в своём дневнике после «однократного в своей жизни эксперимента с женщиной». Я сам не видел это место в дневнике и, может быть, опрометчиво цитирую Гену-Аккуратиста, который, впрочем, и в этом смысле соответствовал своему прозвищу, так что цитата может быть правильной.

В любом случае Леонардо с его рисунками механизмов, функционировавших в соседней вселенной... под определение стимпанка безусловно подходит.

А дополнительный кайф состоял в том, чтобы ни о чём больше не думать...

Правда, когда завод кончился, сразу вернулся психоз — ко мне, во всяком случае, Лина-то читала конспект уже который раз, пять дней подряд... А мой «цейтнот» окрашивал все без исключения текущие события в чёрные тона, примерно так это проходило по моему внутреннему табло: «...нашёл время пойти по рукам, — думал я, — тоже мне переходящее красное знамя-вымпел... она же всё расскажет Алле... Ну и пусть — а как докажет? Она, конечно, хитрая маленькая стерва... И оказалась довольно опытной, кстати... Но главное — что теперь будет с подготовкой, я же не сдам экзамен, не сдам... Вряд ли мы ограничимся одним разом...»

Я лежал всё ещё, скажем так, слегка пришибленный, раскинув руки и ноги поверх скомканной постели, когда услышал шипящий звук...

Но не тот шум, что доносился из ванной, куда за минуту до этого Лина убежала мыть свою норку... А прямо в комнате, из-за кульмана, стоявшего почему-то в спальне её родителей, как будто вдруг вскипел чайник...

Кульман в спальне сам по себе выглядел странно, хотя с другой стороны... Квартира была двухкомнатной, и где ещё им было ставить кульман... Дочка, обитавшая в гостиной, поступила на мехмат, где чертёжный станок нужен, как зайцу стоп-сигнал... А в спальне доска служила к тому же ширмой... Наверняка там когда-то стояла детская кроватка... И потом: бежать далеко не надо, если ночью... Инженерная мысль... И вот она вдруг нарисовалась из-за чистого белого ватмана, т. е. её тара, этой самой мысли...

Она была такой же потной, как только что тело Лины... и совершенно лысой, и не такой уж и старой, но... какой-то противной... и при этом на лицевой стороне у кукольной головы было изображено такое отвращение, как будто она видела себя в зеркале...

Но, судя по направлению её взгляда, видела она не себя, а меня... Вспомнив, что лежу голый, я быстро сложил внизу обе руки — как будто кукла ударила футбольный мяч, и он угодил мне по яйцам...

После этого голова исчезла и мне тоже надо было исчезнуть — одеться, как в армии, со скоростью сгорающей спички... а не свечки, и... как-то моментально... выветриться, улетучиться...

Я же по-прежнему лежал, как бы не веря в реальность «гостя» или на самом деле веря в его кукольную природу... Вместо того чтобы одеваться, я вдруг предался каким-то совершенно неуместным мыслям... «...что, собственно, произошло? Что такого плохого мы делали? По-моему, он вообще ушёл, деликатный оказался... А может, его и не было? После таких дыхательных упражнений... и не такое померщится... и папики кровавые в глазах... Лисичка оказалась этакой «страстной старушонкой»... Как в том анекдоте, что лучше со старушкой — она, зная, что последний раз, такое будет вытворять...»

И вдруг я услышал мычание... И увидел, что на меня надвигается перевернутый вверх тормашками стул...

Линин папá шёл на меня, громко мыча что-то нечленораздельное, как будто у него выросли четыре рога, и это был уже какой-то недетский дурдом, я не знал, как на это

реагировать, посему лежал не шевелясь, будто надеясь, что он меня не заметит и пройдёт мимо... И только когда стул — причём он явно был отечественного производства — т. е. тяжёлый, а не какой-нибудь там ГДРовский... когда этот предмет гарнитура начал опускаться непосредственно на меня, всё ещё лежавшего отдельно... от своего гардероба... я — просто рефлекторно, без энтузиазма то есть — ударил сиденье ногой.

А это повлекло за собой множество движений... сиденье отвалилось и ударило по голове... отец Лины повалился на пол... после чего вообще сработал «эффект домино», всё начало падать, книги, тубусы, торшер...

Впрочем, кульман в последний момент устоял на железных ногах, сулорожно задрожав всеми своими рейсфедерационными рейсшинами...

«Трамтарарам!», как говорили в таких случаях некоторые девицы во времена застоя, в частности, и моя Алла так говорила, когда на самом деле хотела сказать «ёбаный в рот» или «ёб твою мать»...

В голове — теперь уже моей — вспыхнуло: её отец не просто инженер — Лина каким-то образом успела сообщить мне, что он начальник отдела... и что-то ещё смешное, но я не помнил, что именно... мелькало: парторг-изобретатель, заслуженный рационалист...

Лина между тем благоразумно не спешила покидать ванную комнату, предоставляя мне возможность «знакомиться с её родителями» самому — по крайней мере, до момента кульминации — это когда чёртов станок таки рухнул, я свалил его ненароком, метнувшись к выходу...

Одевался я частично в лифте, как в тех же анекдотах... И пошёл по тёплому ещё асфальту Холодной горы... На ходу надевая туфли, вытряхивая из одного зеленоватый стеклянный шарик — их много каталось по её квартире... не уверенный, впрочем, что не зарыл голову в песок, или перины, которые пахли теми же духами, что Лина...

Пух летал, витал, «передавал приветы», напоминая мне... обо всём сразу... Ну прямо оренбургский пуховый платок... соткался в воздухе... и гнался за мной, обволакивал меня... а стоило мне прикрыть глаза, как вокруг меня начинали колыхаться ещё и линейки кульманов... и начальник умывальников, поднявшись с пола, снова вёл на меня свою армию — лязгали сабли, вынутые из ножен, или ножницы... и я снова выбрасывал вверх ногу, чтобы защитить себя от кастрации... и сквозь тысячу «стульев с оптическим прицелом», как тогда назывались стулья без сидений... вдруг увидел памятник Ленину.

Я просто вздремнул перед этим в вагоне метро... А теперь, выйдя из-под земли на площади, названной в честь тётки Ж. Ф., сел на 38-й троллейбус и поехал на запад-восток города в общежитие, где напился сотоварищи в драбадан.

Причём в совращении меня с пути праведного главную роль сыграл наш Ганс. Неважно теперь, как его на самом деле звали, важно то, что он был из ГДР и являл для нас архетипический пример Орднунга.

Где-то в дневниках Эрнста Юнгера на пристани стоит нацмен, который, по словам хрониста, как бы сошёл со страницы школьного учебника географии, с иллюстрации,

посвящённой южной стране, не помню, какой именно... Так вот, наш Ганс был такой же иллюстрацией — как юнгеровский нацмен. Аккуратный, дисциплинированный, подтянутый немец северного типа... очень худой, высокий, чем-то похожий на Буратино с отломанным носом.

В начале первого курса мы сидели с ним рядом за партой, и на мои жалобы, что меня, дескать, то отвлекает от учёбы и это... Да, у нас была с ним общая страсть: гитара, — которая Ганса, кстати, впоследствии сгубила... Но я тут рассказываю свою историю... И вот он мне на первом курсе говорил: «Всё закрывать в одной комнате, гитару, «Маяк» (мой бобинный магнитофон), собака, картонка, всё-всё-всё, что тебе мешать, запрет двер на клутч, сам садь в другая комната и занимайс, занимайс, занимайс!...»

И вот теперь, когда тот же самый Ганс вдруг присоединился к общему хору, призывавшему меня взять гранёный стакан... Я от неожиданности, что ли... Ну, просто надо было видеть при этом Ганса: он едва стоял на ногах, он пел на своём родном языке (из которого я благодаря ему за два года тоже выучил слов двадцать пять, как вы успели заметить) что-то революционное и хватался за всех своими бесконечными конечностями. Первый мой стакан был выпит с ним на брудершафт... А потом уже пошло-поехало. Не помню, в какой комнате я там оказался в итоге, может, и в коридоре, видя перед собой стену, на которой медленно проступали чёрные зигзаги каких-то дифференциальных кривых.

3. ПРОВАЛ В ЭКЗАМЕТРАХ

Просто так написалось — ради красного словца, на самом деле я и дальше буду воспроизводить прозу жизни, которая, может быть, и тоскует по поэзии, но в лучшем (он же наверняка худший) случае могла бы превратиться в аллитерационную поэму... Ну да, ещё вот почему — нарисовались в заголовке эти самые экзаметры — я вспомнил, что наш мехматовский поэт Корнюшинский, страшно боявшийся доказательства одной теоремы из высшей алгебры, написал о ней поэму.

И на экзамене её и вытащил, т. е. билет с ней и с прилагавшейся к ней задачей... Но задачи поэт не решал никогда... Он, как и я, косил от действующей армии под математика... Зато поэма была у него с собой — на всякий случай он её прихватил (а может быть, он намеревался её прочесть и вне зависимости от номера билета, я точно не знаю), и когда он её же и вытянул, то положил на стол перед профессором два или три листа, отпечатанных на машинке... Профессор спросил: «Что это?»

Это был жест, почти достойный предшественников Корнюшинского (по перьевому цеху). При этом он на что-то надеялся... Ну, что профессор Людич, как человек разносторонне незаурядный, ответит в свою очередь красивым и прекраснодушным жестом — понятно каким.

Но Людич оказался не такой душкой, он сказал: «Прекрасные стихи. Спасибо! А теперь я хочу увидеть доказательство теоремы». Да, так вот, возвращаясь к своей истории: сначала я просто не поверил своим ушам... Да и

глазам... Ж. Ф., называя фамилии избранных, подходил к ним и указывал на них ручкой... Я думал, что меня он чисто случайно пропустил или счёл очевидным... что единственный человек-получивший-четвёрку-по-коллоквиуму, конечно же, имеет право смотреть в конспект... Поэтому, когда дошла очередь до меня, я пошёл к столу с тетрадью, взятой у аккуратной Элочки Лемберской... И вдруг услышал, что мне нужно оставить конспект на задней парте.

— Как, — спросил я, — вы не разрешаете мне?!

— Да, — сказал Ж. Ф., — и я вам объясню почему.

Он жестом предложил мне придвинуться к нему поближе, раскрыл задрипанную тетрадочку на какой-то там страничке — я увидел табличку, исписанную мелким почерком, и, ведя по её графам ручкой, Ж. Ф. быстро забормотал: «Вот вы были на лекции, ответили на вопрос с места... вот вы получили пятёрку по контрольной... вот вы пропустили... вот вы были, вот вы ответили... вот вы сдали на четвёрку коллоквиум... а вот теперь смотрите, что было после этого... вот вас не было... вот ещё раз не было... вот вы были... но не ответили... и даже не услышали вопрос... вас просто не стало... вот тройка по контрольной... четвёрка, допустим... но вот снова: тройка — с минусом... а вот и «неудовлетворительно», смотрите, смотрите сюда... снова вас не было... пропуски... двойка... отсутствовали... не знали простейшего примера... Короче говоря, вы видите, что производная — ваша производная, ваша, после коллоквиума стала отрицательной... Поэтому согласитесь, что я не мог вам разрешить пользоваться конспектом».

Понимая, что я не согласен (а я был не согласен примерно в такой же степени, как боксёр, уложивший противника нокаутом, если бы ему после этого объявили, что он проиграл бой по очкам), Ж. Ф. в качестве наглядной агитации... меня *против* меня самого... быстро нарисовал на моём листке график... моей «жизненной функции».

После чего он всё-таки извинился — и мне показалось, что немного опомнился... И сказал, что я могу взять другой лист.

Таким образом вся надежда была теперь на задачу, потому что без конспекта ответить на теоретический вопрос я не мог.

Я быстро вывел уравнение — это было несложно, почти как в школе — «задача о бассейнах», уравнение при этом получилось нелинейным и не типичным, разумеется, не Бернулли, не Риккати... куст ракиты под окном... кучерявый то есть вырисовался диффур, но я, тем не менее, смог его разрешить в квадратурах...

Я даже, тихонько насвистывая, нарисовал график, хотя от меня этого и не требовалось, но я нарисовал, да, как бы в отместку Ж. Ф. за его только что имевшую место неприглядную агитацию... Пусть знает наших... Вот ведь псих ненормальный, — подумал я... и вдруг передо мной как бы проплыл по табло плакат из другой аудитории — из «Большой Физической», ну тот, со словами Маркса о Единстве, заодно и Тихон прошмыгнул, который показался мне в тот момент альтер эго самого Феликса... Эго Яго эрго су... Ну, такая же нежить по сути... Я встряхнул слегка головой, чтобы пропал этот морок — затягивавший меня непонятно куда...

посредством моей же, как оказалось, не совсем частной, производной...

«Не совсем частной» не в смысле даже, что функция моя была от многих переменных, нет-нет, «матфизику» нам читал другой доцент, а метафизику не читали вовсе... А в том смысле, что я вот сейчас про всё это пишу, а вы, если я к вам могу обратиться, читаете и, стало быть, это уже не совсем моё частное дело, производная произведения... Которая не есть произведение производных, как известно, но есть сумма произведений...

В тот момент я что-то такое почувствовал... может быть, что буду писать когда-то вот эти строчки — этакое короткое замыкание... как в Paycheck'e Ф. К. Дика, только вместо помощи от меня же самого будущего — в виде конспекта, скажем, — это было бы неплохо... до меня долетела только вот эта скороговорка, повторявшая то, что я и так знал ещё в начале первого курса: «Производная произведения не есть произведение производных, но есть сумма...»

В общем, обычный мехматовский морок¹, который быстро рассеялся... После чего я задумался — как бы так подсмотреть всё-таки в конспекте... Это казалось невозможным... Но если, скажем, выйти в туалет...

---

¹ Подумал было, что тут необходимо пояснение... Но нет, по-моему, это и так ясно, во всяком случае, каждый человек, решивший самостоятельно хоть одну математическую задачу, знает, что такое платоновское «воспоминание знания» по собственному опыту, так что это не нужно объяснять, все учились в школе. Ну а на мехмате прошедшее время становилось во время «озарений», или казалось, по крайней мере, «будущим в прошедшем».

И тут Ж. Ф., заметив, что я «скучаю», спросил, не хочу ли я отвечать...

Я подумал, что добыть конспект всё равно не удастся, безнадега... то есть в туалет Ж. Ф. за мной не побежит, предположим, но и не даст незаметно прихватить тетрадь с парты, а там под дверью меня всё равно не караулит гость из сказки с подсказкой... И я решил так: правильно решённая задача — это уже может быть даже «четыре»... А если хоть что-то произнести — случайно — «в жилу» попасть т. е. по поводу теории... то это может быть и «пять» — у кого-то из нормальных людей... но так как это Железный Феликс... да хоть бы и «три», и чёрт с ним, зато три-то уже точно... И я пошёл к столу.

Ж. Ф. посмотрел моё решение, прошёлся взглядом по выкладкам и заговорил шепотом:

— Ну что же вы за человек такой? Смотрите, ведь вы же всё правильно вроде бы делали, вы всё время были на верном пути... Откуда же взялось вот это? — он повернул лист и указал ручкой на один из коэффициентов... А потом и на соответствующую загогулину, «точку возврата» на кривой...

— Вот вы всегда так, — укоризненно добавил Ж. Ф., чем меня сильно удивил — как будто мы всю жизнь с ним были знакомы...

— Ой, — сказал я, — но это же просто числовая ошибка...

— А это не важно, по-вашему?

— Нет, ну иногда... Но мы же тут не арифметикой...

— Ладно, — сказал Ж. Ф., — перейдём тогда к теории.

Он стал задавать мне вопросы, ни на один из которых ответа у меня не было, и очень быстро это ему надоело.

Он сказал, что я свободен. Я кивнул и покинул аудиторию — не в лучшем настроении, ясен пень, но и не так уж я был расстроен — что будет «тройка», я во всяком случае не сомневался.

Примерно через час Ж. Ф. позвал нас всех из соседней аудитории, чтобы объявить оценки, и когда дошла очередь до меня, сказал «двойка».

— Что? — воскликнул я. — Я решил задачу!

— Неправильно, — сказал Ж. Ф., — при этом ноль по теории... Вот вам и сумма.

— Какой ноль, какая двойка, подождите... Но даже если и ноль... ведь решённая задача — это положительная оценка!

— Вы мне можете показать, где это написано?

— Да подите вы к чёрту! — закричал я и выбежал из аудитории.

Ну вот, после этого я провалился ещё на трёх экзаменах... Не буду описывать подробно, как это было, наверно, можно теперь сказать, что это было «стечение обстоятельств», если бы я в тот момент не был уверен, что виной всему Ж. Ф. Теперь мне так не кажется, но кто сказал, что обратная перспектива находится ближе, чем прямая, к последней инстанции. Нет, я, напротив, думаю, что ближе к сути находишься как раз тогда, когда ещё не сошёл с дистанции и смотришь в ту самую перспективу, которая тебе светит.

В моём случае это была перспектива армии... Или военно-морского флота.

Скажем так: будучи прототипом этой повести и находясь внутри сгустка протореальности, я был уверен, что виной всему является именно Ж. Ф., а значит, так оно в тот

момент и было, это он развернул своим ничем не оправданным пристрастным приёмом экзамена флюгер-парус мой таким образом, что я... получил двойку и по следующему экзамену.

Всё это не так смешно, вся эта психофизика... Настроение профессора Семиошко сделало поворот на 180 градусов после того, как его кто-то сильно толкнул в буфете. Кто знает, может быть, эту роль — чисто как статист — выполнил тот самый неугомонный студент, которому Семиошко незадолго до этого сказал: «С вами хорошо говно хлебать из одной кастрюли — ложку вырывать будете».

С ним такое бывало — такие пробормоты, так же, как и три галстука на одной шее или там разные туфли... Да, он мог быть внезапно очень груб... При том, что большую часть времени это был божий одуванчик, пребывающий где-то не здесь, а в садах своих ноблесных уравнений, на сотках, засаженных белоснежными тополями, которые я упоминал уже, кажется, в первой главе... Оттуда и разлетались, вероятно, по всему городу эти белые семена-семиножки...

Так вот, до того, как его толкнули — так, что едва не сбили с ног... Семиошко ставил всем подряд... пятёрки. Да-да, всем подряд, и это в нашей-то группе, редевшей из-за неуспеваемости прямо на наших глазах, как я замечал уже выше, в силу объективных причин, как то: большинство *иногогородних* плюс алкоголизм, прочно обосновавшийся в общежитии, и всё прочее...

В общем, у нас была изначально слабая подборка студентов, впоследствии ещё более «ослабленная нарзаном», как тогда говорили, и в тот день мне казалось, что

Семиошко уже полностью сошёл с ума: «пять», «пять», «пять» — слышалось то и дело, и очередной счастливчик, не веря своим ушам, вставал, расплывался в улыбке и быстро — пока сумасшедший проф не передумал, покидал аудиторию...

А потом был перерыв, во время которого Семиошко толкнули — то ли студенты, то ли тёмные — суть анафалфавитные силы, и от этого у него так испортилось настроение, что, вернувшись из буфета, он точно так же однообразно стал проставлять возле каждой фамилии, начинавшейся на одну из букв второй половины алфавита, двойки.

Ну и потом был ещё этот экзамен по научному атеизму.

Это было вообще уже неслыханно — по гуманитарным дисциплинам никогда не ставили двоек, и если вы теперь подумали, что я совершил что-нибудь невероятное — вышел, скажем, к доске, указал пальцем в потолок, крикнул «Бог есть!»... вы глубоко заблуждаетесь. Я довольно гладко пересказал соответствующие странички учебника, которым на этом экзамене было как раз совсем не сложно воспользоваться.

Но не смог ответить на вопросы экзаменаторши. И определённую роль сыграло, конечно, моё отсутствие на всех лекциях без исключения. В общем, как бы то ни было, преподавательница — хромая старая дева с одним костылём — решила, что ли, показать себя — свой характер, самоутвердиться, — она незадолго до этого перешла к нам из какого-то другого ВУЗа, может, и военного училища, я не помню.

Я вышел с экзамена, смеясь и повторяя бессмыслицу, в которой мелькала ускользящая от меня тройка, из оценки вдруг превратившаяся в гоголевское чёрт знает что...

Куда ж несёшься ты, — говорил я вслух... В общем, да: я едва не тронулся.

И всё железо, которое сейчас появится и за которое моё «я» будет хвататься, — это были такие «кошки», по сути, кошки-мышки, дедка за репку... только для всего этого лучше всё-таки открыть ещё одну главу.

Нет, всё-таки здесь тоже, хотя бы вскользь: в одной станции мы, отойдя от перрона в посадку, увидели среди серой листвы и чёрно-белого мусора тройные качели.

Три деревянных сиденья были наглухо припаяны друг к другу — металлическими подлокотниками.

То есть это были качели для детей, но тройные, и нас при этом было трое, и бутылка была у нас с собой, и мы думали её осушить, немного отойдя от перрона, в скверике, но когда увидели качели, нам показалось, что они были построены специально для нас, а о малых детях мы вообще тогда не подумали, о сямской тройне такой, родившейся в местном роддоме... Или если и подумали, то только в том плане, что... через пять минут мы уже сами стали себя ощущать этой тройней...

Один из нас или все мы хором пропели: «На троих придумано недаром», после чего сели на качели и, попеременно толкаясь ногами от земли, стали рвано как-то, и всё же качаться, болтаться, ну, в сыром воздухе, успевая при этом передавать другу другу пузырь и совершать небольшие глотки, благо времени у нас было вагон

и малая тележка, нескорый наш стоял на полустанке сорок минут.

И вдруг я, скажем так, взбил воздух вокруг себя, как та лягушка сметану, я почувствовал как бы даже отстранённо, как сила сметает меня с качелей...

А так как мы к тому моменту успели раскататься, прикончив бутылку — которая улетела и закатилась уже в траву, и я ещё вспомнил, что по-английски пустая бутылка — это «old soldier», но здесь была водка, а не виски, и солдат, не только не старый, но пока ещё вообще не солдат, покатился, м. б. слишком нарочито пьяно смеясь, поднялся и пошёл к краю поляны, как будто бы по нужде.

Как же, по нужде, я её совершенно не чувствовал, и, скрывшись в пролеске, вместо того чтобы растегнуть ширинку, я выпрямил спину, хмыкнул, мотнул головой и перешёл на быстрый шаг, а потом снова пригнулся, чтобы направление моего теперь уже бега не было видно за низкорослыми деревцами.

Собственно говоря, так и бегу с тех пор.

Но, чтобы вырлиться в свою историю, вернусь в то место, где остановился в письменном виде... Ну да, дурацкий каламбур, чёрт с ним... Главное, что топот утих... И, стало быть, сессия... Тобто провал... На трёх экзаменах... Подряд... как в кино: герой падает с крыши на что-то, что пробивает и летит дальше, сквозь стеклянный потолок, рушится на банкетный стол, звон битой посуды и приборов...

Или, просто разрывая один за другим слои картона или тонкой бумаги, издающей при этом хлопки, да, скорее именно так я себя чувствовал, проваливаясь, — сопротивление

окружающей среды было мизерным, и ускорение было ускорением свободного падения: девять запятая восемь, один и так далее...

Хотя упал я не вполне свободно — меня подтолкнули.

Ну и что с того, что я сам там оказался, на краю, ножками пришёл... Мало ли кто ходит по краю, по краю ходим мы... То есть, может быть, мы все по нему ходим, просто не все это замечают до поры до времени, да... Но толкаться-то зачем?

И вот эта уже совсем не детская, а какая-то скаженная, скажем прямо, злость или лютая ненависть стала нарастать во мне после третьей двойки... Или после попытки передать первый экзамен... Нет-нет, ещё до повторной двойки на экзамене у Ж. Ф. мне стало казаться, что заработал механизм моего уничтожения, шагающая гильотина, рычагами которой управляет, смеясь безумно и беззвучно, не кто иной, как Ж. Ф.

Но если уж совсем по порядку, надо сказать ещё о нескольких событиях, которые запускали меня в «свободный полёт»...

Во-первых, это последняя встреча с Аллой...

Мне всё-таки удалось уговорить её встретиться. Она вышла во двор, была осень, ещё не поздняя, но я помню на ней какую-то дымчатую шубу в тёмных полосах, как будто рядом со мной шла огромная обиженная кошка. Не тигрица, нет, не знаю, что это был за зверь... Шанхайский барс, ну да... Но мне было не до шуток: Алла объявила, что мы с ней расстаёмся навсегда.

Причину она объяснять не хотела, просто она так решила, и всё. Свободный человек. Выйдя из подъезда, она

резко — как будто всю жизнь занималась карате — отбросила мои потянувшиеся к ней руки и пошла со мной рядом, не отвечая на мои слова.

Так продолжалось довольно долго, мы были в глубине другого микрорайона, когда она вдруг резко остановилась, повернула ко мне голову и спросила таким тоном, какой был у нашего школьного завуча... Или нет — у заместителя-директора-по-воспитательной-работе... «Ты спишь с Линой?!»

Это было так неожиданно, что я... Не сразу отреагировал. Через несколько предательских секунд я стал выкрикивать слова «полный бред!», «ерунда!», «нашла кому верить!», «ты что, её не знаешь!»... Но Алла вдруг как-то страшно изменилась в лице, я её никогда такой не видел... она сжала губы, вытянув их одновременно вперёд... у неё как бы вырос клюв, и в первый момент я, увидев это, чуть было не рассмеялся... Но когда она все последующие минуты, не роняя ни слова, шагала со мной рядом и я видел только этот профиль... мне стало не по себе. Казалось, во рту у неё на самом деле лежит какой-то клин, клинок, который она проглотила и, сцепив губы, не выпускает наружу...

Вроде бы в такой момент девушка, которая «бросает вас под танк» — так это тогда называлось, — должна, по идее, хорошеть... Но с Аллой происходила прямо противоположная метаморфоза: рядом со мной ступало теперь какое-то некрасивое, неуклюжее существо... В огромной шубе и с этим клювом Алла была похожа скорее даже не на пингвина... А на шагающую снежную бабу из грязного серого снега... И когда я осознал, что я вот с ней расстаюсь, вот именно с ней, вот это

и есть то, что было «моей женщиной»... я вздохнул неслышно с облегчением, «баба с возу — кобыле легче...»

«Всё, катись, навсегда. Больше ты меня не увидишь», — сказала Алла и исчезла в тёмной пещере подъезда, а я лихо повернулся «кру-гом!» и с лёгким сердцем пошёл по направлению к остановке... как вдруг — метров через сто, пятьдесят — я понял, что что-то происходит с землёй у меня под ногами, она становится мягкой, проседает под подошвами, как будто приходит в движение оползень.

И после этого прорвать несколько слоёв картона — провалиться на пересдачах — было уже, сами понимаете, как два пальца об асфальт.

Это был последний удар — я это в полной мере ощутил, когда произошло осознание¹, и через несколько дней, проведенных в попытках дозвониться до Аллы, в завываниях в трубку, откуда раздавались гудки, в заливании нового горя в общаге...

Вот после этого всего я и получил повторную двойку у Феликса. А после неё уже и на втором повторном экзамене автоматом, потому что к Семиошко я просто не явился.

Это было глупо, ведь даже если предположить, что от толчка в буфете настроение профессора так и продолжало теперь вращаться по часовой стрелке, вероятность того, что я попал бы в позитивную фазу, была $\frac{1}{2}$. Но я ни о чём другом

---

¹ Которое всегда и у всех одно и то же: «Франсуаза сказала, что Альбертина уехала, я обрадовался... и вдруг понял, что я плачу, капают слёзы...» — беру в кавычки, хотя цитирую по памяти, т. е. не совсем дословно, Пруст, «Пленница».

больше просто не мог теперь думать, кроме Аллы... Разве что иногда я не то чтобы думал — я видел где-то в глубине своей затемнённой души улыбающегося Ж. Ф. В общем, какой уж там был очередной экзамен...

Некоторое время спустя я, уже не будучи студентом мехмата, попытался перевестись на какой-то... геолого-географический факультет, где, как мне сказали, можно было обнаружить многих провалившихся с шестого этажа, например, того же Корнюшинского... Но это надо было вовремя делать, до отчисления, а я — когда вспомнил о существовании альтернативной географии и сделал попытку навести там справки... понял, что этот вариант спасения для меня уже не существует.

4. ОТРЕЗОК КАСАТЕЛЬНОЙ К СИЛОВОЙ ЛИНИИ

Я испытывал к Николаю симпатию, которая, по-моему, была взаимной и оставалась бы таковой, если бы он знал, что я сейчас напишу: при этом я никогда не верил в его экстраординарные способности и в душе смеялся над ним. Я ходил к нему только потому, что на этом настояли мои родители. Они заплатили ему за десять сеансов вперёд.

Если б они платили за мои лекции в университете, кстати, не думаю, что совесть позволяла бы мне их так просто прогуливать.

И вот я приходил к Николаю, как дисциплинированный мальчик, точно в назначенное время, ждал иногда подолгу, если он был занят с предыдущим пациентом, листал журналы, лежавшие возле дивана, или просто

стоял у окна, глядя, как по Сумской проплывают троллейбусы.

Я следил за троллейбусами из этой точки, между прочим, ещё и потому, что хотел выяснить, действительно ли у каждого второго соскакивает дуга как раз в тот момент, когда он проезжает мимо Колиного окна.

Нет, я не мог подтвердить эту статистику. И вообще: ничего интересного для меня или для вас не было в этих «визитах к экстрасенсу», и я не думаю, что надо о них писать подробно, и так уже я жалею, что завёл свою пассеистику в это высохшее русло... Но и полностью обойти их нельзя... Так что постараюсь быть краток. Пассы, одним словом. Вокруг головы. Поводом для первого визита к Николаю стала какая-то странная сыпь, появившаяся у меня после купания в одном из местных водоёмов, потом Николай сказал родителям, что лечит всё (экзема или просто какое-то воспаление, что бы там ни было, прошло, я думаю, само по себе), и они уговорили меня пройти ещё с десятков сеансов, чтобы избавиться от некоторых, скажем, недомоганий (про свои болезни я уже точно не собираюсь здесь писать, скажу только: «их было у меня»), которые я к тому времени и так уже в большинстве своём перерос, как детскую одежду.

Моё согласие было вызвано скорее всего тем, что этот Николай... то ли родился таким «сонячным хлопчиком», «осенённым троллейбусной дугой...», то ли усвоил какие-то азы психотехники, типа НЛП, только общаться с ним, несмотря на «обстановку мракобесия», — а именно так я характеризовал родителям происходившее в его квартире... Но несмотря на это, общаться с Николаем было приятно.

Он был одновременно лучом света и тёмным царством, как-то так... говорил примерно как остановившая тебя цыганка, если ей позолитили ручку, но как-то более естественно... натурально... ну, как старый друг, знающий тебя всю жизнь... Впрочем, от друзей я как раз ничего подобного не слышал¹.

«О, какой счастливый!» — воскликнул он, когда посмотрел мою ладонь... Или не ладонь, я путаю, просто когда первый раз поводит руками у меня над головой...

Нет, он правда был славный малый, и не только потому, что говорил приятные тебе вещи... Чем-то от него веяло *хорошим* — как от весенних лугов, покрытых жёлтыми цветами, которые он, кстати, советовал мне собирать и выжимать из них сок, лечение его не сводилось только к поглаживанию воздуха.

И вот теперь вдруг оказалось, что «Общество лесников и пустынников» (в которое входили те ещё травники, но об этом, наверное, позже) обосновалось в том же самом сером доме с эркерами на Сумской.

Был ли Коля его членом? На этот вопрос Тихон, знавший, разумеется, замечательного соседа, отвечал: и да, и нет. Так что я не знаю.

Короче говоря, когда отцвели одуванчики, вино из которых рекомендовал мне пить Николай, я очутился в его доме впервые за пять лет, прошедших после сеанса.

В квартире на верхнем этаже, где собралось в тот день «Общество», я пробыл не долго.

---

¹ Зато слышал от врага — от Ж. Ф., когда он воскликнул на экзамене: «Ну что же вы за человек такой!»

Общество было довольно разношерстно, все его члены, как я понял, по-разному стремились «в астрал», кто-то что-то пил, кто-то курил, а кто-то просто, скажем, не спал четыре дня кряду, чтобы стереть грань между явью и сном, причём делал это в компании. Так мне объяснил Тихон, показав на людей, сидевших за журнальным столиком и игравших в карты. «На самом деле они играют не в преферанс, как ты подумал, — объяснил он мне, — а в другую игру. «Cadavre exquis», да-да, изысканные трупы пьют молодое вино...»

Не знаю, может быть, я ещё вернусь на этих страницах к этому кружку планокуров¹, тащивших друг дружку на «паровозике» (я имею в виду способ взаимного задымления, хотя сейчас вспомнилось и то, как, заглянув на кухню, где играли в буриме эти бессонники, я увидел, что они играют в третью игру, немецкие офицеры называли её «походом на Иерусалим» — они прыгали на стульях друг за дружкой, довольно резво, особенно для неспавших пятые сутки людей), но пока мне кажется естественнее не останавливаться у них надолго, а перейти — и даже чуть быстрее, чем это было в тот день, — по лестнице на другой этаж — к двери Николая.

---

¹ Курили там и не только план, и в каком-то смысле всё дальнейшее можно было бы представить себе как bad trip... Я до сих пор не знаю, что ингалировал с ними в тот первый мой визит, по некоторым признакам это мог быть «шалфей», но точно мне это так и не удалось выяснить, поэтому я не буду заострять внимание читателя на всей этой ботанике, ну да, мы все курили понемногу, чего-нибудь и как-нибудь, и сказанного вполне достаточно, всё это индивидуально, на кого-то обычный план действует так же, как на кого-то необычный шалфей.

Позвонив, я, по правде говоря, сам не знал, что скажу ему — стану ли жаловаться на судьбу, предъявлю ли претензию — «Ну и где оно, обещанное счастье, ты же говорил, что я такой счастливый...», скажу ли «спасибо за одуванчики!»... Дверь долго никто не открывал, и текст несколько раз менялся у меня в голове. И в результате не понадобился совсем, потому что открывшая дверь старушка сказала: «Николая здесь больше нет».

На вопрос, где он и что с ним, она вперилась в меня злыми бусинками. Мне показалось, что губы её шевельнулись, что она хотела что-то сказать. «Он жив?» — спросил я. «А мне почём знать, — сказала старуха, — может, и жив, но не тут. А тама, может, и живёт». «Где тама?» — спросил я. «Я что, крайняя в очереди, шобы справки давать? До свиданья». «Погодите, — сказал я, — мне нужно забрать одну тетрадь. Я давал ему тетрадь, там очень важные для меня черновики, научная работа, не осталось ли его вещей в комнате?»

Никакой тетради я Николаю никогда не давал. Может быть, во время одного из сеансов, сопровождавшихся его бормотаниями, мне и пришло в голову показать ему стихи, которые я никогда никому не показывал... Но до дела не дошло, никакой тетради, то есть, я Николаю не давал. Дверь за дверью — а их было много там, я просто забыл сказать, что Коля жил в коммуналке... И вот ещё одна дверь открылась и оттуда показалась ещё одна старушенция. «Макаровна, пусти парня, — сказала она, — чем больше черно книжья растащат, тем лучше. Мы с тобой к ним прикасаться брезгуем, так чего ж народу мешать?»

Оказавшись в комнате Николая, я хотел молча посидеть в кресле с закрытыми глазами, понять, что мне дальше делать. Волна, накатившая на меня в «Обществе», вместе с дымом неизвестного растения, оказалась достаточно сильной, чтобы опрокинуть моего внутреннего человека. Казалось, за ним сейчас последует и внешний... Необходимо было посидеть спокойно с закрытыми глазами, но я подумал, что старухи подглядывают в замочную скважину и надо сделать вид, по крайней мере вначале, что я что-то ищу в бумагах, рассыпанных на столе, на дощатом полу, в распахнутом чемодане...

Я опустился на корточки и стал перебирать фотографии семейного альбома, высыпанные гамузом в чемодан и прикрытые грамотой с золотыми тиснениями: «Почётному заточнику Николаю В...»

На фотографиях были в основном люди в довоенной форме, ремни через плечо, пальмы... Голос за дверью вдруг громко произнёс: «А я тебе утверждаю, что он на Урал уехал, он мне сто раз говорил, что собирается к корешам присоединиться, они там колонию создали». «Дура ты набитая! На Сабурку его увезли, а не на Урал!» «Ты это видела? Не видела! А чего тогда слухи распространяешь?!»

Я машинально перебирал фотки, спрашивая себя, могло ли это быть на Урале — все эти женщины с причёсками, мужчины в кителях... Фон, на котором они фотографировались, был горным, но вот магнолии откуда... нет, скорее всего это Юг...

Если родственники Николая жили на Урале, это говорило бы в пользу версии второй старухи... Впрочем, она

сказала, что он поехал к друзьям, так что предки и родственники здесь ни при чём... Так же машинально я залез рукой в обширный карман под крышкой чемодана, и там среди фотографий и мотков бечёвки моя рука наткнулась на что-то твёрдое.

Я узнал его сразу, хотя в первый момент — когда ещё не извлёк, мелькнуло что-то эпилептоидное, наваянное, очевидно, растениями: что это нож для разрезания страниц... Я где-то читал, что бывают такие факсимильные издания, к которым прилагается ножичек, потому что они продаются с неразрезанными страницами.

Может быть, я так подумал, потому что нашёл его среди бумаг, в стопке фотографий и писем, заложённых в чемоданную щель, не то чтобы второе дно, скорее вторая крышка, вовсе не потайная... И поразительно было, что нож лежал там до сих пор... Ну ладно, семейные фотографии, письма, они старухам на фиг нужны, но нож, да ещё такой — вещь, полезная в хозяйстве... Наверно, они действительно не прикасались к бумагам «чернокнижника».

Конечно, я узнал его. Я просто ещё не сказал об этом: Николай использовал, во время своих сеансов нож. Наверно, для психологического эффекта. Я так думаю. Он не акцентировал на нём внимание пациента, наоборот, как-то так произвольно нож оказывался у него в руке, он делал им несколько движений... Причём никто этого не пугался, хотя казалось бы: тесак, витающий прямо у твоих глаз... А потом он прикладывал его лезвием ко лбу человека, и нож оставался там висеть в течение всего сеанса.

Я видел это и со стороны и изнутри... То есть когда нож оставался висеть на моём, а не на чужом, лбу, я его не видел, но чувствовал холодок, который постепенно проходил, по мере нагревания лезвия, так что казалось, нож улетучился... Но в конце сеанса Николай всегда снимал его со лба.

Почему-то мне это не казалось чем-то аномальным, как-то я себе это тогда объяснил в первый же раз: лезвие широкое, голова несколько наклонена — Николай сам устанавливал её в такое положение, как парикмахер голову клиента... Лоб, как правило, потный, вот лезвие к нему и прилипает, а так как голова к тому же немного наклонена назад, сила трения равна силе тяжести... Может быть, от того, что я всё это уже прикинул когда-то в уме, мне сейчас даже не пришло в голову экспериментировать.

То есть я не стал прикладывать нож ко лбу, чтобы выяснить, будет ли он там висеть в отсутствие Николая. Вместо этого я положил его за пазуху. Я был в коричневом пиджаке в тонкую жёлтую полоску, оставшемся от моего выпускного костюма (брюки успели порваться и пойти на тряпки). Сейчас мне кажется немного странным, что я даже не попытался повторить фокус «чики-брык» без Коли. Наверно это объясняется тем, что мне надо было поскорее спрятать трофей, а за пределами комнаты мною полностью овладели совсем другие мысли...

Я вовремя его спрятал: дверь открылась, вошли соседки. Собственно, в первый момент я решил, что они вошли, потому что увидели, как я прячу нож, но я ошибался, зашли они просто так, от нечего делать, «погугарить»... «Если бы

он был жив, — сказала одна, — он бы никогда не оставил здесь фотографии. Живой человек не может бросить фотографии своих родителей». «Да, может быть, он ещё за ними вернётся, — сказала вторая, — комната ведь за ним числится».

Я поднялся с корточек, сказал, что не нашёл тетрадь, и поспешил удалиться, оставив старух одних перед чемоданом...

Я спешил, потому что нож был тяжёлым, мне казалось, что он выпадет, пропоров подкладку, хотя я положил его в нагрудный карман рукоятью вниз.

Нет, это был отнюдь не изящный «факсимильный» ножичек для разрезания страниц... Те вообще сейчас если делают, то из пластмассы... Хотя назначение его, казалось бы, ещё более эфемерно: ничего кроме воздуха Коля никогда им не разрезал, поэтому и лезвие было таким острым...

И это был настоящий *тесак*. Я тогда ещё объяснил себе, для чего нож такой: нужна достаточно большая площадь лезвия — чтобы не падал. Что-то, впрочем, гогзорило мне, что это чушь собачья: нож не может удержаться на лбу так долго, ни разу не упасть, разве что лоб перед этим смазали бы клеем.

Если бы кто-то мне об этом рассказал, я бы его высмеял. Но тут я сам был и свидетелем и даже подопытным...

Ничего не стоило оценить силу трения, которая нужна была для подобного удержания, или, по крайней мере, провести ряд экспериментов, благо нож теперь лежал у меня в кармане, а его владелец был неизвестно где.

Но, как я уже сказал, у меня не было ни малейшего желания экспериментировать. Может быть, оно было просто вытеснено другим желанием. Тем, что появилось ещё раньше, а когда нож оказался у меня возле сердца, заполнило меня целиком.

Нож оказался усилителем, недаром Николай не проводил ни одного сеанса без него...

Раньше я считал эту часть антуража лучшим символом мракобесия (ну, как филиппинские хилеры «делают операции» вообще без ножа... так этот наш, доморощенный, лечит с ножом, но без операций, примерно так), теперь же картинки передо мной замелькали несколько другие...

Мне казалось, что я вижу в воздухе силовые линии, паутина которых сгущается настолько, что... в какой-то момент я чуть было не вынул ножик из кармана...

С кем останусь я дружить... нет, на самом деле, просто чтобы прорубать им себе дорогу в зарослях силовых линий — как мачете...

Чуть позже я и вправду вынул нож и стал размахивать им в воздухе, но это были уже и так почти джунгли, и чисто случайно я срезал заодно и ветки... Там меня никто не видел, а я постепенно переставал видеть силовые линии, но раз уж они мелькнули, остановлюсь на них чуть подробнее...

Тем более, что для этого даже не придётся переодеваться: на мне тот же самый костюм, коричневый, в жёлтую тонкую пунктирную полоску... За два года я навряд ли так уж сильно изменился, главное отличие — брюки: на выпускном вечере на мне не синие джинсы «Arizona», купленные

у нашего главного фарцовщика, а вот именно костюмные брюки, из той же ткани, что и пиджак... Ну и, разумеется, нет ещё ничего за пазухой.

Весь вечер, или, точнее, ночь, мы же гуляли всю ночь, мы боролись с линиями, наша выдающаяся школа и близлежащая от нее, квартира, где мы «гуляли», находилась так близко от «глушилки», что линии поля там напоминали скорее даже не паутину, а густо заштрихованную простым карандашом часть рисунка...

Но я сейчас объясню.

Это было довольно специфическое «русское поле», я понимаю, что нужно теперь, в другом веке, пояснять даже такие вещи, как самое «глушилка».

«Глушилка» — это антирадиотрансляционная вышка, глушившая «голоса врагов», т. е. Би-би-си, «Свободу», «Свободную Европу», «Радио Ватикана», «Голос Америки», — которые вели вещание на русском и на других языках народов СССР.

Список можно было бы продолжить... Хотя иногда он, напротив, сокращался: переставали глушить, скажем, Би-би-си, но с двойным рвением (во всяком случае, так казалось), двойным рвением то есть, глушили «Свободу», которая, по словам моего одноклассника (у него, кстати, была кличка Демократ, она прилипла к нему не из-за его селекции радиостанций, разумеется, а из-за коллекции пластинок, которые ему присылала из страны соцлагеря тётка), была «на самом деле омерзительной», тогда как «Голос Америки» был Демократу целиком симпатичен, что само по себе было симптоматично... Ну вот, и в тот

год, когда мы закончили школу, «глушилки» (воспетые, кстати, в романе братьев Стругацких) работали с особой интенсивностью, уж не знаю почему, я могу только назвать год: год на дворе был восьмидесятый.

Ещё до того как мы сами с этим явлением столкнулись, так сказать, лицом к лицу, я слышал, что вблизи от «глушилок» меняются все характеристики поля... Впрочем, полуанекдоты про электробритвы, из которых доносится «Говорит Москва...», ходили и вне зависимости от близости розеток к «глушилкам» повсеместно, и даже если бритва не передавала «Маяк», в самом её жужжании пронизательное ухо, скажем, композитора Зацепина, могло услышать мелодию: «А нам всё равно... мы волшебную косим тринтраву...», ну т. е. не просто хит сезона, а по сути собственные частоты всей системы...

Меня немного занесло не в ту степь, но пусть читатель не унывает, это сейчас же кончится, уравнения Фарадея — не моя стихия, я не буду многословен, не буду повторять общеизвестное, тем более, что всё это достаточно лаконично выразил другой наш песенник: «Мы выросли в поле такого напряжения, где любое устройство сгорает на раз»...

Я расскажу в двух словах только о своих личных впечатлениях от пребывания в тех местах лишения «Свободы»... где силовые линии поля превращались в штриховку.

Вся выпускная ночь прошла в попытках заземлить магнитофон, который упорно не хотел работать: то есть бо-бины крутились исправно, но из динамиков или просто даже от всего корпуса моей «Кометы» исходил гул. Это я притащил туда свой новый магнитофон, который дома у

меня работал исправно... Теперь же он только гудел и всё, и его гул был похож на тот, который раздаётся из приёмника, когда станцию, которую вы слушаете, накрывает волна, посылаемая «глушилкой», но чего это я вдруг перешёл в настоящее время, вот уж что точно не повторится, так это «глушилки»...

Мы вдруг почувствовали, как летит время, как вечер ускользает от нас, бальные платья, специально пошитые, да и наши костюмы, — всё это как бы увядало на глазах... Ну, костюмы-то были многофункциональными, а вот платья на девочках, эти их «ночные рубашки с причудами», и в самом деле увядали...

И был срочно принесен — откуда-то от соседей — паяльник, и мальчики стали по очереди припаивать медный проводок одним концом к корпусу магнитофона, другим — к батарее центрального отопления...

Но у них ничего не получалось. То есть у нас... Среди нас не было ни одного радиолюбителя, все мы держали паяльник в руках впервые, и проводок, вроде бы уже прилипший к батарее, отпадал. Вот и всё, собственно, запах канифоли, батарея, крашенная бежевой краской, как и платья девочек, за тканью которых, впрочем, ничего не видно, хоть они и прозрачные, как будто там уже никого и нет... С нами наш классный руководитель, похожий на актёра сериала про межзвёздные путешествия, который я видел через много лет, т. е. намного ближе к здесь и сейчас по временной оси, чем к «там и тогда», но всё равно я не помню ни имени актёра, ни названия, тем не менее, кажется, что наш выпускной «бал» был одной из серий,

что мы выплыли тогда в капсуле квартиры Э. из магнитного потока силой в миллионы тесла... Впрочем, кто его там мерил.

Таинственная башня («глушилка»), кстати, наверно, на самом деле была «Башней Тесла», если уж она так действовала на электроприборы, м. б. и лампочки там загорались в воздухе, надо было только их правильно наклонить.

Мы выплыли оттуда, как самолёт с горящего аэродрома, только это был не аэродром и не космодром — целый космос... Вот бог, а вот порог: одноэтажные домики, над которыми «глушилка» возвышается не меньше, чем Эйфелева башня над старым Парижем, мелкий дождь, лужи и собаки, брешущие за заборами, и башня, которую ещё не снесло у нас, возвышается, как призрак самого Николы, вставший над ночной Москалёвкой...

В день, когда я нашёл нож, эти реминисценции сопровождались водкой, которую я купил в гастрономе, и закончились в парке, где я обнаружил себя... нет, не лежащим, а сидящим, прислонившись к толстому стволу, хотя надо мной нависали ветви ивы и таким уже толстым ствол не был... Но так я это запомнил, что, запрокинув голову, я увидел ветви ивы, свисавшие как будто отовсюду, как только что силовые линии... Теперь они были ивовыми ветвями, тоже очень густыми, но, нависая над травой, они не касались её, оставляли просвет, так что я достал нож не для того, чтобы прорубать себе дальше дорогу в зарослях...

Я достал нож, потому что почувствовал, как что-то давит мне на рёбра, я удивился ему, и не то чтобы я совсем о нём забыл... Но я бы меньше удивился, если бы за пазухой у

себя не нашёл вообще никакого ножа, а рёбра бы просто так побаливали, «належал», как говорили... А нож оказался бы тогда изобретением спящего сознания, ну чтобы объяснить сновидцу его межрёберную невралгию...

Но, во-первых, ничего я не «отлежал», потому что я вообще не лежал, а сидел, прислонившись к стволу. Во-вторых, это был нож. Не буду его подробно описывать, ну что-то среднее между хлеботорезкой и кинжалом. Не знаю точно, сколько сантиметров было лезвие, но раза в полтора, наверно, больше той длины, что, во всяком случае, в те времена, делало нож «холодным оружием». Про сантиметры я вспомнил почему-то потом, в Здании, и тогда же про сон, в котором остаться ножу было бы логичнее всего... Про сантиметры — ещё потому, что подумал о длине члена, мне показалось, что эти две длины совпадают, хотя одну я не измерял вообще, а другую — давно и не точно... Но где-то там, в коридорах Здания, нож и член чуть не начали меняться местами, и в момент, когда я уже хотел было выбросить нож в урну, я испугался не на шутку, почувствовав примерно то же, что чувствуешь в тех снах — а я думаю, что те сны бывали у каждого, может быть, и у женщин... в тех снах, в которых теряешь свой член, даже если ты уже начинаешь просыпаться, или просто догадываешься смутно, что ты во сне — что не обязательно ведёт к пробуждению... Но член терять всё равно жалко... «Жалко у пчёлки», как тогда говорили, ну да, и его тоже ей жалко... И вот так же жалко мне вдруг стало выбрасывать нож, в урну, в университете... я решил, что надо действовать и дальше по внутренним правилам сна, где главное — глагол... Может

быть, это был градиент поля, материализовавшийся, как закалялась сталь...

В Здании, как я уже писал, меня плющило и без ингредиентов, теперь же, в полях шалфея и одуванчиков...

Но я чувствую, что забежал вперёд и при этом едва не забыл... Ведь был же ещё подъезд, где мы побывали в самом начале и где теперь я едва ли не сутки ждал Ж. Ф.

Я ведь изначально хотел его напугать — именно такая мысль пришла мне в голову, когда я проснулся и увидел «опрокинутое гнездо»... И потом, уже на асфальте, когда я встретил двух одноклассников, пошёл рядом с ними, эхом отвечая на их вопросы, а потом вдруг увидел их сквозь дверной глазок, и вот это было точкой невозврата...

В первый момент мне показалось, что я просто немного вырос, или они стали меньше.

Что я просто пошёл по такому бордюру, как в детстве, я даже развёл для равновесия руки в стороны... Но глянув себе под ноги, я понял, что иду по асфальту, — хоть он и казался теперь каким-то далековатым, но ни на какое возвышение я не заходил... Ну и голоса стали приглушённые, как если бы между нами захлопнулась не очень плотная дверь.

Подъезд Ж. Ф. оказался безлюднейшим местом на Земле, часами я сидел в углу одной или другой лестничной клетки, глядя на серую кольчугу лифта, вставал, от скуки тихонько тыкал в её ячейки ножичком.

Несколько раз я входил в лифт, но никуда не ехал, по этажам я перемещался только пешком. Один раз сгонял в гастроном напротив Госпрома, купил чекушку — я помню,

что чекушку, а не поллитра, чтобы рука оставалась твёрдой... План заключался в том, чтобы напугать Феликса, жажды крови я пока не испытывал, хотя в то же время я уже собирался идти до конца в случае, если он не согласится подписать заявление, в котором он, *глубоко раскаиваясь*, должен был признать, что принимал оба экзамена с пристрастием, перешедшим в некое психо-садистское мероприятие... И далее: сим документом Феликс признавал, что решил поставить на мне бесчеловечный опыт... Как бы в оправдание он отмечал, что на эту идею его натолкнул другой, шуточный эксперимент, свидетелем которого он случайно стал в подъезде собственного дома два года назад (и далее шло краткое описание «квантового» питья) и тогда же задумал поместить меня самого внутрь дифференциального уравнения, точнее, каскада уравнений, которые я должен был интегрировать изнутри вручную, передвигаясь по оси абсцисс...

И таким образом моя двойка на экзамене, полученная за решённое правильно уравнение, была не чем иным, как умопомрачением экзаментатора, который теперь берёт на себя всю ответственность за содеянное.

Верил ли я, что Феликс это подпишет? Я не исключал такой возможности, вспомнив, как в школе один из наших херувимчиков-хунвэйбинчиков тихонько погрозил кулаком из-под парты практиканту из пединститута, заменявшему в тот день учительницу... Мы дали ему — практиканту — довольно длинную кличку, из-за его подбородка — Светит Месяц Светит Ясный, — и вот этот Светит Месяц поставил нашему Юхану вместо двойки четвёрку, хотя был гораз-

до выше, шире в плечах, да и вообще — взрослый дядька, тогда как Юхан в восьмом классе был совсем мелким, хоть и вредным пацаном, знал всех местных сявок, но этого-то практикант знать не мог, и, тем не менее, когда дошла очередь до фамилии Юхана, Светит Месяц сказал «четыре», а не «два», как обещал непосредственно после его ответа.

Ж. Ф., конечно, не практикант... но ведь и я не восьмиклассник... Мысль о том, что через месяц я буду в армии, где у меня не будет ни штыка (во всяком случае вначале, которое, как известно, и есть самое страшное в армии), ни свободы воли, не давала мне покидать мой гражданский пост, пока не настала такая глубокая ночь, что ожидание стало уже полностью бессмысленным.

«В армии хуже, чем на зоне», — слышал я от людей, которые побывали и там, и там... Ну, я не воспринимал их слова буквально, скорее как присказку типа «охота пуще неволи»... То есть не то чтобы я намеревался прирезать Феликса и пойти на зону или на вышку, а не в армию. Я просто дошёл до той точки, где по-любому кончалась территория жизни — как в игре в «жизнь» с ножичком, если кто помнит... или в «бабки-дедки» — когда ножичек бросается то с ладони, то с тыльной стороны руки...

И вот нож этот был реален, а всё остальное — клубки нереальных реальностей, потому что в таком состоянии ясно видно: есть пучки прямых, проходящих через одну точку... Я то и дело проскальзывал по одному из лучей в другой мир... Но фирма, как тогда пели, веников не вяжет... Есть только миг, за него и держись... Я помню, что в какие-то моменты мне казалось, что лезвие, которое я рассматривал

в жёлтом свете голой лампочки, инкрустировано изысканным узором, как дамасские клинки, или как меч, сделанный в Европе каким-нибудь мастером Даниэлем Хопфером, я видел там фигуры людей, довольно сложные сюжеты... Но когда я наклонял нож вертикально, всё это скатывалось с его лезвия почище воды, не говоря уже о крови.

Я плохо помню, как и где провёл остаток ночи, но утром проснулся я снова в парке, на этот раз — Горького, и сразу же принялся проверять, не разучился ли я бросать нож.

В детстве я умел точнее всех, и не только в нашем дворе... И ещё томагавк, но его теперь не было, да и не так уж долго я его метал, как нож... «Ножички» ведь начались ещё в песочнице, вспомнить те же самые «бабки», которые я уже вспоминал только что... ну да, нежелание проскользнуть в реальность армии, дедовщины... Бабки за детки... Почему мне не приходило в голову, что у родителей, работавших в Эрдэнэте, хватило бы денег, чтобы откупить сына от армии? Я не знаю, я вообще в тот момент не думал о родителях, вся эта их Монголия, строительство цементного завода... казалась мне просто отмазкой, из-за которой они покинули меня, бросили на произвол... Хорошо ещё, что я отвоевал себе право жить в квартире один, они хотели подселить ко мне двоюродную бабушку... Ну так вот: навык настоящего метания у меня появился позже — когда мы играли в индейцев, а мы в них играли всё детство... Во дворе это происходило, как правило, возле трансформаторной будки, нож изначально был связан с высоким напрягом, и когда он не встречал (у меня с какого-то момента такого не случилось, но — у других пацанов) и рикошетом летел в железные

дверцы будки с нарисованными на них черепом и костями, сыпались искры, и взрослые, если они проходили в этот момент мимо — в стоявшую рядом будочку картёжников и доминошников, — нас за это, конечно, ругали... Но за бросание ножичков в деревья они ругали нас больше, а возле трансформаторной будки стоял этот столб из неживого дерева, коричневый или серый, и вот из этого дворового детства, казалось, вынырнул и лёг ко мне в руку этот последний ножичек...

5. ДЕЛО ТЕХНИКИ

Ж. Ф. не делал вид, он на самом деле меня не узнал. У меня ведь были длинные чёрные волосы, достававшие до плеч, которых раньше не было — волос, пока меня не отчислили, и быть не могло, потому что у нас была военная кафедра, дававшая нам «броню» и от мирной военщины, и от войны.

Двое из нашей группы, будучи отчислены, кстати говоря, уже были в рядах «ограниченного контингента». В общем, надо было коротко стричься, очень коротко.

Теперь же у меня были длинные волосы и густая щетина, которой раньше не было отчасти потому же, что и длинных волос, отчасти же потому, что она за это лето стала более рьяно расти, или буйно... Нет, буйно — это о волосах — о которых не плачут... В общем, за последние три месяца я одичал настолько, что не только близорукий Ж. Ф., но и мои однокурсники, среди которых попадались существа со 100%-м зрением, не опознали меня в волосатой сущности, появившейся на самом верху в тёмном дверном проёме амфитеатра.

Я, не заходя в аудиторию, заглянул в неё, вытянув свою длинную шею, и водил головой в поисках свободного места в партере, поближе к кафедре, а не на галёрке, где я сидел, будучи студентом, когда кто-то заметил меня и испуганно (деланно, конечно) крикнул: «Смотрите, враг!»

Раздавшийся после этого дружный смех, если бы я был хоть немного в своём уме, заставил бы меня ретироваться. Но я не знаю, в чьём уме я был после вступления в «Общество пустынных», у меня вообще возникли проблемы с самоидентификацией, и если бы все эти вещи не были так подробно описаны другими — гораздо более трудолюбивыми тружениками пера, я бы погряз сейчас в психотропной прозе... (Спокойствие, читатель: я пишу только потому, что стою на плечах гигантов.) Поэтому весь период барахтания в омуте, где «я не я, и песня не моя»... где в метро ко мне подсаживался один из членов «Общества» и начинал говорить что-то вроде того, что «я искривляю силовые линии пространства, сам того не замечая...», после чего доставал какой-то пузырьёк из-за пазухи, давал мне, а потом предлагал «создать новую мировую религию»... я лучше опущу, правда, просто потому, что это не моя история — это было описано в мировой литературе сто тысяч раз.

Пусть худо-бедно, я запишу только те ходы, которые кажутся мне всё-таки сделанными самостоятельно, уже после того, как была разыграна неизвестно кем общеизвестная защита, индийская ли, сицилийская, славянская, лужинская — неважно, я всё равно не буду её воспроизводить, я стою у порога амфитеатра, как бы на плечах студентов, ставших друг на дружку, как в цирке, или севших, всё ухо-

дит вниз рядами, волнами, и вот оттуда раздаётся смех, вынуждающий меня отпрянуть в полумрак, который всегда царил перед этой белой дверью.

Сделавшись невидимым для них, я в очередной раз достаю из-за пазухи «хорошо отцентрированный нож» — это сейчас мой хорошо темперированный клавир в кустах, и я собираюсь сыграть свою партию... Зачем-то я прикладываю лезвие ко лбу — как будто надо мной не рассмеялись только что, а дали по лбу, захлопнули дверь, и чтобы шишка не вскочила, я прикладываю железо...

Однако нож падает, несмотря на то что лоб покрыт испариной и голову я наклонил назад... Я ловлю нож в воздухе и кладу в глубокий нагрудный карман... На этот раз я не застаю на пороге, я прохожу в амфитеатр и бесшумно — о, я умею это делать, даже на скрипучем паркете «Большой Химической» моих шагов не слышно, и примерно там, где я и хотел, в третьем ряду, находится место для меня, рядом с девушкой в белом свитерке из ангорской шерсти... Она меня не узнаёт, я сажусь и говорю «спасибо», имея в виду не конспирацию, а то, что она немного подвинулась. Я ничего против не имел бы, если бы пришлось соприкоснуться с её индиговыми бёдрами, но тогда она могла бы зашипеть, как гусыня, негромко возмутиться, и это снова привлекло бы ко мне ненужное внимание, а так я, сев, растворяюсь в толпе, и меня нет, я — зрение и слух. Вот за это я и говорю ей тихонько «спасибо». «Не за что», — кивает она, подвигает свою тетрадку так, чтобы мне легче было списать предыдущие формулы — стертые как раз в эту минуту тряпкой с доски, но так как она замечает, что никакой тетради у меня нет, двигает свою обратно... Я ещё

не знаю, что буду делать: метать нож, или ждать конца пары, или академического часа, чтобы подойти вплотную... Рвать и метать... Метать и рвать — когти... Собственно, никто мне не мешает сделать это прямо сейчас, вот спина Ж. Ф. прямо передо мной, но я просто ещё не решил, как лучше... Оставить решение на волю случая или не оставлять?

«Сильный человек, — любил повторять мой отец — он даже два раза написал мне это из Эрдэнэта, — верит в причину и следствие. Слабый — в случай».

Родители до сих пор не знают об отчислении. Я уверен, что если узнают, покинут стройку, всё бросят и примчатся ко мне, верхом на лошадаках кочевников, и вот тогда уже беда будет расширяться кругами, доказывая, что она одна не бывает... Разве что я — это «ходячая беда», по словам того же отца... Правда, теперь они всё равно узнают, после того, что сейчас случится, но что мне до родителей, не надо было меня оставлять...

Я запускаю руку в нагрудный карман и достаю Колин нож.

Никто не замечает, кроме моей соседки. Она поворачивает ко мне голову, поднимает брови, а я начинаю тихонько вырезать на парте: «Я был здесь».

Кажется, никто этого не замечает, потому что Ж. Ф. вещает сейчас что-то очень не простое, в Б. Х. стоит гробовая тишина... Шариковые ручки ведь не скрипят, как перьевые... Только моей соседке больше всех надо... Она спрашивает шёпотом: «Зачем тебе такой большой?»

Я, не поднимая глаз, тихонько бормочу: «Это кажется... Просто я искривляю силовые линии, меняю метрику, вот

тебе и кажется, что он большой, хотя на самом деле это просто перочинный ножик, ножик перочинный, перочинный ножик, ножик перо...»

Соседка отползает от меня, скользя по скамейке, рывком, так энергично, что я опасаясь, что она толкнёт своего соседа справа и начнётся, — крайний вообще может выпасть в проход, как бывало... Но нет, у неё достаточно места для манёвра, могла бы и раньше отодвинуться, если бы хотела... Как раз когда она отодвинулась, я чувствую запах её межножья.

Ну и что, ей просто жарко в этих плотных джинсах, она там вспотела... Зачем вообще эти подробности? Ведь я не могу теперь «make love, no war» — дома у меня уже лежит повестка из военкомата, и хотя запах напоминает мне Аллу и в голове проносится, или даже не в голове... а на каком-то уже чисто животном уровне, я вдруг понимаю, что это — мой тип женщины, но не предпринимаю никаких шагов к сближению, нет, я думаю теперь только об одном...

До сих пор слова, которые произносил Ж. Ф., испещряя формулами доску, я не слушал — зачем они были мне теперь? Закончив вырезать надпись, я сделал паузу, потом подписал её своими инициалами и положил нож на полку под крышкой парты. Подняв голову, я увидел, что Ж. Ф. стоит теперь не у доски, а рядом с кафедрой, и вдруг услышал, что он говорит...

«Это очень важный момент — то, что я сейчас вам рассказал. Без понимания этого вы не сможете сдать экзамен, я вас предупреждаю. Независимо от того, какой вы вытянете билет. Кстати, давно хотел сказать вот ещё что... Я знаю,

что меня многие считают жестоким человеком... Жестокий, жестокосердным, это для меня не новость, все эти прозвища, не хочу повторять... Но мне кажется, что никто не понимает, почему я это делаю. Почему я ставлю двойку в тех случаях, когда студент её заслужил, но другой преподаватель на моём месте поставил бы ему, или ей, «удовлетворительно». Мы знаем, как это происходит: отчётность, статистика, чтобы всё было тихо, гладко, сдавали экзамены, получали дипломы... не зная ничего, даже элементарных вещей!.. Я ещё помню время, когда я не был белой вороной: точно так же, как я, принимали экзамены все преподаватели. Но потом что-то щёлкнуло, по мановению чьей-то руки... все начали меняться. Почему, — спросите вы меня, — я не изменился вместе со всеми? Я знаю, что этот вопрос задают себе многие, считают меня каким-то ненормальным, и вот я решил объяснить. Всё дело в том, что я не хочу завтра проснуться в развалившейся стране. В стране с остановившимися заводами. С авариями на атомных электростанциях. Проснуться в один прекрасный день... среди руин, вызванных не войной и не землетрясением, а ещё более страшной... тихой сапой, которой всё здесь тихо рушится... Это «рука руку моет» и так далее, круговая порука, причём руки смазаны чем-то скользким, отвратительным, жирным... В результате абсолютно всё распадается, абсолютно всё... Но я заявляю: я не хочу в этом участвовать. Я точно знаю, что не поставив двойку человеку, который не способен концентрироваться, думать, не знает теории, не решает задачи, но получает диплом и идёт делать расчёты... я подписываю этой стране приговор. Который и так ежедневно

подписывается миллионами подписей. Но повторяю: без меня. Моей вы там не найдёте».

Самое поразительное в этом монологе был, безусловно, год: 1982-й.

То есть ещё целых четыре года до Чернобыля. Девять до конца СССР.

Но нет, я не смогу это внятно объяснить, как и всё остальное — я вообще не знаю, зачем вдруг стал всё это записывать, перечитывать боюсь, чтобы всё не стереть... Понимаете, я слушал Ж. Ф., находясь скорее здесь и сейчас, чем там и тогда.

Я смотрел на него отсюда, правда, на его сухую фигурку, одетую всё в тот же бледно-желтоватый костюмчик в мелкую клетку... Да нет, и голос, и внешность Ж. Ф. были совершенно бесцветны, и я не могу сказать, что слова, которые он произносил, произвели на меня такой уж прямо... эффект, как сейчас... Нет, нет, понятно, что это только сейчас, из обратной перспективы, они обладают таким звуком, получив т. н. «пространство для эха», «Echoraum», ну да, ну да... Это теперь, видя перед собой тогдашнюю картину: Феликс, прислонившийся к кафедре... слыша его слова, не хочу, мол, проснуться в разваливающейся стране с авариями на атомных электростанциях... С авариями на атомных станциях... С авариями... с остановившейся экономикой... в развалившейся... проснуться... в кругах руин... в круговой поруке... или всё-таки я слышал эти слова уже тогда как бы отсюда... понимая их задним умом? Или это мне теперь так только кажется? Я не знаю. Я думаю, что эффект был усилен тогда ещё двумя обстоятель-

ствами: 1) тем, что я тогда сравнительно недавно прочёл книгу Айзека Азимова («Конец вечности»), 2) побывал в «Обществе пустынников».

Ж. Ф. вдруг ясно представился мне... Или я сам себе вдруг представился... я полностью отождествил себя с Техником, которого послали совершить МНВ («минимальное необходимое воздействие» на реальность), и Ж. Ф. тоже предстал вдруг передо мной в другом свете.

«Так он — Вычислитель?!» — подумал я¹.

При этом я, разумеется, видел его из своего третьего ряда, как облупленного: заговоривший серый силуэтик, вырезанный из куска пергамента, пролежавшего всю жизнь в каком-то «почтовом ящике»...

Но произнося монолог, который я воспроизвёл практически дословно (впечатался, что называется, в сознание, ну надо же...), Ж. Ф. не то чтобы расцвёл в моих глазах таким цветиком-семицветиком и не то чтобы я теперь готов был за здорово живёшь простить ему ту реальность, что ждала меня с его нелёгкой руки за воротами военкомата...

Вспомнить отчётливо видение, которое предстало в тот момент передо мной, я не берусь, слишком много было там намешано... Но примерно так, да: предо мной стоял теперь никакой не Кощей, и даже не злой, зело сумасшедший, ботаник, какие мне встретились и в «Обществе», точно так же обкурившийся каким-нибудь «шалфеем предсказателей», или проглотивший говорящий кактус-плющ... и при этом свихнувшийся на идее помешать... вот именно мне... окон-

---

¹ В «азимовском» смысле (см. «Конец вечности»).

чить университет... и толкающий тем самым меня в свою очередь к помешательству...

Нет-нет, передо мной теперь стоял человек, не имевший ко мне... ничего личного. Только «бизнес»... А то, что он своими благими намерениями мостил мне дорогу в ад... Так, во-первых, изменить уже ничего нельзя было, во-вторых... ну, он же объяснил почему. Т. е. не то, чтобы я был готов пожертвовать собой во имя сохранения страны, пусть даже «лучшей страны в мире»... — к тому же, повторяю, тогда его речь воспринималась... ну не как полный бред, но наполовину, как минимум... кто ж знал, что всё окажется в точку, и что теперь, вспоминая его монолог, я немного поёживаюсь, честно говоря, как всегда, когда сквозь форточку дует сквознячок антивремени...

До его объяснения мне казалось, что он сердцевина, центральный узел механизма, выстроенного специально для моего уничтожения... А теперь я видел, что он — Вычислитель... И при этом, что это не моя, не только моя, история...

В лифте я встретил профессора Ц. Ц., преподававшего нам историю КПСС. Он то ли узнал меня, то ли принял за кого-то другого, но так это... чересчур энергично поприветствовал. А я, глядя на него, машинально подумал: «А может, этого? Ж. Ф. оказался последним честным коммунистом перед заставой... А что здесь делает этот хмырь? Ставит оценки, не слушая ответа... Может, это и есть источник заразы... рыбы, гниющей с головы...» Он вдруг скосил глаза, быстро посмотрел на лацкан своего пиджака, потом хлопнул себя по голове и сказал: «Вот ведь чёрт, забыл!

Забыл значок! Знаете значок... вы его тоже получите по окончании, когда диплом будете получать, ромбик синий такой, вы наверняка видели». «Вам-то зачем этот значок... если у вас уже есть диплом?» — спросил я, чувствуя, что всё это, может быть, таки да: сон.

«У нас сегодня встреча выпускников, — сказал Ц. Ц., потирая ручки, — мы на неё всегда приходим со значками».

Я вышел на улицу, повернулся к Зданию и задрал голову. Так постоял какое-то время, а потом нашёл себя на Московском проспекте, на мосту через Лопань, или Харьков, я всегда путал реки, может быть, это была Журавлёвка.

Что бы там ни текло под низким мостом, мерцало оно тускло, и я долго стоял и смотрел на текучую темь. Я не чувствовал себя больше тем, что по-английски называется «entity», а по-русски никак не называется, ведь целым я и раньше не был... но представлял собой всё же какое-то единство противоположностей... Теперь же внутри было то, что снаружи, а снаружи была мряка: мокрый ветер, рябь на воде, дома-призраки набережной, тусклые отсветы на низких тучах... В руке у меня при этом был нож, а то, что нож был не совсем обычный, облегчало новую задачу... Почему-то я об этом не думал, когда намеревался всадить его в тело Ж. Ф., но теперь, направив его в противоположную сторону, я вспомнил, как он висел у лба, не только моего, но и чужого... И, по-прежнему не в силах ни объяснить, ни опровергнуть феномен (а как я мог это опровергнуть, если сам сидел у Николая с ножом на лбу?), я сказал себе: наверно это не простой нож, или просто не нож, вещь, которая открылась китайцу, который написал, что если, мол, узнаешь,

что сознание не является вещью, то поймёшь, что и вещи не являются вещами... Не может же быть, чтобы он висел тогда, но он висел, вот именно потому, что он не весил...

6. INSIDE MARK V

Ну что ещё можно сказать... Кажется, я был самым сумасшедшим призывником в тот год, но именно меня-то и не признали таковым врачи медкомиссии, что не так уж странно, если учесть, что я им ничего не заплатил, а учебник полевой психиатрии пролистал перед этим точно так же, как по истории КПСС и политэкономии: в одно ухо влетело, в другое вылетело.

И в назначенный день и час я стоял в не то чтобы пёстром, скорее в несурразном каком-то строю — а так всегда кажется, когда в строю стоят в гражданской одежде... — во дворе Исторического музея, сразу за зелёными железными воротами, и с укоризной поглядывал на такой же зелёный, как ворота, танк времён Первой мировой войны, по которому я ползал в золотом детстве, как все харьковские дети. С тех пор я его не видел, может быть, он на какое-то время превращался в эскалатор станции метро, которое построили, когда я уже вырос. Да и теперь тоже... я подумал, что танк похож на эскалатор, который виден целиком, со всех сторон и со всем его механизмом, а не только с одной стороны, как в метро...

И снова хотелось по нему ползать и даже...

Заползти внутрь хотелось ещё в детстве, но теперь, когда я лишился «брони», это было бы совсем уже неплохо...

Это правда, что мой дед, имея «броню» (работал на оборонном заводе), ушёл добровольцем в 42-м... А я оказался хлюпиком, я был уверен, что жизнь моя кончена, потеряв «броню» в т. н. мирное время... Ну, то есть была вероятность попасть в Афган, из нашей группы там уже были два человека... в том числе Онищенко, наш рекордсмен по количеству выпитых кружек.

В «Дроздах» он как-то выпил их восемнадцать, а «У Сэ-мэна» вообще двадцать две... Скучает, наверно, там по пиву с таранкой, — думал я, не зная, что безразмерный наш Онищенко заболел в Афгане амёбной дизентерией, провалялся полгода в госпиталях, а потом уже был благополучно списан на гражданку...

И никто не знал в тот момент, куда мы попадём, Афган был не исключён, хотя по каким-то признакам маловероятен — так говорили рядом со мной... При том, что именно Афган казался наименее страшным, — это было глупо, я понимал... Но об Афгане я тогда ещё не наслушался никаких историй, а может быть, даже если бы и наслушался, это не показалось бы мне так ужасно, как армия, в которой я уже, казалось, был однажды, столько я о ней всего слышал, и ничего более омерзительного не мог себе представить, чем служба в так называемой армии в так называемое мирное время.

Так что мне на самом деле хотелось тогда — когда я переминался с ноги на ногу в строю во дворе Исторического музея, — чего-то странного, если не попасть в Афган, то залезть в древний танк и там спрятаться... Почему тогда не в музей?

Не знаю, я запомнил его залы смутно, ходил в детстве с отцом: затемнённые горницы, призванные иллюстрировать крестьянский быт, огромная люлька, в которой качали младенца...

«Что ты на него так смотришь? — сказал парень, стоявший слева от меня, — спроси меня, я отвечу, танки были моим хобби, я о них всё знаю... Видишь пробоины? Они остались не только от Первой и гражданской и не столько — сколько от Отечественной... Ну да, немцы, войдя в Харьков, приняли его за боевой, пока разобрались, выпустили по нему очереди бронебойных зарядов... Ну, ему почти хоть бы что... Этот вид «Марка» называли „гермафродитом”».

«Нет, это «самец», — сказал другой сосед по строю, — ты перепутал, как всегда. «Гермафродит» стоит в Луганске».

«Да? А вот смотри, у него были и пушка и пулемёт...»

«Так поэтому он и назывался «самцом»! Ты хоть помнишь, сколько их было выпущено?»

В этом месте я спросил, а не может ли танк быть «самкой»? Сам не знаю, зачем я это спросил, подумал, наверное, что если танк бесполой... то как же я в нём буду «ховаться»... Хотя в полном тоже может быть неудобно, какой-то мусор...

Оба соседа по строю стали заверять меня, что это точно не «самка»... Но почему не «самка» — я так тогда и не узнал, нас прервали окриком как бы уже из новой жизни: «Разговорички в строю!»...

Чуть позже, в автобусе, я убедился, что два школьных приятеля ехали в армию, пребывая в каком-то странном, растаманском, как я бы сейчас сказал, состоянии...

Как будто в первом классе елозили растачанками по полу детской... Или, в худшем случае, ехали в военный лагерь, который был у всех у нас между девятым и десятым классами: дней пять в лесу, в компании военрука, на самом деле ничего страшного...

Они посоветовали мне вспомнить школьный военный лагерь, но я сказал, что мне не удастся, в моей памяти осталось только то, что мы уничтожили там какое-то количество растительности... А отвоёванные у леса места посыпали песком, вот и всё, больше я ничего о том лагере не помню, стёрт из памяти, белое пятно посреди зелёного леса.

Зато всё, что я слышал о настоящей армии от тех, кто оттуда вернулся, а также от друзей тех, кто оттуда не вернулся... Я как будто видел воочию на расстоянии вытянутой руки.

Например, Толик-Индец, мальчик из моего двора, заслуживший свою кличку тем, что был самым ловким, не драчливым, а вот именно ловким, с ним никто никогда не мог справиться, но из армии он, тем не менее, не вернулся... И я теперь видел, как он висит под потолком на короткой верёвке.

Мы ехали в северном направлении, иногда трезвые и тревожные, иногда пьяные и беспечные, пока я не вспомнил пункт нашего назначения и не соскочил с качелей... Где-то под Черниговом упал с качелей, покатился под уклон, хотя на той поляне не было никакого уклона, и я перекатывался, толкаясь ногой и локтем... А остальное я частично уже описал, так что остаётся на самом деле не так много.

Тогда в сёлах не стояло столько пустых домов, да и планов у меня таких не было, чтобы куда-нибудь забраться, в

зброшенный дом, вообще я плохо представлял, куда бегу, зная только — от чего.

Райцентр N, в который я попал на попутке, тоже неизвестно зачем... Я не повторяюсь, я помню, что уже сказал: бежал куда незнамо, просто городок N ничем не отличался от городка N-1 в этом смысле.

У меня ещё были какие-то карманные «тугрики» (происхождение денег и в самом деле было монгольское), а водитель полуторки подвёз меня вообще бесплатно, так что они пока сохранялись, рублей двадцать, наверное, с копейками.

Помню, что в N текла какая-то серая прозрачная речка, и я успел в ней искупаться, после чего пошёл по улице мимо калиток, где-то там была и автобусная остановка... «Этот автобус идёт к вокзалу?» — спросил я у проходившей мимо женщины. Она слегка отшатнулась от меня, при этом я заметил, как её глаза — точно такие же серые и прозрачные, как местная речка... как бы полыхнули серым светом.

После того как я увидел глаза ещё нескольких жителей городка N, я подумал, что это может быть не дежавю, а заколдованный круг или, если угодно, одномерное пространство, оно же время, где эти глаза соединены последовательно, как лампочки в новогодней гирлянде — когда видишь вторую или пятую вспышку, кажется, что испытывал дежавю, когда видел самую первую, на самом же деле это заколдованный круг, причём в Харькове ощущения — как потом пели в перестройку — «связанных одной цепью» — у меня никогда не было, даже после самого качественного «драпа»... Разве что могло возникнуть пред-ощущение, что вот сейчас что-то

такое, вроде вспышек в глазах прохожих или сами сгустки воздуха, бегущие огни, или бегающие глазки... Но полностью вся эта иллюминация никогда не проступала в Харькове, и впервые я увидел «гирляндный мир» в городке N.

Надо ли говорить, что оставаться там после этого расхотелось окончательно. Не то чтобы это было такое страшное зрелище, особенно как альтернатива печально знаменитой «учебки», куда нас везли... Но неприятно всё-таки... Неприятно то, что среди жителей такого городка невозможно затеряться: тебя видно за версту, если твои глаза не из гирлянды.

И я решил больше ни с кем не заговаривать, а идти куда глаза глядят.

Через какое-то время улочки стали более или менее городскими, дома выросли на несколько этажей, исчезли заборы и калитки... А на одном доме я даже прочёл вывеску «Междугородная связь» и зашёл туда внутрь.

Выслушав меня не перебивая, Тихон сказал:

— По телефону-то зачем было городить... Ну ладно, будем надеяться на лучшее... Лист сложнее всего найти в лесу. Знаешь, кто сказал?

— Очень глубокомысленное утверждение.

— А если леса нет, знаешь, что нужно сделать, по словам того же Честертона?

— Не знаю. Пожелтеть, увянуть, перегнить...

— Неправильно. Нужно вырастить этот лес — чтобы было где затеряться.

— Если на то пошло, я здесь и так уже почти в лесу, до чащи рукой подать, и растить ничего не надо... Но я тебе

позвонил в надежде, что ты меня устроишь к кому-то с крыши. Не все ведь лесники у вас отставные, может быть, подсказешь, к кому можно, я слышал, что...

— Но ты ведь не лист, Андрей, — перебил меня Тихон. — Долго ты сможешь продержаться в лесу?

— Я лист, Тихон. Табула раса.

— Завтра. Там, где мы в первый раз встретились. В три часа.

Добирался я на «перекладных», не столько запутывая следы — я вообще-то решил стать радикальным фаталистом, — но просто так было дешевле, на билет на прямой поезд мне бы, может быть, и не хватило, разве что я бы взял общий вагон, но тогда — чем хуже электричка, идущая из N в N+1... Колхозное поле в окне, закручивающееся смерчком в том месте, куда упирается твой взгляд... Широкое смысловое поле: от чернозёмного до магнитного... А потом снова окно, как экран телевизора, заполняют дрожащие длинные полосы, похожие на помехи, которые появляются, когда на крыше что-то неладное происходит с антенной, только теперь они были не серые, а зелёные: ветви ближайших деревьев, размазанных скоростью поезда, пока не поправляли антенну и возникала та же заставка: пустая платформа, чётко прорисованные деревья, две-три старухи...

Один раз, проснувшись, во время стоянки я рассмотрел настенную роспись: трёх богатырей в привокзальной белокаменной беседке, я вспомнил, как только что на тройных качелях... три танкиста, три весёлых друга... а потом снова пошли длинные зелёные полосы по всему окну — до самого Южного вокзала.

Тихон мне назначил на следующий день, чтобы долго не уточнять. Очевидно, уточняя время, необходимое, чтобы добраться до Х., мы невольно могли уточнить и точку в пространстве, откуда я стартовал... Тихон был «опытным конспиратором», как тогда говорили по поводу и без повода... Ну, тут-то как раз повод был, это был как раз тот случай, вот Тихон и решил, что не надо много болтать по телефону.

И в результате мне теперь предстояло ночь провести неизвестно где. На вокзале было более чем опасно — тогда уже незачем было бежать... Домой я, естественно, идти не мог, и ни о каких друзьях не могло быть и речи. Да и какие у меня были теперь друзья... Не говоря уже о подругах... Неплохо было бы, конечно, познакомиться — прямо на улице, но это ведь бывает шумным действием, во всяком случае, театральным, способным, как назло, привлечь зрителей... В общем, я выбросил эту идею из головы. Общежитие отпадало по той же причине, что и собственная пустая квартира. И оставались, значит, парки, а лучше — лесопарк, причём в той его части, что «лесо»... Мелькнула, правда, не совсем безумная мысль о ночном университете, но я, поколебавшись, отбросил её, вспомнив о своей прошлой годней находке во время ночного дежурства.

Я вернулся на вокзал, где удачно разменял у продавщицы «тошнотиков» гривенник и, набрав в автомате номер Тихона, услышал: «У аппарата».

Нет, это и в самом деле была большая удача, холодно было уже спать на траве лесопарка, холодало ведь, да... и одновременно, как бы сказать, солнце безумия, превращающее свой временный футляр в как бы не-совсем-человека...

внутри меня к тому моменту не то чтоб совсем погасло, но как-то уже не так грело изнутри, чтобы спать на осенней траве, или даже скамейке...

К счастью, мы уже сидели у Тихона дома и пили чай из трав, которые он собрал на Яйле. Единственный действующий лесник, по его словам, остался примерно там же, в Крыму, и Тихон не видел причин, по которым я должен был бы проделать длинный и опасный для меня путь в его — последнего лесника — владения, пусть это и было бы на самом деле архиконспиративно: горы, глухое ущелье, заповедник... Ну и плюс характер лесника, нрава он был довольно крутого, по словам Тихона, и не факт, что после выяснения отношений мне не пришлось бы искать себе ночлег в лесу, пусть и крымском, но всё равно уже не сезон, и зачем тогда ехать, а потом добираться горными тропами до хижины этого человека... «Нет, нет», — сказал Тихон, и я не стал спорить, хотя, по правде говоря, я звонил ему из N вот именно с целью узнать координаты действующего лесничего, и первая мысль при этом была о крымском — я о нём был немного наслышал...

Глядя на домашнего Тихона, одетого во что-то среднее между длинной байковой рубашкой и халатом, в толстых очках, в которых я раньше никогда его не «бачив», я вдруг вспомнил, что он не только член «Общества лесников», но ещё и... «Общества домовых». И когда я узнал, что первое время он предлагает мне пожить у себя, тихо, незаметно для соседей, я подумал, что вступаю в это самое общество, причём, будучи домовым домового, я буду домовым в квадрате...

— Нет, ты знаешь, не пойдёт, — сказал он, — нет, я так прикинул, не буду тебе всего объяснять, ты ещё маленький...

— О да, — буркнул я, глотая холодный чай.

— Нет, ну есть вещи, которые не нужно объяснять, их или понимает человек, или нет. Есть организации, которые лучше не искушать напрасно, особенно если ты и так у них под колпаком... ладно, проехали... Я знаю, где я смогу тебя разместить.

— И где же?

— А в стену тебя замурую в самом сердце города, там ты и будешь в самом надёжном месте.

Так я оказался в этом забытом подвале университетской библиотеки. Не в Здании и вообще не на площади Дзержинского, а на одной из улочек неподалёку от площади Тевелева, там был филиал библиотеки с достаточно глубоким подвалом, чтобы «залечь на дно» и теперь вспоминать это — как заплывать в подводный грот, вход в который я второй раз вряд ли бы отыскал...

Рабочие, строившие там какие-то перегородки, давно слиняли, забыв несколько пустых бутылок, тазик с раствором, мастерок. По словам Тихона, это произошло уже очень давно, и с тех пор там, наверху — он показал на потолок — уже забыли не только об этих рабочих, но и о существовании этого подземелья.

Штабеля книг соседствовали со штабелями кирпичей, причём так органично, что и сами казались кирпичами, как мы их и звали там, наверху, если они были толстыми: «такой кирпич»... Глядя на этот затерянный мир, я подумал, что на

самом деле всё не так мрачно: тепло, лампочка Ильича, читать есть что, и даже раскладушка каким-то непостижимым образом была в моём распоряжении, может быть, Тихону уже приходилось кого-то здесь прятать, может быть, он сам иногда ночевал, зачитавшись и затаившись, — мне не хотелось в тот момент задавать лишние вопросы, потому что смутное, но, какое-никакое, всё-таки будущее, забрезжившее в кирпичных провалах этого подземного недостроя, было лучше, чем чёрный экран со словом «КОНЕЦ»... Всё это как бы ещё только возникало под рукой Тихона, когда он жестами, как бы расправляя, показывал мне моё временное обиталище, всё было ещё таким зыбким, что вот-вот могло снова раствориться... В общем, у меня была тысяча причин, как говорится, не дышать на эту хрупкую полуреальность, не говоря уже о том, чтобы задавать ненужные вопросы...

— Через несколько дней он за тобой заедет, — сказал Тихон, — такой фургончик на базе «москвича», номер не помню, но ты понял. Он тебя отвезёт в надёжное место. Дом в пригороде, в посёлке за Ивановкой, если тебе интересно.

— Не интересно, я всё равно географический идиот. Где это, на юге города, на севере?

— Это на... Неважно. Важно, что там живёт одна наша хорошая знакомая, звать Нина Синебрюхова, у неё тебе будет, как у Бога за пазухой, и ни одна собака тебя там не унюхает. Надеюсь, ты согласен.

— Ещё бы, — сказал я. — В гости будешь заезжать?

— Почему бы и нет. Я там и так бываю, помогаю ей с садом, яблоки у неё замечательные, налив, антоновка... Когда тепло, я вообще в палатке там живу иногда, есть

там и палатка моя, одноместная, лежит у неё в чулане, но тебе не понадобится, у неё достаточно комнат, а сейчас уже холодно.

— Зачем ты живешь там в палатке, если комнат достаточно? — задал я единственный вопрос, но не получил на него ответа... (Ну да то, что Тихон со странностями, я и так знал... Может быть, в палатке ему лучше слышно было... как яблоки падают.) Но и не нарушил, слава богу, равновесие — я своим вопросом, половинки кирпичных стен вокруг меня остались стоять, тихо лежали груды кирпича и книг на полу, раствор, застывший в тазу и на мастерке, был так же твёрд, а тени растворившихся в воздухе вольных каменщиков, может быть, и лежали по углам, но не беспокоили...

На третий день от скуки я попытался заново развести раствор... чтоб достроить одну перегородку, но у меня не получилось. Так что никакой альтернативы чтению и сну я не видел, а потому читал всё подряд, что попадалось под руку, благо книги, в отличие от пищи, в моём распоряжении были разнообразные, от «Капитала» до Даниила Гранина. Питался же я консервами, которые мне оставил Тихон. Туалет тоже был — дырка в рыжеватом кафеле, если дёрнуть за проволоку, работал слив, в другом углу был раковина, не полностью забитый раствором, а что ещё надо. Снились сны, снился Ж. Ф. из того же рыжего кафеля, стоявший на постаменте вместо Ленина, так же разводя руками. Снилось Алла, да и не только снилась, я думал о ней... Я и сейчас думаю: если бы мы не расстались тогда, я бы сдал этот чёртов экзамен, и всё было бы по-другому, и броня, и тыл...

Причём это был бы надёжный тыл... А так одна передовая, с которой невозможно сбежать, мне снится огромный серый плац, по краям коричневые казармы, бледнолицые дебилы... Были ещё полусны, в которых я шёл по бесконечным коридорам университета с закрытыми глазами и видел человека, который продолжил учёбу вместо меня. Я шёл вслед за ним-самим-собой по коридору университета, растрёпанный, заросший так, что мой двойник из параллельного — и при этом, конечно, лучшего — из миров вообще не узнавал меня. Когда я не выдержал и выругался у него над ухом, он лишь немного ускорил шаг. Потом оглянулся, пожал плечами, фыркнул и пошёл дальше, чистенький мальчик в заграничной кожаной куртке на белом меху, тогда как на мне был какой-то зипун, какой-то драный тулуп, какие-то клочья жёлтой овчины... А у него западные шмотки, непонятно на какие шиши купленные, ну да, стипендия повышенная, но только ведь на 15 рублей, до Ленинской он не дотянул... И глядя на его удаляющуюся блестящую чёрную кожанку... я вспомнил, что он списал у меня решение задачи на вступительном экзамене — без меня он вообще не попал бы сюда!.. Он ни за что, ни за что на свете бы не допетрил... и не посчитал без меня сумму ряда из четвертой задачи, только я смог догадаться о существовании трюка, позволявшего разъять цепочку этих дней с помощью замены в знаменателях... И я вспомнил, с какой колдовской наглостью он прошептал мне сверху — мы сдавали письменный экзамен в «Большой Химической»: «Немножко левее, левее, спокойно, спокойно, вот так... я уже почти всё написал...» Не списал, а вот именно написал, так он сказал,

я это хорошо запомнил... При этом я не уверен был, что не сделал мелкую ошибку, которая, будучи скопирована, может стать для него роковой... Или... для меня? Кто знает, кто у кого списал? — всё это носилось у меня в голове, когда я ходил кругами по площадке возле центрального входа в Здание в ожидании результата.

Но тогда ещё мне везло, и мы оба прошли.

Я открыл глаза и увидел маленького человека в коричневой дерматиновой кепке.

Впрочем, в первый момент он не показался мне карликом, я лежал на раскладушке.

Мы вышли в многоугольный колодец двора, пересекли его по одной из диагоналей и прошли через проходную, на которой никого не было, и вертушка не сопротивлялась нам. За дверью оказалась Клочковская улица, и это было странно, как будто я перешёл туда в одну из ночей, как подземный лунатик... Но я решил не заморачиваться, ну входили, наверно, через другой ход, это же вообще неучтённое, забытое «прымищеня»...

Машину Тихон довольно адекватно описал, разве что цвет был не чёрный, а тёмно-синий, но это уже были совершеннейшие мелочи. Странно было другое: человек, назвавшийся Гришей, сказал, что мне нужно сесть не в кабину, где было как раз два места, а в крытый наглухо кузовок, в фургон то есть, или как его назвать, если сам себя груздём... в будку — именно так я представлял жуткую «будку» живодёров... И даже не из страха, что очередной морок окажется... скорее таксодермистским, чем моторным... я сказал этому самому Грише, что не так уж всё серьёзно, ну то есть

не такой уж я «разыскиваемый преступник»... Так, дезориентированный дезертир... Но можно ехать в кабине.

Однако видно было, что для Гриши этот вопрос был заранее решённый, он молча покачал головой, с громким скрипом отворились задние дверцы, он показал мне моё место: досточку вдоль задней стенки кабины... С которой я свалился на первом же крутом повороте, но я не только об этом не пожалел, я вообще не стал возвращаться. Напротив, я сидел теперь на полу, прислонившись к самым задним дверцам так, чтобы не заслонять крошечное отверстие, не замочную скважину — она была глухая, но недалеко от неё оказалось что-то вроде дырки от пули самого мелкого калибра... От шила, которое не утаишь... дырка была такая маленькая, что осталась бы незамеченной, если бы на передней стенке моей кибитки не возникли серые очертания знакомых улиц... Я узнавал поворот с Розы Люксембург, «Книжковий світ», Дворец труда... Но я не смогу внятно передать, что за чувства я при этом испытывал... Наверно, это как если бы я был дыромолом, вот... и божество, которому я молился сквозь дырку в стене всю свою жизнь, вдруг ответило мне, как-то так... причём в восемнадцатом веке, никакого «волшебного фонаря» я до этого в глаза бы не видел...

Все дома были перевёрнуты, естественно, вверх тормашками, движущиеся картины были серо-белыми и не совсем чёткими, как довоенная хроника... И я трясся в чёрной коробке, уже плохо помня, что она собой представляет снаружи, я бы не удивился, если бы оказалось, что это таки да, «Марк», наконец-то поехал, потому что, во-первых, я этого

ждал с детства, во-вторых, это было бы не так удивительно, как то, что из полой жестянки, из воздуха, сам собой, образовался синеастический мирок, по крайней мере, у танка есть изначально механизм прокрутки и плёнку можно пустить вместо гусеницы, и кто его знает, может быть, тайный механик, стихийный стимпанк, более чем за полвека по ночам переделал... Ануway, это было бы не более странно, чем та передвижная камера-обскура, в которой я въезжал в свой серо-белый город, в то же самое время выезжая из него, и не задумываясь более, что это представляет собой снаружи и в какой я теперь окажусь оболочке. Меня занимало другое: я постепенно привыкал к тому, что всё перевёрнуто, и теперь происходящее на передней стене фургона уже больше напоминало чёрно-белое, немое, но не такое уж старое кино, где всё ещё, тем не менее, шито белыми нитками, и видно, что машина стоит неподвижно посреди павильона, а в её окошке проплывает нарисованная декорация. И вот я потихоньку начинал распознавать там не только фасады домов, но и облака, силуэты прохожих, птиц...¹

---

¹ Впрочем, при такой разрешающей способности... птиц уже скорее всего дорисовывало воображение.

ДВАЖДЫ
ОДИН

Помолчав, мама добавила: «Мне теперь не нужно больше жить». Я чуть было не спросил: «А как же я?» Если для этого вообще нужны причины. «Он пропал в Израиле, — сказала мама, — в стране, где каждый день только и слышишь...» Я услышал в трубке всхлипы, закурил сигарету и, подумав, что моё молчание может маму обидеть, сказал: «Господи, как он попал в Израиль? Он вроде бы никуда не уезжал».

«Он поехал в гости к тётке Эте. Я тебя прошу, чтобы ты немедленно полетел туда, ты его найдёшь...» Я сказал, что не могу вот так взять всё и бросить. Что я полечу не раньше чем через неделю. Я подумал, что через неделю всё, может быть, прояснится. Так или иначе. В моей поездке уже не будет никакой надобности. В принципе я ничего не имел против того, чтобы поехать в Израиль, я там никогда не был. Но я не хотел и не мог бросать семинар в Голландии, да и в Нью-Йорке меня ждала работа, которую необходимо было сделать в срок. Моё согласие поехать только через семь дней не вызвало у мамы большого удивления. Но она не смогла удержаться, чтобы не сказать мне, что я не брат, не сын и не человек. Я вынужден был всё это слушать, глядя на море, шатавшееся внизу. Кое-где оно вскипало, и пена устремлялась вверх, пытаюсь достать до прозрачного дна ресторана. Я слушал хорошо знакомые упрёки и совершенно не слышал море, которое должно было бы громко шуметь. Отделённое от меня стеклом, море было бесшумным. Его озвучивал голос моей матери. Мне принесли стакан горячего грога, который я каким-то образом успел заказать, я пил его маленькими глотками, периодически повторяя в трубку: «Да.

Да. Я же сказал. Я поеду». В ресторан вошёл человек с растрёпанными рыжими волосами. Его звали Кевин, он тоже был участником семинара. Он сел за мой столик, заказал себе пиво и спросил, что случилось. Видимо, что-то было написано у меня на лице, не очень разборчиво. Я сказал, что мне предстоит ещё одно путешествие. Я должен буду отправиться в Израиль на поиски собственного брата.

— При этом брат у меня довольно специфический, — сказал я, — кроме внешности мы с ним не похожи ничем, никак и ни при каких обстоятельствах.

— А внешне вы похожи? — спросил Кевин.

— Мы близнецы.

— Вот как. Вас нельзя различить?

— Можно. У Стасика вот здесь маленький шрам, над бровью. Когда нам было по три года, я ударил его совком. Кроме того, даже когда мы жили вместе, мы по-разному одевались, имели разные причёски, летом я загорал, а Стас всегда был бледнолицым... И так далее, вплоть до пятой графы. Ну была такая графа в советском паспорте. У Стаса там было написано «еврей», а у меня «русский». Стас всегда всё делал не вовремя, и вообще был асоциален, ему на всё было наплевать. Его отговаривала паспортистка — «Зачем тебе это нужно? — говорила она. — Подумай хорошенько». Но Стас упёрся, как баран...

— А ты? — спросил Кевин.

— А я с самого начала решил записать себе в паспорт папину национальность. Я — нормальный человек. И по этой же причине, как только стало возможно, я уехал в Штаты. Стас остался на родине. Один раз он приезжал ко

мне в гости. Встречая его в аэропорту, я с удовлетворением отметил, что теперь уже вряд ли кому-то придёт в голову, что мы однайцовые близнецы (это выражение само по себе вызывало у меня чувство брезгливости, слава богу, думал я, что при этом не сиамские). Мой брат так сутулился, что казался ниже меня чуть ли не на целую голову, на нём был пиджак цвета грязной свеклы, который он, похоже, не снимал со времён выпускного вечера в средней школе, из карманов торчали мятые книжицы в мягких переплётках, рукава и спина лоснились. На улице он водрузил на нос зелёные круглые очки, которые продавались в аптеках в период застоя. По цене 13 копеек. Для людей с аллергией на солнечный свет.

— Он тоже математик? — спросил Кевин.

— О, нет, — сказал я, — он никто. По специальности библиотекарь, но и в библиотеке он никогда не работал. Обитал то в каких-то котельных, то в сторожках. Сторожил своё вдохновение...

— Он писатель?

— Ну да. А кто нет? В той стране все были писателями.

— У нас тоже, — сказал Кевин.

— Ты имеешь в виду slam poetry. Но то, что писал мой брат, было не слэмом, а спэмом.

— Честно говоря, я не вижу разницы... Трудно было вам найти общий язык?

— Трудно? Да нет, это не то слово.

Кевин посмотрел на часы и пошёл на семинар, а я сказал, что у меня разболелась голова, и остался сидеть, глядя на море.

Следующие пять дней Северное море было цвета кофе с молоком, в перерывах между докладами я бродил с кем-нибудь из участников семинара вдоль берега, если было не очень ветрено, дойдя до конца набережной, мы шли дальше по песку, мимо пустынных холмов, кое-где покрытых рыжей травой. Если был сильный ветер, мы выбирали перпендикулярное направление и шли прямо в море — триста метров по застеклённой трубе пирса, в конце которой был ресторан. Потом я улетел в Нью-Йорк, причём едва рукав транспортёра отделился от корпуса «боинга», как я уснул и проспал весь полёт.

Когда меня разбудил сосед, я не мог поверить, что уже прилетел, только что я ещё шёл по рукаву в Амстердаме. Не иначе, это были рукава фокусника, в которых исчезают, а потом появляются разные предметы. Стас пропал, — вспомнил я, потирая глаза, — попал не в тот рукав?

В компании меня правильно оценили с самого начала, когда я только пришёл на интервью и мой словарный запас состоял из ста слов. Собственно, поэтому меня и взяли на работу, несмотря на очень плохой английский. И не прогадали: язык стал быстро развиваться, а делать эти расчёты я мог бы и левой ногой. То есть я *overqualified*, но при этом я никогда не показываю, что я там самый умный. Если бы я не обладал этими достоинствами, вряд ли я мог бы рассчитывать на отпуск за свой счёт в таком, прямо скажем, неоднозначном случае. Я рассказал шефу, что мать моя просто сходит с ума, что я не могу не поехать. Он спросил, представляю ли я, где искать брата после того, как его не смогла найти полиция? Я ответил, что есть у меня некоторые идеи.

На самом деле никаких идей не было, просто иначе отпуск выглядел бы необоснованным. Тем более после того, как я съездил на семинар, тема которого была никак не связана с моей работой. Я вдруг поймал себя на мысли, что единственный человек, с которым я бы сейчас хотел поговорить о Стасе, — это Бруно. Я видел Бруно всего один раз в жизни, но тем не менее... Это был человек, который помог найти мою вторую половину. А если он сумел мне помочь найти вторую половину, то почему бы ему не помочь найти и первую... Ведь в утробе матери... Мысль моя некоторое время блуждала в пренатальной темноте, а потом я сказал вслух: «Бруно». Вызвать его мне таким образом удалось только в памяти, но я люблю вспоминать эту сцену, и, закрыв глаза, я увидел вагон метро. Я ехал в Квинз, всё это был примерно четыре года назад. Бруно был похож на пожилого Аль Пачино в каком-то римейке. Он приземлился возле меня, поставил на пол пакеты со всякой всячиной, какое-то время он рассматривал их сверху, а потом глянул на меня своими огромными глазами и сказал: «Здравствуйте». По-русски. Я вздрогнул от неожиданности. Меня это немного задело. Я жил в Нью-Йорке уже больше трёх лет, говорил, правда, ещё с акцентом... Но я ведь не сказал этому человеку ни слова... Я хотел ответить ему по-английски, или вообще не отвечать, но мне вдруг стало интересно...

— Как вы догадались?

— О, это пустяки, — сказал он, — поверьте, я легко определяю и не такие вещи. Бывает, что я даже предугадываю события. Просто я давно живу в этом городе и попал в такт... Сейчас я иногда сбиваюсь... Знаете, я ведь помню Нью-Йорк

совсем другим... Вот делал покупки и думал, что это уже не тот город. Лавочки в Манхэттене были другие, они все были разные, фрукты были разные... И какие фрукты, как они пахли! Вы себе представить не можете... Сейчас там всюду одно и то же. Эти корейцы... Вы думаете — «старый болтун», да? Знаете что? Я познакомлю вас с одной женщиной. Это очень хорошая женщина. Вот вам её телефон. Позвоните ей. Она тоже русская.

— Что мне ей сказать? — зачем-то спросил я, уверенный при этом, что никуда звонить не буду. Мне только не хватало советов городских сумасшедших.

— Она меня не знает, — сказал он, — так что это неважно. Меня зовут Бруно, это ей ничего не скажет. Нет, я не из России, а из Польши, но знаю русский, как видите, неплохо. И ещё языков пятнадцать. При том, что я нередко угадываю будущее, я мог бы очень быстро стать миллионером, но... На мне тогда будет висеть столько всякой собственности... Нет, мне не хочется... Вы просто наберите номер, а дальше всё само собой произойдёт. Я должен выходить. Моё почтение, — сказал он, подбирая с пола свои кульки, и вышел на следующей остановке.

С тех пор я не встречал Бруно. При этом я не уверен, что с тех пор вообще бывал в метро. Мы часто потом гадали с Диной, откуда он взялся, или — где он взял её телефон? Предположения были разные, но ни одно из них не удалось подтвердить. Никто из её пациентов не знал никакого Бруно. Да и пациентов-то было раз, два и обчёлся. Дина терапевт и гомеопат, но тогда она ещё работала полуофициально, в чужом кабинете... В конце концов мы сошлись

на том, что если и не все браки заключаются на небесах, то во всяком случае у нас это произошло именно там. Бруно был небожителем. Логичнее было бы встретить его в самолёте или в небоскрёбе, хотя... Я ещё раньше понял, что весь этот город представляет собой транспонированную матрицу. Недаром же Стас (ещё один небожитель) после того, как тут побывал, всё время пытался описать метро. Крысы его не пугали... По его словам, они, выбегая из-под земли, быстро прикрепляют к голому хвосту полосу пушистого меха, и в парке их уже никто не боится... Но особенно Стасика завораживало то обстоятельство, что *«буквы под землёй ездят на колёсиках, и что они свободны... Кто? Буквы! Они там никогда не слагаются в слова!»* Маршруты в Нью-Йоркском метрополитене обозначены буквами. Take A-train, you know. Только и всего. Есть поезда «А», «В», «С», ну и так далее. Некоторые буквы, по-моему, отсутствуют, какие, не помню, но есть ещё натуральные числа. *«...а перед Центральным парком буква «В» расщепляется на две одинаковые «В», как элементарная частица, как будто натываясь на невидимое со стороны дерево...»* Стас написал целый «Лирический комментарий к карте Нью-Йоркского метро», снабдив его, если я не ошибаюсь, эпиграфом из Вальтера Беньямина: «В городе надо уметь заблудиться». Вот в чём у него (Стаса я имею в виду) никогда не было недостатка, так это в «энергии заблуждения»... Что бы там ни вкладывал в эти слова Лев Николаевич.

Стас вызывал умиление у моих друзей и знакомых. Эти его маленькие сборнички, отпечатанные на бумаге, которая называлась «газетной», но так похожа была на туалетную, что...

Впрочем, мы же помним, что было долгие годы туалетной бумагой... Он с важным видом вручал их моим друзьям, а я разводил руками за его спиной, а когда он отходил в сторону, говорил: «Чем бы дитя ни тешилось...» Друзья сочувственно кивали. Я помню, как он распорол пуховик (*заблудился*, пришлось перепрыгнуть через ограду), который я ему накануне подарил. Где-то по дороге домой с поэтической посиделки в Columbia University. Когда я на следующий день спускался в лифте, соседка, глядя на белые перья на полу, недоумённо промолвила: «What in the world was this? Homeless chicken, or something?»

Видно было, что Дина в глубине души не в восторге от того, что я, не успев вернуться, снова улетаю. Но поиски брата — это было что-то святое для неё (потому что у неё самой нет ни братьев, ни сестёр), и Дина не только не возражала, но наоборот, ругала меня за то, что я не полетел туда прямо из Амстердама. Наличие у меня пусть далёкого и странного (впрочем, Стас приезжал ко мне ещё до нашей свадьбы, поэтому масштабов его причуд Дина знать не могла), но всё-таки брата... Нельзя сказать, что мы часто о нём говорили, по-моему, всего несколько раз, но Дина всегда при этом так возбуждалась... В том смысле, что видно было, как ей это интересно и что она очень хочет сама его увидеть. Я никогда не рассказывал ей, как на самом деле выглядят наши со Стасом отношения, вообще не говорил никогда о нём так откровенно, как, например, на семинаре в Шевингене с Кевином О'Нейлом. Тут дело было не только в Стасике, был целый ряд вещей, которые мне бы и в голову не пришло обсуждать с Диной. Зачем? Всё это были фрагменты хаоса,

лежавшего за порогом нашего дома. Стас был одним из них. По меньшей мере. Если только он не олицетворял для меня весь хаос.

Я был рад, что не полетел в Тель-Авив из Амстердама, эти почти праздные три дня в Нью-Йорке были какими-то необыкновенными. Путешествия, недолгие расставания ещё больше катализируют химические браки. Почему химические? Так просто, я сам не знаю иногда, что такое несусь. Особенно когда чувствую себя счастливым человеком...

Дина проводила меня в аэропорт. Она вела машину. Я выпил за завтраком вина, чтобы в самолёте меня поскорее разморило. Мы обнялись, и она ещё раз повторила, что если бы не пациенты, она бы полетела со мной. После этого я пошёл проходить контроль. Я летел на Юг, поэтому весь мой багаж состоял из одной большой спортивной сумки. И не такой уж большой, во всяком случае, она прошла как ручная кладь. В самолёте я вздремнул, сразу после взлёта. Ненадолго, а потом, как я ни старался, мне это уже не удавалось. Сначала что-то с грохотом каталось по полу, и это вызывало у меня беспокойство. Мне казалось, что это если не гранаты, то какие-то важные для функционирования двигателя детали. Когда одна такая штука прикатилась мне под ноги, я поднял её и увидел, что это бутылка водки. Точнее, это была «горілка медова з перцем». Это поразительное слово — или даже буквосочетание — напомнило мне формулу, которая чуть не сделала Стаса математиком:

$$e^{i\pi} = -1$$

— Взгляни, — сказал я ему, — две самые знаменитые трансцендентные константы, мнимая и реальная единицы, и всё это в одной формуле, и кроме этого там больше ничего нет!

Я помню, что даже у этого чайника от такой красоты перехватило дыхание... Но потом он снова задышал, тяжело задышал и... Пошёл сдавать экзамены на какой-то дурацкий, совершенно вымороченный, библиотечно-библиографический факультет Института культуры. Есть, по крайней мере, был тогда в городе такой институт, и в нём такой факультет. Компания грузин, или грузинских евреев, кто их разберет, выпив не одну бутылку, горланила песни, кроме того, в самолёте было множество детей одного возраста, лет десяти-двенадцати, которые всё время что-то друг другу кричали и чем-то бросались. О сне теперь не могло быть и речи. Я пробовал читать книгу, которую подбросила мне в сумку Дина, но это тоже не получалось. То ли обстановка не располагала, то ли книга была не в моём вкусе. Она называлась «Нервные окончания», написала её некто Леся Палей.

Я закрыл книгу и положил её в сеточку на спинке переднего кресла. В которой и забыл её впоследствии. Я подумал, что лечу просто для очистки совести. Потому что если Стаса не нашла израильская полиция, то нечего и надеяться, что его найду я. Мама, возможно, верит, что между нами существует нематериальная связь, или что-то в этом роде, то есть полнейший бред, который здесь даже не рассматривается. Из Нью-Йорка я звонил тёте Эте. Я говорил с ней впервые в жизни. Она была сестрой моей бабушки, но из

своего родного городка они разъехались в разные стороны. Эта жила в Польше.

Во время войны она была в России, она сама туда попросилась незадолго до немецкого нашествия. Её послали в Сибирь, но через несколько лет после окончания войны выпустили обратно в Польшу, и оттуда она вскоре после известных погромов уехала в Израиль. Это было всё, что я знал о тётё Эте.

Чтобы поцеловать её, мне пришлось нагнуться, с плеча у меня слетела сумка, тётя испуганно отшатнулась, но потом снова потянулась ко мне, встала на цыпочки, и я прикоснулся губами к её щёчке. За порогом аэропорта было темно, моросил дождь. Как-то трудно было поверить, что вокруг — Израиль. Ну да, у меня было некоторое сентиментальное чувство. К нам сразу же подъехало такси, водитель открыл дверцу, тётя глянула внутрь, вернулась ко мне, снова встала на цыпочки и сказала мне на ушко: «Нет, нет. С ним мы не поедem». Я перевёл её слова на язык жестов, таксист сердито захлопнул дверцу и уехал. Я спросил тётю: «Но почему?» «У него были плохие глаза, — сказала она, — да, да, не смейся, ты же ничего не знаешь. Здесь есть такие типусы...» Возле нас остановилось ещё одно такси. Тётя посмотрела на водителя и прошептала мне: «Нет, с ним мы тоже не поедem. Нет, нет». Я внимательно посмотрел на тётю. И увидел, что она вписана в светлый овал. Дождь не задевал её... Как будто одна из старых тонированных фотографий выпорхнула из маминого альбома и ожила на лету...

Тётя была чрезвычайно subtilна, но при этом не превратилась в комок, как это бывает с женщинами её возраста.

Фигурка её была совершенно чёткой, белый костюмчик подчёркивал осиную талию. Я был уверен, что в следующее такси мы сядем. Но тётя посмотрела в глаза водителю и сказала: «Нет».

При всём моём уважении к тётинной природной интуиции, благодаря которой только она и выжила в мировую войну, каждый раз вовремя перемещаясь между двумя молохами, при всём моём уважении я, промокнув до нитки... Хлынул какой-то тропический ливень. Я крепко держал тётину ручку, опасаясь, как бы поток воды не подхватил её и не унёс. Мы стояли уже по щиколотку в воде, но и следующего таксиста тётя отвергла. «Плохие глаза». «Вы не боитесь, что мы утонем? — воскликнул я. — Вы посмотрите что делается!» «Нет, нет, ничего. Сейчас мы поедем». Только десятый водитель прошёл тётин face control. Вокруг нас бурлила вода, такси, на котором мы наконец уехали, было длинным «мерседесом» с четырьмя рядами сидений, который больше был похож не на машину, а на подводную лодку.

Но мне бы не хотелось иронизировать по поводу тётинных странностей. Тем более, что в их появлении, или, во всяком случае, обострении, не последнюю роль сыграло исчезновение моего брата. Я согласился бы сыграть роль Стаса, только чтобы успокоить тётю. Это представлялось невозможным, надо было действовать другими методами. И надо было убедить тётю, что я не могу всё время сидеть у неё в квартире. Этя боялась, что вместо того, чтобы найти Стаса, я потеряюсь сам. Выходили на улицу мы только вместе, под большим зонтом, единственное, на что она была

согласна, это отпустить меня куда-нибудь со своим сыном. Но её сын, то есть мой очень дальний брат, всё время был занят. Я его так ни разу и не увидел.

Оказалось, что всю одежду Стаса тётя выбросила в первый же день. И выдала ему взамен часть гардероба своего покойного мужа. Размер подошёл. Остаток гардероба, получившийся после вычитания дяди и Стаса, я вежливо отверг. «Что, такой он был грязный?» — усмехнулся я. «Нет, ну что ты говоришь, — сказала тётя, — нет, нет. Чистюля, такой же, как ты. Я выбросила его одежду, потому что там был Чернобыль. Я слушала передачу...»

Таким образом я два дня провёл в тётинной квартире. Я не очень-то этому сопротивлялся. Всё время лил дождь, было довольно темно, это не располагало к путешествиям. Я отоспался, тётя вообще не будила меня, когда я вставал, тогда и вставал. Она готовила фаршированную рыбу и всё такое прочее. Довольно вкусно, хотя все это сильно отличалось от того, что готовила моя бабушка и другие родственники в Харькове. Что легко объяснимо: польский рецепт приготовления той же рыбы, к примеру, совсем другой. Поэтому у меня не было такого чувства, как будто моё путешествие происходит не в пространстве, а во времени. То ощущение, что мелькнуло в аэропорту. Оно больше не появлялось. Что делать, человек я вообще довольно бесчувственный. По телефону я объяснял маме, что нахожусь под домашним арестом, и это, конечно, сильно затрудняет поиски. Пока всё, что я нашёл, было распечаткой со звонками Стаса, полученной тётей вместе с телефонным счётом. Мы сели с ней за стол в гостиной, и я стал читать

вслух номера телефонов. Если номер был тёте знаком, я его вычёркивал. Таких оказалось совсем немного. Оставшиеся номера я переписал себе в блокнот, а саму распечатку решил отнести в полицию. Возможно, полиции уже было известно, куда звонил Стас, но на всякий случай не мешало им дать эту информацию, кроме того, я всё равно собирался туда зайти.

Меня принял человек средних лет, в голубой форменной рубашке с бляхами. Пилотка, заправленная в погон. Лицо его изображало лень. Или тоску. Выслушав меня, он сказал, что его зовут Шломо, и повторил на своём смешном английском всё то, что мне уже было известно. Последний раз Стаса видел мой родственник, почтенный человек, обладавший большими заслугами перед маленьким государством. «Вообще всё это довольно странно, — сказал Шломо, — у нас всё как на ладони. Я не могу себе представить, куда он мог деться». Дело, по его словам, осложнялось тем, что тётя спохватилась только через три дня. Она была уверена, что Стас живёт у дяди, и то, что он даже не позвонил, глубоко её обидело. Она позвонила сама, но только на третий день. «Конечно, в списке людей, с которыми контактировал Стас, есть люди и не такие почтенные, — сказал Шломо, — но все они видели Стаса до того, как он побывал у доктора Крайтмана». Я спросил, с кем, по его мнению, мне бы стоило поговорить в первую очередь. Следователь пробежал глазами список телефонов и сказал, что номеров несколько больше, чем людей, с которыми он общался. Он пообещал мне сегодня же восполнить этот пробел, а что касается меня, то тут он ничего не может сказать. «Говори с кем хочешь», — он

пожал плечами и предложил мне сигарету. Я достал свои, мы закурили. «А со своим дядей, я имею в виду доктора Крайтмана, ты уже говорил?» — спросил он. «Нет, — сказал я, — я и не думал к нему заходить. Это дальний родственник...» «А напрасно, — сказал Шломо, — нет, упаси бог, к исчезновению он не может иметь никакого отношения. Но тебе, — он указал пальцем, — тебе не мешает с ним поговорить. Во-первых, он очень стар. И он мог не всё мне сказать, мог забыть. Во-вторых, брат братом, но тебе и самому не мешает познакомиться с таким дядей. Он богат. Стасу он подарил большую сумму денег. Может быть, подарит и тебе? А ты мне тогда поставишь бутылку, да, так говорят по-русски?» Я спросил, сколько именно дядя подарил моему брату, но следователь сказал, что этого не знает. Доктор Крайтман не смог вспомнить. Я поблагодарил Шломо за содержательную беседу, встал со стула. «Скажи, — неожиданно вымолвил он, — ты необрезанный?» «Нет, — сказал я, — а что?» «Да нет, ничего, — сказал он, — просто я вдруг подумал, что никогда не видел необрезанный...» «Не может быть, — сказал я, — на такой работе?» «Ну при чём тут работа?» «Ну, я думал, тебе многое приходится видеть. Трупы...» «Тоже все были обрезанные... А твой брат был обрезанный?» «Послушай, это уже выходит за рамки, — сказал я, — тебе не кажется?» Он махнул рукой и сказал, что я его не понял. «Возможно», — сказал я. Напоследок он записал номер моего мобильного телефона, мы пожали друг другу руки, и я покинул кабинет, оставив его хозяина в том же самом состоянии. Лени, тоски. Может быть, даже задумчивости.

Потом я говорил по телефону с Диной. Я сказал ей, что страна мне нравится, что ничего нового про Стаса я пока не узнал, что я уже скучаю и т. п. В Нью-Йорке, по её словам, шёл снег с дождём. Повесив трубку, я вспомнил, что вокруг — земля, текущая молоком и мёдом. Я сел за столик уличного кафе и попросил мне их принести. Официантка принесла стакан холодного молока, я спросил, а где мёд? Она растерянно улыбнулась. Рассмеялась и сказала, что теперь поняла. Но мёда у них нет. Я понял, что она отнесла «honeу» в свой адрес. Я спросил её, как это будет на иврите. «Мотек», — сказала она и, улыбнувшись, устремилась к другому столику. Я вспомнил о разговоре с тётей, который произошёл во время моего «домашнего ареста». Тётя высказала предположение, что виновна в исчезновении Стаса женщина. «Он влюбился! — воодушевлённо воскликнула тётя Этя, — и они решили вместе скрыться. Не знаю куда. Ну почему ты так смотришь? Ты не веришь, что человек может так влюбиться? Стас может. А ты — нет, поэтому ты и не веришь». Я сказал, что не верю потому, что Стас не оставил никаких следов в книгах записей пассажиров самолётов. «Разные бывают обстоятельства», — пробормотала тётя. Глядя на посетителей кафе, я думал о том, какие это могут быть обстоятельства. И могу ли я на самом деле влюбиться? Официантка перелетала от одного цветка-навеса к другому, как пчёлка, стряхивая пыльцу с очередной своей сигареты. Я бы на самом деле был не прочь... Но влюбиться?

Я сказал: «Здравствуйте, дядя Дан», несильно пожал руку и подумал, что получилось странное словосочетание.

Дано... найти... Как в школьном задачнике. Лицо его было пятнистым, тяжёлые роговые очки сползли с носа, как они не падали, было загадкой. По-русски дядя говорил с сильным акцентом, но свободно, в том смысле, что речь его была затруднена не только на русском. Когда он говорил по мобильному телефону на иврите, он точно так же тяжело подбирал слова. Дело тут было не в языке, а в возрасте. Возраст у дяди был вполне библейский. С моря дул ветер, стало не то чтобы прохладно... Но плавать мне уже не хотелось. Дядя вообще не собирался совершать омовения, во всяком случае, он не захватил с собой купальных принадлежностей. Мы немного посидели на набережной, глядя на мальчишек, бегущих к морю с досками для сёрфинга. Стоя на ногах, никто из них не катался, они просто заходили подальше в море (благо везде здесь у берега мелко, можно далеко зайти и будет по пояс), ложились на доску грудью, и тогда их стремительно несло к берегу. Наперегонки с «барашками», похожими на древесную стружку... Не так чтоб очень похожими... Но по крайней мере так писал Стас. Тогда мне показалось, что это чересчур «кучеряво», да и непохоже, но сейчас, когда мальчишки на самом деле как бы строгают море... Нет, всё равно непохоже, — подумал я, — впрочем, что я понимаю во всех этих «море смеялось» и «приедается всё...» Во всяком случае, море располагает к игре словами... Сами «барашки»... а чего стоят английские прозвища волн, например «skipper daughters», «дочки шкипера»... Я спросил дядю, писал ли он когда-либо стихи. «Да, — сказал он, — и сейчас иногда пишу. Но они на иврите, а ты ведь не знаешь иврит?» Мы пошли в сторону

дядино дома на улице Дизенгоф. «Я слышал, что вы приехали сюда в 27-м году?» — сказал я. «В 24-м», — уточнил дядя Дан, при этом он остановился и провёл в воздухе черту. «Вот здесь тогда был песок. Но ты всё это уже слышал. «Превратили пустыню в цветущий сад» et cetera. В общем, я приложил к этому руку. Как это по-русски? Я не помню». «Озеленение?» — предположил я. «Ну да. В этом смысле... А так — из сионизма на практике ты видишь, что получилось. Как из любой идеи. Идеи хороши на бумаге». Я не стал ничего отвечать на эти его слова. Они предназначались для местного употребления, а я был гостем. То, что меня окружало, мне нравилось. Но это ведь был взгляд туриста. И потом, у меня не было никогда никаких идей. А у дяди были, по крайней мере, у его родителей, когда они приплыли сюда... Когда мы вошли в подъезд, дядя сказал: «Минутку, я посмотрю почту». Открыл свой ящик и достал жёлтый конверт. В лифте он разорвал его и извлёк несколько соединённых скрепками страниц. Посмотрел и перевернул их ко мне. Я увидел рисунок какого-то растения. «Ты, конечно, знаешь, как оно называется», — сказал дядя. «Нет, — сказал я, — растений, которые я знаю по имени, катастрофически мало. Не больше десяти. Как будто память моя состоит в основном из пустыни. И я никак не могу из неё выйти». Он слабо улыбнулся. «Но это могло бы войти в десятку, — сказал он, — *dionea muscipula*, по-русски — венерина мухоловка. Семейство росянковых. Растёт в основном в болотах Флориды. Прикосновение к ней вызывает раздражение шести чувствительных волосков. Происходит складывание листа, и неудачливое насеко-

мое...» Дядя раскрыл передо мной ладонь. И сомкнул кулак. «А почему вам это прислали?» «Из университета, они всё ещё помнят обо мне, шлют свои статьи, зовут на семинары. Но мне что-то всё это не кажется интересным», — говоря это, дядя просматривал текст, следовавший за рисунком. Мы вошли в квартиру. Гостиная была многоугольной формы, стеллажи с книгами, среди которых мне бросились в глаза тома старой «Британики». В одном углу стоял аквариум без воды, с голым каменным ландшафтом. На стенах в рамках висела целая серия рисунков, на которых были изображены цветы с явными антропоморфными чертами. Их я где-то уже видел... «The Wall», фильм Алана Паркера. Но странно, — подумал я, — откуда они здесь?.. В фильме они были рисованными вставками, и теперь на стене дядиной гостиной создавали ощущение наложения миров... Ещё они напомнили мне аппликации, которые мы делали в младших классах к 8-му Марта... И это растение в конверте... Я вспомнил, что когда дядя спросил меня в лифте, у меня в голове мелькнуло слово «ризом».

Стас назвал меня как-то «ризомером», а когда я спросил, что это такое, он ответил: «Этб — кентавр, составленный из резонера и холстомера». А вы как думали, Стас у нас был начитанный мальчик... Кентавры, оксюмороны — это была его стихия... При этом мальчик всегда был не прочь поиграть с трансформерами... А я не знал, как выглядит ризом, и теперь, когда я разглядывал листок с венериной мухоловкой, который дядя положил на журнальный столик, у меня появилось подозрение... Совершенно беспочвенное, разумеется, ведь ризом, если не ошибаюсь, — это род корня...

А не корень рода? Или, может быть, корнеплод? Я предупредал дядю, что не силён в ботанике.

Дядя сказал, что у него неважное настроение, потому что накануне он побывал на похоронах своего старого друга. «Он умер на ходу... Так вот шёл, и пошёл, и пошёл...» — дядина рука сделала несколько волнообразных движений. Мне хотелось его утешить. Ничего лучшего, чем несколько строк всё той же поэзии, мне не пришло в голову. Но мои цитаты дядю не интересовали. Он отмахивался от них, как от мухи. «Ни тьмы, ни смерти нет...» — начал было я. «Ну да, ну да-а-а-а», — сказал дядя Дан тоном, не оставлявшим никаких сомнений в том, что следует перейти к другой теме. Я спросил его, о чём они говорили со Стасом. «Мы долго говорили, — сказал он, — я рассказывал о наших предках, рисовал генеалогическое дерево... Ещё я помню, что дал Стасу свои стихи. Я не знаю зачем. Они на иврите. Он не знает иврит. Но взял. Сказал, что, может быть, переведёт. Не зная языка? — спросил я. Он сказал, что у него есть друзья, которые сделают подстрочник. Так вот мы говорили, обо всём понемногу. Вторая мировая война, наша дивизия в составе Британской армии. Я занимался стереометрической съёмкой местности. Тогда это было новшеством... Я сейчас не настроен всё это вспоминать. Тем более, вот только что рассказывал твоему брату. Прошу прощения, но я хочу лечь отдохнуть. Если у тебя будут ещё вопросы или ты просто захочешь зайти — милости прошу». Я встал. «Погоди, — сказал дядя, — так нехорошо. Надо же тебе что-нибудь подарить». Он подошёл к журнальному столику, потом к шкафу, взгляд его рассеянно блуждал по комнате. Он как-то вдрут

переменился, сразу стало видно, какой это глубокий старик. «Вот, — сказал дядя Дан, — возьми на память». И дал мне пробку от бутылки. Деревянную затычку в форме белки, грызущей орех.

Было душно, я брёл наугад по южному мегаполису, устало удивляясь его размерам, его жизненному ритму. Я не ожидал это увидеть в государстве, которое заочно представлялось мне игрушечным. На деле всё выглядело довольно-таки убедительно. Как говорит один мой коллега: «Если это была галлюцинация, то очень хорошо наведённая». Всюду были пальмы и ещё какие-то растения, будившие во мне неясные воспоминания то ли о Флориде, то ли об Адлере и Хосте... А может быть, я шёл по изнанке дядиной ботанической души... Мне захотелось выпить, несмотря на жару, я примостился на стульчике к столику в открытом кафе и заказал себе виски on rocks. Рядом сидели панки. В здании на втором этаже был магазин CD, на улице было хорошо слышно, что там крутится. Песни сменялись, не успевая доиграть до конца. Играло что-то бессловесное, в духе deerhouse, а потом я услышал голос, который пел:

...lost, invisible here
Tel-Aviv and Agadir...
...tell me why you are here
I came to disappear...

Я хотел было встать и подняться на второй этаж. Убедиться, что там магазин, а не студия с караоке. Но кто-то поставил следующую песню, и я её узнал, а заодно и этот голос. Это был Майк Стайп из R.E.M. Ну да, рефлексивные движения яблоч... Воздух был по-прежнему жаркий,

темнота не несла с собой ни капли прохлады. Я допил виски и вертел в руке пустой стакан, думая, заказать ли что-то ещё. И вдруг увидел лицо одной своей старой знакомой. Я не очень удивился её появлению, во-первых, потому что был ещё в таком, как бы это сказать... А-а-а — махнём рукой — лучше не говорить. Да и ничего такого... Во-вторых, я был уверен, что обязательно кого-нибудь встречу в Израиле прямо на улице. Было бы странно никого не встретить. Когда она села за мой столик, я увидел, что её лицо составлено как бы из отдельных элементов. Вроде бы, тех же, что и раньше, и границ не было видно, во всяком случае, в сумерках... И всё же лицо производило сложное впечатление.

Я сказал: «Ты совсем не изменилась». Видимо, это прозвучало неубедительно.

— Постарела, — вздохнула она.

— Марина, это тебе только так кажется, это...

— Ну какая я Марина?

— Прости. Но ты не изменилась, это правда.

— Ты тоже. Но у тебя склероз!

— Нет, в этом смысле я не меняюсь, склероз у меня с детства.

— Так-таки с детства...

— Да-да! Знаешь, как я в детском саду искал носок? Ищу-ищу, и не могу найти. И всё, и хоть ты тресни. А потом оказалось, что я надел два носка на одну ногу.

— Вообще-то это наглость — сравнивать ситуацию, когда ты назвал одну женщину именем другой, с ситуацией, когда ты надел два носка на одну ногу.

— Согласен, — сказал я, — Тамара? Ну конечно — Тамара!

— Ты прощён. Ты давно приехал? Насовсем?

Я рассказал ей про Стаса. Она не знала, что у меня был брат.

— Послушай, а ты не шутишь? — спросила она. — Я бы такое запомнила, близнец... — Она как-то странно смотрела на меня своими большими каштановыми глазами. — Мне, по правде говоря, уже надо бежать, — сказала она, — дай мне свой телефон, я хочу узнать, найдёшь ли ты его. — Я написал на обратной стороне своей визитки тётин телефон и дал визитку Тамаре. Прежде чем уйти, она вопросительно глянула на меня... Но, может, мне показалось. Я нашёл у себя в кармане подаренную дядей пробку и сунул её в рот наподобие соски.

Я не сразу вспомнил её имя, она вообще не вспомнила, что у меня был брат... Так и поговорили. Но у меня есть брат, чёрт возьми. Нас всегда было двое. Зачем она это сказала? Не знаешь, так молчи. И так ведь отсутствие человека, который с детства напоминал мне о множественности, создавало в тот вечер некое дребезжание бытия... Один рождает два, два рождает три, а три рождает всё многообразие вещей, — кажется, так говорил один китаец. Теперь в этой цепочке зиял пробел, всё запросто могло рассыпаться... Да нет, — говорил я себе, — это просто здешний воздух, этот тёмный зной... И потом — я ведь давно уже обходился без напоминаний. Ещё до отъезда в Штаты я не так часто видел Стасика. На самом деле всё реже и реже. Так что если я днём

немного перегрелся на солнце, не надо во всё винить его отсутствие... Вообще откуда она взялась? Тамара? Напрягая память, я вижу её на матрасе, расстеленном на полу в пустой квартире... Неплохая фигура... Единственная лампа, вообще-то настольная, тоже стояла на полу...

Во рту у меня была пробка от бутылки, или уже сигарета, было темно, официанты (служители ночи) гонялись за остатками красок и растворяли их в чёрном цвете... И это тоже была всплывшая в памяти цитата. Мог он здесь остаться, — думал я, — инкогнито? Да нет, вопрос: в принципе мог он захотеть этого? Официанты рассчитывали посетителей, те поднимались и уходили, но красок на самом деле не становилось меньше, потому что всюду горела реклама. Она и определяла палитру ночи, а вовсе не светлая одежда или волосы посетителей. Крымские наработки Стасика здесь бы негодились. Надо полагать. Впрочем, что я об этом знаю, — думал я, — *it's not my cup of tea. But I need one, another one, really.* Мне немного нездоровилось — акклиматизация, небольшой тепловой удар... Когда чай принесли, недомогание уже почти прошло, я курил и рассеянно смотрел на тёмно-янтарный стакан, в котором плавали какие-то водоросли... Наверно, я заказал чай с мелиссой...

Следующие три дня я провёл во встречах с «олим хадашим» (новыми репатриантами) из телефонного списка. Всюду мне наливали красное кармелевское вино... Или правильно «кармельское»? По мне, оно было карамельным, я давно уже не пил сладких вин. Мне трудно было представить, что может быть общего у этих радушных сим-

патичных людей с моим угрюмым братцем. Впрочем, все они говорили, что Стас, побывав у них один раз, больше не звонил. В двух местах меня после третьей рюмки упорно называли «Стасом», я не поправлял их, какое это в данном случае могло иметь значение? Ничего нового никто из них всё равно не имел мне сообщить. В одном доме хозяин был не так радушен, по намёкам, которые его жена успела сделать, пока он ходил на кухню, я понял, что у Стаса с ней когда-то что-то было...

Заиграл телефон, мама грустно спросила: «Ну что?» Я рассказал ей про работу с телефонным списком. Мама сказала, что Этя жалуется на мою невнимательность. Я был удивлён, я думал, что у нас с тётёй установились прекрасные отношения. «Она ничего не говорила, но я по её тону что-то заподозрила, стала задавать ей вопросы...» Поговорив с мамой, я позвонил тётё и пригласил её есть мороженое.

Мы встретились в городе, нашли свободный столик в открытом кафе. Пока не подошла официантка, тётя два раза пересаживалась с одного стульчика на другой. Потом она встала и попросила меня так подвинуть стульчик, чтобы она сидела в тени. На ней была белая шляпка с розочкой, вообще в тётё было что-то непоправимо грациозное. Я действительно испытывал огромную симпатию к ней, только я не говорил всё это словами, я не умею говорить такие сентиментальные вещи.

— Сегодня злое солнце, — сказала тётя, — оно иногда прямо светит, сквозь всё... Не смотри на меня так, не надо. Я знаю, что ты думаешь, что я ненормальная.

— Да нет же, — сказал я, — с чего мне так думать? Вы имеете в виду озонные дыры, это же всем известно. Правда, я не слышал, чтобы сейчас над Ближним Востоком, но вполне может быть...

— Посмотри, пожалуйста, что там, — сказала тётя, — я отсюда не вижу. Вон там.

Я обернулся и увидел, что поток людей на улице остановлен, разбит на две части, с двух сторон выставлено оцепление, по образовавшейся благодаря действиям военных площадке ходит высокий человек в футуристическом костюме. Официантка принесла нам мороженое и сказала какую-то фразу. Тётя побледнела.

— Тода раба, — сказал она официантке, а потом мне по-русски, — мы уходим. Подозрение на бомбу.

— Зачем уходить? — сказал я. — Смотрите, никто никуда не бежит.

— Я беспокоюсь не о себе, — сказала тётя, — а о Кларе. У неё только что пропал один сын.

— Это достаточно далеко, взрыв не может быть такой силы.

— Это тебе только так кажется.

Я ковырял ложечкой мороженое и смотрел на человека в скафандре. Его движения были медленными и малопонятными для меня. Как будто он делал какую-то китайскую разминку. Разминку...

— Это робот, — сказала тётя.

— Что вы говорите, какой же это робот?

— В таких случаях всегда вызывают робота.

— Да нет же, робот совсем другой. На колёсиках. Или на гусеницах...

— Это новая конструкция.

— Тётя, ну что вы говорите, какая такая новая конструкция!

— Я знаю, что говорю.

Зелёная фигура движется, как при замедленной съёмке. Похоже на компьютерную игру, в которую играют одновременно сотни людей. Мои свободные ассоциации не так уж свободны. Они не очень-то отличаются от тётиных фантазий. Остранение? Ну да, а с другой стороны, кажется, что это человек, надевший data-helmet, data-gloves, и реальность вокруг него виртуальная. Включая всех нас. Как герой «Матрицы», он единственный движется в трёхмерном стоп-кадре. В New York Times я накануне прочёл, что Жан Бодрийяр, выступая в Германии на форуме, созванном под эгидой «Сименса», сказал, что система теперь обязательно обратится против себя самой. Поэтому новые удары просто неизбежны. И что отсюда следует? — думал я. Человек (по моему, тётя уже тоже поняла, что это человек) в скафандре делает руками жест, означающий «отбой», поток людей на улице снова приходит в движение...

Солин встретил меня на террасе возле своего офиса. Он мало изменился, рыжий, косматый, похожий на мультипликационного льва. Только на макушке теперь у него вязаная кипа. Его контора расположена на первом этаже, от зелёной лужайки Солин отделён стеклянной дверью. Оказалось, что он ничего не знал об исчезновении Стасика. Полиция с ним не разговаривала.

— Как ты меня нашёл? — спросил он. Я рассказал про список телефонов. Солин попросил показать ему этот список. Взяв у меня лист, он погрузился в его изучение, как будто это был какой-то тайный шифр. Ещё в студенческие годы было известно, что Солин немного обуян «демоном всеведения» (по-моему, этот термин нам тогда подсказал Арнольд Тойнби). Теперь я имел случай убедиться, что демон Солина не покинул: изучив список, он стал, что называется, мыслью растекашися, совсем как в старые добрые времена у него на кухне. При этом после долгого перерыва в общении мне временами было нелегко ухватить солинскую мысль. Я ещё не потерял нить, пока он увязывал способ управления базами данных «Список» с «датишниками», которые дали ему заказ в рамках проекта новых исследований Торы... Всё последующее я прослушал, задумавшись о своём.

— А что это за метод «Список»? — проснулся я вдруг.

— Ты не знаешь? Это же азы.

— Я до сих пор старался держаться подальше как от программирования, так и от каббалистики.

— Да? И как тебе это удавалось? Я имею в виду программирование. В наше-то время...

— Я работаю актуарием.

— А как же наука?

— А в свободное от работы время.

— Понятно. «И немножко шью» — это называется. Стало быть, ты страхового агента?

— Не совсем.

— Бесстрашный?

— Ну, это преувеличение. Математик в страховой компании, я занимаюсь...

— Да знаю, знаю я, кто такие актуарии. Мне нравятся анекдоты про них, недавно получил целый ворох по e-mail.

— Ну вот, теперь будешь знать ещё один.

— А в чём соль?

— Ну, скажем, актуарий пытается застраховать своего брата задним числом.

— Кстати, неплохая идея.

— Так что это за метод, о котором ты говорил?

— А, ерунда. Мне просто пришло в голову в связи с твоими номерами... Там сочетание некоторых чисел мне напомнило кое-что, неважно... А метод прост — при организации базы с помощью «Списка» каждый элемент содержит адрес последующего, но не того, что стоит за ним в базе, а в каком-то другом смысле, например, по модулю, если элементы надо расположить в порядке возрастания или убывания...

Рядом с солинским компьютером, кроме Торы, лежало несколько книг, по виду художественных, в основном на иврите. Плюс «Листья травы» на английском, «Госпожа Бовари» на французском... Солин ко всему был полиглотом, ещё в университете. Начал он, кажется, с польского, потом был немецкий... Я взял одну книгу, пролистал, взял другую. Солин сказал, что они служат для сравнительного анализа частоты повторений.

— Хочешь ещё кофе? — спросил он.

— Нет, спасибо. О чём Стас с тобой говорил? Он не показался тебе странным? Ты видел его за два дня до того, как он пропал.

— Станным? Я бы не сказал. То есть не более чем. Единственное, что меня удивило, это полное отсутствие эмоций. Мы не виделись десять лет, и вот он приходит, и так: «Приветик», как будто вчера мы с ним целый вечер сидели на кухне. Но ты и сам какой-то... Два сапога пара. Впрочем, я понимаю, что ты из-за него... Может, зайдёшь вечерком, и Витка будет рада...

После десерта из фруктов со взбитыми сливками Солин предложил пройтись на пляж. Поплывать в ночном море. Хорошо снимает усталость после работы. Вита осталась дома укладывать детей, мы набросили на плечи махровые полотенца, вышли на улицу.

— По дороге посмотрим машины. Если ты не возражаешь, — сказал Солин. Я кивнул, и мы пошли по дороге, заставленной машинами. Примерно каждая пятая продавалась, мы с Солиным останавливались и читали объявление, приклеенное к стеклу. В конце концов мне это надоело. Солин списал данные выдавшей виды «альфа-ромео», положил блокнот в накладной карман своих огромных шорт и сказал:

— Экий ты нетерпеливый. Я уже вторую неделю ищу. И не ропщу, это же важное дело...

Моря не было видно, фонари освещали только песок. Тусклый жёлтый свет, маленькие барханы...

— У меня дежавю, — сказал я, протирая глаза.

— Ну правильно, — улыбнулся Солин, — потому что ты еврей.

— Нет, — сказал я, — тут что-то другое. К тому же я недавно читал, что восточноевропейские евреи — потомки не семитов, а хазар.

— Это враньё, — сказал Солин, — но если ты не веришь, что ты здесь был, тогда дежавю означает не что иное, как переполнение оперативной памяти.

— Да ну тебя к чёрту, Солин. Я — человек.

— Ну и что? Если мы исследуем Божественное сознание с помощью машины, неужели ты думаешь, что человеческое не поддаётся?

— Не поддаётся, — сказал я, разоблачаясь, — такова моя вера. Хотя я, конечно, не силен в новейшей цифровой теологии, прости.

— А в ихтиологии? — сказал Солин и с шумом забежал в ночное море.

— Кого их? — крикнул я, но он уже был под водой и меня не услышал.

Когда мы пришли, Вита спала, мне было постелено на канапе в комнатке, служившей Солину кабинетом. Книги были не только здесь, но в других помещениях они перемежались с посудой, да и полки не покрывали все стены, в двух местах в коридоре они превращались в лесенки шведских стенок. Здесь же кроме книг ничего не было, книги занимали все стены от пола до потолка. Даже окна в этой комнате не было. Или оно было заставлено книгами?

— Слушай, у тебя есть Бодрийяр? — спросил я.

Солин сразу не ответил, из чего можно было сделать вывод, что Бодрийяра у Солина нет. Но он не мог так просто признать наличие таких дыр в своей библиотеке.

— Зачем тебе Бодрийяр? — спросил он.

— Я в газете читал о его недавнем выступлении, что-то о системе, которая сейчас обратится против себя...

— Вот прямо сейчас? Он это ещё тридцать лет назад твердил, — сказал Солин, — при чём же тут газета?

— Не знаю, там это выдают за его последнее выступление. В общем, я хотел полистать перед сном. Стасик, кстати, его любит, ты знаешь?

— Я тем более не понимаю, на кой чёрт Бодрийяр Стасику. Все эти симулякры. Слово-то какое. Тьфу.

— Ну правильно — это помогало Стасику симулировать мышление.

Солин усмехнулся. Он курил голландский табак «black captain». Пахло аппетитно, я попросил у него трубку. У него была целая коллекция трубок, я тоже ему когда-то дарил на день рождения...

— Так у тебя нет Бодрийера, — сказал я.

— Что мне делать, — буркнул Солин, — чубук тебе набивать или Бодрийера тебе искать?

— Сначала трубку.

— Стасику зачем он нужен, ты объяснил. Ну а тебе?

— Я же говорю, какие-то новые у него мысли. Как-то всё это кажется связанным с актуальной геополитикой...

— Актуальной? Брось. Актуарий ты наш. Какие там мысли. Тем более новые... Нет у него никаких новых мыслей, поэтому он и занялся фотографией. А когда надо что-то сказать на своём вернисаже или ещё где-то, он повторяет то же, что и тридцать лет назад.

— Так бы и сказал, что у тебя его нет.

— Ты же не читаешь на французском, и что бы тебе дало, если бы у меня он был? Не думаешь же ты, что я бы стал читать его в переводе? Но погоди, я найду философский

словарь, может, это тебя удовлетворит. Словарю, заметь, двадцать лет. Ага, вот он, Бодрийярчик. Читаем. Та-та-та, вот... Нет, немного перед этим:

Три типа дискурсов (экономический, психоаналитический и лингвистический) пытаются замаскировать амбивалентность жизни и смерти, противопоставляя производство «отдариванию», желание — «инстинкту смерти», смысл — «анаграммам». Бодрийяр делает ставку на обратимость дара в отдаривание, обмена в жертву, времени в цикл, производства в разрушение, жизни в смерть и всякого лингвистического значения в «анаграмму». С его точки зрения, во всех сферах обратимость (циклическое обращение, аннулирование) есть одна всеобъемлющая форма. Она кладёт конец линейности времени, языку, экономическому обмену, накоплению и власти. Бодрийяр выделяет три стадии социальной истории вытеснения смерти, три строя «симуляции» (так называемые «симулякры» трёх порядков), параллельные видоизменениям закона стоимости: подделка социального с её метафизикой бытия и видимости (от Ренессанса до промышленной революции); производство социального с его диалектикой энергии (труда) и законов природы (промышленная эпоха); симуляция социального с её кибернетикой неопределённости и кода. На этой последней стадии, как считает Бодрийяр, становится возможным подрыв системы...

— Ну вот, — Солин оторвался от словаря, — могу себе представить, что бы было, если бы всё это осуществилось.

— А что?

— Всё превратилось бы в сплошную манную кашу. Остывшую и с такими комками, брррр... Но по сути то же, что в газете, нет? Тут ещё немного текста, считаешь перед сном. В общем, он теперь фотограф. А это в моём понимании абсолютный нуль. Клац, клац. Тик абсолюта.

— Что-что? — удивился я.

— Неважно, — махнул рукой Солин, — хватит об этом... Скажи мне другое. Тебе не приходило в голову, что Стас мог уплыть?

— Как уплыть?

— Уплыть на корабле, на пароме, прямо из Хайфы. Полиция проверяла эту версию? Хотя я бы на твоём месте сам проверил, понимаешь, полиция вряд ли так уж серьёзно будет заниматься исчезновением какого-то негражданина, у неё хватает сейчас других дел. Ты вообще ходил в полицию?

— Конечно.

— Ну и что, они нормально с тобой говорили? Не сказали что-то вроде... «А был ли мальчик?»

— Нет, следовательно говорил со мной нормально. Вполне вменяемо. Я спрошу, хотя я уверен, что он проверял списки не только пассажиров самолётов, но и кораблей.

— И всё же, и всё же... Всё надо проверить. Ты говоришь, что дядя дал ему большую сумму денег, ты даже не знаешь, какую. Он мог... Он мог, скажем, очень быстро принять гражданство, изменить фамилию, имя и улететь в качестве какого-нибудь Хаима Зева Това в новую страну и с новым паспортом.

— Зачем?

— Мало ли зачем. Может быть, женщина...

— Ну да, это я уже слышал.

— Или роман решил написать в полной тишине. Мы можем только строить гипотезы. При этом он может быть и в Израиле, только фамилия другая. Советую тебе поработать в этих направлениях.

На следующий день я позвонил следователю и задал ему вопросы, которые накануне возникли у Солина. Возможность принятия гражданства и смены фамилии Шломо не то чтобы исключил, просто всё это уже было проверено. Что касается парома... «Там такой балаган, — сказал Шломо, — может, и уплыл. Хотя у него ведь не было визы, ни кипрской, ни греческой, никакой. Может, так и плавает, туда, сюда, и никуда не пристаёт? Ну ладно, шучу. Если хочешь, я позвоню в порт, только ты сам будешь искать его в списках, ладно?» «Ладно», — сказал я. «Тут вот ещё что, — сказал Шломо, — я звонил в Иерусалим. По телефону, который был в твоей распечатке. Там у Стаса оказались друзья, с которыми неплохо бы тебе поговорить. Стас с ними познакомился уже здесь. Я примерно представляю себе эту публику. У меня почему-то такое чувство, что они что-то знают. Может быть, то, что они знают, и не имеет к твоему брату прямого отношения, но всё же... В общем, я бы пошарил в этом тумане, если бы у меня время было». Он продиктовал мне телефон, я позвонил, мне ответил мужской голос. Я попросил говорить по-английски. Мне сказали, что меня могут принять только через три дня, я их чудом застал дома, они прямо сейчас уезжают с палатками на Кинерет.

Я поехал в Хайфу, посетил порт, выслушал от служащих заверения в том, что того, чего не может быть, не может быть никогда. Всё же я уговорил их сделать ещё несколько запросов базы данных. Результат легко было предугадать. После этого я заехал к своим старым друзьям, проживавшим как раз в Хайфе, по правде говоря, это уже было вне всякой связи с моими поисками.

Тем более странно было узнать, что Стасик у них побывал. К тому же он забыл у них свою тетрадь! Страницы были испещрены знакомыми мне каракулями... Как это было и раньше, тут и там появлялась чайка, или женский лобок, их никогда нельзя было отличить в его тетрадях...

«...глотнув в Бен-Гурионе кипячёного воздуха, я почувствовал, что болото, в котором я зимой утонул, осушили, по привычке я ещё то и дело покашливал, каждый раз ожидая, что рот заполнит зелёный сгусток, и придётся его везти до следующей остановки, и можно будет выплюнуть только при выходе из метро, но ничего этого не было, при том, что город, окружавший меня, был плотным, я и сам не вызывал у себя сомнений, хотя только что, перед посадкой, мне показалось, что самолёт пройдёт сквозь эту землю, как перед этим сквозь слой облаков, а в феврале врач районной поликлиники, посмотрев флюорограмму, отправил меня в тубдиспансер, мне там сделали повторный снимок, и тамошний врач диагноз опроверг, а когда я спросил, что было на прошлом снимке, он сказал: «Ничего. Просто наложение теней», и я повторял эти слова вслух по дороге домой, отбрасывая сразу две или три тени, которые удлинялись, потом укорачивались, исчезали и снова росли, от фонаря к фонарю,

будто передавались по проводам, а я был наложением, шёл по проволоке, как телеграмма, как дама, адама анаграмма, наложенным платежом, а потом этот чай со зверобоем, чёрный старик в Тель-Авиве, который сказал, что это строят не метро, а тоннель для тех, кто лёг в чужую землю, когда придёт Мошцах, им придётся катиться под землёй, ещё до этого тётя, похожая на солнечный зайчик...»

Дальше было тщательно заштриховано. Я засиделся у Голобородских, они уговорили меня остаться. Инна прекрасно выглядела, в сущности, она совсем не изменилась... Если бы я увидел её впервые, я бы подумал, что это у неё силикон, потому что грудь выглядит фантастически. Кажется, что натуральная такой не бывает... Но я-то знал, что грудь у неё была в точности такой же, когда нам ещё было по пятнадцать лет... Я вспоминал, как на первом курсе Миша, прежде чем пригласил её на свидание, позвонил мне и спросил разрешения. Я удивился, у меня с Инной ничего не было. «А мне сказали, что вы были чуть ли не женаты», — сказал Миша. Я рассмеялся и объяснил ему, что это полный бред, просто наш учитель математики «переженил» нас всех в восьмом классе, это у него шутки были такие.

— Да, это приятные воспоминания, — сказал Миша, — ну признайся, что ты немного жалеешь.

— Я счастливо женат, — сказал я, — но жалею, конечно. Можно было на правах одноклассника воспользоваться правом первой ночи...

— Ну это ты брось! — погрозил пальцем Миша. — Что мы с ним за эти наглые слова сделаем, Ин? Мы положим его спать в гостиной, а не в комнате для гостей.

— А это у вас не одно и то же?

— Нет. Стасик тоже спал в гостиной. Вот гляди, что тут происходило, целая битва.

Миша подвёл меня к белой стене и указал на пятнышки. Это были раздавленные комары.

— Стасик признался, что почти не спал, — сказал Миша с трагической интонацией, — насекомые не давали. Он вставал, ходил по комнате и бил их ботинком. Попутно он разбил Инкину любимую вазу, ну да бог с ней, бедный Стасик, представляешь, так и не смог уснуть. Комары мало того, что пили кровь, они же так жужжат над ухом... А мы с Инкой спим и ничего не замечаем... Я даже думал, что у Стасика глюки, но потом, когда он ушёл, я заметил, что все стены... просто хоть побелку снова делай...

— И ты поэтому уговорил меня остаться? — спросил я.

— Да нет, ну что ты. Разве же я садист. У нас теперь есть средство. Смотри, ты будешь защищён, ты будешь спать как убитый.

— Что за средство?

— Таблетка!

— Ты решил посадить меня на «колёса»?

— Размечтался. Нет, таблетка вставляется в этот прибор. А прибор в розетку. Вот так. И никакой комар сюда не сунется. Мы проверяли. Комар носа не подточит!

— Но вы и так их не замечали... Ладно, я не такой тепличный юноша, как Стасик.

— Я не хочу среди юношей тепличных... — начал было Голобородский и задумался.

— А давай мы ещё выпьем? — сказал он. — Когда ещё увидимся...

— Вы вечно пикировались со Стасом, — сказал Голобородский, возвращаясь в комнату с двумя банками пива, — интересно, вы так с детства?

— Нет, в детстве нет. Так, случайные драки. И юность была мирной.

А потом... Я не могу теперь даже точно вспомнить, когда между нами выросла стена. Но вот тебе некоторые этапы. Первый — это когда он начал писать. Второй — когда он посидел полгода в этой лаборатории у Ковальчука. Третий...

— Погоди, погоди, в какой такой лаборатории? Стасик и лаборатория? — Миша сделал большие глаза. А потом посмотрел в дырочку пивной банки. Как в замочную скважину.

— Ковальчук вообще-то звал туда меня, но когда я узнал задачи этой лаборатории, мне перехотелось. А Стасик пошёл, ему это было интересно. Там был тот ещё список тем. От гештальттерапии до «новой онтологии»... И потом — надо же ему было где-то работать. По крайней мере, тогда он ещё так думал. Вот, и после этого... Раньше Стас как-то ещё робел передо мной, когда речь заходила о серьёзных вещах, а после своей «научной» (я согнул пальцы) карьеры решил, что и сам во всём разбирается. Ну прямо схватил Бога за бороду. Использовал в речи слова «волновые пакеты», «кошка Шрёдингера», как будто он мог что-то в этом понимать...

— А может, он автодидакт. Мало ли... Выучил функанализ, и пошёл, и пошёл...

— Миша, ты спятил. Стас не знает, что такое интеграл.

— А производная? — улыбнулся Миша.

— Какая там производная. Он не знал, что такое предел!

— Но звучит хорошо, по крайней мере, — не знает пред- делов!

— Особенно сейчас, когда он пропал.

— Я надеюсь, что ты его найдёшь. Если хорошо по- ищешь... А как же он тогда работал в этой лаборатории? И что всё-таки это была за лаборатория?

— О господи, — вздохнул я, — да об этом вообще не стоит говорить. Бред, это был просто бред. Университет- ский профессор Трофим Дмитриевич Ковальчук, или Пет- рович, решил открыть лабораторию, которая занималась бы построением квантовой модели основ человеческого сознания.

— Не больше и не меньше, — Голобородский присвист- нул. А потом рассмеялся и стал протирать очки.

— Вот именно, — сказал я, — поиск философского кам- ня... Ковальчук, собственно, и был философом, формально, то есть он преподавал диалектический материализм. У вас на физфаке, по-моему, тоже?

— Нет, у нас нет. Хотя я слышал эту фамилию.

— Да, он был довольно известен. И была у него тоска по точной науке. Он мог, скажем, взять интеграл. Простейший. Вот это Стаса и погубило в конце концов. Поначалу они были душа в душу, но когда Стас представил ему доклад о проделанных штудиях, тот не нашёл там ни одной формулы и выгнал Стасика из лаборатории к чёртовой матери.

Миша рассмеялся и сказал:

— Просто я представил себе всё это в лицах.

— Ну да. Стас тогда поехал в Пятигорск к какому-то по- эту их направления...

— А всё-таки, что конкретно он хотел делать в этой лаборатории?

— Кто? Стас? Книжки почитать, ну и зарплата...

— Да нет, Ковальчук.

— А-а-а... На самом деле он был ещё безумнее, чем мой брат. Ковальчук болея своего рода холизмом... Он хотел там «философски осмыслить» результаты экспериментов одного биофизика. Эксперименты якобы подтверждали феномен Эйнштейна—Подольского на макроуровне. То есть у людей, у которых ампутировали конечности...

— Специально? — с ужасом спросил Голобородский.

— Ну нет, я надеюсь. В общем, воздействовали на конечности, которые людям уже не принадлежали, и ловили сигналы в центральной нервной системе.

— Ну и?

— Ну и что-то там они засекали, во всяком случае, им хотелось в это верить. Но ты же понимаешь, что это бред. Это мог делать только человек, который как раз и не понимает квантовую механику. Стас, надо сказать, тоже почувствовал, что это тупик. Почитав Дэвида Бома... Ну да, благо в книжке нет формул... Он, как ни странно, кое-что понял. «Всё, — сказал он тогда, — у меня теперь нет нервов, один только принцип».

— Вот видишь, не такой уж он и глупый.

— Так ведь это когда было, — вздохнул я, — в юности, сразу после университета. Нет, после моей защиты. Но всё равно... С тех пор он успел сильно отупеть. Я думаю, он уже давно догнал Ковальчука.

— Может быть, они вместе решили вернуться к старой теме? — сказал Миша. — Как раз в Израиле сейчас подходящее место, нет? Такой вот чёрный юмор ты мне наваял. И ещё на ночь...

— Прости. Выкинь из головы. Всё это бред собачий. Почему я вообще вдруг упомянул Ковальчука?

— Я спросил, когда у вас со Стасом стали портиться отношения. А что Ковальчук, ты не знаешь, как далеко он во всём этом продвинулся?

— Куда он мог продвинуться? Это же тупик. Он всё это давно оставил, конечно. Как-то в одном журнале в интернете я видел его комментарии к шизоанализу Делёза...

— Понял. Я пошёл спать, — сказал Миша, — спасибо, что зашёл к нам. Когда теперь встретимся?

— В следующем году в Иерусалиме. Кстати, на что стоит взглянуть в Хайфе?

— Съезди на гору, к университету. Оттуда прекрасный вид. На обратном пути можешь посмотреть Бахайский храм. Что ещё? Ах, да, музей техники, по-моему, очень неплохой.

Противокомариное средство оказалось эффективным, во всяком случае никто не жужжал у меня над ухом. Но я всё равно долго не мог уснуть. Включал свет, выходил курить на балкон, смотрел на звёзды. Южный Крест был прекрасно виден. Возвращался в комнату, смотрел на пятнышки на стенах. Их было очень много. Белое небо, чёрные звёзды — образ бессонницы... И это растение, — вспоминал я, — какая-то жуть, растёт в болотах Флориды... Быть в комнате, на стенах которой капельки засохшей крови

Стасика... Я лёг, открыл забытую им тетрадь и немного почитал.

...хотя «спал» — это, конечно, сильно сказано, корешки книг были виновниками моей бессонницы, кажется, это называется «корешковый синдром» в неврологии, мне егошили когда-то доктора, взгляд, а потом и моя ладонь скользила вдоль полок, на которых чего только не было, я закрывал глаза и пытался уснуть, передо мной плыли машины, номера которых Солин списывал в блокнот, а я просто их считал, Drown by Numbers, и этот олдсмобил, чем был не корыто, и Солин был похож на одного из мужей, а я на мальчика, который пересчитывал листья на деревьях, который сделал обрезание, но обрезание-то как раз сделал Солин, я спросил его, правда ли, что теряется ощущение, но он не ответил... день и сон сплетались и расплетались, фенечка из разноцветных проводков, Катя носила на руке, иногда на лодыжке, как раз, когда всё это случилось, проводки вошли в ткань, ещё и это пришлось разъединять, капилляры, сообщающиеся сосуды... Солин что-то плёл и бормотал себе под нос, толстый, рыжий Солин, сидя на табурете, попыхивая трубочкой, я отдавал себе отчёт, что уже сплю, всё сплеталось и расплеталось, я снова вставал и подходил к книжной полке, говорил на каком-то странном языке, может быть, он получится, если переприслоить буквы алфавита в соответствии со считалочкой из «Кухни ведьм» (Солин читал мне отрывки из «Фауста», сначала на немецком, потом на русском), то есть первая буква будет десятой, а девятая — первой...

Я закрыл тетрадь и положил на пол рядом с ножкой раскладушки. Честно говоря, мне было стыдно за Стаса, продолжавшего всю жизнь писать ерунду... Солин читал ему «Фауста»? А я когда-то декламировал Стасу Лермонтова:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжёлый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.

«Зачем ты мне это читаешь? — воскликнул Стас. — Что ты в этом понимаешь? Он же писал о себе, тут столько горечи, а ты читаешь это с таким довольным видом...»

Через два года я с удивлением узнал, что некоторые из моих друзей читают опусы Стаса «в списках». Серьёзные вроде бы люди.

— Но ведь Стасик — графоман, — удивился я, — неужели это можно читать?

— Можно, можно, — ответили мне. Я прочёл ради интереса два рассказа. Бог ты мой, это было не то что даже беспомощно... Перепевы услышанного где-то, когда-то, как будто он писал с чужого голоса.

Ранние его тексты (жанр их был размытым, как, впрочем, и более поздних) чем-то напоминали фильмы немецких экспрессионистов или пьесы Мейерхольда, такое чередование кинематических скульптур... Например, человек боролся со сном на рабочем месте. Клевал носом. Стас умудрялся на одной странице сравнить его с отбойным молотком, который «пробивает асфальтовую корку

яви», и с птенцом, который пытается проклянуть скорлупу майи, мира, труда... А потом профиль ещё назывался «картонным» (хорошо согласуется с отбойным молотком, да?), движения совершались на фоне светлого окна. Это как пример, другие сцены были похожими. Тоскливый такой театр теней одного актёра.

...Как разрумяненный трагический актёр,
Махающий мечом картонным.

Но особый идиотизм вся эта электромеханика приобретала в его «эротических» сценах. Пальцы, вставленные в «женскую розетку», то есть сразу в два отверстия, гальванические вздрагивания... Героиней цикла была продавщица универсама. Стас любил тогда играть словами, да, собственно, только этим он и занимался. «Универсум как универсам», «пиит общепита» или «обще-пиит», «транс-миссия» и наконец «трансформеры», из которых он составлял свои кама-сутры. Я был... Почему был? Я и сейчас убеждён, что всё это не имело к литературе никакого отношения. Немного повзрослев, Стас и сам перестал относиться к своему «письменному виду» серьёзно. Говорил об этом крайне неохотно. Если всё же приходилось, он скорее оправдывался... А ему ведь было что оправдывать: инфантильность, беспомощность, никчемность and last but not least: нищету. Вечно висевшую над его семьёй угрозу голода. В самом буквальном смысле. Иногда мама, иногда я вынуждены были переводить ему деньги... Прижатый к стенке, он что-то там бормотал о бессмысленности для него простой жизни.

Сырой жизни, где всё гамузом, льётся безостановочным потоком, километры киноплёнки, снимаемой без всякой цели... То, чем он занимался, было «монтажом»! Так он как-то проговорился...

Нет, я не могу не признать, что со временем Стас достиг определённых успехов. Очень скромных. Ничего удивительного: если долго мучиться... Микстура, в общем, была та же, но, может быть, форма пузырька изменилась, линии стали более плавными, весь этот идиотский, покрытый мхом механицизм ушёл, уступив место чему-то... Более конвенциональному, что ли. *«...между нами ничего ещё не было, и мы были страшно близки друг к другу. То, что чуть позже между нами возникло, разъединило нас, мы снова стали отдельными существами, через неделю разлетевшимися на сотни километров... и лишь теперь, когда я не знаю её координат, а она не знает моих, каждому из нас снова стали известны внутренние импульсы другого...»* Конечно, это витиеватый парафраз соотношения неопределенностей. Потом он очистился и от этой дурацкой квазинаучности, то есть перестал наконец лезть куда не надо, тексты, казалось бы, стали выглядеть более или менее пристойно, но... Вот что написал тогда о Стасе один известный литературный критик: «По-моему, автор перешёл от игры слов, которой он раньше нас нередко баловал, к какой-то новой игре. Буквы у него теперь играют другую роль. Во всяком случае, я попробовал почитать всё это справа налево и... не заметил никакой разницы!» Надо ли говорить, что это полностью совпадает с моей точкой зрения? Пустое всё это было. Хоть справа

налево, хоть снизу вверх, хоть по диагонали, а всё равно — пустое. Форма? Ну, какая-то форма... По-моему, Стасик теперь и писал, как говорили тогда, «ради проформы»... Его обласкали концептуалисты. Нет, я путаю, с теми он тогда уже порвал. Но были ещё и контрацепт-дуалисты, и литературные террористы, и нетто-метафористы... Да, кажется, они. Стас какое-то время даже был капитаном их местной команды. Капитан Нетто... Всё у него вечно было вывернуто наизнанку, ещё в детстве — свитера, кофточки... Меня это никогда не касалось, вот только... Его слова о «монтаже», без которого «жизнь становится бессмыслицей», вот это вызывало во мне мятеж и многоэтажный мат. Особенно в первоначальный период эмиграции. Когда я работал в овощном магазине в Манхэттене и в число моих обязанностей входила утилизация продуктов с помощью пресса. Если я не стоял за прилавком, не разносил *delivery* и не нарезал на кухне салаты, я должен был забрасывать в пасть пресса ящики с остатками фруктов и овощей. А зачастую и полные ящики, с виноградом, к примеру, который, как показалось хозяину, несколько залежался. Не путать пресс с винным, в его отсеке всё это скапливалось, несколько раз в день я нажимал на чёрную кнопку, и створки на минуту закрывались. Когда они разъезжались, там стоял куб. Метр на метр. Однородный и плотный. Древесина ящичков, мякоть фруктов, свезенных со всех континентов, в общем, всё это брутто превращалось в чудовищно сжатую и почти однородную массу. Кусок компоста, оплетённый металлической проволокой. Пресс всё это делал сам, в смысле обра-

тывал куб, я только вставлял иногда куски проволоки в паз. Я брал куб и выносил за дверь во дворик. К концу дня их там собиралось штук пять, и за ними приезжала машина. В девять вечера мы опускали железные жалюзи (это чем-то напоминало мне спуск флага на корабле), хозяин держал короткую речь, и мы расходились по домам, пустые-препустые, без всяких там мыслей, и, дойдя до кровати, я сразу засыпал. А мне необходимо было готовиться к экзаменам... У меня был один выходной день, вторник. Открывая конспект, я подолгу смотрел на тривиальные формулы пуассоновских аппроксимаций... Я тупел, я чувствовал, что превращаюсь в овощ... Я что-то листал, читал заголовки разделов актуарного учебника. Они меня пугали. «Сила смертности», «Модели смертности для нецелых лет», «Расчёт *нетто*-премий с помощью принципа эквивалентности», «Модель индивидуального риска», «Модель коллективного риска», «Вероятность дожития»... Я возвращался к формулам. Часто, так никуда и не въехав, я закрывал тетрадь и шёл, вздымая ботинками песок, вдоль океана. Я любил тогда кататься на американских горках в Кони-Айленде. Это немного отвлекало, хотя... Проваливаясь вместе с кабинкой куда-то вбок, в чистое пространство, летя по наклонной, я вспоминал свои уравнения, и мне казалось, что я несусь по одной из их асимптотик. По низкочастотной составляющей своей жизни. Как будто я сам себя подставил... Или меня «подставили». Я бредил. Ну кто меня мог подставить? Костенко? Впрочем, у него был один метод... Он называл его «методом возгонки». Что это такое, он объяснял на примере. К нему

в отдел попал (давным-давно, когда Костенко ещё не был академиком) молодой специалист, который, табулируя косинус, получал такие числа, как сто, тысяча... И это его нисколько не удивляло... Костенко долго ломал голову, как от него избавиться. «Молодой специалист» — это же было не так просто... И тут как раз — приглашение на профсоюзную конференцию. Костенко послал туда этого «спеца». А потом, когда приходили другие приглашения, Костенко всюду посылал его же, и так продолжалось год или два, у человека завязались на этих конференциях знакомства. Человек вступил в партию. Его пригласили на работу в райком, а потом ещё дальше, и вот по прошествии нескольких лет он изменился неузнаваемо. Заматерел, на нём было драповое или там ратиновое пальто, пыжиковая шапка, он горделиво помахивал рукой своим бывшим сотрудникам с трибуны во время демонстрации. Впоследствии Костенко отработал этот метод ещё на двух молодых специалистах... И когда я всё это вспоминал в Кони-Айленде, мне казалось, что в моём случае тоже сработал «метод возгонки». С той разницей, что я, конечно, не попал ни на какую трибуну... Но не секрет, что последние два года перед отъездом я буксовал, у меня был кризис. Костенко тут ни при чём, вообще я давно уже работаю самостоятельно... Если работаю. В общем, самые яркие воспоминания эпохи пресса — это русские горки. Они же американские. Таблички в точках экстремумов с надписью «REMAIN SEATED», звёздно-полосатый флажок, дальше — небо, всегда серое почему-то. И снова магазин, ящики, пресс. Мои дни тупо превращались в кубо-

метры антиматерии, причём не сами по себе, это было бы переносимо, но я ведь в буквальном смысле был включён в процесс дожатия, к которому сводилось моё дожитие... Пресс вместе с актуарным учебником попросту сводили меня с ума, и когда я внезапно вспоминал, что Стасик спокойно сидит в своей квартире в Харькове и тоже уплотняет жизнь, но только до текста, я испытывал что-то вроде зависти... Да, но смешно, конечно, что я тогда назвал «хрущёвку» Стасика «башней из слоновой кости». Разве что по серванту там продолжали гуськом идти костяные слоники нашей прабабушки...

На следующий день я прокатился до вершины Кармеля, то есть до университета, и там какое-то время я просто сидел на траве, слегка замороженный открывшимся видом. Вдали блестело море, самолёты бесшумно проплывали вниз, вокруг меня на ослепительно зелёном плато лежали небожители, среди которых попадались довольно симпатичные студентки. Нижняя Хайфа отсюда казалась печатными платами. *New adventures in Hi-Fi*, — подумал я и вспомнил, что хотел купить диск R.E.M. Что и сделал в первую очередь, вернувшись вниз на «Тахану Мерказит» (то есть автовокзал), и с наушниками на ушах (...it's hurricane, I'm not afraid...) по совету Голобородского поехал в музей техники.

Если бы я заранее не знал, что музей технический, по его экспонатам я об этом никогда бы не догадался. В Нью-Йорке, да и в Тель-Авиве такие вещи находятся в музее современного «искусства». Где только — в Тель-Авиве — я и успел побывать, помимо квартир друзей и знакомых. Инерция мышления, какое там искусство... Хайфа в этом смысле

оказалась более честной и передовой. То, что в Хайфе считается техникой, в Тель-Авиве всё ещё называют скульптурой и инсталляцией... Хайфа работает, Тель-Авив танцует. Но вот что делают эти рыбки? Рыбки гупии, которые, плавая по кругу, задевают невидимый лучик, и последовательность света и тени, нулей и единиц, переведенная в ноты, совпадает с вальсом Штрауса...

Рыбки танцевали под музыку, которую сами воссоздавали. Такое вот изобретение Вальса, — подумал я... А рядом, в другом аквариуме я не разглядел никаких рыбок, почитал табличку и узнал, что там моделировалась диффузия вихря в вязкой жидкости. Была задача с таким названием, в курсе векторного анализа... А у Стасика был «диффузный бронхит»... Я помню, в одном из писем он сообщал мне: *«Я уже научился путать эти звуки в груди с внешними шумами, например, с голосами соседей, кошек, водопроводных кранов, с воркованием голубей, с плачем детей, скрипом дверей, тормозов или с вечно барахлящим мотором стоящей у подъезда машины... Я даже думаю о том, чтобы запатентовать эту методичку. Чем я хуже Бутейко... Да, но надо будет снабдить руководство по её использованию предупреждением: „Не злоупотреблять. Возможны краевые аффекты. При появлении чувства диффузии — прекратить немедленно!”»*

В Иерусалиме на вокзале я выпил две бутылочки пива «Маккаби», съел какой-то салат и сел в автобус. Рядом со мной сел человек, одетый несколько странно для ранней израильской осени. На нём был серый шерстяной костюм, белая рубашка, галстук. Сидевший перед нами человек продолжил разговор с женщиной. На русском. «И там вы всег-

да можете меня застать. С пяти до семи. Я там работаю». «А кем вы там работаете?» — спросила женщина. «Я экстрасенс. Лечу людей». После этих слов человек в костюме, сидевший рядом со мной, наклонился вперёд и сказал: «Это я их лечу. А вы их калечите». Экстрасенс обернулся и сказал: «Да как вы смеете». «Да уж смею», — сказал человек в костюме. Я подумал, что он похож на дипломатического работника. Может быть, это русский консул? В автобусе? Нет. Но я не жалею, что не взял в прокат машину. Я такого не видел уже лет двадцать. «Да уж смею, — сказал мужчина в костюме, вскипая, — смею вас заверить, что таких вот, как вы, надо судить. Сколько людей из-за вас ушло на тот свет! А им можно было бы помочь...» «Из-за нас? Да кто вы такой?» «Я хирург». «Так это ж ты их и калечишь! Мясник!» «За мясника ответишь», — угрюмо сказал мужчина в костюме. Экстрасенс стал что-то говорить женщине на ухо. На первой же остановке он вышел из автобуса, хирург устремился за ним следом, кто знает, подумал я, кто кого покалечит...

Я вспомнил, что жену Стаса, когда она попала в аварию, по словам другого хирурга, «сшили по частям». Я был тогда в командировке в Москве, почти месяц, когда я вернулся и пришёл к ней в больницу, ей уже разрешили ходить. Я пришёл один, без Стаса. Я нашёл её в больничном дворе. Была осень, Катя сидела на скамейке и перекладывала жёлтые листья. Всё было завалено листьями: тротуары, газоны, бассейн неработающего фонтана, скамейки... В том, как сосредоточенно Катя их перебирала, было что-то колдовское, я стоял поодаль и не смел её окликнуть, она

тоже меня не замечала. Она как будто продолжала начатое хирургом, как будто он сшил её не всю, и дальше она должна была действовать сама... Возле скамейки стояли деревянные костыли, я видел, как Катя взяла один и передвинула красный лист, лежавший на тротуаре. Подвинула к нему жёлтый. Долго на них смотрела, потом снова взялась раскладывать те, что были на скамейке... Когда я наконец подошёл ближе и сказал: «Катя, признайся, ты собираешь puzzle», она так улыбнулась... У неё были очень красивые глаза... Стас говорил, что только из-за этих глаз он и женился. «Они как Ворскла, на которой она родилась. А это — самая чистая в Европе река. И у неё поэтому самые красивые глаза, — говорил Стас, но всегда добавлял после небольшой паузы, — в Европе». Мол, есть, есть ещё другие континенты... Я помню, что у меня что-то сжалось тогда во двореке... А может быть, я вообще... Иногда мне казалось, что я на самом деле люблю Катю... В отличие от Стаса, которому так не казалось никогда. Он всегда её немного стыдился (то недостаточно красива, то недостаточно умна, в зависимости от его настроения), от чего мне становилось стыдно за него самого. Но — бог с ним, со Стасом... Есть сцены, которые почему-то невероятно отчётливы... Кто-то писал, что причина этого в рекурсивности функции памяти, кажется, Толстой... Мы помним лучше всего то, что раз от раза вспоминаем. Я помню, как я впервые вспомнил, как я впервые вспомнил, как я впервые вспомнил... как жена Стаса в больничном двореке перебирала листву. Это случилось, когда я стоял у входа в Главпочтамт с жёлтым кленовым листом в поднятой руке. Я держал его, как

держат табличку с именем участника симпозиума, в толпе встречающих, в аэропорту... Я назначил свидание девушке, которую никогда не видел. Куда-то звонил, не туда попал. Голос мне так понравился, что я стал упрашивать его обладательницу о встрече. Она в конце концов согласилась. «В шесть у входа в Главпочтамт». «А как же мы узнаем друг друга?» «Ах да, — сказал я, — у меня будет в руке лист. Жёлтый кленовый, и ты тоже держи лист в руке...» Ещё я тогда загадал... Но это не случилось, то есть девушка оказалась совсем не похожей на Катю...

Мы, конечно, оба были астениками, и я и Стас, но я с этим боролся, а Стас — нет. Все группы его мышц, в отличие от моих (я с шестнадцати лет более или менее постоянно «качаюсь»), были дряхлыми, у него был жуткий сколиоз и этот бесконечный насморк, кашель, переходящей за письменным столом в эту его логорею... В его стихах были боевые мотивы, особенно в период дружбы с анархистами... В быту он тоже мог, напуская на себя роль «старшего» брата (он был старше на двадцать секунд), похлопать меня по плечу и дать совет вроде: «Баба без палки, как без пряника!» Но достаточно было одного взгляда на него, чтобы понять, что... Не помню, кто написал о Ницше... Ницше писал: «Идёшь к женщине? Возьми с собой палку!» Кто-то написал потом, что, дескать, девять из десяти женщин вырвали бы эту палку у Ницше из рук! То же самое я мог бы сказать о Стасике. Ещё и поэтому всё, что мы потом в семье называли «инцидентом», не укладывалось у меня в голове и возмущало именно до такой степени. Хотя, конечно, логики тут нет. Что бы из-

менилось в моём отношении к происшедшему, если бы Стас был атлетом? Ведь тогда могло быть ещё хуже... Мне было попросту не до логики, когда я всё это услышал. «Эта тварь, — закричал я, — которая ни разу в жизни не дра-лась с мужчиной, подняла руку!...»

Стасу в какой-то момент стало мало того, что он изменяет Кате, ему зачем-то теперь нужно было, чтобы и Катя изменяла ему. Может быть, для того, чтобы переложить на неё часть своего комплекса вины. Или он вообразил себя таким «волхвом», я не знаю. Факт остаётся фактом (который я узнал впоследствии): изо дня в день Стас донимал Катю: «Ты должна быть свободна. Ты должна спать с кем-то ещё». Катя долго старалась пропускать всё это мимо ушей, но в один прекрасный вечер объявила, что справилась с его задачей. Причём вполне успешно. И тут произошло то, что Стас меньше всего ожидал. Он повалил Катю на пол и стал её избивать. Он топтал её ногами. А потом выгнал из дому, всю в кровоподтёках. Она пришла ко мне, — а к кому она ещё могла прийти в этом городе? Я так до конца и не понял, действительно ли она изменила ему. Меня в тот момент волновало другое. Что делать со Стасом? Если бы Катя не удержала меня, я бы пошел к нему, выломал дверь, я бы убил его.

После этого он три дня не выходил из квартиры, сидел там в темноте и жевал сухую гречку. Всё бы завершилось в психушке: электрошок, галопиридол или там инсулиновые инъекции... Но Стас странным образом сам справился со своим «шифером». Сунул руку в пламя кухонной конфорки и держал её там, пока не запахло палёным. Видимо,

долго держал. Скорее всего, он потерял сознание. Потом мои знакомые видели его в городе, в разных местах, откуда-то взялась грязная серая кепочка, плащик был его, но быстро стал неузнаваемым, как, в общем, и сам Стас. Он ходил по улицам, не глядя по сторонам, смотрел он только на свою ладонь, другой рукой непрерывно поглаживая огромный пузырь.

Лет за десять до этого Стас сжёг собственные книги. Тогда это были ещё рукописи, которые вроде бы не горят... Но сгорели. Может быть, потому, что он это сделал моими руками. Когда мы во время «инцидента» встретились с Солиным, тот грустно сказал: «Сначала книги, потом люди. Ну, как обычно». «Иногда одновременно, — сказал я, — чуть квартира тогда не сгорела. Сначала деньги, потом стулья... Стас любил, знаешь, чужими руками жар загребать». «Но на этот раз он сунул в пламя свою руку, не так ли?» «Это я тоже мог бы оспорить. В том смысле, что рука стала его рукой, когда...» «Перестань, это глупейшая софистика. Я в своих рассуждениях готов идти вплоть до огня. Но не дальше. И тебе не советую».

Когда рана на руке затянулась и Стас вернулся к своему тогдашнему, вполне физическому «опыту», уже как лирик, он для начала спрятал страшный пузырь у себя в голове, а потом заставил расти до размеров воздушного шара, пока тот не оторвал его тельце от земли и не понёс вверх, всё быстрее, быстрее...

Что было потом? Какая-то чушь: пузырь наткнулся на границу небесной сферы и остановливался, как вкопанный, alter ego по инерции летело дальше, рвало плёнку...

По-моему, он сам не смог бы сейчас объяснить, что хотел этим сказать. В его предыдущих, концептуальных творениях в пузыре наверняка оказалась бы кровь, или моча, или жёлчь (например, моя). В которой несчастный alter ego и захлебнулся бы. Но теперь всё было иначе. Ночь, звёзды... Может быть, это был «Insideout» в духе этой их школы нетто-метафоризма? Не знаю... А что дальше? Дальше как раньше. Ночь, морской прибой, костёр, разожжённый на гальке из деревянных ящиков. К плечу льнёт девушка. Желательно с волосами цвета льна. Примерно так выглядел в ту пору рай Стасика. А может быть, всё это и сейчас так выглядит, с чего б ему меняться? Осталось только увидеть с моря этот костёр... Я вот ни хрена не вижу. Но и не верю, что виной тому отсутствие у меня какого-то «экспириенса».

Are you experienced?

Катя некоторое время жила у подруги, потом кто-то у неё на самом деле появился, Стас постепенно пришёл в себя, от мамы всю эту историю удалось скрыть, то есть подробности, мама знала только, что Катя от него ушла. Сначала мама сказала: «И правильно сделала», но потом начала жалеть бедного Стасика, а соответственно, и любить ещё больше.

Но самым неожиданным для меня был happy end. Я совсем не знал психологию семейной жизни. Мне казалось, что весь мир сошёл с ума, когда они возникли вдвоём на родительской даче... Я там жил в одиночестве, заканчивая диссертацию... Такая влюблённая парочка, как ни в чём не бывало, непрерывно целовались и вообще обнаглели до такой степени, что занимались любовью прямо на веранде,

не стесняясь меня. Более того, во время завтрака внезапно сползли под стол и там уже... прямо как кошки...

После того как Катю сшили по частям, она стеснялась раздеваться на пляже. Стеснялась даже Стаса. Не знаю, спали ли они вместе, мне кажется, что они перестали это делать ещё до аварии. Идиллический период их отношений длился ненамного дольше их пребывания на даче... А потом были пластические операции, за которые я платил... А кто? Не Стас же. Я тогда уже был в Америке. Я не знаю, как она отнеслась к его исчезновению, я даже не спросил об этом маму, да и что мама могла толком по телефону понять... Наверно, Катя ждёт его, несмотря ни на что...

Я вошёл в квартиру и увидел в окне траву, кусты, хотя я поднялся на лифте на третий этаж. «Всё-таки на каком этаже ты живёшь?» — спросил я. «Это с какой стороны посмотреть, — улыбнулся Ари, — с одной — на третьем, с другой — как видишь, на первом». «Ах, вот оно что. Дом на холме?» «Ну да». «Я брат Стаса, — сказал я, — ты ведь его знаешь? Он был у тебя в гостях». «Что-то не припоминаю, — сказал Ари, — тут у меня столько народу бывает. Зато я знаю тебя. Давай мы прежде всего присядем... Ты садись куда хочешь... И тогда будем вспоминать всё по порядку. Глоток текилы?» «Нет, спасибо. Мы со Стасом братья-близнецы. Тебе только кажется, что это был я». «Близнецы? На самом деле?» Его английский был лучше моего. Во всяком случае, произношение. «На самом деле? — спросил он, — очень интересно. Я как раз вчера сказал подруге, что детей не хочу в принципе. Но я бы позволил себя клонировать». «А почему так?» — спросил я. «А не знаю, — пожал он пле-

чами, — наверно потому, что лучше уже ничего невозможно создать», — он ткнул себя пальцем в грудь. Грудь у него была колесом, кожа смуглая, чёрные, негритянские какие-то волосы... Сабры, барсы, чёрные пантеры... «А может, он голубой? — подумал я. — Говорил о подруге, впрочем, подруга может быть и другом, вот и детей они не хотят. Или не могут?» Ткнув себя в грудь, Ари рассмеялся и сказал, что шутит. «А у тебя, значит, уже есть один клон?» — сказал он. «Нет, Стас мой брат. Понимаешь разницу?» «Честно говоря, не совсем», — сказал Ари, закурив сигарету. Мне показалось, что это гашиш, я отчётливо услышал запах, но Ари сказал, что ничего подобного, обычные сигареты. «Тебе кажется, потому что ты по нему соскучился», — сказал Ари. «Вовсе нет, — сказал я, — наоборот, я не переношу даже запах. У меня была подруга, продавщица из «Дели», она регулярно курила, и для меня это было сплошным кошмаром, меня ведь от этого тошнит... В три часа ночи она могла меня разбудить, чтобы я ехал куда-то в Бронкс, покупал ей дурь... В общем, это был не лучший период моей жизни». «Но сейчас нет запаха? — спросил он. — Ну и хорошо. И что твоя подруга?» «Да ничего, мы расстались. Напоследок очень хотела меня наконец «обкурить». Сначала изо рта в рот, но я увернулся. Потом... А она умела так делать: выдыхала дым в сосуд, и он там оставался. Наполняла им целый стакан. Переворачивала вверх дном, ставила на стол, дым там немного сгущался, и она его снова переворачивала... Я ещё тогда подумал: в детстве мы так делали пасочки из песка... А теперь вот из тумана... Ну да, и она протянула мне стакан, а я отказался наотрез, и она выпила дым сама. Мы разо-

шлись спать в разные комнаты, а утром её уже не было. На журнальном столике стоял стакан». «С дымом?» — улыбнулся Ари. В руках у него оказалась гитара, пальцы бегали по грифу, не извлекая звуков. «И ты больше её не видел», — спросил он. «Нет, — сказал я, — и даже не искал. Я после этого женился на замечательно нормальной женщине. Её зовут Дина, она врач». «Нарколог?» — поинтересовался Ари. «Нет, терапевт, но при этом гомеопат. Мы отвлеклись. Можешь ты мне рассказать всё, что знаешь о Стасе? Понимаешь, он пропал, полиция не смогла его найти, и теперь это пытаюсь сделать я». «Текилу ты не хочешь, гашиш не любишь... Что же тебе предложить? Может быть, ты подождёшь, я что-нибудь приготовлю, хотя бы хлеб испеку...» «Ты печёшь дома хлеб? Ты понимаешь, следствие ведь не закончено, если ты мне ничего не скажешь...» «Я всё тебе расскажу, а ещё лучше покажу...» «Что, — воскликнул я, — что покажешь?» «Да вот, — сказал Ари, — это он оставил, держи». Он ушёл на кухню, а я раскрыл очередную «общую» тетрадь...

Она была удивительно неподвижна. Сразу видно, что не от мира сего. Ветер её не касался. Неподвижны были светлые волосы (ну почему всё время одно и то же, — тоскливо подумал я, — почему хотя бы раз волосы не могут быть... скажем, цвета «электрик»?), разметавшиеся по гальке... Хотя ветер летал возле самой земли, волны становились всё выше (я ещё вспомнил, что темой диплома моего брата был механизм зарождения морских волн), все были в панике, потому что когда-то так уже однажды проснулись в воде, затопило палатки, барахтались, как рыба в сетях, Блез

кричал мне всё это на ухо, слова уносило ветром... она лежала у самого прибоя, следующая волна должна была её накрыть... но не накрывала... я ещё тогда подумал, что она похожа на дворнягу, которая разлеглась посреди оживлённой трассы. Мимо проносятся грузовики с цистернами, грозя растереть её между шинами и асфальтом...

А потом были жаркие дни, иногда она вставала и куда-то шла, в чёрном спортивном костюме, всегда босиком, или сидела у скалы, и в пальцах у неё откуда-то возникали сигареты без фильтра, которые исчезали бесследно, она не оставляла окурков, не отбрасывала тени, ещё говорили, что она спит под водой... Днём она вообще не заходила в воду, но каждую ночь всё с себя снимала, брала меня под руку, и мы медленно входили в море... она не спала под водой, тут нужен другой глагол, кто-то сказал ей, что ребёнок, зачатый таким образом, будет счастлив, а если его ещё и родить в море, он будет сверхчеловеком, конечно, я предпочёл бы это делать на суше, но там она мне не давала, и хорошо ещё что море было тёплым, градусов под тридцать... с какого-то момента, как это ни банально звучит, начинаешь воспринимать море как продолжение её тела... пятый раз я пытаюсь об этом написать, и получается какая-то жуткая дичь... потому что вышел из возраста, когда кичатся кичем, давно пора оставить эту затею, или в крайнем случае разбросать... хотя я ведь уже выбросил шляпу, и эхо, и дерево... и выплеснул с водой ребёнка... сравнивал с землёй горы... и всё напрасно... скала, у которой стояли палатки, была высокой и полукруглой, при яркой луне над ней появлялась фигура обветривания, и так достаточно антропомор-

фная, а если был приход, то даже более чем.... но мы с ней большие не курили... мы сделали открытие: скалы повторяют слова, громко сказанные из моря... Такого эха я нигде никогда не слышал... Мы висели в воде в ста метрах от берега, произносили слова, и бухта их повторяла, прямо целые фразы... «Скажи мама»... Я пишу в комнате, где повсюду разбросаны маленькие компакт-диски, хозяин квартиры профессионал, встрявший каким-то боком в местный шоу-бизнес... Эти маленькие диски напоминают мне большие, виниловые, увиденные с высоты шестого этажа... Была какая-то пьянка, в Харькове, на следующее утро я выполз на балкон и увидел, что внизу на траве разбросаны конверты пластинок... Кажется, среди них были «Северные ветры» Ковердейла, а там у него на конверте изображены разбросанные по поляне конверты... К тому же Coverdale... Covers on dale, почему меня всё время затягивает в тавтологические ловушки...

Всё это было перечёркнуто. Крест-накрест.

Я всё это видел live. Кроме того, что было под водой. Вода, кстати, в то время светилась. Но я с ними не плавал (меня и не приглашали). Лида, кажется, так её звали, собирала длинные волосы в узел, сверху надевала чёрную шляпу, брала Стаса под руку, и они входили в море. Плыли медленно, чинно, два чёрных пятнышка на лунной дорожке, и как они там могли... Может быть, я забыл о подводных скалах... Они были далеко от берега... Шляпу она могла снимать, класть на камень, или на воду, далеко бы не уплыла... И что я прицепился к этой шляпе... Я попал в бухту по просьбе мамы... Я как-то об этом забыл... Ты смотри, как всё повторяется... Мама прослышала, что Стас попал в дур-

ную компанию, от своих друзей, чьи дети ездили туда уже не первый год. Чем эти дети там занимались, маме толком не могли объяснить. Только намёки, не знаю, какие картины они вызывали в мамином воображении, наркотики, свальный грех, танцы при луне или ещё какие страсти, в общем, мама заволновалась и попросила меня поехать. В бухте, которую я нашёл, расспросив жителей посёлка (все они напоследок советовали туда не ходить), на камнях сидели голые «козлюноши», один из них был моей бледной копией. На мои вопросы он отвечал вопросами и всё протягивал мне папиросу с медленным дымом. Два дня я провёл в их стойбище. Зрелище на самом деле было довольно унылое. Но сравнительно безобидное: каждый что хотел, то и делал, а по большей мере никто вообще ничего не хотел. Кто-то апатично бряцал на гитаре, кто-то, ленись сам в неё дуть, подставлял флейту ветру, перебирал пальцами по дырочкам... Вроде бы это было красиво, «флейта Неба», что-то в таком духе. Я не понимал, почему бухта пользуется такой дурной славой. Стас, правда, спросил меня один раз, не хочу ли я «попробовать радикальные наркотики в узком семейном кругу?» Я сказал «нет», и он сразу оставил меня в покое. Вообще я не видел, чтобы кто-то там кололся... Может быть, Стас просто прикалывался... Ну да, и в полночь он с этой своей наядой... За всё время она не проронила ни слова. Я думал, она немая. Но, прощаясь, она неожиданно сказала: «Хорошо, что ты забираешь с собой Стасика. Потому что я не хочу причинять ему вреда». «Какой ещё вред?» — поморщился я. «Разный, — сказала она, — хотя по сути один и тот же. Все мужчины, имевшие

глупость со мной связаться, погибли. Кто-то сгорел, кто-то под машину попал, третий утонул, потому что дозу превысил... Я не хочу больше причинять зла, но твоего брата так трудно в чём-нибудь убедить».

Один психотерапевт... Я нашёл его по просьбе мамы — для Стаса, но Стас категорически отказался с ним встречаться, и я, поскольку сеанс был уже назначен, обсудил с ним некоторые аспекты поведения Стаса заочно. Так вот, он сказал, что так называемый «синдром Лорелеи» довольно-таки распространён в среде, которую я ему описал.

Тем же летом, или это было уже осенью, кое-что напомнило мне об этом синдроме. Чуть не возник пожар. Строго говоря, по моей вине, но я ведь выполнял волю Стаса... Все домашние разъехались. Кто куда, родители к родственникам в Кривой Рог, Стас в Москву — к своей «Лорелее», он так просто от неё не отставал. Лида была красива, никто не спорит, хотя за уцелевшим фасадом проглядывали круги руин... Тех самых... В общем, это был как раз тот случай, когда я Стасу не завидовал. Разве что секунду. Не больше. Когда они входили в море. Что-то в этом было...

Лида работала в аэропорту Шереметьево. Говорили, что она запросто может отправить человека «зайцем» в Америку. В багажном отсеке. Но Стас в Америку не хотел даже зайцем. Он где-то в своей тусовке подхватил довольно редкую для того времени форму антиамериканизма... Жаль, я хотел бы увидеть Стасика, летящего в Америку в качестве чемодана, или в такой клетке для транспортировки собак, дорого бы дал за такой кадр... Через две недели он позвонил мне из Москвы и, узнав, что родители уехали, попросил, чтобы я сжёт

все тетради в его отсутствие. До единого листа. «Ты сошёл с ума, — сказал я, — зачем всё это сжигать? Я был не в восторге от этого, ну и что. Вообще, что тебе я?» «Дело не в тебе, мой дорогой, — сказал Стас бархатным голосом, — я просто сам так хочу. Я изменился. Я буду теперь писать по-другому. Мысль о том, что я вернусь в квартиру, где лежат эти тетради, меня убивает. Я не хочу их видеть». «Но почему бы тебе не сделать это самому?» «Это надо сделать, пока нет родителей. Представь, что будет с мамой, если я подожгу в квартире весь этот ворох. Так что будь уж так добр». «А зачем это делать в квартире? — спросил я. — Что, нельзя всё это вынести?» «Нельзя, — сказал Стас, — я хочу, чтобы ты сделал это в квартире. Знаю я, как ты это вынесешь, ветер вырвет у тебя из рук, будут мои черновики где-то кувыркаться, кто-то будет читать то, что никто не должен читать... Возьми железный таз, положи туда всё и подожги...» «В таз! — воскликнул я. — В таз всё это не поместится, ты забыл, сколько настрочил...» «Ну за несколько раз, ну что я должен тебе объяснять, как чайник вскипятить. Ну как в том анекдоте... Вылить воду, ну да. Я тебя прошу, пожалуйста, сделай это для меня. В квартире. Мысль о том, что это попадёт кому-нибудь в руки...» «Да пошёл ты к чёрту со своими мыслями! — закричал я. — Тебе вредно думать! Когда ты приедешь?» «Как только ты сделаешь то, что я прошу», — сказал Стас. Подумав, я решил выполнить его просьбу. Сначала я всё же хотел вынести макулатуру на пустырь за микрорайоном и сжечь там. Но, во-первых, мне было лень всё это куда-то тащить, а во-вторых... Смотри во-первых. Не знаю, что-то в этом было, тоска по каким-то ритуалам... Покопавшись в кладовке, я нашёл

древнюю ржавую ванночку. В ней, согласно преданиям, купали нас со Стасиком в детстве, на старой квартире, где не было даже ванной. Я поставил эту лоханку посередине комнаты и погрузил в неё часть его чернокнижья. Тетрадки за три копейки с таблицей Пифагора, и «общие» по сорок копеек, и просто листы разной степени скомканности, в жутком количестве, конечно, всё это не поместилось, и половину полного собрания я разложил на полу. Зажёг спичку. Я помню строчку, на которую смотрел, пока занималось пламя: «Мой мир вечерний — заспанные стены огромной ночлежки, раскинутой в поле...» «Засранные», — сказал я. И вдруг ветер хлопнул открытым окном (я перед этим сдуру открыл все окна), взвилась занавеска, пылающие листы полетели по комнате. Я побежал за ними в коридор, и там притоптал, но плохое произошло тем временем у меня за спиной — загорелись штабеля тетрадей, разложенные вокруг ванны. Мне удалось погасить огонь, только вылив на него несколько ведер воды... Мне вдруг показалось, что воспоминание материализуется, в чьей-то иерусалимской квартире возник дым... Но тут же Ари позвал меня на кухню.

Он спросил, не собираюсь ли я у него остаться. Я сказал, что мне вечером нужно вернуться в Тель-Авив.

— Как хочешь, — сказал Ари, — просто ко мне зайдут друзья. Что-то вроде вечеринки. Я думал, что ты захочешь с ними пообщаться.

— Они знали моего брата?

— Ну да.

Чего я никогда не любил, так это пати. Но я остался — чтобы пошарить, как выразился Шломо, в этом тумане.

Туман был обыкновенным дымом, пати — как две капли воды похоже на все другие. Мне казалось, что это та же самая студия на Деленси, куда меня частенько таскала с собой Салли. Против моей воли, разумеется. Я не люблю это вынужденное шатание по комнатам, этих party animals, всё это обычно меня раздражает... Стас там чувствовал себя как дома, да и здесь, я в этом даже не сомневаюсь. Он давно освоил эти пространства, эти дымные комнаты без стен... Вот и играет со мной в прятки. Я думаю, что не могу его найти (это я уже говорил вслух девушке, которая протянула мне джойнт), потому что... there are directions in which I must not for the present let myself go... сам не знаю, почему вдруг у меня всплыла в голове эта строчка Джеймса... Это была очень красивая девушка, чтобы она не отошла от меня, я взял у неё джойнт и покурил «по-клинтоновски». Мне когда-то уже приходилось так делать. После этого я объяснил девушке, что я не Стас.

— Ты не знаешь, где он может быть? — спросил я.

— Понятия не имею. Вы так похожи...

Точёные черты её удлинённого лица... Что-то щёлкнуло у меня внутри, и арабская музыка, которая всё это время звучала в квартире Ари, вдруг перестала меня раздражать. Я почувствовал в ней какие-то подземные ключи...

Предки девушки жили, наверно, в Йемене, или в Марокко, я не очень-то в этом разбираюсь, — думал я, — а тётя говорила, что не обязательно это дети сефардов, у ашкенази часто рождаются точно такие. «Это объясняют „химией земли“», — сказала тётя. Я хотел сказать девушке, что у неё тоже есть близнецы, что я их видел в городе. Но передумал. Она,

кажется, и так смотрела на меня как на идиота. Особенно после того, как предложила мне фрукты. Я спросил, какие?

— Арбуз, — сказала она, — ты будешь есть арбуз?

— Буду. Только арбуз — это ягода.

— Какая же это ягода? — сказала она. — Ты, наверно, не понял. Арбуз.

Она охватила руками воздух.

— Ягода, — сказал я, — сто процентов.

— Да нет, это какая-то ерунда. Я не верю.

— У меня есть знакомый ботаник, хочешь, я позвоню, он подтвердит. Хотя уже поздновато... Ну, спроси сама, у кого хочешь.

— Я спрошу у Ари, — сказала она и нырнула в туман. В котором мне советовали пошарить. О, сколько нам открытий чудных... Я нашёл её в другой комнате у стола, она нарезала на дольки огромный арбуз. Увидев меня, она сделала несколько коротких движений ножом и протянула мне маленький красный шарик.

— Ягода! — засмеялась она. — Ты был прав!

— Где вы познакомились со Стасом? — спросил я.

— Здесь, — сказала она, вытирая руки и рот полотенцем, — вот на этом самом месте. Пойдём поищем его в других комнатах.

В другой комнате я попытался её обнять. Она улыбнулась и легко стряхнула мою руку.

— Вот если бы ты был Стасом...

— Я и есть Стас, — сказал я, — я пошутил. А на самом деле я Стас.

— Да? А ты не боишься, что он сейчас появится? Тебе не приходило в голову, что он в этом сундуке?

— Нет, там его нет. Я днём проверял.

— Давай тогда ты туда заберёшься, — сказала она, ускользая, — Ари говорил, что так можно пройти в параллельный мир.

— Ты влюбилась в Стаса?

— Да нет, — сказала она, садясь на сундук и доставая сигареты, — по правде говоря, я просто хотела его использовать в своих целях. Ревность возбудить. Ну, знаешь, эти наши женские штучки... Для этого идеально подходит лучший друг того, в кого ты влюбился.

— Так кто же... Ари? Но как Стас мог быть его лучшим другом? Они познакомились здесь, совсем недавно. Какие-то два дня...

— Ну и что. Ари сказал мне, что у него такое чувство, будто они знакомы всю жизнь. Они только и делали, что говорили, часами напролёт, обо всём на свете. Ари спел ему все свои песни, а их у него больше трёхсот. В общем, я считаю, это была настоящая дружба.

— А что было потом?

— Тебя интересует, что было здесь между мной и Стасом?

— Меня интересует, что было потом, как Стас ушёл, не было ли...

— Не было ли ссоры между ним и Ари? Нет, ничего такого не было. Ари это абсолютно всё равно... Послушай, ты же только что говорил, что ты Стас.

— М-да, — я почесал затылок, — я говорил тебе, что я Стас и что я не Стас. Ну что я ещё могу тебе сказать, чтобы...

— Чтобы что?

— Нет, ничего.

— Знаешь, я заметила, что люди всегда сами опровергают то, что говорят. Если долго общаться с каким-то отдельным человеком, то обязательно это замечаешь, правда?

— А что Стас, ты замечала это у него?

— Я с ним слишком мало общалась.

— Ари?

— Да, у него, да.

— Например?

— Нет, я так... Я же не записываю... Смотри, мы как-то говорили о смерти... Ари сказал, что для него после смерти ничего не будет. Потому что он так решил. А потом, через месяц, пел на концерте новую песню, и там были такие слова...

Она напела на иврите, а потом перевела на английский. «В этом городе камни устали быть живыми, а мёртвые устали быть мёртвыми...»

— Это неудачный пример, — сказал я, — я не вижу тут противоречия.

— Согласна, неудачный. Но остальные я не помню. Помню, что они были. Наверно я так же отрицаю сказанное, но сама это не замечаю... Ну, так ты Стас или не Стас?

— Я не Стас, — сказал я, — но я тоже замечал то, о чём ты говоришь. И не раз. И от этого казалось, что...

— Ой, не надо об этом больше говорить. Закрой дверь на замок. Нет, просто я не хочу, чтобы кто-то сейчас входил. После таких разговоров я становлюсь пугливой.

Когда мы на следующее утро вышли из комнаты, в квартире никого не было. Руфь сказала, что Ари с гостями мог отправиться ночью на другое пати. Это предполагалось с

самого начала. Она подошла к зеркалу, а я сел за стол и стал писать Ари записку. «Просьба: если Стас появится или даст о себе знать, сообщить мне по телефону...» Я написал свой номер телефона и встал из-за стола.

— Ты написал «Спасибо за всё»? — спросила Руфь, оглянувшись.

— Нет, а разве нужно?

— Но ты же не хочешь прослыть неблагодарным. Напиши, — она по-прежнему смотрела на себя в зеркало. Я был какой-то шахматной фигурой. У всех фигур есть двойники. Кроме короля и ферзя... Я и не сомневался. Даже ночью... Во всяком случае, с того момента, как Руфь произнесла эту дурацкую фразу: «Только не надо придавать этому особого значения, ладно?» Какое значение я мог этому придавать? Я мог бы ей сказать то же самое. Хотя отчасти она была права... Ночью, когда я был в ней, перед самой кульминацией, у меня в голове вспыхнула старая идея Стасика... Он когда-то писал, что всё на самом деле должно быть наоборот, человек должен женщиной не рождаться, а уходить в неё под конец, становиться маленьким и уползать... После того, как мы оба кончили, она сказала «только не надо...» Заснув ненадолго, я видел что-то вроде комикса, где были железные синие ящики, и «толстые письма» Генри Миллера, и ещё бог знает что... Какой-то мультфильм, где шпионы передавали друг другу записки, засовывая их в одно ухо вечно сидевшего на одной и той же скамейке человечка, доставая из другого...

Что-то в этом было безумное, я имею в виду не сны, а секс, которым мы занимались, что-то волчье... И этого хотелось снова и снова...

— Нет, — сказала Руфь, — сейчас Ари придёт, это уже будет слишком...

Она выскользнула из моих объятий, взяла лист с запиской. Прочитав, она приколола его к висевшей над столом пробковой доске.

— Я голодная, — сказала она на улице, — давай мы съедим фалафи?

В кафе она пошла мимо ряда стеклянных кувшинчиков, стоявших перед стойкой, из каждого почерпнула и влила в свою лепёшку. Это были соусы разных видов, во всяком случае цветов, но мне показалось, что она таким образом хочет увеличить свою порцию...

— Ари два месяца ел одни фалафи, — сказала она, поедая лепёшку.

— Почему? Он так их любит?

— Денег не было. Это самая дешёвая еда. После того, как вышел альбом, деньги появились. Правда, немного. Спасибо за фалафи. Спасибо за всё, — её чёрные глаза смеялись.

— Вам спа... — начал было я.

Стас, — подумал я, — это же то, о чём мы... Мне кажется, что удерживало нас ощущение безнадежной кичевости такой ситуации. Всё, конечно, давно пережёвано. Зита, Гита, Жид и Гид...

Руфь взялась провести меня по городу. Но сначала мы зашли к ней домой. Она жила в ориентальном районе, тесно заставленном маленькими хижинами. Все они были с синими крышами. Глаз, привыкший уже, что вокруг только белое и зелёное, тут не то чтобы радовался, но просыпался. Кто-то предлагал красить трассы разным цветом,

вроде бы это не так усыпляет... Руфь обратила моё внимание на синие руки, охранявшие дома от злых духов. «Это популярный район, — сказала она, — среди музыкантов и художников. Многие друзья Ари здесь живут. Балаган, конечно, но это не трущобы, ты не думай...» Я как раз об этом подумал, глядя на стены. Внутри дома они оказались ещё более обшарпанными. В доме никого не было, Руфь переодевалась в другой комнате, я листал тетрадь Стаса. Входная дверь была открыта, в коридоре слышался глухой стук мяча. В комнату вошли два смуглых мальчика. Один из них начал мне что-то говорить, но я сказал: «Ани лё ледабер иврит», и они ушли, крикнув мне из коридора: «Шалом, Руссия!»

К Стене Плача можно было подойти только в головном уборе. Моя голова была непокрыта, но Руфь подошла к лотку, на котором лежали пачки кип из коричневатой бумаги (я было подумал, что это кофейные фильтры), и принесла мне одну. Я попросил, чтобы Стас нашёлся. В другой ситуации я бы, наверное, попросил что-нибудь другое, не знаю, мира, в конце концов, но сейчас, когда Стас пропал, что я ещё мог просить?

Потом мы ели в маленьком кафе, через час или два я уезжал, может быть, навсегда.

Руфь сказала, что бумажная кипа по-прежнему находится у меня на голове.

— Не может быть, — сказал я, поднимая руку, — когда я по дороге проверял, её там уже не было...

— Ты положил её в карман, потом достал и снова надел, и всё это ты забыл.

— Странно, — сказал я, — я на самом деле не помню. Впрочем, это неудивительно, я довольно рассеянный, ещё в детском садике я...

— Что?

— Нет, ничего. Не в садике, в школе. В школе у нас был такой розыгрыш: «Спорим, что не пройдёшь десять метров с пустой спичечной коробкой на голове?» На самом деле никакой спичечной коробки на голову не положили, но я-то думал, что она там есть, поставленная «на попа», и все хотели, глядя, как я выгибаю шею, как осторожно я передвигаюсь. Дойдя до стены класса, я схватился за голову и там ничего не обнаружил.

— Но теперь всё наоборот. Она на голове, хотя ты думал, что её там нет.

На следующий день я встал в два или три часа, надо отдать должное тёте, она не будила меня и вообще, с тех пор, как я «прошёл карантин», не задавала лишних вопросов. За завтраком она сказала, что мне звонила женщина. Русская. Ничего не просила передать. Спрашивала, нашёл ли я своего брата. Вечером я пошёл гулять по городу. Я был возбуждён, ночь с Руфью не шла у меня из головы, я переживал всё это снова и снова...

Выйдя на какую-то оживлённую авеню, я стал случайной добычей фотоохотников. Серебряная пластинка, бронзовая приманка... Передо мной вдруг возникла девушка, с головы до ног покрытая бронзовой краской, с протянутой рукой и нечеловеческими глазами. Наверное, это у неё были линзы... Во всяком случае, желаемое выражение на моём лице было достигнуто, несколько раз полыхнула вспышка, и девушка

нырнула в узкий длинный лимузин, который сразу же отъехал, так быстро, как будто они не сфотографировали меня, а расстреляли в упор.

После этого я пошёл мимо стекла ресторана и вдруг увидел, как все посетители поворачиваются ко мне... Я встретился глазами сразу с сотней глаз, мне стало не по себе. Правда, тут же я услышал пожарную сирену, но всё равно было странно, что люди за стеклом услышали её раньше меня... И дальше в тот вечер звук то и дело запаздывал, а вместе со звуком — разумное объяснение изображения...

Я сел за столик в открытом кафе и достал из сумки тетрадь, которую Стас забыл у Ари.

Сейчас мне кажется, что я ошибся, я принял за вдохновение совсем другое чувство. Это было радостное предвкушение разгона, отрыва колёсиков от земли и нескольких часов чистого лёта. А я решил, что причина, по которой давным-давно созревший роман не спешит появляться на свет в предбаннике аэропорта, чисто техническая. Прежде всего я понял, что он должен быть не от первого лица. А потом увидел, что третье лицо мне тоже не улыбается. Лист быстро покрылся перечёркнутыми фамилиями. После каждой из них я уже готов был согласиться на привычное «я», но, представив, как оно будет мелькать в каждой строчке, скрепя сердце, выводил новую фамилию. Потом в ход пошли аббревиатуры, и перебор букв меня увлёк, Г. Г. и Ц. Ц. и т. п. и т. д. А потом и они все поспорились, и Тихон Пантелеевич, и Трофим Дмитриевич... Надо предупредить читателя, что всё это происходит на границе между буквами и словами, между Западом и Востоком... игла звукоснимателя опять соскочила с лунной дорож-

ки, или дошла до конца, чёрное море потрескивает, или это ветки трещат, которые кто-то вроде меня подбрасывает в костёр, запах можжевельника, тонарм теперь в воздухе, нулевое давление, толкни его, и он медленно качнётся в невесомости, а теперь снова слышен скрежет, это DJ шарит руками по пластинке, между буквами и словами, Азией и Европой... впрочем, дальше неизбежна классическая рифма, а за ней — появление второго лица. Вот что-то приблизительное, фигура скорее обветривания, чем речи, в скобках, чтобы удобнее было вычеркнуть при правке, или при чтении пропустить (при чтении тоже можешь вычеркнуть). Вообще, чувствуй себя, как дома, потому что если ты до сих пор продолжаешь читать, то, скорее всего, ты — это я. Ну сам посуди, кто ещё это может быть? Здравствуй, я неизвестного мне года и месяца! Нет, ну неужели это не я? Ну как же? Мы как один умрём в борьбе за эго... Нет, я не прав, не прав. Ради Бога, прости меня, читатель, за всё, что тебе пришлось и ещё придётся... Но я даже не знаю, как теперь писать, что писать, лучше тогда с тобой встретиться и поговорить... Я, пока буду писать, сделаю вид, что тебя не заметил, ладно? Я не прощаюсь с тобой, скорее наоборот: Салам алейкум! Шалом! Тат твам аси!

Я швырнул тетрадь в ближайшую клумбу. Достал, — пробормотал я, — этот его бред у меня уже в печёнках сидит. Вот только второго лица ему не хватало, для полного счастья... Ну что это ещё за панибратство? Сколько раз я ему говорил... Как об стенку горохом... Я выпил две порции «Абсолюта» со льдом, выкурил сигарету, но всё ещё не мог успокоиться. Супер, Стас, супер-пупер. Твое Супер Эго наконец стало диа-

логичным. Ты супер-Бубер, Стас. Мама, наш мальчик делает успехи! Скоро начнет ругаться матом. Но я приехал сюда, чтобы найти его самого, а вовсе не для того, чтобы собирать за ним его тетради... С первого класса он разбрасывает их по комнате, а я должен собирать... Ну я тоже погорячился... Ну всё, проехали. Не лезть же мне теперь в кусты... «А» упало, «Б» пропало... После этого я танцевал в какой-то дискотеке под быструю восточную музыку. Потом медленно брёл по набережной. Кто-то шёл в ту же сторону, что и я, только не по асфальту, а по песку, рядом с морем. Поравнявшись, я увидел его силуэт на фоне заката... Тель-авивские пляжи огромны, так что он был очень далеко от меня, и «силуэт» — это, конечно, сильно сказано... Я тоже перешёл с асфальта на песок. Я шёл всё ближе и ближе от кромки прибоя... Пока он не побежал. Перед этим он оглянулся, но в темноте я до конца не разглядел... Сейчас я думаю, что виной всему была эта музыка, я был ею инфицирован... Было темно, я бежал за человеком вдоль моря, по песку, только из-за мелькнувшего в голове сумасшедшего подозрения... Он бежал быстрее, я бы, наверно, всё равно его не догнал. Впереди показались фары... Впереди показались мотоциклисты, они ехали цепью мне навстречу, расчёсывая ночь огромным огненным гребнем, рокеры, или архангелы, они с рёвом пронеслись мимо, вздымая песок, я был теперь не уверен, что человек, за которым я бежал, существовал...

Но когда я сидел в кафе на набережной, он подошёл к моему столику. Человек, за которым я по ошибке погнался. Собственно, я так решил (что это он) только потому, что он тяжело дышал. Как, впрочем, и я. Он тяжело дышал, и когда он сел за мой столик, я увидел, что он, к тому же, дрожит.

— Sorry, — сказал я, — it was just mistake. You are very similar with my brother. I apologize, really. Let me buy you a drink.

Глядя куда-то в сторону, он проговорил заикающимся голосом:

— I'm agree. But... Is your dick big or small?

— What?!

Он задрожал ещё больше, но повторил вопрос.

— Get lost, — сказал я.

Он мгновенно выполнил мою команду. И всё, и я остался один на один с двумя стаканами. Выпив свой, я взялся за тот, который предназначался чёрт его знает кому. У меня не было больше никакого желания общаться с кем бы то ни было. Все эти «тени теней», «друзья друзей», кем бы они ни были, могут отдыхать, думал я, и за вторым стаканом последовал третий, а за ним и четвёртый. Потом я зачем-то ещё выпил залпом коктейль май-тай. Поймал такси и поехал к тёте. Необходимо было успеть прежде, чем она проснётся. Я не хотел, чтобы она видела меня в таком состоянии (в итоге я довольно-таки сильно набрался, казалось, одним своим дыханием я могу её отравить).

Ещё до того, как мне позвонил следователь, я передвинул свой вылет на два дня. Я хотел выспаться и немного подумать. Я ведь на всякий случай взял в поездку папку со своими старыми наработками. И была ещё одна причина моей задержки... Я так просто не мог выбросить из головы Руфь, лучше было какое-то время находиться неподалеку... На всякий случай... Разговоры с Диной, трезвые утренние мысли — всё это постепенно рассеивало наваждение...

Неважно, что было причиной, я ни перед кем не собирался отчитываться... Есть ведь у меня право на свою собственную жизнь, особенно когда я сделал всё, что мог... Я всех посетил, расспросил, дальше что — бродить по Земле обетованной в надежде на случайную встречу? В Нью-Йорке у меня вряд ли будет свободное время после такого долгого отсутствия, — думал я, — так что лучше вернуться к своим баранам здесь... Когда я только-только начал погружаться в свою задачу, тётя позвала меня к телефону.

— Кажется, мы нашли его одежду.

— Где? — спросил я.

— На пляже. Там ещё сумка была. Поэтому пожилая дама, гулявшая вдоль моря, сразу позвонила куда следует. На диком пляже террористы, конечно, не работают, но кто их знает... Сейчас нервы напряжены у людей. В общем, инстинкт сработал. В сумке ничего не было. Ну, бутылка с водой. Да — и тетрадь, а там среди русских слов были какие-то цифры. Оказалось, это телефон твоего приятеля.

— Опять его тетради, — тихо застонал я.

— Что?

— Нет, ничего. Какого приятеля?

— Его фамилия Солин, ты ведь его знаешь?

— Ну конечно.

— Он сейчас приедет. И ты тоже приезжай. Опознаете вещи, и мы наконец поставим точку в этом деле.

— Какую точку? Где Стас?

— Приезжай, всё объяснилось. Ко мне в офис, а на море мы вместе поедem.

Поборов брезгливость, я надел чью-то, неизвестно сколько валявшуюся на песке рубашку, холщовые брюки. Дешё-

венький стариковский костюмчик типа «сафари». У меня не было ни малейшего сомнения, что он никогда не принадлежал Стасу. Ещё до того, как я всё это надел. А когда я всё это надел, стало видно, что и штаны и рубаха как минимум на два размера больше, чем надо.

— Ну и что, — сказал Шломо, — сейчас так модно. Тебе идёт.

Он поднял большой палец.

— А где обувь? — спросил я. — Давай туфли, тогда всё станет ясно.

— А обуви не было, — сказал Шломо, — не было никакой обуви. Ну, ты не вспомнил? Не в этом заходил к тебе Стас? — он повернулся к Солину.

— Вообще-то я не обращаю внимания на одежду, — сказал Солин, — но на Стасике были шорты и футболка, которую я запомнил. На футболке был большой пацифистский знак.

— Нет, серьёзно? — сказал Шломо. — Он что, был идиот?

— Ну, не совсем. Любил эпатаж, — пожал плечами Солин, — светлая футболка, чёрный такой знак.

— Ладно, это его личное дело. И вообще, чёрт с ней, с одеждой. Но что вы скажете про тетрадь? Вы мне говорили, что он всё время писал в тетрадь.

Шломо развернул тетрадь и повернул её к нам.

— Тетрадь его, — сказал я, — в этом нет сомнений. Но мало ли где можно найти его тетради. Я нашёл уже три, в разных домах, а вчера вообще...

Я хотел было сказать, что не только в домах, потому что я сам выбросил одну на улице, но мне не хотелось в этом признаваться, особенно в присутствии Солина.

— Но это ведь не дом, — сказал Шломо, показывая рукой на море, — я понимаю, что тебе не хочется в это верить, но всё говорит за то, что твой брат утонул. Это далёкий пляж, тут почти никого не бывает, тем более уже не сезон, одежду поэтому нашли через столько дней, до этого, может, изредка и проходил кто-то мимо, не обращая внимания. Никого, кто бы пропал без вести, в эти дни не зарегистрировано. Ну всё, буквально всё сходится!

— Нет, этого точно не может быть, — сказал я, — всё что угодно... Он мог попасть под машину или под танк, его мог зарезать араб, он мог взорваться во время одного из терактов, заблудиться в пустыне или полететь с небоскрёба, я во всё могу поверить, вы видите....

— Все жертвы терактов учтены, — сказал Шломо, — ты знаешь, как ортодоксы к этому относятся, поэтому...

— Не знаю, Стас мог остаться неучтённым, он мог специально... Он мог вдруг начать доказывать аксиому, да всё что угодно могло быть, я не могу представить ход его мыслей, потому что мы очень разные, понимаешь? Я готов всё допустить... Но только на суше. А утонуть он не мог!

— Почему?

— Он в воде... Если бы ты видел, как он плавал. Он там преображался. Ну просто как рыба в воде, буквально. Я бы тебе сказал, чем он там занимался...

— Я согласен, — неожиданно поддержал меня Солин, — утонуть он не мог. Я всегда говорил, что Стасик тюлень. И на суше, и в воде. Тюлень — он и в Африке тюлень...

— При чём тут Африка? — воскликнул Шломо. — Да что вы вообще знаете про это море? Здесь такие течения

бывают, и всё это сразу, внезапно, налетает ветер, и такая волна... Входишь в воду, штиль, и вдруг... Что я буду вам объяснять...

Шломо повернул к себе тетрадь и посмотрел на незнакомый ему шрифт. Казалось, он размышляет, не нужно ли отдать тетрадь на экспертизу. Но потом он протянул её мне, я взял и передал её Солину. Солин стал читать вслух, с ходу перевода на иврит. Следователь послушал минуты три, что-то сказал, всплеснув рукой. Видимо, что-то смешное, потому что Солин расхохотался.

— Что он сказал? — спросил я.

— Прости меня, пожалуйста..., — сказал Солин, — не время... Хотя, знаешь, я тоже не верю, что Стасик мог утонуть.

— Что он сказал?

— Он сказал: «А был ли мальчик?» И я вспомнил, что говорил тебе, помнишь... Ну как в воду глядел...

— А почему он это сказал?

— Ну я же ему почитал, знаешь эти игры Стасика, мне кажется, что он мне это уже показывал... Трюизм, конечно, чистой воды, но славно...

— Всё, — сказал Шломо, — мне больше нечего вам сказать. По-моему, это правдоподобно. Более чем правдоподобно. Всё сходится. Одежда новая. Купил, мы знаем, что у него деньги появились. И то, что он плавал хорошо, это тоже говорит в пользу моей версии. Тонет тот, кто умеет плавать. К тому же мне говорили, что у него была астма, а у астматиков бывают совершенно неожиданные спазмы... И есть ещё сердце, между прочим. Которое непосредствен-

но связано с лёгкими... В общем, я понимаю, что вам не хочется в это верить, но мне нечего добавить. Вещи можете взять, кстати, на всякий случай покажите их тёте. И сообщите мне, что она скажет.

— Я завтра улетаю, — сказал я.

— Но вот он ведь остаётся.

— Хорошо, — кивнул Солин.

— Ну всё, — сказал Шломо, пожимая мне руку, — что тут скажешь...

— Он не мог утонуть.

— До свиданья... Или ты со мной? Подвезти тебя в центр?

— Нет, спасибо, — сказал я, — я посижу немного.

— Только ради бога...

— Мне тоже надо ехать, — сказал Солин, — слушай, можно я возьму тетрадь Стасика. Ты извини, если это...

— Бери-бери, — кивнул я.

Мы попрощались, и они пошли к машинам, а я остался сидеть на песке. Потом положил чью-то одежду в чью-то сумку и пошёл по берегу. В сумке кроме бутылки с водой, которую я вылил, и тетради, которую взял себе Солин, был пакет с засохшим хлебом, завёрнутым в фольгу. Был штиль, только лёгкая, едва заметная рябь бежала по поверхности воды. Стас учил меня когда-то плавать на спине под водой. Он говорил, что при этом можно увидеть своё отражение. Я никогда не видел, но верю ему на слово. Он говорил, что только если задержать дыхание... У меня тогда вода заливалась в нос. Поэтому я всё время выдыхал воздух, поверхность топорщилась от пузырей... Я вспомнил, как Стас в детстве

расправлял фольгу, в которую заворачивали конфеты. Тёр серебряный лоскуток, расправив его на столе, до тех пор, пока он не становился совершенно гладким, брал двумя пальцами, потрясал в воздухе... Я как будто снова слышу это тихое дребезжание... Ещё он умел делать сальто-мортале под водой. Он плыл, опять же на спине вниз, и плавно так делал петлю, а у меня не получалось, я каждый раз заваливался на бок... На пляже отеля «Хилтон» я остановился, сначала просто чтобы выбросить в урну пустую бутылку и окаменевший бутерброд. Тут и там стояли пустые шезлонги. Я сел на один, и тут же возник смуглый парень, по-моему, марокканец, он сказал, что пользование стоит шесть шекелей. Я дал ему деньги, поднял спинку шезлонга до упора, и, выкурив сигарету, раскрыл свою папку. Когда-то, ещё до эмиграции, я получил с помощью алгебраической геометрии результаты в области так называемой обратной задачи рассеяния. Из-за суеты, которая царила перед отъездом, я не успел их опубликовать, в Штатах долгое время мне тоже было, мягко говоря, не до того. Только через несколько лет я вспомнил о задаче. Теперь она вполне могла стать моим хобби. Оказалось, правда, что мои решения за это время успел получить другой математик. Я всё время забываю его китайскую фамилию. И всё же... Это мне пришло в голову ещё в тот день, когда я просматривал на пляже старые записи: были, были в тех моих выкладках тропы, которые так и остались нехоженными. И хотя они приводили в ту же самую точку, я правильно посчитал, что этого хватит... Ну, скажем, для приглашения в Голландию на семинар.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ОБЛАКОВ И ОБОЛОЧЕК

Проснувшись от крика «постели сдаём», я приподнялся на локте, выглянул в окно и по каким-то очертаниям мелькавших там строений понял, что на самом деле до прибытия поезда достаточно много времени.

Я мог бы ещё раз уснуть, если бы не вспомнил, что мне вскоре предстоит впервые в жизни оказаться за границей.

Это воспоминание о будущем не больно взволновало меня... Но тем не менее помешало вернуться в сон.

«Да что значит «впервые», — сказал я себе, — просто забыл, что один раз там уже побывал...»

Но это заговаривание, этот своего рода аутотренинг — не сработал...

Я понял, что единственное из того, что осталось у меня в памяти от заграницы, это — бумага, в которую там всё заворачивали.

Всё — это значит, что не только колбасу, халву и сливочное масло, как в моём родном городе, но и зелёный лук — как будто это были цветы, и буханки хлеба, и батоны, и огурцы, и сметану (хотя она и так уже была упакована в пластиковые стаканчики, которые я в свою очередь видел впервые), ну то есть всё.

Причём бумага не была похожа на размягчившийся коричневый картон, нет, она была белая и тонкая. А дома с черепичными крышами, Домский собор, бронзовых петухов и там же где-то наверху — силуэт черной кошки... Я не то чтобы полностью забыл... Но как-то не вспоминал с тех пор.

Даже когда я видел эти улочки в «Семнадцати мгновениях весны», мне почему-то и в голову не приходило, что я мог по ним ходить, когда мне было лет семь.

«А память покрыта таки-и-и-ими большими снега-а-ами...»

И вдруг там что-то оттаяло... Я увидел профиль таксиста, который вёз нас с вокзала к родственникам, жившим на Югле — неподалёку от них была ещё эта звероферма... Вот, теперь я даже такие подробности вспомнил... Хотя песцы и чёрно-бурые лисы, хвосты которых мелькнули после этого у меня перед глазами, были скорее всего из Харьковского зоопарка...

Короче говоря, я видел всё крайне расплывчато, чётких картинок у меня по-прежнему не было, но всплывали какие-то слова, названия — вот как эта «Югла»... Таксист, когда вёз нас туда, говорил, делая долгие паузы, во время которых он наблюдал за нашей реакцией: «Так вы, значит, из Советского Союза...», «Моя жена побывала в прошлом году в Советском Союзе...», «Я, наверно, тоже когда-нибудь съезжу в Советский Союз...»

Но так спокойно, естественно и как бы сказать... Отстранённо — вот... Он произносил эти слова, что я ему верил больше, чем родителям, родственникам, Малому атласу мира...

А когда чуть позже увидел, как там всё заворачивают... Поверил окончательно и бесповоротно.

Мне было лет шесть, глаза были вровень с прилавком... И это зрелище загипнотизировало меня так, что никакие слова о том, что это «точно такая же республика, как наша», я уже просто не слышал.

«Ну всё, хватит, — думал я, пластаясь на полке поезда номер, кажется, девятнадцать, — тем более что ремини-

сценции получают какими-то овощными... При том что «поехать в ригу» означает, или во всяком случае — означало, не что иное, как «вырвать», «отдать всё назад»... Ну, потому что «рыгать» — аллитерация, учитывая ещё это суржиковое «ы»: «Ры-ы-ыга».

Ворочаясь между сном и явью, я некоторое время ещё пытался развернуть до конца свои «загранвоспоминания», чтобы разглядеть там что-то помимо продуктов...

Район, в котором жили родственники, лес сразу за домом, озеро во дворе — всё это были только слова, я не видел ни одной картинки, всё было стерто...

Как будто в рижском магазине со мной подшутили, завернув пустоту в фантик...

«Дядя Петя, вы дурак?» — я увидел кадры старого фильма: заготовивший было, но сразу осёкшийся дядя... мальчик с пустой обёрткой на ладошке... родители, спешащие как-то заглядывать... а потом спорящие в другой комнате, нужно ли наказывать мальчика... за то, что назвал дурака — дураком...

«Нет, но был же там какой-то Старый город в конце-то концов?» — думал я, всё ещё лёжа на полке, хотя мои соседи, судя по звукам, уже выносили свой громоздкий багаж в тамбур...

А я видел прямо перед собой... Ну, то есть во внутреннем ооёме — огромный стенд с изображением Старой Риги, как бы сверху, если на неё смотреть, но будучи не прямо над ней, а как если стоять рядом с ней на пригорке...

Стенд был похож на иллюстрацию из детской книжки, выросшую до гигантских размеров и закрывшую собой изображённый на ней Старый город...

Может быть, в Старом городе происходила тогда реставрация и поэтому поставили стенд — на наши строительные он был не похож, ну так и обёрточная бумага в магазинах там была не похожа на нашу, и, как я уже сказал, её было неизмеримо больше...

А может, он был и не строительный — стенд, а всегда там стоял, откуда я могу это знать... Теперь (в 19-м поезде) это уже было и не важно, потому что даже если тогда в стенде, соединявшем собой небо и землю, была дыра, то есть двери или ворота — в Старый город, и мы сквозь неё проходили в какой-то 3D, всё равно во время ретроспекции там обнаружилась одна картонная стена с нарисованной Ригой — и всё, и больше ничего там не было...

Я как будто увидел стенку коробки, в которую вся Рига была тогда же и упакована...

На коробках ведь рисуют их содержимое, будь то конфеты, игрушки, а тут вот была — Рига...

Ох уж эти реминисценции... эти складки памяти... эти межеумочные о-рига-ми, — если уж на то пошло... Сном их ещё нельзя было назвать, но через секунду я бы дрых без задних ног — если бы меня не встряхнули за плечо.

Я сел и нашарил ногами на коврик туфли. Они были сильно помяты, и, надевая их, я машинально думал: «Это оттого, что в них на ночь не насовали бумагу — в отличие от моей головы...» После этого я встал, сложил постель и свернул матрас. Я вообще не волновался. Во всяком случае, не настолько, чтобы и наяву размывать самое понятие... «Ну зачем, — думал я, допивая остывший чай, — граница существует... А так как я за неё никогда

не рвался, то и не из-за чего мне теперь устраивать... её полную элиминацию».

Мои друзья и домашние могли быть тому свидетелями: я никогда не говорил о загранице, не строил планы на случай, если начнут выпускать и т. п.

Может быть, виновницей моего аномального равнодушия к территории, запредельной по отношению к шестой части суши, была одна тётка с прошлой работы... Её, единственную из знакомых мне живых существ, отпускали на все четыре стороны света, и когда неутомная выездная женщина являлась из очередного или, чаще всего, внеочередного (она брала отпуска по частям) отпуска и показывала фотографии, где она, скажем, сидела на слоне или стояла на фоне Эйфелевой башни... Я, как правило, выходил в курилку.

«До сих пор нигде не был? Нет, ну ты какой-то припе... Нет, ну полный абзац, Островский! Не, ну ты знаешь, что ощущение, которое испытываешь, когда впервые ступаешь за железный занавес, ни с чем не сравнимо? Разве что с потерей невинности!»

Или «девственности» она сказала... Точно не помню, но всё равно странное сравнение, особенно из уст женщины... Впрочем, она его «выдала», когда мы случайно столкнулись в городе уже в разгар перестройки... В начале же восьмидесятых она «железный занавес» с поясом верности, или там — невинности, ещё не сравнивала, ни-ни... Но всё равно раздражала этим своим звериным аппетитом пожирательницы пространства-времени...

И скорее всего, что из-за неё мне за пределы Необъятной никогда особо и не хотелось.

Я вспомнил, увидев в окошке серый московский перрон, что Ахматова, приезжая из очередной заграницы — когда её стали выпускать... Из Лондона ли, из Парижа она возвращалась, в ответ на вопросы «ну как там, ну что там», отвечала одно и то же: «Духовная провинция».

— ...забыл, что ты должен был взять с собой две бутылки водки и два блока сигарет!

— Почему сигареты? Я ведь бросил... Ну ладно водка, тут ты, может, была права — с двумя бутылками я бы там...

— Это так ты меня слушал. Повторяю по слогам: ты бы продал, понимаешь, про-дал ту-земцам си-гареты, вод-ку... Выручил бы за них долларов двадцать и на них бы дотянул до парома... Ты понял?

— Знаешь, мне как-то не верится, что это будет паром. Паром — это плот, который перевозит людей с одного берега реки на другой. Я не могу себе представить, чтобы паром плыл по открытому морю...

— Две бутылки и два блока, ты запомнил?

Положив трубку телефона-автомата, висевшего в переходе к поездам дальнего следования, я проследовал далее в зал, а потом, не останавливаясь, на привокзальную площадь, которая тогда ещё не была накрыта коробкой киноторгового центра, но на ней уже торчали его маленькие зародыши, в одном из которых я и приобрёл всё необходимое, по словам Лизы, для жизни на острове.

Уложив голые бутылки «Пшеничной» и блоки «Космоса», завёрнутые в белую бумагу, в небольшой, но всё ещё довольно просторный чемодан, я подумал, что Лиза за гра-

ницей никогда не была и руководствуется слухами. С другой стороны — а что ещё делать?

Времени до отлёта было ещё слишком много, и я подумал, что чем киснуть в зале ожидания...

В Шереметьевском я то есть ещё не был, но провёл достаточно времени в разных других «предбанниках», где стены были в каком-то жутком кафеле, и через час-другой казалось, что мы сейчас не полетим, а пройдем в общий душ — и это ещё в лучшем случае...

Я поэтому подумал, что чем сидеть в обнимку с чемоданом в аэропорту... Лучше положить чемодан в вокзальную камеру хранения и прогуляться по городу.

Переходя через мост и глядя, как внизу наперегонки бегут машины, я вспомнил рассказ Саввы о том, как он продавал в Нью-Йорке октябрятские звёздочки.

Жена посоветовала, или даже подложила в чемодан, потому что брат добровольно этот «товар», с позволения сказать, Савва, в отличие от меня, отказался. Три сотни маленьких ульяновых — это же даже не водка, это вообще какой-то бред собачий...

Обнаружив их по прибытии у себя в чемодане, Савва выругался. Но решил, что, раз уж он захватил их в другое полушарие, надо попробовать, триста долларов на дороге не валяются, если не все пятьсот... Но коллеги ему объяснили, что звёздочки вышли из моды. Никто не даст ни копейки... Ну, или, по слухам, центов двадцать за штучку, да и то в одном только месте — в магазине сувениров под зданием Организации Объединённых Наций. Савва подумал, что

бред становится навязчивым... Но всё же сходил туда в свободное от симпозиума время.

Охранник, осматривая содержимое сумки, взял двумя пальцами прозрачный пакет за уголок, встряхнул и удивился. «Why in the world so many?» Савва пожал плечами и сказал «Имею право». «ОК, — сказал охранник, — it doesn't really matter, but! — Он поднял палец. — When you exit this building, you'll have to take all these items with you!»

И что-то ещё там было, совсем уже странное, по словам Саввы, в этом здании ОО... Вот именно: возле каждого туалета там висела табличка с надписью: «Вы должны выйти отсюда со всем тем, с чем вошли». Within you...

Короче говоря, ни одной звёздочки мой приятель в Нью-Йорке не продал — ни одной. Зачем-то привёз их обратно в Харьков... Вспомнив всё это, я зашёл в ближайшую телефонную будку и отыскал в блокноте номер своего дальнего родственника.

Собственно, в этот момент родственник был не таким уж и дальним. Хотя бы потому, что жил в Москве, а я тоже в тот момент был в Москве.

— Думаешь, мы узнаем друг друга? — усмехнулся он. — Ладно, вот тебе моя примета. Спортивная тачка цвета электрик.

— Да я тебя и так... — начал было я, но родственник успел повесить трубку.

Через десять минут он подкатил прямо к будке и впрямь на чём-то низком и синем.

У него были длинные волосы, трёхдневная щетина, и он, конечно, сильно возмужал, если не сказать: заматерел.

При этом видно было, что моя одежда вызвала в нём пароксизм отвращения... или жалости. Но он это в себе подавил и, быстро сунув мне в руку три купюры (т. е. ровно столько, сколько я сказал), пробормотал: «Ну давай», сел в свою торпеду и — был таков.

Я побрёл дальше, вспоминая мою первую встречу с Мишей, а заодно — с Московским метрополитеном... Точнее, с метро как таковым, потому что в Харькове его тогда ещё даже не начали копать...

Родители дали мне пятак, хотя отец и начал было говорить, что в моём возрасте пускают бесплатно... Но мне хотелось бросить, и мне его дали — пятак, а инструкции я слушать не стал, сказав родителям: «Я уже знаю, мне Миша всё рассказал».

Бросив монету в щелочку — как в копилку, я постоял немного, но ничего не происходило.

Ма-асковский братик успел отбежать куда-то в сторону... Мишка тогда ни минуты не мог стоять или сидеть спокойно, как будто шило у него было зашито в одном месте...

Но ничего не происходило. Совсем ничего... А я что-то слышал, ещё в Харькове... На всякий случай побежал назад — спросить у родителей...

«Просто иди вперёд», — сказали они, но когда я вернулся и попробовал пройти между тумбами, меня чуть не прихлопнуло какими-то скобами, прямо как мышь в мышеловке.

Я испугался и, побежав назад, увидел хохочущего Мишу... «Витька, ты подарил Московскому метро пять копеек! — кричал он. — Представь, Витька: Московское

метро, представь, сколько в нём течёт денег... Деньжат... Деньжищ... И твои пять копеек! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!» Я недоумённо смотрел на него... Он никак не мог успокоиться и всю дорогу на ВДНХ повторял: «Мой брат подарил пять копеек Московскому метро!»

Я же удивлённо пожимал плечами и про себя думал: «Ну и что здесь такого? Дурак, что ли? Смех без причины...»

Вот только через двадцать лет оказалось, что хорошо смеётся тот, кто смеётся первым.

И теперь у него была машина... Да что машина, если он выиграл, по слухам, другие гонки... Вот и причина смеха «дурачины»: у Мишки тогда мелькнуло предощущение будущих денежных потоков, а у меня этого ощущения не было и нет, вот я и стал бедным родственником... Одни билет купили на паром, другие дали денег на три дня... и три ночи — продержаться... «Точно, он тогда тайну разгадал, — думал я, возвращаясь к вокзалу, — что-то открылось ему тогда... Неразменный пятак, что ли?.. Который я тогда же и разменял... Ладно, чёрт с ним... Кто честной бедности своей стыдится и всё прочее...»

У другого длинноволосого — того, что теперь сидел справа от меня, было с собой больше карманных книг, чем у меня денег... Как будто он летел не на Кипр, а в Нью-Йорк, да ещё при этом владел, подобно Лизе, техникой скорочтения...

Я попросил у него что-нибудь почитать, он кивнул и достал из бокового кармана такую... как бы глянцевую брошюрку. Протянул мне, я открыл... И увидел, что там всё на французском.

Я сказал, что я не знаю этот язык, он протянул мне другую брошюрку. На итальянском.

Я попробовал от него немного отодвинуться, — это не очень-то получилось, но я тем не менее смог... так повернуть голову, чтобы рассмотреть своего соседа повнимательнее.

Я подумал, что он, возможно, здесь и живёт — в самолёте?.. Аэро-домовой... Домо-дедовский джет-домовский... Ну, жил же так кто-то в «Приключениях итальянцев в России», выронив паспорт за борт, или что-то в таком роде...

— Меня зовут Арсений, — выговорил он наконец, — я переводчик со скандинавских языков.

— А разве французский...

— Остальные языки — моё хобби. Я их поддерживаю, чтобы не потерять совсем. Язык похож на течение реки — если вы не гребёте, вы не просто стоите на месте, вас сносит назад, вы деградируете... Ну вот, я вам все рассказал: работа, хобби. Ну, или почти всё... А чем вы занимаетесь, если не секрет?

— Деградирую.

— Но всё-таки в каком направлении? — улыбнулся он неприятным безгубым ртом. — Ударились в декаданс?

— Ну, не совсем. Я всё-таки защитил кандидатскую... По методам конечных элементов, и теперь считаю оболочки...

— Я точно слышал эти слова... Но ничего не понял, по правде говоря...

— Сейчас я объясню. Мягкая оболочка рассматривается как двумерное многообразие в трёхмерном декартовом пространстве. Для описания формы оболочки как в недеформированном, так и деформированном состояниях

используется параметрический способ задания поверхности, в соответствии с которым эти состояния описываются соответственно уравнениями эрэр...

— Понятно, понятно, — быстро забормотал он и поспешил вернуться к чтению.

А я глянул на те облака, что были справа от меня, и вспомнил, как, учась в университете, получил письмо от профессора Сомова со списком литературы на трёх листах и постскриптумом: «Если после чтения этих толстых книг у вас не пропадёт желание заниматься этой скучной темой, милости прошу ко мне в Ленинград».

Я сделал тогда финт ушами — книги не прочел, но в гости к Давиду Пинхусовичу поехал.

Хотелось съездить в Ленинград — я там никогда не был... Ну и кроме того, я учился на предпоследнем курсе, а у меня всё еще не было ни своей темы, ни своего научного руководителя, то есть вообще ничего, как-то я «прошлёндал» — как выразился отец, все семестры... Пока отец не спохватился и не решил познакомить меня с далеким светилом... Которое раньше обитало в Харькове и даже было соседом отца по коммуналке, когда меня ещё и на свете-то не было...

Переводчик со скандинавских вдруг закрыл книгу и повернулся ко мне.

— В первый раз, — поинтересовался он, — за бугор?

— Да, — сказал я, — а у меня что, это на лбу написано?

— Да нет, я просто... Из общих соображений. Границу только недавно приоткрыли, так что побывавших ещё несравнимо меньше, чем «девственников» в этом смысле...

— Слушай, я тоже уже где-то слышал эти слова...

— Ну вот, и едешь ты ведь при этом не на ПМЖ — те летят другими рейсами, поэтому я и предположил, что первый раз...

— Не понял логику... Ну ладно, а ты-то какой?

— Я жил там уже несколько месяцев. Помогал по хозяйству одной старой даме. Теперь ненадолго, просто везу ей щенка кавказской овчарки. Беспokoюсь, как он там один, — переводчик показал пальцем вниз, очевидно, на грузовой отсек.

— Да, — сказал я, — там жарко, по идее, а у кавказца шуба, как печь... Я имею в виду — в Израиле.

— А что делать — загорелось ей. Знаешь, сколько она за него отстегнёт? Четыре штуки.

— Ого.

— Мне вообще предлагали возить борзых. Маленьких совсем, недельных таких, или даже ещё меньше, русских борзых... Их поят молочком со снотворным и подшивают в мешочках к подкладке пиджака — вот сюда... Или в рукава, по одному щенку..

— Ну и? — заинтересовался я.

— Я отказался. Они там страшно дорогие, это факт, но запрещённые у нас к вывозу, если поймают, столько гемора будет...

Я хотел поделиться с ним сомнениями по поводу реализации своего «товара», но передумал — какая теперь уже была разница? Я попросил его снова дать мне ту книгу, что была на французском, то есть «Фальшивомонетки» Андре Жида, вспомнив совет кого-то из философов — бросаться в

незнакомый язык, как в воду со скалы... Ну, то есть начинать читать, не зная слов.

Впрочем, половина оказалась мне знакома, это были только слегка переодетые английские слова... Но потом я потерял нить, взгляд как-то сам собой скользнул со страницы к иллюминатору... В то же время послышалось подозрительное попискивание... Тише, чем в нашем старом лифте — в моём доме на Салтовке, но всё-таки странное такое... попискивание... Крыло в иллюминаторе было на месте, не отвалилось... Я обернулся к переводчику... Ничего подозрительного и с этой стороны не заметив, я подумал, что, возможно, ему всё-таки зашили под полы пиджака крошечных щенков... Может, вообще зародышей, от них можно всего ожидать, от этих контрабандистов... После чего я, вероятно, уснул, и мне приснился мой научный руководитель. На профессоре Сомове были талес и кипа, лапка его была перевязана тонким тугим ремешком... Наяву я ничего подобного на нём не видел, вообще, насколько я помнил, Пинхусович был атеистом. Притом воинствующим... А тут он произносил ритуальные слова на незнакомом мне языке, который я, однако, отчасти понимал, потому что это было во сне... И в Ленинграде, очевидно, по той же причине было не так холодно, как наяву десять, что ли, лет тому, когда я решал интегральные уравнения и гонял чай у профессора Сомова, в котором было что-то птичье — в Пинхусовиче, не в чае... С огромной книгой в руках он напоминал мне ворону с картины Карла Шпицвега, которую я видел в его альбоме, а не в Эрмитаже, он водил по формулам золотой маленькой ручкой — специальной палочкой,

с крошечной человеческой рукой на конце, с торчащим указательным пальчиком из золота или бронзы... Иногда указочка соскакивала со страниц, испещрённых формулами, Пинхусович постукивал ею по серебряному подносу или по подстаканнику... За окном гулял луч прожектора, как, наверно, в семнадцатом году... И больше я ничего не видел в Ленинграде, никаких там белых ночей... Хотя я был зимой, какие белые ночи — я света белого не видел... «Вы что же, турист, молодой человек? Тогда надо было не ко мне вам ехать»... Всего один раз мы были снаружи, прошлись по Невскому, поздно вечером, помню, что при виде Дворцовой площади мне показалось, что Пинхусович, который шёл за мной, тихонько покаркивая, улетел... Очевидно, я уснул на ходу, и вот теперь было продолжение, значит, этого сна, белые пряди волос мелко трепетали на ветру, Пинхусович постукивал по алюминиевой обшивке золотой указочкой, повторяя: «Это же одна видимость, а не стены!» Возможно, что это теперь уже был и не Пинхусович — во сне так быстро всё меняется... что это мог теперь быть воздушный обходчик... Ну, как железнодорожный, который проверял кувалдой колёса и толстые кишки амортизаторов, где-то под Белгородом...

В любом случае я теперь не боялся за сохранность алюминиевой капсулы... Не потому, что совсем оборзел, вообразив, что мы у Христа за пазухой, как те щенки, накачанные снотворным и подшитые к подкладке... Но потому, что фразу «Это одна видимость, а не стены» я опознал... Эти слова когда-то произнёс человек из страховой компании или из охранный фирмы... Он пришёл в офис, в котором я

тогда подрабатывал — что-то вроде кооператива... И стал простукивать стены: подробно, внимательно, как железнодорожный обходчик, но без кувалды... Ну, или врач-невропатолог, хотя и без молоточка... Нет, скорее, как пульмонолог, вот так, да, он их простукивал, голыми руками, где-то ребром ладони, положив вторую на стену — плашмя, как играют на бонгах... Закончив своё исследование, он сказал, что это не стены, а одна видимость. «Наверно, от этого зависела цена за охрану офиса, за сигнализацию...» — подумал я и, ощутив толчок, открыл глаза.

Облаков в иллюминаторе больше не было, там было темно и быстро мелькали жёлтые огоньки, а в салоне самолёта раздавались жидкие аплодисменты.

На выходе толпа нас разделила, и я уже было забыл о нём... Но, подобрав чемодан с транспортной ленты, вспомнил, не в последнюю очередь потому, что он добровольно вызвался быть моим «проводником с собакой»...

Я поискал глазами — его нигде не было видно, и я с чемоданом вернулся немного назад.

«Stop!» — услышал я и тут только заметил, что помимо переводчика за дверью комнаты находится ещё несколько человек...

Все они были в чёрной форме, и в первый миг я, очевидно, принял их за тени, там был какой-то странный свет, дневной-недневной...

Но надо ли говорить, что щенок, свернувшийся клубком, был похож на белый клок, вырванный из облачной подкладки, которая только что ещё была у меня перед глазами...

Моё появление его заинтересовало, задвигавшись, он стал менее бесформенным...

Что-то вроде белого медвежонка, по цвету, правда, похожее как раз на взрослого — с порыжевшими боками...

— Вы уже прошли паспортный контроль, вам сюда больше нельзя, — сказал пограничник или кто он там был, — немедленно покиньте эту территорию.

— А он?

— Он задержан.

— Виктор, — сказал Арсений, — иди со всеми, меня задержали потому, что это остров.

— А меня почему не задержали?

Арсений загадочно улыбнулся, а пограничник насупил густые брови и громко клацнул... Похоже, что затвором.

Я не испугался, причём настолько, что в следующую секунду испугался того, что я совсем не испугался — это же ненормально...

А всё потому, что я никогда не верил в реальность заграницы...

А значит, и заграничников...

— Ты же один, ты без животных, — сказал Арсений, — понимаешь, тех справок, что у меня с собой, здесь недостаточно. Они здесь больше всего боятся эпидемий среди животных. Остров у них тут.

— И что теперь? — спросил я, адресуя слова автоматчику. — Можно я опущу руки?

— Можно, если вы вернётесь за эту черту, — повёл он головой, не сводя с меня ствол, — вам через неё уже нельзя было переступить. Сию же секунду, мы не шутим.

— Всё-всё, — сказал я, — ухожу.

— Они вызвали ветеринара! — крикнул вдогонку Арсений. — Он осмотрит Сэнди, тогда меня отпустят. Но когда цей айболит приедет, неизвестно, а до этого я должен сидеть здесь под арестом...

Вернувшись в зал ожиданий, я услышал зычный женский голос: «Кто в Израиль, подходят ко мне!»

Эти же слова были написаны на транспаранте, который возвышался из центра толпы на высоком древке...

— Сколько это стоит? — спросил я, увидев, что женщина собирает у всех деньги, пересчитывает их...

— 40 долларов, — сказала она, не поднимая головы, и на душе у меня отлегло.

Я отошёл в сторону и оттуда смотрел, как толпа вытекает из зала ожидания за белым транспарантом с чёрными буквами...

Переведя взгляд на чёрное табло с белыми буквами, я вспомнил, как только что на него смотрел в Москве, как увидел там — на табло — город, созвучный с «Ларнакой»...

Как из-за этой аллитерации я чуть не полетел в другую страну...

«Ах, какой рассеянный, сын Сары Моисевны! Ехал в станцию Разлив, а попал он в Тель-Авив, ах, какой рассеянный...» — была когда-то такая частушка, теперь она машинально завертелась у меня в голове...

Белые циферки на чёрном табло менялись местами, что-то там складывалось, распадалось и снова складывалось — возникали новые последовательности... Как будто

на глазах создавались так называемые «альтернативные истории»...

«Да чёрт с ней, с Ахматовой, с ее «духовной провинцией», — подумал я вдруг, — ты лучше вспомни, что Набоков говорил о существовании некой совершенной ничейной сини, где-то над Атлантикой...»

— Вы не в Лимассол случайно едете?

— Да, — сказал я, — а что?

— Так. Четырех нашла, — сказала она, — объясняю: такси здесь вместительные. Три ряда сидений, таким образом, в одно помещается семь человек. А цена делится на всех. Ну и вообще, лучше вместе — чтоб не пропасть, как говорится, поодиночке...

— Тогда почему вы не поехали со всеми вместе?

— А вы?

— Мне денег не хватило. У меня с собой только 30 долларов. Кроме того... Знаете, что-то мне до боли знакомое слышалось... в этом голосе, которым нас сейчас сзывали... Память о детстве, пионерлагеря и всё такое...

— Экий вы чувствительный. Ну, не знаю... Мне просто родственники посоветовали провести эти дни в Лимассоле. На море... И вообще, в Никосии, куда она их всех повезла, в гостиницу, говорят, ловить нечего, панельные дома и всё такое...

— Неказистое.

— Ну да... Вы говорите по-английски?

— Э... литл бит.

— Я тоже. То есть я его преподаю. Но с носителями языка не общалась. Вот впервые в жизни только что — в окошке

информации... Ужасно приятное чувство, знаете, от этого даже как будто слегка опьянела...

— Это не от этого. Как говорила моя сотрудница, впервые оказаться за железным занавесом — это все равно что... Впрочем, неважно.

— В общем, я пошла, поищу, нет ли ещё наших, и поедем. Ждите меня здесь.

Женщина пошла дальше по залу, а я, встретившись взглядом со стоявшей всё это время чуть поодаль маленькой некрасивой девушкой («волчья пасть» в сочетании с очень длинным прямым носом и аутично бегающими маленькими глазками...) с двумя почти одинаковыми детьми (совершенно не похожими при этом на мать), подошёл к ней и оставил, с её согласия, ей на попечительство свой чемодан.

После чего вышел из зала ожидания в открытый «греческий космос»... Было ещё темно, трава выглядела пожелтевшей — от света фонаря, а может, ещё и от жёсткого дневного солнца... Передо мной мелькнули коридоры военной кафедры университета... Наверно, находясь там, я менее всего представлял себе, что в этой жизни окажусь за железным занавесом, и теперь, когда я за него заступил, или точнее, когда он приподнялся и я прошёл под ним...

Жёлтый свет кипрского фонаря стал быстро распространяться по всей моей предыдущей жизни...

И лишь в какие-то закоулки здания военки он не смог попасть со скоростью света...

Вот я и заметил, как он туда медленно просачивается...

Я даже успел рассмотреть в каком-то из тупиков памяти маленького майора Матюшкина, стоящего за

кафедрой с поднятым вверх указательным пальцем... «Я хочу, чтобы вы знали следующее, — говорил он, — вероятность термоядерной войны в современном мире равна единице, или ста процентам! Вам ясно? Почему не конспектируете?»

Вернувшись в здание, я увидел, что вокруг учительницы английского уже набралось необходимое количество народу. Переводчика среди них не было.

Помимо учительницы и девушки с близнецами к нам примкнула южная женщина с огромным сундуком и скромная пара средних лет с немногочисленной, как и у меня, ручной кладью, из города Омска.

Когда немного рассвело, мы прошли из здания на стоянку такси, где нас уже подъевреивал маленький толстяк в полосатой тенниске и белой кепочке.

Торг был недолгим. После деления платы за проезд на количество пассажиров получилось что-то вроде пяти долларов — что меня вполне устроило... Как бы я один проделал сто километров со своими 30-ю? Ну, примкнул бы к другой группке, не обязательно русской, а может, кто-то согласился бы отвезти и за тридцать, в общем, не пропал бы, я думаю, поодиночке...

Впереди села грузинка — хозяйка сундука, я во втором ряду, слева у окна, багаж как-то весь поместился, и мы уже, собственно говоря, ехали по бескрайней степи, а те из нас, кто понимал по-английски, внимательно слушали Анастаса — так звали нашего водителя.

— Так вы, значит, из Советского Союза приехали, — это было первое, что он сказал.

Я поневоле вздрогнул, но тут же взял себя в руки и сказал себе, что это — другой таксист.

Во-первых, грек, а не латыш...

Во-вторых, коммунист, а не антиевоетчик... Одно, конечно, не обязательно исключает другое... Но всё-таки...

Узнав, откуда мы прилетели, он сказал нам, что он член кипрской компартии.

После чего наступила некая пауза, я видел, как учительница уже начала что-то говорить, но потом передумала.

— Если бы я был Богом, — неожиданно продолжил таксист через некоторое время, — знаете, что бы я сделал?

— Нет, — сказала учительница, — а что?

— Я бы взял кипятюк, много кипятюка... И вылил бы его на Соединенные Штаты Америки! — при этом он выпустил руль и всплеснул в воздухе руками.

— Почему? — осторожно спросила учительница. Или точнее, неосторожно, потому что в ответ пошёл монолог, продолжавшийся уже до самого Лимассола...

«...если бы они захотели, турки завтра же отдали бы мне мой дом!.. если бы они сказали, израильтяне отдали бы все дома палестинцам!... Если бы они оставили в покое вашу страну, вы бы...»

Мы бы не сидели сейчас в твоём такси, идиот, — хотел сказать я, но промолчал, конечно. Монолог, судя по всему, был внутренний, наболевший, любая попытка вернуть в него какое-то слово извне мгновенно привела бы к его усилению, ветвлению и т. д.

Кажется, все это чувствовали и сидели молча — точно, как мои родители в Риге, когда другой таксист... Хотя здесь

и сейчас, впрочем, некоторые молчали ещё и потому, что не понимали почти или совсем — ни слова...

Но и, безусловно, в этом было что-то замечательное... Что первый встречный островитянин оказался членом компартии и устроил политинформацию, — всё это как-то оживило в моём сознании понятие «заграница»... Грузинка, не понимая ни слова, кивала, и вместе они там на передних сиденьях были похожи на актёров старых грузинских комедий, особенно когда она пыталась ему что-то сказать: «Послушай, биджо, а нельзя ли побыстрее? Чкари, чкари!...», а он в ответ продолжал свою лекцию о хитросплетениях щупальцев мирового капитала...

С какого-то момента я перестал слушать и обратил свой взгляд к тому, что расстилалось за окошком...

Каждый видит то, что ожидает, каждому по вере его... «И что увижу — про то пою...»

Анастас, тарантас... Впрочем, я-то как раз представлял себе остров иначе, машинально успев перенести туда гряды Кавказских или на худой конец Крымских гор...

А он оказался похожим на колхозное поле, начинавшееся сразу за краем Салтовского жилого массива...

Кое-где мелькало одинокое растение, иногда — прислонившееся к халабуде, которая в свою очередь выглядела одинокой... Что неудивительно было при таком удалении этих маленьких хуторов друг от друга...

Глядя на греческое поле, я подумал примерно вот о чём... Я подумал, что, конечно, это другое поле — не то, что видно из окна моей девятиэтажки на Салтовке, хотя оно такого же цвета и формы, но! Так же как таксист на самом деле другой,

хоть он и произнёс ту же первую фразу, что и рижский... Поле тоже другое. А где-то впереди, за всей этой нетотурцией-нетогрецией... Безарабией-безевреией... Должно же быть в конце концов море!..

И всё же я понял, что моё заведомое равнодушие к загранице не было самообманом или лукавством вроде извечного нашего «не очень-то и хотелось», нет-нет, это всё-таки было что-то другое...

Просто о подлинных причинах этой апатии сложно говорить...

Может быть, лучше всего это удалось Лидии Гинзбург, хотя она и сделала это в несколько более широком смысле: *«События, протекающие только в сознании, могут достичь такого предела, после которого эмпирическое переживание уже ничему не может научить человека».*

«Может, может — но плохому. («Не учи ребёнка плохому!» — вот какому)», — откликнулся на это живущий в соседнем микрорайоне Юрий Цаплин...

Плохому — вот именно... А хуже всего — то, что делать после протекания подобного рода событий сквозь сознание вам, во всяком случае, как индивидууму, по сути говоря, больше нечего...

«На разведку!» — подмигнул мне директор института, подписывая заявление об отпуске за свой счёт...

Сам я не смог так вот сразу ответить на его вопрос о цели своей поездки...

Когда я вновь прислушался к монологу таксиста, речь шла о золоте, о пробах золота, какой-то восьмисот тра-та-та... Я подумал, что Анастас продолжает объяснять уст-

ройство мира, где люди гибнут за металл... Но оказалось, что всё проще... Грузинка пыталась по ходу дела всучить ему какие-то свои украшения. Кольцо, по-видимому, как раз перед этим было отвергнуто, и она, принимая его назад, разгневанно снимала с шеи цепочку...

— Господи, да я же почти даром отдаю! — воскликнула она.

«Almost for nothing», — почти синхронно перевела учительница.

Анастас не стал даже интересоваться, что такое это «почти», он повторил «Не хочу и всё» и сказал:

— Куда вас везти в Лимассоле? Мы подъезжаем.

Мы теперь ехали по какой-то аллее, эвкалиптовой, возможно, а между стволами салатного цвета стала сгущаться и другая зелень, более темная, от чего сразу же стало меняться настроение... Тут дело не только в загранице — где я себя в этот момент только и *ощутил* в первый раз, потому что всё вдруг на самом деле стало другим, за лоскутными деревьями белели домики, которые я точно никогда в своей жизни не видел, с английскими вывесками... Самое точное слово тут, наверно, всё-таки не сны и не детство, а кинематограф — «... я видел что-то подобное в одном из видеофильмов».

— Я спрашиваю, куда вас везти? — повторил таксист. — Мы уже въехали в Лимассол.

— В порт, — решительно сказала грузинка.

— Как это в порт? Вы мне сказали, что ваш паром только через три дня.

— Ну и что, — сказала учительница, — мы будем ждать его в порту.

— Как это? А где же вы будете там спать?

— На природе!

— Как это?

— А вот так это! Нам не привыкать, мы туристы... Вот прямо на берегу и будем жить... Да вы за нас не беспокойтесь, нам не впервой, правда, ребята?

— А куда вы будете ходить в туалет?

— Под кустики! — засмеялась учительница.

— Я не хочу, — сказал Анастас, тормозя, — чтобы вы ходили в туалет под кустики.

— Вам-то какое дело?

— А я не хочу, чтобы загрязняли мой остров!

— Ладно, мы будем ходить в общественный туалет. В общем, везите нас в порт.

— Послушайте. Здесь недалеко сдаются меблированные комнаты. Это очень дёшево, особенно если вы вместе снимете одну большую квартиру. Это тогда почти ничего не стоит... И прямо у моря, двадцать метров от воды, бассейн к тому же во дворе, вы такого нигде не найдёте по такой цене. Это я просто знаю, так как я местный. Давайте я вас туда отвезу. Говорю вам: не пожалеете.

— Нет! Ни за что! — воскликнула грузинка, когда учительница перевела слова таксиста.

После недолгой дискуссии мы пятью голосами против одного выбрали меблированные комнаты, точнее, попытку туда вписаться, Анастас брался нас туда завезти и ждать с выключенным счётчиком, пока мы не договоримся с хозяином, и только в случае, если договоримся, оставлять

нас там, а в противном — везти, как мы сказали с самого начала, в порт.

Грузинка громко кричала, что мы все ненормальные и не знаем цену деньгам, но длинный «мерседес» Анастаса уже разворачивался, мы ехали обратно, потом куда-то налево, совсем недолго, и вот уже мы припарковывались возле панельного дома...

Багаж остался в машине, а вместе с ним и женщина, знавшая цену деньгам. Она сказала, что ей не интересна ни сама квартира, ни цена за неё, потому что она ни за что не останется, а поедет дальше и проведет эти дни в порту, хоть всё на свете перевернётся вверх дном.

Анастас нажал на кнопку домофона, вышел высокий парень с чёрными как смоль волосами, мы поднялись на лифте на шестой этаж, он открыл дверь, мы вошли в квартиру.

Что сказать, роскошью она нас не поразила, однако она была очень большая — три спальни и огромная гостиная-холл, в которой тоже стояла кровать, точнее, раскладной диван — в комнатах были двух- или полутораспальные кровати, а в холле был диван и балкон, мы вышли на него, и хозяин — выяснилось, что парень — владелец этого доходного дома, — показал нам море, до которого и в самом деле было метров тридцать, а также бассейн, в который вообще уже можно было при желании допрыгнуть... Бассейн то есть был маленький, какой-то детский, и прыгать в него с шестого этажа не стоило, конечно... А тогда на кой чёрт вообще нужен бассейн, когда до моря два шага? Людям, которые собирались жить на природе

или в порту — что могло бы быть ещё стихийнее... Было нелегко понять.

Ну да, цена была божеская, она устроила даже меня, получалось что-то вроде пяти долларов на человека в сутки, и у меня ещё оставалось пятнадцать долларов, на которые я мог что-то пожевать...

На самом деле я плохо представлял, сколько раз можно поесть за пятнадцать долларов, но были же у меня ещё и сигареты, и водка... К тому же в такси мои попутчики обсудили тему пропитания — оказалось, что кто-то из них взял с собой крупу, кто-то даже картошку, не говоря о консервах. Почему я ничего не взял, трудно сказать... В оправдание подруги дней моих суровых можно сказать только то, что в момент моего отъезда она была в командировке. Мы на один день с ней разминулись, про сигареты и водку она мне напоминала, когда я звонил ей с Курского...

В общем, мы ударили по рукам, домовладелец был при этом вполне невозмутим, а вот Анастас как-то чрезмерно счастлив, может быть, он имел с этого какие-то комиссионные, почему бы и нет...

Впрочем, по тому, как Анастас расстроился, когда узнал, что не всех нас удалось оставить в меблированных комнатах, стало ясно, что даже если он что-то на нас и наваривал, дело было не только в этом... Он на самом деле радел за свой остров!

— Да вы что, с ума сошли? Опьянели за границей, ёб вашу мать? Вы забыли, сколько сейчас доллар по курсу?

Анастас попросил перевести ей: «Я не богатый человек. Мне совершенно не нужно ваше золото. Но ради того, что-

бы вы остались здесь, я готов купить у вас кольцо. За ту цену, которую вы назвали по дороге».

Грузинка моментально стянула с пальца кольцо, Анастас отсчитал купюры — все, что мы ему успели дать, и еще немного, при этом он приговаривал, что он совсем не богатый человек, совсем, но ради такого дела...

Положив деньги в кошелек, грузинка воскликнула:

— Переводи! А теперь пусть везёт меня в порт!

Учительница отказалась это переводить, и грузинка потребовала, чтобы это сделал я. Я начал было описывать ей прелести меблированных комнат, но она прервала меня и зашипела, схватив за грудки:

— Да ты, блять, с ума сошёл! Идиот! Да как тэбэ нэ стыдно транжирить дэньги! У тебя же их нет совсем — и нэ будет! Ты что дума-ишь, ты их так легко заработаешь... — говоря это, она гневно дышала мне в лицо...

Я с трудом освободился от её рук и перевел Анастасу часть её слов. Я думал, что он начнёт требовать назад свои деньги, совать ей обратно кольцо... Но он вообще ничего не сказал. Он только сильно побледнел.

Глядя на неукротимую женщину, мы молчали, нам было стыдно за неё, за нас, за державу, в конце концов...

Женщина уже наклонилась было, чтобы сесть в машину, но потом подняла голову и весело сказала:

— Я его добыю. Я теперь всё золото ему продам. У меня там в сундуке и серебро есть, и старинное оружие, если что, я его зарэжу просто по дороге и всэх делов! — Она подмигнула нам и после этого только села в машину.

Когда они разворачивались, видно было, что она снимает с себя цепочку...

Я почему-то подумал, что от ненависти до любви... Что они сейчас свернут с дороги, а там уж... или голова в кустах, или грудь... в руках? Анастас на неё поглядывал — на грудь золотоноши... Хотя золотарём его трудно было назвать... разве что во втором смысле этого слова, т. е. ассенизаторском...

Ну, в том смысле, что Анастас был озабочен тем, чтобы на его острове не ходили в кусты, не садились в чистом поле... А пользовались канализацией.

Короче говоря, произнесение вслух «зарэжу» и превращение прямо у нас на глазах старухи с сундуком (а у неё был настоящий сундук, и я думаю, что она его сама по себе потом собиралась продать, как такой артефакт) в знойную женщину без возраста, похожую на бандершу из мультфильма «Бременские музыканты», чуть не перенесло меня в какую-то другую повесть... Или даже в авантюрный роман.

По идее, я должен был платить немного меньше, чем мои компаньоны, потому что у них были отдельные комнаты, а я должен был спать в холле, через который все ходили... Но цена и без того казалась какой-то нереально низкой, и я не стал качать права, просто подумал, что если кто-то намекнёт мне о цене за провиант, я намекну в ответ... Но никто ничего такого не намекал, мы ели бульон, сваренный из кубиков, в который потом бросались очень вкусные шарики, такой же величины, как кубики, но уже нерастворимые, — они стали моим первым вкусовым ощущением за границей....

Эти круглые сухарики, кстати, проделали путь для начала из Тель-Авива до Омска, а теперь они ехали в обратном направлении, исчезая по дороге... «Сушите сухари», ну да, шел 1991 год, в Москве — в гастрономе, куда я заглянул, прогуливаясь в районе Курского, лотки были сдвинуты в ряд и были при этом совершенно пусты, а через зал проходила очередь из одинаковых старух в серых платках — как выяснилось, за хлебом. Даже в Харькове я не видел подобной картины... (Кстати, хорошо, что я наконец указал год, иначе многое было бы непонятно с граничными, да и другими условиями этой незадачи.)

Квартира была чистой и просторной, единственным напоминанием о том, что мы сняли её по дешёвке, было то, что каждому досталось по неполному комплекту белья. Мне, например, не хватило наволочки, но идти разбираться было лень, хотелось скорее окунуться в море или исследовать чужую землю... Да и где было искать нашего хозяина, где именно была его конторка, на каком этаже, никто не знал, и, приняв душ и облачившись в бледно-коричневую рубашку с белым мягким воротником и голубые свежестиранные джинсы — то ли потому, что у меня не было с собой шорт, то ли просто мне хотелось выглядеть солиднее... Вспомнил: шорты были, но скорее их можно было назвать спортивными трусами, и для первых шагов по заграничной территории они показались мне неподходящей одеждой. Я ещё не знал, какое снаружи пекло. В квартире не было кондиционеров, но почему-то было прохладно, благодаря свознякам, наверно, к тому же мы, по крайней мере, я в своей гостиной, был не на солнечной стороне улицы, и даже

очень далеко от неё — гостиная была достаточно длинной... Поэтому, выйдя из солнцезащитного убежища, я сначала не понял даже, что происходит...

А через секунду ощутил себя муравьём, на которого направили солнечные лучи с помощью линзы злые смеющиеся мальчишки... На другой стороне улицы я увидел кафе с зонтиками, быстро ступил на пустую вроде бы трассу, и этот первый шаг по чужой земле чуть не стал для меня последним шагом на Земле...

Я выскочил из-под колёс джипа, мчавшегося на огромной скорости справа налево...

Помню, что он был как бы с кузовом, ну да, с таким кузовком, где сидели люди голливудского вида, блондинки с развевающимися волосами, кричавшие мне что-то, что я не слышал...

У меня не было с собой фотоаппарата, да и вряд ли в этот момент я бы успел щёлкнуть, но всё равно: в памяти у меня этот удаляющийся джип останется навсегда...

После этого мне перехотелось переходить через дорогу... Дело было не только в правостороннем её движении — с этим, после того как узнал, что здесь, как в Англии... Как-то можно было бы, наверное, справиться... В Англии я тоже не был, но я про неё многое знал благодаря моей учительнице английского... Она жила в моём доме в соседнем подъезде и давала мне приватные уроки — мы много времени с ней провели, водя по картам Лондона ручкой...

Дело было в жару. Я не знаю, сколько там было, сорок, пятьдесят градусов, на солнце, может быть, все сто... И я повернул вспять — я решил искупаться в море, а потом

уже исследовать сушу, сомневаясь уже, впрочем, что эти исследования будут продолжаться дольше 5 минут и соответственно заходить дальше 200 — 300 метров от мебелированной квартиры. (Забегая вперёд, скажу, что эта оценка оказалась довольно точной.)

Море было очень солёным, то есть гораздо солёнее, чем Чёрное. При этом я вспомнил, что Балтийское было более пресным, чем Чёрное, это я запомнил, разницу во вкусе воды, так же как обёрточную бумагу в рижских магазинах... Здесь же я ещё не был в магазине, разве что прямо возле нашего дома бегло глянул на разноцветные кожаные куртки, развешанные прямо на улице, но внутрь не заходил, а продуктовых вообще не видел, может быть, их здесь и не было — чтобы все пользовались общепитом...

То есть в море я просидел весь день, в дом вернулся под вечер, а когда стемнело, я вышел на улицу, «сиявшую разноцветными огнями»...

Галантерейные магазины смело выходили за пределы собственных витрин и занимали половину тротуара своими сумками, обувью, портфелями, куртками на плечиках — всё это было расставлено почти до проезжей части, и ещё до того, как погас свет, я дивился тому, как здесь все беспечны — на тротуаре были разложены не только кошёлки, но и кошельки... Я машинально мял в руке один кожаный рукав, другой зачем-то прижимал к груди портфель, наверное, из крокодиловой кожи, ставил его на место, шёл дальше...

Дальше шли бары или рестораны, они следовали один за другим, большинство имело что-то вроде дворика, са-

дика, на невысоких деревьях висели гирлянды лампочек... Сиртаки как будто тоже передавались из одного заведения в другое, как и бегущие огни, иногда, впрочем, перемежаясь вполне интернациональной попсой...

В один такой двор перед рестораном я зашёл, но сесть за столик не решился, немного постоял, глядя на выступление жонглера, который составил у себя на голове пирамиду из восьми бокалов — всё это тоже под сиртаки, и ещё несколькими бокалами он при этом жонглировал... Официант подошёл ко мне с вопросительным кивком, я покачал головой и вернулся за ворота, пошёл дальше по променаду, в голове было пусто, мелькали какие-то слова, почти синхронно со вспыхивавшими лампочками: «ну вот... я и... за гран... и что... похоже на то... ну так... а как... дык...»

Я вспомнил строчки, которые написал Савва, когда мы с ним в студенческую пору оказались в нескольких километрах от границы СССР... Савва срифмовал тогда «влажные звёзды Батуми» и «я бы всё так и придумал», и сейчас, пытаюсь понять, что вызывают в моём сознании мерцающие за приоткрывшимся железным занавесом огоньки, я думал, что рифма, может быть, у Саввы и хромала (так ведь он и не поэт, а доцент кафедры теории управления и оптимизации), но выразил это чувство он точно... Не «дежавю», нет, а вот именно «я бы всё так и придумал»...

Хотя в Батуми я, в отличие от Саввы, это как раз не почувствовал: там было что-то другое, «и еще вопрос, — думал я теперь, — прочувствовал бы я Саввину строчку сейчас, если бы я находился по другую сторону зелёной линии?»

Или хотя бы на таком же расстоянии от неё, как тогда — от турецкой границы...»

От Батуми в памяти у меня остался проходной двор, похожий на сквозную пещеру в скале... У входа — маленькая чёрная старуха на стуле, лица её не видно, она совершенно неподвижна... А на выходе — толстый ствол пальмы, похожий на ногу слона — особенно книзу, освещённый тусклой лампочкой... Ну да, и кинотеатр, но это уже не ночью, а на следующий день: матине в кругу серых полуруин, непрерывный то ли пот, то ли дождь, просачивающийся сквозь потолок, зал и экран — части одной панорамы, и там же едят хачапури, пьют чай...

Ну, что-то такое... Для меня, во всяком случае, это никак не было связано с моими ожиданиями...

А вот заграница оказалась именно такой, какой я себе её представлял... Что делать, у меня, наверно, более шаблонные представления о мире, чем у Саввы, отчего его старая строчка — «я бы всё так и придумал» — для меня заработала не в Батуми, а здесь...

Впрочем, и то — только до того момента, когда погас свет.

Во всем Лимассоле, по крайней мере, в только что ещё обозримом Лимассоле — теперь-то вообще ничего не было видно — ни зги...

Вокруг заговорило сразу множество голосов, «вотс зис, вотс зис»...

Ещё днём я понял, что английский в исполнении киприотов я понимаю прекрасно, а вот английский английский...

Днём оказалось, что кроме нас в округе обитали, помимо местных жителей, одни англичане, кто-то объяснил нам, что это традиционный их «ресорт».

Англичане ползали вокруг — большей частью это были этакие леди в летах, блаженные божьи коровки... Они то и дело расплывались в улыбках и спрашивали о чём-то (если я был не в море, я стоял в тени у порога нашего дома, не решаясь ни перейти через дорогу, ни пойти по тротуару — из-за жары, из-за правостороннего движения и пр.), я не понимал ни единого слова...

Мне казалось, что внутри них перематывается магнитофонная плёнка — когда она расположена близко к головке, слышится точно такой же звук...

И теперь, когда всё вокруг погрузилось в кромешный мрак, мне тоже казалось — может быть, по инерции: что-то перематывается в темноте... Мелькают тут и там тусклые блёстки, как будто плёнка была на деревьях, как у нас на Салтовке, в моём дворе, то есть магнитофонная плёнка, выбрасываемая из окон девятиэтажек, давно уже превратилась в своего рода лианы...

Глаза привыкали к темноте, там и тут появлялись свечки — на столиках баров...

Иногда проплывали машины с горящими фарами...

Но вообще-то это была катастрофа — для официантов, для продавцов, я подумал, что пока они перенесут товары с тротуара вовнутрь, прохожие могут споткнуться, как в «Бриллиантовой руке», очнулся — гипс...

У меня мелькнула шальная мысль что-нибудь съесть или хотя бы выпить, но хозяин бара, в который я было лома-

нулся, сказал с порога, что всё закрыто, и не только у них, вообще всё — света нет. Последние слова он сказал так, как будто я сам этого не видел. Впрочем, я мог быть слепым — по жизни или ослепнуть внезапно... Я вспомнил, как днём чуть не попал под машину, а заодно и рассказ, который начал было однажды сочинять, но бросил...

Там в начале был такой эпизод: человека с плеером сбивала машина, на пустой улице, водитель смывался с места происшествия, через некоторое время сбитый человек поднимался с асфальта, отряхивался, удивлялся, что ничего не случилось, отделался лёгким испугом... И шёл дальше... А потом вдруг обнаруживал, что есть одна потеря — плеер отсутствует, но при этом музыка, которую он слушал в наушниках, звучит теперь без всяких наушников и «далее везде»...

Но тут уж я сказал себе, что темнота снаружи не моя: я бы всё так не придумал...

Даже если предположить, что при переходе советского человека через границу возможны были такие вот... Что ли, иверсии гройсовской формулировки, т. е. — «запад как подсознание русского человека»... Всё равно, я ни разу не переживал тогда блэкауты, и их ещё просто не могло быть у меня в голове...

Напомню, что был 1991 год, до всех этих «веерных отключений» микрорайонов (которые в принципе могли переходить и в микрокосмос) было ещё очень далеко...

Я спросил хозяина бара, не нужна ли ему русская водка и сигареты... Он сказал «нет», но потом поинтересовался, сколько... Или — «по сколько», я точно не понял, но назвал

ему и количество, и цену, а он тогда засмеялся и сказал: «Заноси, конечно. Только когда свет включат. Давай лучше завтра, в любом случае».

На следующий день, проснувшись и приняв душ, я положил в потёртый кулёк (импортные кульки, если уж залетали на территорию Союза, жили долго — вот этому, к примеру, было два года, не меньше) с ещё не полностью стёршейся надписью Marlboro две бутылки «Пшеничной» и два блока «Космоса» и отправился в бар, название которого я не видел. И теперь я подумал — дикая жара способствовала подобного рода мышлению, — что необязательно искать именно этот бар, можно попробовать в ближайшем... И даже не обязательно в баре, вот какая-то лавка колониальных товаров... Я толкнул дверь, вошёл — я теперь уже не помню, чем именно там торговали, может быть, и не ромом, но чем-то таким, что вдохновило меня попробовать. Девушка, сидевшая за прилавком, сказала, что у неё нет таких полномочий — покупать товар... Но поинтересовалась: почём? Я назвал цену, и она закричала на меня: «Это слишком дешево! Ты должен торговаться, ты должен уметь постоять за себя! Ты не знаешь этот мир!»

При этом она встала на ноги, перегнулась над своей конторкой, ткнула меня кулачком в грудь и превратилась из юной киприотки в старую грузинку, которая давеча читала мне морали...

Это был очень кратковременный блэкаут, в отличие от того, что был накануне, и не внешний, а внутренний: через секунду передо мной снова стояла молодая красивая девушка с разгневанным лицом...

Я пообещал ей непременно исправиться и поспешил уйти.

Я слабо разбираюсь в механизмах торговли, но даже мне было ясно, что я столкнулся с собакой на сене... Сама не покупает товар и не хочет, чтобы его покупали другие, тварь такая...

Я решил, что чем тыкаться наугад в разные двери, да ещё по такой жаре, лучше найти всё же то заведение, где у меня была уже некая договорённость...

По сей день я не знаю, нашёл ли я его, ведь лицо хозяина я не видел во время блэкаута, вполне могло быть, что островитянин, который так заинтересованно отнёсся к моему предложению, на самом деле был другой человек, и просто сработало второе правило торговли: «продаётся то, что уже продано». Ну, то есть человек этот понял, что я ошибся дверью, но, узнав, что в другом месте у меня хотели что-то купить, решил, что оно, возможно, чего-то стоит...

Так или иначе, человек в тёмно-синей рубашке с короткими рукавами, покрытыми жёлтыми драконами... Или, скорее, морскими коньками... Взял блок «Космоса», сорвал с него тонкую белую обертку, отломал одну пачку и повторил «Сколько?» Я назвал свою цену.

Он закурил сигарету, и после этого начало происходить что-то странное.

Выпустив дым, островитянин сказал: «Это очень сильные сигареты».

Я не понял, плохо это или хорошо, и молча кивнул.

«О, какие сигареты! — воскликнул он. — Теперь я понимаю...»

Он встал, запрокинул голову к небу, закрыл глаза и так стоял минуту, две минуты, три...

А потом пошёл внутрь бара — мы сидели с ним до этого у входа, за одним из деревянных столиков. Шёл он неуверенно, немного покачиваясь... Потом я увидел его в одном из окон — с телефонной трубкой, прижатой к уху... Я подумал, что даже если это сумасшедший, ему здесь поверят скорее, чем мне. Взял кулек и вышел за калитку, забыв на столике начатую пачку... Уже на улице я подумал, что, может быть, дело в названии — многие буквы греческого и русского алфавитов совпадают, он мог прочесть слово, а дальше... ну, может, он такой внушаемый...

Может быть, с его помощью «Космос» вообще можно было продавать, соответственно, совсем по другим ценам... Но можно было и угодить куда-то туда... где сидел — возможно, до сих пор — переводчик с собакой...

Где-то метров через сто я зашёл в другой бар и... избавился там наконец и от «Пшеничной», и от «Космоса», получив за них ту самую цену, о которой договорился накануне, возможно, что и в другом месте.

«Америка танцует РЭП» — незадолго до моего отъезда на салтовских столбах стали появляться объявления с такой надписью. Слова были написаны крупным шрифтом и производили странное впечатление.

Как будто строчка новостей перешла из телеграфных агентств на столбы, причём в центре города я ни одного такого объявления не видел — только на Салтовке. Что в общем-то говорило о сознательности потоков распространения

ния музыкальных стилей в урбанистическом пространстве. Каковые стили, как правило, являются и стилями жизни... Впрочем, я мало что в этом понимаю, — отсюда, наверно, чудовищная даже для меня косноязычность... «Сознательность потоков» звучит ужасно, да... Хотя и не более, чем сами эти «потоки сознания», эти скороговорки, эти приступы кокаиновой логореи, заполонившие с тех пор весь мир... Я видел документальный фильм, в котором создатели рэпа говорили о том, что они были уверены — это их детище просуществует один год («в этом сезоне поём о Робинзоне!»), и сами были поражены, когда оно зазвучало и в следующем году, и через двадцать лет... Причём в сравнительно короткий срок рэп распространился по всей планете... Во всяком случае, вплоть до её железного ещё в тот момент пояса верности...

Приход рэпа в харьковский спальный район выглядел так, как я сказал: он нигде не звучал, но белые объявления висели на серых столбах, причём мелкими буквами на них было написано: «Производится набор желающих в платную школу самого современного в мире танца». При этом «брейк-дэнс» существовал в Союзе уже давно, были какие-то шлягеры на эту тему, да и пляски соответствующие были видны иногда в телевизоре... Богдан Титомир, кажется? «Делай, как я...» «С нами целая страна...»... Нет, это уже, или ещё, Ротару... А потом кто-то решил сделать шаг вперед и два назад... И открыл школу танца по имени РЭП...

Поэтому когда девушка, которую я спросил, что она слушает на своём плеере, сказала: «РЭП», я попросил ее дать

и мне немного послушать, не соврав при этом, что никогда не слышал это своими ушами, а только видел объявления, где слово было выделено жирным шрифтом...

Ну да, просто повод для знакомства...

Нет, я не вырывал музыку, что называется, у неё из ушей, девушка как раз насытилась перед этим, и плеер лежал на гальке, вместе с проводками и наушничками, которые она, услышав мою просьбу, подобрала с земли и мне протянула.

А там у неё ничего не играло, было тихо, как будто я вложил в свои уши не наушнички, а внешне похожие на них маленькие ракушки, которые лежали рядом на гальке...

Она вопросительно кивнула, я пожал плечами и сказал, что кто-то стёр её кассету.

В голове при этом мелькнуло чёрное пятно — снимок вчерашнего блэкаута...

Но теперь это было уже вот именно в голове — лёгкий тепловой удар... Я вспомнил, что плеер вполне себе автономен — на батарейках... Которые могли, конечно, сесть... Но что она тогда так долго слушала...

Была страшная жара, если уж говорить об оболочках, я не знаю, сколько их сошло с меня к тому моменту... Семь потов — семь оболочек, растворившихся от 45-градусной жары, распавшихся на гранулы, все же знают это чувство — когда на Юге с тебя спадают оболочки, которые чаще всего и не чувствуешь, пока они не начинают спадать... А тут было всё вместе: Юг, заграница, и главное — небывалая жара...

Девушка в красном купальнике, не вставая со своего полотенца, дотянулась до плеера и сжала его, как кистевой эспандер...

— Как ты можешь это слушать? — спросил я через минуту, вынимая наушники.

— Чтобы развивать свой английский.

— У тебя и так прекрасный английский.

— Это пока я не говорю с англичанами.

— А с американцами?

— А с ними я не разговариваю. И никогда не буду. Рэп я слушаю, потому что он очень быстрый... Если я научусь понимать слова песен, у меня не будет проблем с общением.

— При чём тут песни... Это же бред.

— Говорю тебе: для меня это просто продолжение курса. Который у меня тоже с собой — на кассетах... Ты вот понимал то, что слушал?

— Нет. И я не понимаю англичан, когда они ко мне обращаются. Американцев — не знаю, наверно... По правде говоря, я ещё просто не видел живых американцев. А почему ты с ними не хочешь разговаривать?

— Потому что они привезли в мою страну мулл. И устроили нам эту ёбаную революцию.

— Зачем?

— Чтобы затормозить нас. Наша страна перед этим развивалась такими быстрыми темпами, что они испугались.

— Я думал, что всё наоборот, революция была направлена как раз против них, вспомнить, как она начиналась — захват посольства, сотни заложников...

— Это всё специально — прикрытие... Суть же была в том, что они хотели отбросить нас назад в каменный век.

— И что, у них получилось?

— Как сказать... Снаружи — да, это выглядит, как сто лет назад, или пятьсот, особенно если смотреть на женщин — все в парандже... Дома же всё иначе, на кухнях говорят обо всём, ходят в чём хотят, пьют, по крайней мере, в моей семье... Да и в других... В общем, все живут двойной жизнью... Видишь, у меня тоже две головы? Присмотрись. В общем, я лично сыта этим по горло и не собираюсь туда возвращаться.

— А где ты будешь жить? Здесь?

— Я ещё не знаю. Может быть, в Париже, может быть, в Стокгольме... Моя семья одна из богатейших... Была, по крайней мере... Есть родственники в Европе... А ты?

— А что я...

Дальше пошла какая-то второсортная курортная легенда, которую я сочинял на ходу. Полуправда — потому что я ещё перед этим сказал, что я из Советского Союза, это была всё ещё правда на тот момент, но вот куда я путь держу... Я не сказал.

Сказал то есть, что никуда, что вот сюда и ехал — загорать, на этот самый остров, на этот пляж, под эти вот самые деревца...

Пляж был очень узким — метра три шириной, наверно, и вплотную к нему подходили заросли низкорослых хвойных растений, похожих на ивы, но ронявших иголки на гальку, перемежавшуюся серым песком...

В море периодически ревели водяные мотоциклы, с конца естественной косы — тоже из песка, но твердого и жёлтого — поднимался в воздух человек, привязанный тросом к катеру...

Трос отходил прямо от центра его груди, а от его плеч уходили вверх стропы парашюта...

По пляжу ходил дядечка и всем предлагал полетать на буксире за 15 долларов, я отказался, девушка в красном купальнике тоже... В небе не было ни одного облачка, только белый в жёлтую полосочку парашют, под которым висел силуэт...

Я зачем-то соврал, что летал накануне...

Есть такое упражнение, направленное против сколиоза: «представь, что к твоей груди привязан канат, он тебя тянет вперед, грудь выкатывается колесом, плечи расправляются...»

Наверно, чтобы чисто курортная версия моего пребывания на острове выглядела достовернее...

Накануне моя откровенность стоила мне хороших отношений с моими соседями по «коммуналке».

Они познакомились с соседями по лестничной клетке — «молодыми симпатичными людьми из Ливана», звали их вечером в гости... При этом меня заранее предупреждали, чтобы я не смел произносить слово «Израиль», я спросил: почему? Они все на меня зашипели и стали повторять «не смей»... И тут в дверь позвонили, вошли трое ливанцев, наши тётки стали вокруг них плясать — наливать им чай, откуда-то взялось даже... что-то вроде варенья... Да, вот почему ещё они так суетились: ливанцы пообещали устроить им экскурсию на какую-то дискотеку, в ночной клуб «4004», или что-то в таком роде... Причём, по-моему, в этом не было особого флирта или там — курортного романа сразу с несколькими пер-

сонажами, у ливанцев были с собой подружки, или жёны, которые готовились к вечернему выходу и поэтому только не зашли к нам вместе с мужчинами... Да и наши тётки были — одна с мужем, другая с двумя детьми, да и вообще, как я уже понял, не вдаваясь в подробности, она была из другой оперы...

В общем, чисто дружеское такое было у нас знакомство — сидели, общались с большой приятнью, как, наверное, на каком-нибудь фестивале молодёжи и студентов... Пока вдруг кто-то из ливанцев не спросил, надолго ли мы здесь... И я сказал, что, мол, только два дня нам тут ещё перекантоваться, и то потому, что паром немного задерживается, а потом мы плывём дальше. «Куда?» — спросили они, и я ответил. После чего лица их резко изменились... Штамп, конечно, я понимаю, но вот именно так и было... Как будто лица вмиг проштамповали одной печатью, прямо у нас на глазах... После чего они встали и ушли.

А компаньон и компаньонши набросились на меня чуть ли не с кулаками: «Ну кто тянул тебя за язык!»

И вот теперь меня никто уже не тянул... За язык так точно...

И я, вместо того чтобы рассказывать девушке в красном купальнике о пароме, который перевезёт меня на обетованную Землю, рассказал, как накануне якобы летал в небе на парусе...

И какая сверху видна была вода — светлей лазури...

Был 1991 год, сентябрь, страшная жара, продав сигареты и водку, я больше вообще не выходил на ту сторону улицы,

только к морю, бегом, а потом... Море было очень мелким в этом месте, но всё же можно было сразу лечь и ползти с закрытыми глазами по шероховатому дну из твердого песчаника, а потом уже плыть...

Перед тем как разговориться с девушкой, я плавал далеко за песчаную косу и где-то там в последний момент успел нырнуть под трос, которым к катеру был привязан не медленный воздухоплаватель, а стремглав несшийся лыжник... Но это я не стал рассказывать девушке, сразу почувствовав, что запутаюсь в словах, в этих стропах, тропках... чужого языка... Она ещё поймёт, что я едва не потерял голову из-за неё...

Была эта жара, в которой всё происходило иначе, всё было децентрировано... И мы не то чтобы полностью покинули вдруг свои тела — мы были привязаны к ним канатами, мы плыли над собой, как бумажные змеи, которые начали вдруг переплетаться, а это повлекло за собой и то, что внизу... Я помню, что началось всё с такой детской игры, с плетения рук и проводков наушников — она попыталась вставить мне наушники в уши, я перехватил её руки... И в этот момент что-то дёрнуло, пробило...

Её звали Дюша, с ударением на первом слоге, полное имя её я не помню...

Мы пошли к корпусу её гостиницы — белоснежное высотное здание, благодаря которому я в первый день и нашел свой доходный дом, полностью растворившийся во время блэкаута... От здания же соседнего отеля что-то оставалось, немного призрачный, но всё же светлый, силуэт был моим ориентиром.

На следующий день она уезжала: в четыре часа, самолёт из Ларнаки, уже надо спешить... Услышав всё это, я почему-то подумал, что она приняла решение внезапно. Своего рода фотография, 3D, голограмма... есть девушки, которые умеют так останавливать мгновение...

В памяти мелькнуло что-то подобное, в посёлке Лазаревское, на Кавказе, где я когда-то познакомился с такой «встречной» сущностью...

Наши рюкзаки стояли в соседних ячейках камеры хранения — ночью на берегу мы это вспоминали, она острила на эту тему, что, мол, «вещи прошли сквозь стену, перемешались раньше, чем их хозяйева...». При этом я ещё не успел снять комнату, а она уже успела покинуть свою...

Примерно такое же у меня сейчас было чувство, и я его описал словами... На что Djusha молча достала из сумочки и протянула мне билет, я подробно рассмотрел его, пока она что-то заказывала официантке...

Там стояла дата — сегодняшний день... Ларнака — Лондон.

Я вдруг почувствовал у себя в паху её ногу... Мы снова вернулись в номер, оставив завтрак на столе.

Когда мы вернулись, Djusha сказала, что мы сейчас выпьем кофе и расстанемся навсегда, ей надо собирать вещи...

Я сбросил с ноги вещь под названием «вьетнамка», купленную в магазине спорттоваров на площади имени Розы Люксембург... Тяжеловатые такие шлепанцы, я вспомнил, что

из-за них ушёл из секции вольной борьбы, которая была в подвале ДК ХЭМЗа... Потому что на второй или третьей тренировке тренер приказал нашему супертяжеловесу кого-то наказать, и тот, навалившись всей тушей, повалил провинившегося (я уж не помню, в чём именно была его вина) и стал шлёпать вьетнамкой по заднице — не снимая, правда, с него трико... Все при этом ржали, но мне зрелище так не понравилось, что я перешёл оттуда в другую секцию — греко-римской борьбы... Где всё, что ниже пояса, было неприкосновенно и во время схватки, и вообще... Там царила совсем другая атмосфера, телесные наказания были просто невыносимы...

И вот теперь, сбросив с ноги вьетнамку, я вытянул ногу горизонтально, пока она не упёрлась во что-то похожее на илистое дно реки, пальцы вошли туда, и казалось, сейчас затянет дальше — всю ногу, меня самого...

Всё уже было позади, я имею в виду «классическую близость» в номере, сопровождавшуюся, впрочем, не совсем классическими феноменами, подробности которых мы здесь опустим... Суть в том, что впереди теперь не было ничего, только пространство, время и все возможные границы, какие только мог выдумать наш изобретательный mankind... И в то же время моя стопа в тот момент была ещё между её бёдер, и там было влажно и стрёмно, как на дне реки, хотя и дна никакого не было, Дюша там была bottomless... Со стороны это было незаметно — что у неё как бы три ноги и нет трусиков... ну или не очень заметно, можно было то есть этого не замечать при желании, на ней же был халат...

Наконец я поставил ногу на пол, нащупал вьетнамку, пропустил между пальцами резиновую перепонку... Дюша послала мне через столик воздушный поцелуй, встала и пошла, не оборачиваясь, в свой номер. Глядя на её походку, было ясно, что... The ground was under HER feet again...

«Ты сказала, что Саади целовал лишь только в грудь...» — вертелось у меня в голове, когда я спускался в зеркальном лифте... в сильно размноженном виде — отражения, уменьшаясь, уходили в перспективу...

В гостинице работали кондиционеры, а снаружи была ещё большая жара, чем вчера... Может быть, просто помножена на ночь без сна... По дороге к пляжу — до него было чуть дальше, кстати, от снежного дворца, чем от нашего невзрачного дома, но всё равно — не больше пятидесяти метров... Я увидел на столбе какой-то плакатик и подошёл поближе, чтобы прочитать, что на нём написано... Это мне не удалось — плакатик был на греческом, но я понял, что это какая-то предвыборная агитация... Человек на фотографии показался мне похожим на таксиста, который завез нас сюда, но имя было явно не «Анастас» — на это моего греческого хватило, чтобы это понять...

Я упал в море так, как будто на мне уже горела одежда... «Четвёртые сутки пылают станицы...» — напевал я, лёжа в воде на спине, раскинув руки, и, может быть, даже заснул ненадолго, вода ведь была тридцать градусов, если не все тридцать три...

Потом я поднялся на лифте — очень похожем на мой салтовский, вошёл в меблированную квартиру... И увидел,

что мой диван занят — там лежали дети, и в первый момент я подумал, что ошибся дверью, «ирония судьбы» и всё такое... Но из кухни вышла знакомая мне мать двоих детей и стала извиняться: на улице ночью было большое движение, дети плохо спали, и под утро — поскольку меня всё равно не было, она решила поменять постели... То есть моя теперь в её комнате, но это не проблема, она может очень быстро вернуть всё назад... «Правда? — сказал я. — Да нет, не надо», — и прошёл в бывшую теперь уже «детскую».

Мы сидели за столиком кафе, может быть, с Дюшей, хотя теперь я уже в этом не могу быть уверен... То есть я хорошо помню, что в этот момент я как раз цитировал своей собеседнице строчку Северянина: «ни души и всё — душа», но делал ли я это потому, что это было созвучно её имени, я не знаю... Может быть, это было созвучно нашему настроению, хотя вокруг было полным-полно людей, мы сидели ближе к центру небольшой круглой площади, заставленной столиками, и все они были заняты, а люди, которые сновали вокруг, не были официантами, это была толпа, дефилировавшая по променаду, как бы проходя сквозь нас, в общем, былолюдно, и скорее Северянина я процитировал именно потому, что за столиком изначально сидела Дю-ша...

Хотя как бы я перевёл эту строчку на английский? На это моих знаний вряд ли бы хватило.

Но, так или иначе, я помню, что это произошло сразу после того, как я сказал вслух, неважно на каком языке,

ну допустим, на эсперанто: «ни души и всё — душа»... Я услышал возглас, обернулся к соседнему столику, а потом перевёл взгляд туда, куда смотрели сидевшие за ним женщины — все в темных очках от D&G, как у Дюши... И с зонтиками — я помню, что все они были с зонтиками, то есть каждая под своим отдельным, тогда как мы сидели под одним большим... Вот, и я перевёл взгляд туда, куда они все смотрели — видно было, что уже не только они, но что там, в некоторой точке над морем, сходятся теперь все взгляды окружающих нас людей... Я посмотрел туда и увидел кучевое облако, похожее на гриб. Я не раз видел такие облака, да все мы их видели, и теперь мне стало странно, что все эти взрослые люди вокруг так этому удивляются, облака ведь могут принимать любые формы, и, кстати, зарождение их до сих пор до конца не ясно, существует даже отдельная наука, которая этим занимается и называется при этом... Я произнёс название — которое и в самом деле знал тогда, но теперь не могу его вспомнить, поиски в google с помощью корней слова «облако» на всех известных мне языках ничего не дали... «Но почему ты решил, что это облако, похожее на ядерный взрыв?» — спросила моя собеседница... «А что это, по-твоему?» — сказал я, вновь оборачиваясь к морю. «По-моему, это он и есть».

Вокруг теперь было что-то вроде немой сцены, все замерли, глядя на что-то похожее на гигантское облако, продолжавшее расти, я подумал: нас всех нет, на самом деле мы уже давно не существуем...

Тем не менее переход от «нас нет» как фигуры речи к... Чему? Не знаю, меня вдруг ужаснула эта перспектива, все эти стадии распада, полураспада, что если мы так и будем сидеть за этими столиками, пока полностью не распадёмся, двести, триста лет, пятьсот... Это казалось самым ужасным, в груди заклокотало какое-то хрипкое мычание, я подумал, что надо что-то сделать, вот столкнуть со стола этот бокал с красным вином, чтобы он разбился и это вывело мир из оцепенения, облако превратится тогда во что-то другое...

Но ОНО продолжало быстро расти вверх — у нас на глазах, и при этом всё меньше напоминало облако как такое... Последнее, что я запомнил, была волна — она выросла перед нами, как будто сдвинулись разом все материки, и не волна была огромной, а мы стали крохотными и водомерками бежали по поверхности сна, пока его оболочка не распалась на мельчайшие осколки, и они мгновенно испарились... Я открыл глаза и увидел дом, который был напротив, совсем рядом, окно «детской», оказывается, выходило не прямо на улицу, а на соседний дом, или же наш дом так загибался, что я видел противоположную стену, совсем рядом, видел балконы... Взгляд мой попал на тот балкон, где молодой человек — я прекрасно видел его лицо, чёрные волосы, смазанные гелем, чёрный кожаный пиджак — тоже казался чем-то смазанным, белую рубашку... Он чистил обувь — что называется, до зеркального блеска... Потому что это продолжалось долго — я лежал и смотрел, не мигая, как он чистит чёрные сапожки на высоком каблуке, сначала щёткой, потом тряпкой, бархаткой...

И хотя мне видна была только подошва — он поставил ногу на нижнюю часть балконной решётки, я отчетливо представлял, как должна выглядеть поверхность сапога после такой тщательной чистки... Более того, в какое-то мгновение я едва не влез, что называется, в «ботинки соседа» (на каком-то языке была такая поговорка), я почувствовал себя в этих сверкающих чёрных ботинках, на балконе, готовящимся к выходу «в ночное»... «Что за странный сон, — подумал я, — при чём тут были эти стихи... Атомная бомба взорвалась в поэме Парменида... а не Северянина... У Северянина же наоборот — возврат к первоначальному единству... Субъекта и объекта... Откуда же там было взяться взрыву...»

Уже были сумерки, когда я проснулся, судя по разноцветным примесям к серому свету, горели рекламы, на соседнем балконе стоял человек в белой рубашке и чистил ботинки — так долго, что теперь это уже было не важно, пять минут, десять, два часа, двести лет...

Моему старому другу Савве когда-то стало скучно оптимизировать транспортные потоки в нашем городе, и он занялся тогда моделированием цивилизационных циклов. Когда-то он хотел стать историком, но не смог поступить на истфак... И вот, когда он «на старости лет» (ему, как и мне, уже было под тридцать) занялся футурологической деятельностью, я смеялся над ним, собственно, и сейчас мне кажется, что всё это было очень смешно...

Но факт: в жизни Саввы был такой цикл, когда он втихую пропускал через ЕЭС1066 написанную в свободное

от работы время программу, оценивавшую дату гибели нашей цивилизации...

По словам Саввы, программа работала примерно шесть часов, и он делал это по ночам... Представьте эту картину — огромный рыжебородый человек митьковского типа, в синем халатике, дымок над чашкой травяного чая... Полу-мрак ВЦ... Мигающие разноцветные лампочки на железных ящиках высотой в человеческий рост... А жене он сказал, конечно, что сдаёт годовой отчёт, ну да... Недавно в беседе почему-то речь снова зашла о том времени, и Савва впервые рассказал мне о своем письме... Оказывается, получив в результате многих прогонок одну и ту же дату, Савва решился написать письмо академику Шкловскому, в котором он подробно нарисовал блок-схему своего алгоритма и предъявил результаты расчётов — дату Конца.

Самое поразительное во всем этом деле, по словам Саввы, было то, что он получил ответ от академика, в котором тот соглашался с его оценками и писал, что сам получал примерно те же самые числа... То есть разница, по словам Шкловского, была всего в 2—3 года, что для подобных расчётов было величиной, конечно же, бесконечно малой.

Встретиться с академиком Савва не успел, хотя тот и приглашал его в Москву.

Савва всегда был страшным копухой, и пока он собирался, Шкловский просто умер в 1985 году. Но Савва впоследствии каким-то образом познакомился с его внучкой, побывал у неё в гостях, она давала ему взглянуть на архив деда. В частности, Савва прочитал дневники Иосифа Са-

муиловича, которые внучка впоследствии собиралась издать (осуществила ли она эти планы, Савва не знает). Он цитировал мне первую страницу этих дневников... «Моя жизнь, — писал создатель советской школы астрофизики, — не удалась. Всю жизнь я занимался не своим делом. На самом деле я был рождён, чтобы стать художником-портретистом...»

Я запомнил это, потому что мне показалось удивительным, что человек, нарисовавший картину мира — с которой в голове мы все тогда и жили («Вселенная, жизнь, разум», страницы школьных учебников, где приводилась «гипотеза академика Шкловского о зарождении жизни в космосе» и т. д. и т. п.), в конце жизни жалел, что вместо этого не рисовал головы людей анфас или там — в профиль... По-моему, это странно. Ну, разве что полная неудача поисков во Вселенной братьев по разуму повергла академика в такую глубокую депрессию, что высказанное в начале дневника сожаление и общеизвестная его поздняя концепция уникальности земной жизни — только крошечные фрагменты надводной части этого айсберга...

В порт мы приехали на такси, уже под вечер, и ещё до того, как я увидел переводчика с собакой, я вспомнил о его существовании... Возле каждой скамейки, а где не было скамеек, просто на каждом квадратном метре асфальта, была куча собачьего дерьма, иногда жидкая, почти что лужица, какого-то серого цвета — наверно, дерьмо выгорело за день на солнце... Глядя на виляющего хвостом рыжевато-щенка, я не мог поверить, что он здесь один, что перевод-

чик тайно не привёз целую стаю. Рядом с ними клевала носом и грузинская купчиха, возле скамейки стоял её сундук... «А может быть, так и надо жить?» — подумал я, глядя на неё. Как в каком-то фильме Вуди Аллена: «А давай всё бросим и уедем в Мексику торговать одеялами, расстелив их на капоте!» Одновременно с нами в порт приехала на автобусе группа американцев. Увидев щенка, некоторые из них издали радостные «вау», окружили переводчика, стали его расспрашивать, я увидел, как один из них предлагает деньги, но Арсений отклоняет руку с пачкой купюр... То ли давали меньше, чем уже было обещано, то ли Арсений оказался человеком слова.

«Паром» же оказался вообще только словом (ferry), а так — это был обычный теплоход, просто у него был большой грузовой отсек, в котором перевозились в основном легковые автомобили. Прежде чем мы на него сели, с нами немного побеседовал сотрудник службы безопасности. Он никуда нас не приглашал, наоборот, он тихонько, как будто робко, подходил к нам сам — к каждому по отдельности. Я не сразу понял, кто этот довольно немолодой мужичок в жёлтой рубашке, перед этим он прогуливался вдоль моря, покуривая, и я еще подумал, что он очень похож на Анатолия Ивановича — моего начальника с первой работы, который точно так же сутулился, щурился, изображая из себя этакого простофилю... Когда настала моя очередь, он подошёл ко мне и спросил, с кем я здесь общался эти дни? Я ответил, что ни с кем, потому что я вообще-то человек необщительный. Не везу ли я какие-то предметы, кото-

рые меня кто-то попросил взять с собой? Всё ли в моем чемодане принадлежит мне лично? — уточнял он. Я кивал головой, глядя при этом куда-то вдаль. Он спросил меня: «Вы что-то там ищете?» Я заверил его, что не ищу ровным счётом ничего, просто облако показалось мне похожим... «На что?» — спросил он. «На сон, — сказал я, — но нет, показалось». И это было правдой, потому что конвективное облако, висевшее над морем, в тот момент было уже вообще ни на что не похоже.

CKΛO

1. ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Разбитое вдребезги, но ещё мгновение остающееся целым, стекло может стать причиной дробления этого мгновения, или, если угодно, перехода наблюдателя в другой масштаб времени.

Это запись в блокноте с телефонами двадцатилетней давности, который я недавно нашёл в своём подвале. Переписал я её не потому, что она мне понравилась, — скорее наоборот: я успел отвыкнуть от этих итээровских итераций, их нечаянных рифм (и приобрести другие вредные привычки, как то: алл-итерации, Annährungen¹, etc.), но я, тем не менее, решил, что аутентичная фраза работает — она ускоряет погружение в прошлую жизнь, где моя программа, попав в бесконечный цикл, возможно, всё ещё считает «жёсткие» системы при помощи многошаговых методов.

Главное, чтобы эта фраза, если я её не вычеркну, не придала всему тексту специфическую, скажем так, фразеологию моих тогдашних квартальных отчётов — как это отчасти произошло уже в предыдущем абзаце.

Но вроде бы велика вероятность того, что это не случится. Во-первых, тон будет задавать фактура, связанная не с работой, а с отработкой; во-вторых, я всё забыл за отчётный период из того, что касается приближённых вычислений... Даже — что, собственно, означала эта «жёсткость», я теперь толком не вспомню.

---

¹ Приближения (нем.), часть названия одной из книг Эрнста Юнгера.

Припоминаю только, что мне — в смысле моей программе — надо было периодически останавливаться и разгоняться одношаговым методом, например, Рунге-Кутта, или Эйлера, чтобы потом снова перейти на многошаговый — Адамса, или кого-то ещё... Ну да, и при этом система считалась «жёсткой», если в ней существовали вот именно разные «временные масштабы». Так замыкается круг. По крайней мере, больше я об этом уже точно ничего не вспомню.

Перед тем как я записал в блокнот наукообразную фразу, набранную теперь курсивом, я видел, как мозаичный витраж, на мгновение возникший в чёрной рамке, исчез и на пассажиров посыпались мелкие гранулы.

Причём сверху, как будто пошёл град и одновременно у трамвая снесло крышу...

Все, казалось, были в трансе, не шевелились, не чувствовали, как градины лупят по черепам.

Я было подумал, что стал единственным свидетелем не описанного ранее явления неживой природы, но через несколько, всё ещё как бы стеклянных, секунд трамвай затормозил, вагоновожатая выскочила на улицу, заорала на водителя полторки, который не вписался в поворот...

То есть человеческий фактор присутствовал, да и причинно-следственная связь была в тот момент ещё не нарушена — в этом я чуть позже убедился на собственной шкуре...

Но не будем забегать вперёд, покончим уже с трамваем: от чересчур резкой остановки у него соскочила дуга, и

мы стояли ещё какое-то время, тогда как протаранившего нас грузовика простыл след. Чёрная рамка была пуста, и в ней был хорошо виден фрагмент фасада дома напротив, серые щербины на кремовом фоне, кто-то рядом со мной поводил плечами, проводил руками по волосам, радовался, что осколки не попали в глаз, тогда как трамвай снова задрезжал...

Из пустой четвертинки окна теперь дул приятный ветерок, пол, усыпанный осколками, был не виден, закрыт телами... Вертикальными, да, но осколки на полу всё равно были не видны, потому что яблоку негде было упасть — был час пик... Но пики на этот раз были невидимыми и с ледяными наконечниками, которые тоже успели растаять... Во всяком случае, их уже не было видно.

Я покинул трамвай возле Южного вокзала, там, где круг 20-го. Дойдя до перекрёстка, пошёл было дальше на красный свет, как вдруг понял, что стая машин несётся быстрее, чем мне казалось с тротуара. Видимо, я всё ещё пребывал в другом временном масштабе и как бы видел замедленную съёмку. Когда же всё стало двигаться с большой скоростью, я побежал, и тут что-то так больно впилося мне в ногу, что я крикнул.

Выпрыгнув из-под колёс, я поскакал дальше на одной, как будто играя в классики на льдине, которая раскалывалась на квадратики, прямо у меня под ногами...

Машины проносились рядом, задевая рубашку, огромное точильное колесо чиркнуло по моей туфле...

Но мне, можно сказать, в тот день везло: я достиг другого берега.

Снял туфлю, подержал её в руке — в оцепенении... а потом встряхнул.

На асфальт выпала мелкая градина, которая почему-то не растаяла под пяткой... И не спешила это делать на асфальте, нагретом июльским солнцем... Но хватит уже льда в этом коктейле, ей-богу...

Я поднял и внимательно — как вырванный зуб, если угодно, — рассмотрел, а потом выбросил прочь — осколок стекла, и пошёл, немного хромая, на работу, недоумевая, как он мог попасть мне под ногу, если брюки, которые я надел в тот день, были длинными, только что не волочились по земле, а рыжие туфли-мокасины были мне впрытык.

Осколок, казалось, прошёл сквозь меня навывлет. Вошёл в темечко и вылетел сквозь пятку. Где действительно обнаружилась ссадина: только что, стоя на тротуаре на одной ноге, я снимал покрасневший носок.

Вскоре показалось здание моей работы: невысокий небоскрёб, который раньше был первым, что видел пассажир московского поезда, въезжая в Харьков.

Район же, который начинался сразу — или почти сразу — за ним, так и назывался: «Москалёвка».

Я показал на пропускнике красную книжечку с надписью «Министерство какой-то промышленности СССР», и вахтёр меня пропустил, ни о чём не спросив и даже не попросив раскрыть пропуск.

Это означало, что кампания, направленная против нарушителей трудовой дисциплины, уже закончилась.

Иначе бы заклинило вертушку, вахтёр немедленно позвонил бы в отдел кадров, чтобы сообщить, что я опоздал на столько-то минут.

Тогда же, кстати, в разгар кампании, и ввели эту дурацкую моду, вход по пропускам, раньше такого никогда не было — мы не оборонное предприятие, и я вообще думал, когда начальник объявлял о новом веянии, что пропуск давным-давно где-то посеял.

Но потом нашёл его в подвале, в старом чемоданчике, с которым когда-то ездил в командировки, если они были не в Москву.

Я ничего не стал рассказывать о стекле — ни сотрудникам, ни начальнику, благо никто и не спрашивал, почему я опоздал.

Если бы мероприятия по борьбе с преступной неорганизованностью продолжались, я бы сказал, конечно, что попал в аварию, или даже в две аварии — я ведь и в самом деле чуть не попал.

«Чуть — не считается!» — сказал бы Молотков (наш начальник).

А впрочем, для рассказа, основанного на реальных событиях, важно как раз, кто и что *сказал*. А также то, что Молотков был вполне вменяемый. Во всяком случае, не менее, чем его подчинённые... Наверно, я чуть было не *наговорил* на него сейчас, потому что мне вспомнился анекдот, который ходил в разгар этой кампании: звонят с работы Иванову домой, спрашивают у его домашних: «Что случи-

лось?» — «Иванов умер». — «Фух, слава богу... А мы думали, что он опаздывает на работу».

Я когда-то застрял в лифте. Давно, ещё будучи студентом. В тот день была военка, где мне за неделю до этого было сделано «последнее китайское предупреждение». Поэтому когда кабину открыли, вручную опустив на лебёдке на первый этаж... Я сказал лифтёру, что не уйду, пока он не выдаст мне справку. Лифтёр сильно удивился, но потом с удовольствием написал на листике, который я выдрал из конспекта: «Тиновицкий застрял в лифту. Освободили в 9:20». И подпись поставил, число, как полагается.

Но о стекле я своим сотрудникам рассказывать не стал, подумав, что это слишком странная для них была бы двухходовка.

То есть не то чтобы слишком сложная — у всех же высшее образование, да и стёклышки, просыпавшиеся передо мной тогда, были не бисером... Однако есть, как кто-то писал, люди, которые играют в игры... А есть игры, которые играют в людей... Или с людьми, людьми... Короче говоря, утренняя игра стекла — со мной показалась мне слишком всё-таки *странной темой* для пересказа её вслух рабочему коллективу.

Поэтому я рассказал о стекле только Веронике — «девushке с грацией слонёнка» (я её этим не обижаю, это же была её самодефиниция), которая меня всегда понимала.

— Знаешь, что мне это напомнило, — сказала она, выпустив изо рта дым «Ватры», — «На Садовой большое движение!» То место, где у дяди Дениски после аварии ботинок

попадает в багажник, при том, что дядя сидит в закрытой кабине. И точно так же не может этого понять, как ты сейчас своё стекло.

— При чём тут моя скво?

— Уши прочисть, Тиновицкий. Скво! Рідна мова!

— А почему ты вдруг заговорила на украинском?

— А я не знаю почему. Наверно, мне показалось, что не стекло, а... вот именно — стекло — мелькало всё время в твоём рассказе...

— Это многое объясняет, конечно, спасибо, дружище. Хотя, знаешь, по-русски, по-моему, не менее красиво: «было и — стекло...».

— Ты прав. Пойдём, — вздохнула Вероника, и мы вернулись из курилки в нашу комнату.

Я сел за свой стол, многозначительно подвинул к себе распечатку программы, которую периодически прогонял сквозь ЭВМ, меняя во входных данных значения двух-трёх параметров.

Или вообще ничего не меняя... Меня давно уже никто не контролировал, и так можно было *играцца* бесконечно — благо программа, представляя собой «идеальную» модель двигателя, не изнашивалась, в отличие от железа, а жила своей собственной жизнью, причём каждый раз довольно-таки долго — часа два, а то и три с половиной...

То есть по сути это был вечный двигатель...

Потом можно было описать процесс в очередном отчёте, основную часть которого составляли точечные графики, выдаваемые ЭВМ...

Это было не моё ноу-хау — почти все у нас в отделе так же тогда работали, кроме разве что Коломийца, который верил во что-то прекрасное, употреблял в своей речи временную форму «прошедшее в будущем» и продолжал упрямо дописывать кандидатскую «againstalldds», одновременно уча и английский... При том, что шансов свалить с подводной лодки у него вроде как и не было...

Нас, конечно, слали периодически на поля — или, там, на кагаты... Но я к тому времени был на отработке довольно давно, так что уже и забыл... Была ли осень, ранняя ли весна... Нет, скорее прошлогодняя осень, потому что осенью же собирают овощи, да? И шёл дождь... Не так чтобы ливень...

Я помню, что запустил в начальника зелёного цеха кабачком, но это мог быть просто кабачок, который попался мне под руку, потому что собирали-то мы скорее всего бураки, а себе домой набирали с соседнего поля кабачки... То есть я не собирал вообще ничего — себе домой, чем вызывал гнев наших женщин, шипевших «ну конечно, у него жена сумки тягает», что было неправдой, но это сейчас неважно, — я мог запустить в начальника зелёного цеха, скажем, чужим кабачком, вообще какая разница... Тем более, что я всё равно не попал, к сожалению.

Мы полдня работали под моросившим дождём, а когда он усилился, побросали орудия труда и пошли в посадку. Там расположились, кто на чём, или на ком, как вдруг из кустов вырос начальник зелёного цеха и начал на нас кричать.

При том, что сам он всё это время отсиживался в какой-то земляночке.

Ну, я и вышел из себя — как он из своей норы... И запустил в него кабачком.

Или всё-таки свёклой... Но всё равно не попал.

После этого меня перестали посылать на отработку и грозили выгнать с работы по статье.

И всё это, значит, Молотков мне теперь зачем-то припомнил.

Ну, не так подробно, как я сейчас, и по его версии, я швырнул в начзелцеха таки да — бураком.

В частной беседе, задолго до этого дня, начальник доверительно сказал мне, что я «неудачливый сачок».

Удачливый — это тот, кто ни черта не делает, но не бросается... в глаза.

А неудачливый, соответственно, наоборот, может работать не меньше других, или даже больше, но, что ли, паузы, которые он делает, переводы дыхания, выражение лица — всё это так не вписывается в общий ритм, что человек этот выглядит злостным тунеядцем.

Всё это шеф мне теперь припомнил, после чего сказал, что он не за тем меня позвал, чтобы вспоминать сейчас все мои грехи.

— А позвал я тебя, Тиновицкий, — сказал шеф, — чтобы сообщить радостную весть: с завтрашнего дня ты наконец идёшь на отработку. Где не будет начальника зелёного цеха и вообще ничего зелёного не будет, насколько я помню район... Сейчас я всё объясню, но чтоб не забыть, это

важно. Я не советую тебе бросаться там в непосредственное начальство... любыми предметами, если не хочешь загреметь по полной программе...

— Владимир Григорьевич, — сказал я, — ну к чему всё время это вспоминать, что было, то — стекло... Я же вам подробно тогда всё написал в объяснительной записке, что шёл дождь, что эта сука...

— Не смей так говорить с начальством! Ну и что, что дождь? Сахарная — свёкла, а не голова твоя дурная...

— Нет, ну мы все не сахарные... Но, как бураки, торчали на поле под осенним дождём, и чтобы после этого ещё выслушивать... Ну, я и вышел из себя. С кем не бывает?

— Допустим. Но ты не думаешь, что терпение начальства тоже не беспредельно?

— Мы в тот раз вообще-то кабачки собирали, — попытался я тогда уж лучше вернуться к прошлой теме, — я вот сейчас вспомнил, а не свёклу... Нет, ну к чему это, Владимир Григорьевич, а? Кто старое помянет...

— А вот к чему. Мне пришлось сейчас преодолеть некие сомнения, прежде чем я решился. С одной стороны — вроде идеально для тебя разнарядка, потому что дорогу в колхоз ты себе как бы обрубил, во всяком случае, при нынешнем начзелцехе. С работы же тебя увольнять мне... Ну, как-то не с руки, не по-людски... Ты же сам меня просил, помнишь: «Владимир Григорьевич, будьте человеком...». Вот, а не посылать тебя совсем уж никуда... Мне, как ты понимаешь, это по барабану. Но я не могу. Народ взбунтуется, ты знаешь нашу Элькину — она молчать не будет, она и так уже не

молчит... Просто рот у неё сейчас занят грызнёй по поводу десятирублёвых надбавок, а вот как поделят...

— Ой, что будет...

— Не говори... То есть я давно уже ломал голову, как тебя можно использовать в мирных целях. И тут приходит вдруг разнарядка на другой вид отработки, не сельхоз...

— Что, стройку оперного реактивировали?

— Не угадал, тут другое... В общем, так: завтра в восемь тридцать ты должен явиться в отделение уголовного розыска N-го района. На входе сказать, что ты к следователю Доценко — тебе выпишут пропуск.

— Ну что? — сказал Молотков с наслаждением после паузы. — Доигрался, Тиновицкий?

— Ну и шуточки у вас, Владимир Григорьевич, — сказал я.

— А вот и не шуточки! Поступила разнарядка, как я тебе уже имел честь доложить, на одного пока что нашего сотрудника. В помощь милиции. Не справляется наш угрозыск с делами — вот и обратился за помощью к нам, ну что непонятно? Решили фуражки: «Мы что же, хуже колхозников?»

— Мы?

— Они. Ну, я вполне серьёзно всё это говорю, ты уж поверь.

— Это что, не розыгрыш?

— Какой, к чёрту, розыгрыш, делать мне больше нечего — это вы там всё разыгрываетесь, в отделе... Но ты знаешь, я на это сквозь пальцы. Что делать, за границей есть безработные, а у нас есть мы... Но отработка — это святое,

заруби себе... Завтра в 8:30 чтобы как штык. Вот адрес, перепиши, на тебе листок. Следователя зовут Доценко Игорь Антонович. Будешь его помощником. Расскажешь потом всё в подробностях — мне же нужно знать, кого посылать следующим, если это будет не единоразово... Ну, я тебя первым выбрал не только из-за твоих подвигов на ниве... Но ещё и по росту. Я понятия не имею, что там может ещё пригодиться!

— Вы что, не спросили?

— Я спросил, мне ответили: никаких навыков, что нужно делать, объяснят на месте. Попросили только не посылать совсем уже городских сумасшедших. Вот я и выбрал тебя, решив, что не можешь же ты, Тиновицкий, быть одновременно деревенским дурачком и... хе-хе-хе...

— Если будете оскорблять, Владимир Григорьевич, я вообще никуда не пойду.

— Ну ладно, пошутил, — сказал Молотков, — и вообще, всё возможно, как нас учили, слияние города и деревни, хе-хе, в одной отдельно взятой голове...

— Ещё неизвестно, кто здесь больший сумасшедший... Я имею в виду милицию... Это же надо додуматься...

— Короче, такая петрушка. Разнарядка пришла — обязаны исполнять. И я надеюсь, что на этот раз ты меня не подведёшь. В твоих интересах. Не опаздывай! Они наверняка не любят, а у тебя с этим проблемы — сегодня, думаешь, я не заметил?

Я хотел было рассказать Молоткову о том, как с утра попадал в стеклянные грозы... Но передумал.

2. НАРУЖНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

Здания я совсем не помню, и мне ничего больше не остаётся, как написать: «Дом, в котором размещался угрозиск N-ого района города Харькова, был ничем не примечателен»... И прибавить, что то же самое можно было бы сказать о следователе, который ждал меня внутри здания. Он стоял уже внизу возле пропускника, хотя я не опоздал ни на одну минуту.

По-моему, у него были усы и он был в гражданском костюме, тёмный какой-то пиджак, может быть, коричневый... Человек бывалый, возможно, и распознал бы в нём следователя угро, очень может быть, что и за версту, но я бы ничего такого в нём не узнал даже на расстоянии вытянутой руки — которую я неуверенно пожал, стоя непосредственно в здании его незаменимой, казалось бы, работы...

Даже при том, что одной рукой Игорь Антонович прижимал к себе весьма характерную папочку — как во всех этих фильмах, «наша служба и опасна и трудна... И на первый взгляд как будто не видна»...

Мы пожали друг другу руки и вышли из здания прямо к припаркованному у входа красному «жигулёнку».

По дороге Игорь Антонович объяснял, что нам нужно будет делать, добавляя в конце каждого второго предложения «...не бином Ньютона».

Количество квартирных краж, по его словам, подскочило за последнее время во столько-то раз (он сказал, во сколько, но цифру я теперь не вспомню, а врать не хочу, чтобы ни очернять, ни обелять то серое время), сотрудни-

ков, чтобы заниматься их раскрытием, не хватает, поэтому решили пойти путём профилактики... Чем мы с ним сейчас непосредственно и займёмся.

Я даже не заметил, как слова перешли в дела, — мы так же ехали, только теперь с меньшей скоростью — не превышавшей скорости пешехода — по прямым узким улочкам микрорайона, похожего на тот, в котором я жил, но более безотрадного, потому что он был сравнительно новым и в нём совершенно не было зелени. Что, понятно, было нам на руку, это как американцы во Вьетнаме, — думал я, — для начала уничтожали всю зелень какими-то химикатами, а потом уже кружили над местностью, и всё тогда им было видно, как на ладони...

Мы с Игорем Антоновичем зелень здесь не уничтожали — этим занимались мои сотрудники, и не «оранжем», а тятками, и в других местах, на колхозных полях, — здесь же растений не было отродясь, и мы медленно кружили с Игорем Антоновичем в «жигулёнке» по серой пустыне, глядя по сторонам, он — в одну, а я — в другую сторону... При этом никаких инструкций он мне больше не давал, вообще с какого-то момента молчал в тряпочку.

«Ну хорошо, — думал я, — допустим, не бином. Ну, несут мужики мебель, или там что, чемоданы как-то быстро, и всё сразу с ними ясно... Но что тогда делать? У меня же нет ни орудия труда, ни инструкции... И для чего я вообще понадобился? Ну, или другой какой... научный сотрудник. Чтобы эффективнее смотреть по сторонам? Но Игорь Антонович и сам мог бы вертеть своей башкой: на дороге

смотреть при такой скорости не обязательно. Ну, может, шея быстро устаёт... Ну хорошо, допустим, два глаза хорошо, а четыре лучше... Но разве не нужно иметь хоть какой-то профессиональный опыт, навык, по крайней мере, хоть раз в жизни видеть перед этим живого медвежатника? А то получается то же, что в колхозе, где, по признанию моих сотрудников, они, так же, как я, выпалывали тяпкой всё подряд, не умея отличить бурьян от злаков... В этом смысле хорошо, конечно, что здесь... хоть не додумались выдать орудие труда...»

Сейчас (примерно через двадцать лет) мне задним умом приходит в голову простая мысль: помощь заключалась в физическом присутствии. Никто же не знал, что я работник НИИЧаво, или с некоторых пор уже даже чистого НИЧТО, способного принимать любые формы — от колхозника до милиционера...

(Звучит, наверно, слишком пафосно, но разве не такова теперь была ширина нашего спектра?)

Важна была скорее всего численность сама по себе — чтобы в случае чего преступники видели, что перед ними не одно физическое лицо, а целых два. Это было, по-видимому, важно — один в поле не воин и всё такое... Я думаю, это и было причиной — не эффективнее смотреть по сторонам, а эффективнее смотреться... хотя полностью я, естественно, не могу быть в этом уверен.

Можно, конечно, было бы, раз уж я туда вернулся сейчас, что-то уточнить, задать эти же вопросы Игорю Антоновичу, можно было бы придумать за него и ответы... Но у меня нет желания создавать эрзац своего прошлого:

персонажи-муляжи, люди-куклы, надетые на пальцы одной руки...

Поэтому, *попадая туда*, я точно так же молча сижу, как и тогда, рядом с Игорем Антоновичем, поглядывая по сторонам, — и не вижу нигде не только подозрительных, но вообще никаких людей... Как будто их всех здесь закатали в бетон.

Когда же мы через несколько часов такого катанья вышли из машины и решительным шагом — Игорь Антонович то есть решительным, — ну и я, еле поспевая за ним, вошли в один из подъездов, мне показалось, что он, отчаявшись дожидаться, идёт сам совершать ограбление — чтобы самому же его потом раскрыть и отчитаться...

Но я отбросил эту мысль как полностью абсурдную.

Мы поднялись на пятый этаж, подошли к голой, в смысле не обитой дерматином — в отличие от соседних, — двери, Игорь Антонович припал к ней на мгновение... Я подумал, что он мог учуять что-то неладное — зоркий сокол; ещё с улицы, по каким-нибудь бликам в окошке...

Он открыл дверь с помощью отмычки — или ключа, я не успел заметить, что у него там болталось в связке, навряд ли ключи от всех дверей микрорайона... Впрочем, знаем мы эти двери: когда наша захлопывалась, сами открывали расчёской, нажимая на щеколду, — имели, таким образом, некий навык, который чуть позже и пригодился... Но, конечно, в тот момент я этого ещё не знал, и, войдя вслед за Игорем Антоновичем в коридор, оглянулся и осмотрел замок, просто удивляясь, что Игорь Антонович так просто

его открыл... После чего вернулся к нему с лицом человека, который ждёт, что ему наконец-то всё объяснят.

— Это особая квартира, — сказал он. После чего, очевидно, просто хотел сделать паузу, собираясь произнести ещё несколько слов, но я подумал, что на этом всё объяснение снова закончилось, и тут уже лаконичность его едва не вывела меня из себя.

— Что значит особая? — сказал я. — Что в ней такого особого — что мы без ордера входим без стука как к себе домой?

— С зоны сбежал один преступник. Причём не простой... По имеющимся оперативным данным, скоро может появиться в городе. Эту квартиру ему заготовили кореша. Поэтому я заезжаю сюда иногда и осматриваю на предмет его проявлений. Теперь всё понятно?

С этими словами Игорь Антонович быстро подошёл к кровати и поднял матрас, как будто предполагая, что преступник специально для него оставил там какую-то записку или денежку... Я подумал, что после этого он достанет из-за пазухи лупу и начнёт изучать простыню — кровать была застелена простынёй, покрывала на ней не было, — но этого делать Игорь Антонович не стал, он прошёл в другую комнату — квартира была трёхкомнатная...

— Ничего не трогай! — крикнул он мне уже оттуда.

— Слушаюсь! — крикнул я, а когда он вернулся, проникновенно спросил его:

— Чтобы не оставлять отпечатки пальцев, да?

— Шутишь... Кто там будет их снимать... Просто сдвинешь какой-то предмет, он войдёт, заметит — вот и испуг-

нём. Помнишь, как в фильме... Только Картон немножко повнимательнее будет, чем этот, как его...

— Плейшнер, — сказал я. — А как вы сказали — это что, тот самый Картон?!

— А что, слышал? — удивился Игорь Антонович. — А кажется, ты в другом мире живёшь, на другой планете.

— Между прочим, двадцать лет жил точно в таком микрорайоне. И квартира такой же была планировки...

Тут я прервался, чтобы не перескочить словесно через лестничную площадку: мне бы не хотелось говорить с Игорем Антоновичем о моих соседях. То, что после долгого кружения в «жигулёнке» мы спикировали прямо в это чёрное яблочко моей памяти... могло бы, конечно, ввергнуть меня в бóльшую разговорчивость, как это и происходит сейчас... Но тогда сработал, видимо, инстинкт, который говорил мне: не стоит ничего лишнего говорить, даже если кроме того, что Картон был твоим соседом, сказать нечего...

— Ну, так ты тут тогда вообще как дома, — кивнул Игорь Антонович. — Всё на сегодня. Пойдём, подброшу тебя до метро.

3. ЛЕСТНИЧНАЯ КЛЕТКА

Я никогда не бывал в их квартире и видел Кариухиных, стало быть, на площадке, в лифте, при подходе к подъезду... Или при подъезде к подъезду Кариухина-старшего, но это случалось крайне редко, потому что себя самого он домой не подвозил. Впрочем, вспоминаю, что он, отец их семейства, бывал у нас когда-то довольно часто днём,

когда я ещё под стол пешком ходил... График работы у него был, естественно, скользящий, и он любил поговорить с моим дедом, в частности, о своих романах. Дед же был однолюб и тосковал по бабушке, которая умерла вскоре после нашего переезда на эту квартиру, поэтому я думаю, что деду было неприятно выслушивать истории, которые рассказывал Таксист, — так его дед всегда называл за глаза. Я даже знаю это наверняка, вспомнил сейчас, как после ухода соседа дедушка пожал плечами, заглянув в мою комнату, и пожаловался: ему, мол, ужасно надоели рассказы о том, как Таксист изменял своей жене. Он как бы оправдывался, что забыл обо мне и проговорил с Таксистом так долго, — на кухне, час или два, закрыв двери, — как бы заверял меня, что ничего интересного я на самом деле не пропустил и что он и сам бы с удовольствием всё это не слушал, если бы не неписанные законы добрососедства и гостеприимства.

Дед общался не только с Таксистом — это родители мои мало кого знали из соседей, потому что всё время были на работе, — дед же был на пенсии, которую он посвятил почти полностью мне, а так как он курил папиросы, то часто выходил из квартиры на лестничную клетку и там общался с другими курильщиками, иногда даже «забивал с ними козла» — пятачок был довольно большой и позволял поставить несколько табуреток. Это не та площадка, где были двери квартир, а выше на полпролёта — куда выходила только дверца мусоропровода, которая с лязгом открывалась и, на каком бы этаже меня это ни заставало,

я весь сжимался, как будто девятиглавое чудище могло проглотить меня. Такое же примерно чувство возникало у меня в зоопарке, когда в клетке бегемотника разверзалась пасть, — только у мусоропровода зев был чёрным, а не розовым... Если что-то не проходило — ящик, скажем, его разбивали или расчленили, мяли, комкали, рвали, а потом ещё давили, как будто прессом, упираясь в прямой железный рог, торчавший из зелёной бугристой челюсти, — я думал, что отсюда и пошло это выражение: «жаба давит», когда его впервые услышал... Но это так, ни к селу ни к городу, я отвлёкся...

Нет, правда, к чему был весь этот бестиарий... смесь носорога с бегемотом... бульдога с мусоропроводом... Ага, наверно, цепочка должна была привести нас к Минотавру... А железно-гетакомбный микрорайон моего детства — что, как не лабиринт тогда... Ты смотри, как мы чуть было не заговорили... Но ещё лучше — не смотри, куда смотреть не стоит... Обойдёмся в самом деле без мифов народов мира, нам нужны только неприукрашенные детские впечатления pur...

Я помню, как Таксист вошёл к нам в квартиру впервые после небольшого, так называемого косметического, ремонта, как он посмотрел на себя в зеркало, которое накануне рабочие повесили в коридоре на стенку, и сказал:

— Всё хорошо, только зеркало короткое. Зеркало должно быть до пола. Женщинам же надо видеть свои ножки! — И он так хитро засмеялся, что даже закашлялся.

Казанова был низкого роста — на голову ниже, чем его сын, и очень плотный, квадратный такой, без шеи, с мощной квадратной же головой, всегда в чёрном костюме, загорелый и зимой, и летом, — я помню, что курил он, в отличие от деда, сигареты с фильтром и всегда одну держал в руке, а также зажигалку, так что казалось, что он сейчас закурит прямо у нас в квартире, но он этого никогда не делал. Ну, может быть, зашёл один раз, не погасив: «Я на секундочку»...

Жена его — мать Картона — была маленькой женщиной, возможно, с татарским разрезом глаз, больше я ничего о ней не помню.

Картон был с начала нашей тамошней жизни достаточно взрослым, чтобы отбывать срок, — что он, в основном, и делал. Каждый из его выходов из тюрьмы и, соответственно, появлений в нашем доме я помню очень хорошо, потому что это было нечасто, ненадолго, а кроме того... Как бы это сказать... Ну, что ли, облако невесомости, окружающее, надо полагать, каждого выходящего на свободу человека, какое-то первое время — вот оно как-то ощущалось посторонним наблюдателем, которым и был я со своими очками и школьным ранцем.

Картон был как-то дымчато пластичен... Дурацкое словосочетание, но, прежде чем я его успел вычеркнуть, оно напомнило мне «дымовуху», то есть подождённую пластмассу, вонявшую так, что бесшумный Картон был на неё уже точно не похож... И можно закончить его портрет словами, что «он был не похож ни на что», но вспомнилось

вознесенское «ты не похожа на бешеную кошку, ты не похожа ни на что»... А Картон-то, кстати, уж больше был *похож на кошку*... Чем на «дымовуху», во всяком случае...

И чего она прицепилась, как жвачка на подошву, и дымится...

Ну, наверно, в раннем детстве это было худшим из того, что ассоциировалось у меня с «плохими мальчиками»... Ну да, а в движениях Картона было-было — что-то от крупной кошки... Но ничего хищно-зловещего... я, по крайней мере, рядом с ним не чувствовал... И поэтому не понимал, как его имя, или кличка, может вселять в людей такой ужас.

Одного упоминания его было достаточно, чтобы разжался занесённый над тобой кулак — ночью, посреди микро-района, когда дорогу тебе преградили те, от кого так просто, вообще говоря, не отделаешься... А вот разжался — превратился в ладонь, которая сразу задвинулась обратно в рукав или даже карман...

Первый раз его имя произнёс не я, а кто-то стоявший рядом, может быть, сверстник из моего дома — в доме было полтыщи квартир, и всех мальчишек я не помнил, конечно, даже когда там жил... Может, и ангел-хранитель, которому скучно стало таскаться за мной по пятам, — у меня была ничем не примечательная жизнь, совсем ничего интересного... И мой душеспаситель, или тушехранитель, — неважно, кто бы он ни был, — нашёл способ, как обезопасить меня, а самому пойти в более тёплое место, скажем, в ресторан «Околица».

Не такая уже, кстати, нездоровая версия, потому что наш микрорайон был достаточно стрёмным лабиринтом, весь состоял из углов, аппроксимировавших шар, которого не было — куда-то закатился, зато заколотым там можно было быть везде, что во дворе-пустыре, что за углом, что возле телефона-автомата — за то, что не дал двушку... И я помню даже такой случай, когда прямо в подъезде... Причём Картон был ни при чём: он отбывал срок в тот момент, когда до доминошников снизу долетел крик: «Вы там козла забиваете, а тут человека забили!» Соседи замерли на миг, а потом, побросав свои костяшки, помчались вниз и на первом этаже споткнулись о труп с торчавшим ножичком. Кстати, никто так и не понял, кто это кричал, неужели же сам убийца...

В общем, я не знаю, кто произнёс слово «Картон» в первый раз, потому что взгляд мой в тот момент был прикован к одутловатому ублюдку, который набрал уже воздух, чтобы обрушить на меня кулак с помятой «свинчаткой».

«Он сосед Картона, рядом квартиры», — сказал чей-то голос, после чего плохиш мгновенно исчез.

И я понял, что имя обладает магической силой.

Я не злоупотреблял им, я произносил его только в крайних случаях, когда угроза была серьёзной... Чаще всего поводом становился пришелец из другого мира — того самого, откуда периодически появлялся и сам Картон.

Была ли тамбурная дверь Кариухиных из листового железа — или это мне теперь только так кажется, потому что Картон бóльшую часть жизни проводил взаперти?

Наша дверь, то есть вторая дверь — её все устанавливали сами, и она создавала, помимо дополнительной безопасности, или её иллюзии, небольшой закрытый уголок, где можно было, скажем, поставить ящик для хранения картошки. Мы называли этот закуток «тамбуром», как будто все вместе ехали куда-то на поезде.

Я помню, что наша тамбурная дверь была обита узкими деревянными планками, которые рабочие сделали пятистыми с помощью паяльной лампы и вскрыли лаком. Сначала она выглядела экзотической, но потом такие же «леопардовые» двери появились и на некоторых других этажах, например, на шестом — а вот чем была обита дверь квартиры напротив, я не могу вспомнить.

То ли дерматин, то ли листовое железо... Но железная дверь — это, может быть, просто эрзац двери, который вырос в моей памяти, потому что я, когда в очередной «раз в сто лет» видел Картона на лестничной клетке, думал, что зона — это не где-то там в Сибири, а прямо вот здесь, стоит сделать лишний шаг по площадке... что это просто такая оптика — что я вижу за тысячи километров, как недавно в районе Бруклинского моста — с помощью миллиметрового световода, пропущенного по дну океана, соединили Нью-Йорк и Лондон... С обоих концов световод попадает в огромный телескоп, и люди видят друг друга в огромную линзу в натуральную величину, машут друг другу руками... Но тогда ещё никто не додумался так закорачивать места столь отдалённые, и я вспомнил вчерашний телерепортаж, только чтобы описать ощущение, которое у меня мелькало, когда я видел Картона на своей площадке...

Причём как раз в дверной глазок, который увеличивает расстояние, я его на самом деле вряд ли мог лицезреть — он ведь никогда к нам в дверь не звонил.

Я встречался с ним исключительно на лестничной клетке... Вот как сейчас... Картон нажимает красную кнопку лифта (она на нашем этаже никогда не выжигалась шпаной, которая таким образом тоже устраивала «дымовуху»), как на нижних, где даже когда её снова вставляли — каждый раз почему-то меньшую, — вокруг, на стене, оставались чёрные следы, которые никогда не закрашивали, — это была сажа, будто в шахте лифта накануне бушевало адское пламя и сквозь эти дырочки прорывалось наружу; я говорю «здрасьте», Картон молча кивает, створки лифта раскрываются, он заходит, я мешкаю, Картон улыбается, и я тоже захожу в кабину.

Почему-то я думал, что на этот раз он что-нибудь скажет, — но нет, он так же нем, как всегда.

В чём-то чёрном, и волосы как смоль, похожий на своего отца, но выше чуть ли не на целую голову и не только не коренаст, но как-то даже слишком хорошо сложен — не похож на угловатых уголовников, которых мне приходилось видеть и от которых защищало меня его имечко.

Я вырос в нескольких метрах от него... Точнее — от чёрной дыры, которая была на месте его постоянной прописки... Но и этого хватало, чтобы для меня он был просто одним из соседей, и больше ничего, так что стоя рядом с ним в лифте, я не испытывал ничего — ни страха, ни, наоборот,

гордости... Блатная романтика меня не привлекала: я был комнатным очкариком-отличником, я, скажем, никогда не матюкался, и ещё больше, чем слово из трёх букв, мне не нравились песни из трёх аккордов, все эти тюремные цыганочки, романсы, бррр... Но неужели я сейчас как раз и исполняю нечто подобное?!

Во всяком случае, пора закругляться; сказанного уже с лихвой хватит, чтобы представить поток, пронёсшийся у меня в голове, когда я услышал это имя через столько лет...

Тем более, что о человеке мне сказать-то, по сути, нечего... Я понятия не имею, по каким статьям он был осуждён... Да вообще, я ничего не знаю о нём — как таковом, написал, что он появлялся у нас прямо из зоны, но откуда я это взял... Может, он и жил где-то ещё в промежутках, помимо тюрьмы и родительской квартиры, а эти визиты были вот именно посещениями отчего дома... Хотя нет, я же помню, что он таки жил у них каждый раз — что, конечно, не отменяет возможности того, что, не будучи у них, Картон не всё время был в так называемых (почему «так называемых», я и сам не знаю — просто так написано, зато без кавычек) местах лишения свободы...

Но то, что он жил у них, а не просто заглядывал в гости, косвенно подтверждает такой, например, эпизод: в один из своих выходов на волю Картон успел завести домашнее животное и поселил его вот именно, что в родительской квартире.

Это была зелёная мартышка или, может быть, мартышка-мона, кавычки тут тоже не нужны, так называется вид. Отряд — приматы.

Я это существо если и видел, то один раз, мельком, когда Таксист открывал дверь, а я был на площадке, дожидаясь лифта... Вместе с Картоном я мартышку не видел ни разу: как он её выводил на прогулку — на тонком поводочке, я только слышал рассказы об этом, от какого-то мальчишки со двора, ну и от дедушки, разумеется.

Таксист жаловался деду, что в доме у него теперь творится что-то невообразимое, обезьяна перевернула дом вверх дном...

Дед пересказывал мне эти жалобы: «нэ мала баба клопону, та й купыла поросю», мы оба посмеивались... По-моему, я тогда впервые попросил деда сводить меня в гости к Кариухиным — как когда-то в зоопарк, когда мы жили ненамного дальше от него, чем теперь от их квартиры... Но дед отвечал, что это совершенно невозможно.

А ещё через несколько лет за Картоном приехали милициские машины (до этого он всегда исчезал так же тихо, как появлялся), много, очень много машин, и он полез через балконы... Говорят, очень быстро, как та обезьянка, перемещаясь одновременно по оси абсцисс и оси ординат...

Но его вычислили и схватили — у милиции хватало тогда людей, вокруг нашего дома мигали длинные цепочки бегущих огней, тянулись снизу длинные красные телескопические руки... Ревели сирены, всё это было похоже на военные действия или на фильмы об освобождении заложников — опять же я не всё видел своими глазами...

Я слышал подробности от деда, которому, как всегда, рассказал Таксист, а своими глазами я только увидел мно-

жество милицейских и пожарных машин, когда отодвинул занавеску, ну и потом слышал ещё какое-то время вой их сирен, он отвлекал меня от выполнения домашнего задания...

Когда через некоторое время другой сосед — с верхнего этажа — попросил пустить его на балкон, у меня в голове мелькнула мысль, что теперь за ним приехали — как за Картоном. Дедушки дома не было, куда-то он пошёл, в магазин, но я знал, что дед общается с этим соседом, и ничего плохого о нём я не слышал... Так что я пустил его в дом, завёл в гостиную, он сказал «спасибо», открыл балкон, вышел туда и моментально оказался на перилах. Приник всем телом к тонкой перегородке, отделявшей нас от соседей справа... А его квартира была над нами, он толкнулся ногой и полез вверх, за что-то там ухватился, но это не помогло, он поехал обратно... Какое-то мгновение я видел половину тела и ноги, болтавшиеся над поручнем нашего балкона... У меня перехватило дыхание... Но потом его будто схватили за шкурку и мгновенно вытянули вверх, хотя там, вверху, точно никого не было: домашние его были в отъезде, и даже соседей по оси абсцисс не было дома — оттого он и лез к себе отвесно... И я тогда подумал, что вот так же, наверно, схватили Картона и что ещё хорошо всё закончилось — могли ведь и уронить при попытке к бегству.

Ну всё, пора закругляться с этими салтовскими реминисценциями, а то пошёл уже кукольный театр, болтающиеся в воздухе ножки, «с чег-о-о начинается родина...» — и всё в

таком духе... «...с тра-та-та приятелей, живущих в соседнем дворе...»

Нет, всё же ещё один эпизод, связанный с Картоном, который важен, если мы хотим добиться хоть какой-то объёмности...

«Объёмность» надо было бы заменить «голограммой», но это выглядело бы слишком вычурно, самонадеянно...

Во всяком случае, в тот раз я увидел Картона чужими глазами, не замысленными соседством, и поэтому голо-не голо... а пусть будет ещё один ракурс, непохожий на предыдущие — как говорится, *для полноты картины*.

Я тогда уже учился в очень далёкой и к тому же чуть ли не подземной... Ну, то есть подпольной физико-математической школе, переход в которую — вот ведь чёрт... В каком-то смысле тоже был связан с Картоном... Точнее, с его отсутствием.

В тот раз Картон сидел так долго, что на районе его уже начали забывать... А может, кроме того и ещё что-то произошло — в настоящем подземном мире, я могу только предполагать: демифологизация, перераспределение «званий» — всё это только мои домыслы... Но, так или иначе, когда я произнёс его имя в очередной раз, оно не вызвало у людей, которые остановили меня возле школы, вообще никакой реакции.

«Картон? Картон далеко, да и что с того, что Картон... Ну, передашь ему от нас привет, если выйдет, — пожав плечами, сказал дяденька неопределённого возраста, похожий на полицая из какого-то фильма, — а сейчас ты сделаешь то, что мы тебе сказали, понятно?»

Рядом с ним стояли ещё несколько подобных типов... Они мне сказали, что я должен вызвать к ним свою соученицу Веру «Сосульку», которую, кстати, с пятого класса вызывали в прокуратуру, — я это помню, потому что классная руководительница тогда сотрясала воздух словами: «Дожили, Веру вызывают в районную прокуратуру!»...

Так что было не совсем, скажем, странно, что теперь Веру вызывает другой орган... Дурацкий каламбур, идиотский, я понимаю... Ну, скажем, некий аналог прокуратуры... Ну, недаром же они напомнили мне полицаев...

Все остальные люди её давно уже оставили в покое, и она молча сидела на последней парте, предаваясь каким-то своим мыслям, воспоминаниям, если была в школе — что случалось не часто, и в тот день она как раз уроки прогуливала, почему урки, не дождавшись её, и обратились ко мне, когда я вышел из школы, с вопросом: «Ты из какого класса?»

Я нехотя назвал свой класс... Врать не было смысла: откуда мне знать, какой класс им нужен... Они сказали, что я-то им и нужен, отчего я похолодел и тихо, но внятно произнёс: «Учтите, что я хорошо знаю Картона, он мой сосед».

Но оказалось, что всё, его имя уже больше не работает. «Скажешь, что ждут внизу, но так, чтоб родители не слышали». — «Я не знаю, где она живёт». — «Зато мы знаем. Покажем. А ты нам её позовёшь. Ну всё, пошли».

«Заявишь в милицию — убьём», — эту банальность они мне сказали на прощание.

То есть вроде бы со мной лично ничего плохого не произошло... А с Верой, наверно, произошло то же самое, что

происходило и раньше, и через некоторое время она снова сидела на задней парте, покусывая ногти или рассматривая отдельный волос — не выдирая его из головы, но отводя двумя пальцами в сторону...

Но мне казалось, что последние слова этих людей подтверждали, что что-то всё-таки произошло — иначе с чего бы это «заявишь в милицию...»? Я тогда не допускал, что это просто штампованная, обычная у них форма прощания...

Ну, может быть, кто-то из них был в розыске, портреты были расклеены на столбах или показывали по телевизору, я лично не видел — но мой одноклассник, который знал, скажем, кто такой Картон, и видел, как они ко мне подошли после школы, как они меня куда-то ведут, как на расстрел...

На следующий день, когда увидел меня входящим в класс, вздохнул с облегчением.

«Я их знаю, — сказал он. — От этих так просто не отделаешься». С такой интонацией, что ясно было: это какая-то другая сила, с которой мы в повседневной жизни не сталкиваемся, это что-то, от чего нужно держаться как можно дальше.

И вот, это может показаться странным, но именно после этого я решил перейти в другую школу.

Я не могу объяснить, что уж такого ужасного со мной произошло... Просто несколько минут, которые я провёл в обществе этих людей — пока мы шли к подъезду Веры, — я был полностью в их власти. И вот это вот было впервые. Среди бела дня, на глазах у всех меня провели на цепи — невиди-

мой только со стороны, но для меня очевидной... И заставили делать то, что я не хотел... Не то чтобы стать предателем... Но что, если бы Вера после этого вообще исчезла?

К тому же я знал, что я теперь впредь не защищён ничем: имя Картона вызывает лишь усмешку, на дворе, возможно, уже другая эпоха... Надо было перевернуть какую-то страницу жизни, и я её перевернул — плохо только, что меня подтолкнул страх, что это был не свободный выбор, не свободное решение...

Переменить место жительства я, конечно, не мог... Но я мог перейти в другую школу — что и сделал...

Что было отчасти смешно, конечно... Они же не учениками были, я мог столкнуться с ними где угодно... Но всё-таки вероятность встречи с ними таким образом уменьшалась — ну, или мне так казалось, ну и что с того, если страх можно было вот именно таким образом уменьшить, то почему бы и не попробовать...

К тому же я и раньше собирался перейти в физмат-школу: просто после восьмого класса и я, и родители думали, что время уже упущено, в старших классах переход считался нереальным, время — упущенным... Но ничего, «лучше поздно, чем никогда», — сказал я родителям...

То есть по сути я сбежал.

Ну — сбежал и сбежал... Вот только сбежал в самый что ни на есть уголовный угол нашего города... Или, если уж без аллитераций описывать открывшуюся мне тогда впервые безальтернативность — серьёзная вещь ведь, судьбоносная... то надо сказать, что это был «район с самой большой преступностью».

Одним словом, это была Москалёвка.

А я же не знал, что это там за район... И в первый же день нового учебного года, проехав на автобусе, а потом на трамвае, в общей сложности, включая то есть ходьбу, потратив на дорогу полтора часа... я был встречен на пороге новой школы теми же глазами из комочков свинчатки, от которых я туда бежал...

Только теперь они смотрели из другой — ещё более отворачивательной — оболочки...

Но это были те же самые глаза — они теперь охотились за мной, перепрыгивая из одного тела в другое... Кажется, тогда я и заразился этой слобожанской разновидностью фатализма, мол, куда ни ткнись, всюду Дикое Поле, и нам некуда больше бежать, и всё такое прочее — вплоть до травяного уже пофигизма...

То есть помимо математики нам там была преподана масса других уроков...

Дверь класса распахивалась, в неё заглядывала скалящаяся морда какого-нибудь Кабана или Барана — водились в той округе и тот, и другой... И вот они входили посреди урока в класс и говорили: «Ну что, Гастролябыч, помнишь, как ты в меня угольником швырял?» После чего следовала мрачная сцена избиения учителя на глазах у его учеников...

Это я всё говорю к тому, что Картон был далеко не единственным уголовником, которого мой приятель Митя из новой школы увидел лицом к лицу. Мы с ним жили в соседних домах, но познакомились, только когда оказались в этой равноудалённой от нас школе, в одном классе (раньше

он жил в другом городе — отец был военным)... Ну вот, и теперь мы часто бывали в гостях друг у друга, домашние задания вместе не делали, но что-то всегда обсуждали... Вот вспомнил: причиной столь частых наших походов в гости друг к другу были учебники — в физмат-школе, которую всё время пытались прикрыть — деятели из облоно, из обкома, — не хочу сейчас вдаваться в их причины, в общем, наши учебники были раритетными, переходили в наследство от старших поколений к младшим, и мне просто повезло: учебники мне достались от старшего брата какой-то родственницы. А Митя брал их у меня, брал, отдавал, снова брал... А я забывал вынимать из учебника, скажем, Виленкина, листки, вырванные из общей тетрадки, на которых я рисовал тётки.

Я делал это несознательно — в смысле забывал рисунки в учебнике, который давал Мите, и когда Митя в первый раз сказал мне об этом, я покраснел.

Но в следующий раз — не сразу, а через месяц или через два, — Митя снова, сделав над собой некоторое усилие, сказал, что из учебника выпало *нечто*. И даже спросил: я что, специально ему это подсовываю? Он сказал, что у него собрался уже целый ворох, он не знает, отдавать их мне, или что, или куда? У него мама врач, и он, слава богу, насмотрелся в медицинских энциклопедиях, так что вовсе не нуждается... в моём ликбезе.

Увидев мой ошеломлённый взгляд, он сказал: «Ну потому что... Есть же предел рассеянности. Так можно вообще...» — он не договорил, что можно вообще... А я не переспрашивал.

У меня, конечно же, такого и в мыслях не было — специально подсовывать Мите этих синюшных тёток без лиц...

Кстати, много лет спустя случайно забредя с одной знакомой в школу ваяния, я единственный раз в жизни попробовал порисовать обнажёнку, и все были удивлены, рассматривая мои первые (и последние — вплоть до сегодняшнего дня) опыты, — удивлены тому, что я умудрился достаточно подробно прорисовать черты лица тётки на каждом наброске...

Натурщица меняла позы часто: видимо, это входило в условия задачи, поставленной перед студентами в тот день, — буквально каждые две-три минуты, и в итоге я уходил оттуда с целым ворохом листов, на каждом из которых женщина была изображена с лицом, — за исключением разве что тех редких случаев, когда она его отворачивала...

Она была не совсем молодой, но очень ещё гибкой женщиной, а некоторые из её поз были, по сути, асанами — «полупоза царя рыб» и что-то в таком духе...

А на моих пубертатных рисунках всё было наоборот: все проекции тёток были без лиц, при том, что они не всегда были такими минималистскими, как, скажем, «Неприличные мысли» Трэйси Эмин, и рисовал я их ровно столько — по времени, сколько — через десять лет — живую натурщицу...

Просто все две минуты уходили на прорисовывание других частей тела...

А лицо вообще ведь частью тела не является, недаром никто, кроме меня, — из рисовавших натуру — лиц не ри-

совал, вот их рисунки и напомнили мне наброски, предательски выпадавшие когда-то из учебников, только формат у листов в художественном институте был, конечно, побольше...

Я не мог поверить Мите: мне казалось, что если даже я машинально нарисовал очередную тётку, — я мог думать в тот момент о доказательстве какой-то теоремы... Я всё равно — каждый раз уничтожал листок, это было просто поразительно — как они могли снова выплыть наружу, как будто они там саморазмножаются...

Когда Митя сказал мне об этом третий раз, я сердито ответил: «Ты врёшь! Этого не может быть», — он молча пожал плечами, а когда я дома открыл учебник и осторожно, чтобы он совсем уже не распался, потряс над столом, из него выпал очередной, как говорят на других языках, «акт».

Но не думаю, что это как-то омрачило нашу дружбу: Митя очень хорошо рисовал ручкой комиксы, и я уверен, что, кроме того, он рисовал и не менее неприличные рисунки, чем я, — просто, не страдая преждевременным склерозом, не давал своим чертежам будущего гулять за пределами своей жилплощади...

Я вспомнил об этом, наверно, потому, что эксцесс, свидетелями которого мы с Митей стали в моём подъезде, был одновременно либидозным, как мои «акты», и гротескным, как Митины, нарисованные той же синей ампулкой, комиксы, — только тут вместо кадров были этажи, лифт не работал и мы шли пешком... Пока на одном не увидели

странное существо... в котором даже я не сразу опознал Картона.

То есть Митя его вообще не знал, он видел его в тот момент в первый и последний раз в своей жизни, но я тоже, признаюсь, сначала подумал, что это кто-то к нам залетел из Золотой Орды, или Соловей из экранизации сказки — рухнул с дуба... Но точно не помню, что я тогда успел подумать, — пока через секунду не понял, что это Картон.

Он рвался в квартиру девушек, которые жили на четвёртом этаже и вроде бы были кухнями, ци вроде... Работали в универмаге, статные, крепкие, в высоких сапогах, с длинными волосами и ярко крашенными лицами... Они его не пускали, Картон ломал дверь, на груди и на животе у него были красные полосы, оставленные когтями оборонявшихся тигриц, — впрочем, может быть, в ход перед этим шли и столовые приборы, и кипящее масло — и кровь капала на пол, но Картон уже не обращал на это внимания... Он был голый наполовину — под распахнутым тулупчиком, а так в каких-то всё-таки штанишках... Огромные чёрные глаза его были совершенно безумны, а из горла доносился рёв... который я слышал лишь однажды — когда сумасшедшего по ошибке доставили не в пятнадцатую, а в четвёртую «неотложку», где я лежал в тот момент... И когда он вышел в коридор, вынув откуда-то — спрятал под одежду, не проверили, ну, я не знаю, как он его пронёс, но это был самый что ни на есть — ТОПОР... в коридоре «неотложки» подул ураганный ветер, которым стало сдувать всех: ходячих, лежащих, пациентов, врачей, — как сейчас помню эту толпу,

как будто вырывавшуюся изо рта двухметрового детины, пока не подоспели санитары другой больницы.

Но хватит уже этой... топорной поножовщины, подножной литературщины... Я хотел только сказать, что вот так же примерно ревел Картон, только — вертикально, и Митю сдуло по лестнице — вниз...

Увидев нас, Картон было шатнулся, оскалившись, но в последний момент всё же узнал меня и махнул рукой, брызгая кровью: мол, проходите...

Не работал лифт, поэтому мы шли пешком и увидели на четвёртом этаже... как Картон собирался с новыми силами, чтобы проломить дверь, он пытался разогнаться — поэтому и появился справа от нас... Сёстры жили в двухкомнатной квартире, их дверь была сбоку, а не в торце, так что как следует разогнаться Картону было трудно...

Митя весь побелел, быстро сказал «я пошёл», но пошёл — это не то слово... Его сдуло, и больше в мой подъезд он не зашёл ни разу в жизни. То есть все два — или полтора — года, сколько нам ещё предстояло проучиться в школе, я иногда звал Митю в гости, успевая забыть, с чем ассоциируется у него мой дом...

Он всегда отвечал «нет уж, лучше вы к нам»... Он не пришёл даже на мой день рождения.

При том, что Митя был мальчиком совсем не робкого десятка...

Чему свидетельством хотя бы то, что после окончания школы он поступил в военное училище, стал кадровым офицером... И потом, или точнее, раньше — была ещё сцена

«из жизни Москалёвки», в которой Митя показал себя молодцом...

Но если всё-таки попытаться восстановить то мгновение на основании нескольких слов, которые Митя впоследствии проговорил, выглядело для него всё это примерно так...

Мите показалось, что рёв Картона вызвал лавину, и уже сыплются с крыши гудрон и чернозём, а из стен выпадают куски бетона (это не красные словца и не «названия картин»... стены подъезда на первом этаже были дырявыми, из них выпали целые фрагменты, сквозь провалы виднелись ржавые баки, в которые падал мусор, пролетая по трубе... Хотя вряд ли, я думаю, баки были видны в тот момент: было поздно, а света на первом почти никогда не было — он падал сверху, как и мусор, и долетал до дна совсем тусклый... Провалы же в стенах на первом этаже образовались, конечно, не от рёва Картона — они появились раньше, но Мите могло показаться, что распадается вся железобетонная реальность, потому что он, хоть и бывал у меня в гостях, мог этого не замечать — повторяю, подъезд, по его словам, предстал перед ним в тот момент в другом свете... И эти стены бело-зелёные, которые мы вроде бы знали как облупленные... Краска с них давно уже большей частью посыпалась, но сквозных пробоин выше не было, как на первом, однако было ощущение, что *всё* сейчас посыплется), и завалит вход, и мы окажемся замурованными вместе с Картоном. Вот из такой перспективы Митя и поспешил выбежать наружу (и мы, и мы тоже сейчас же за ним последуем, читатель) и больше в мой подъезд не заходил никогда. Все мои уверения, что Картон мотает очередной

срок в тысячах километров от нас, Митю не убеждали. Тут можно было бы напомнить читателю предыдущие геометрические измышления о скайлайне жилого массива, аппроксимирующего несуществующую окружность, о наложении внутренних многоугольников на... Да, может быть, всё это надо было бы немножко ещё уточнить на бумаге... Но вроде и так уже ясно. Скажу ещё только, что мне понять эту явную неадекватность — Митину — помогала моя собственная... Достаточно сказать, что я перевёлся в физматшколу вовсе не из любви к математике — как я объяснил свой порыв родителям... Но я ведь и об этом уже, кажется, успел порассказать... Всё, тут на самом деле заканчивается затянувшаяся... ретроретроспектива... И, соответственно, несуществующая временная форма — прошлое в прошлом, вот именно так, без кавычек.

4. КОДЕКС ПАРАШЮТИСТА

В квартиру-ловушку мы заглянули ещё только раз и никаких следов Картона, да и вообще людей, в ней не обнаружили. Игорь Антонович проверял какие-то ниточки — или даже волоски — и был разочарован.

Всё же он решил ещё проверить всё в комнатах, так сказать, на макроуровне, а я тем временем, как бы от нечего делать, созерцал балкон, который выглядел так, что на него вовсе не хотелось ступить ногой, а тем более двумя. И дело не в том, что он был грязный и заставленный табуретками разной величины, необструганными досками и лыжами, ёлочными крестами, шестернями и кастрюлями, полными

помоев, — всё это были мелочи... По сравнению с тем, что балкон в любую секунду мог рухнуть.

Может быть, так казалось из-за стёкол, которые на него навесили, — то ли рамы так разохлись, то ли это был изначально неудачный проект, только теперь эти ветряные стёкла висели за балконом, на некотором расстоянии, как бы в воздухе, и при этом они были сильно наклонены влево относительно вертикальной оси...

Все они были треснутыми, из некоторых уже выпали куски, так что вид был довольно-таки зловещий: по газонам не ходить, век свободы не видеть, в трюмо тюрьмы — не смотреть, — бормотал я свой отворот...

Осторожно ступив всё же на балкон, я, то есть, подумал: какой знак я могу оставить Картону?

Там ещё стояли на табуретках трёхлитровые банки, сверху накрытые розовыми перчатками...

Разве что поставить одну табуретку на другую, — подумал я, — так, чтобы снизу видна была красная пятерня...

Можно было бы сделать, если бы все они не лопнули... Я снял одну перчатку с банки, с плохо осознаваемой целью — прилепить, что ли, к стеклу... Где-то в таких местах обязательно должен быть засохший тюбик с «моментом»... Хотя ветер сорвёт всё равно, вместе со стеклом, или следователь первый заметит... Да он уже заметил, что я снял перчатку, и нервно подошёл к балконной двери.

— Давайте попробуем наливочку, — сказал я.

Он покрутил пальцем у виска.

«Ладно, Картон — не Плейшнер, и всё равно не предупредён, — подумал я, — да и профессор не усмотрел, не

заметил... Сбросить, что ли, цветок... Пока дворник уберёт... Да нет, кто знает, когда он появится, а горшок ещё прибьёт кого-нибудь, с моим счастьем...»

— Шутка, — сказал я, — там всё уже давно испарилось.

И в самом деле, наливки успели превратиться даже не в уксус, а чёрт знает во что, грязноватый налёт на стекле, потому четыре пятерни, голосовавшие когда-то «за», безвольно опали, скомкались...

Больше Игорь Антонович не уделял балкону внимания; он не только на него не выходил, но вообще не смотрел в ту сторону, как будто и не было там за окном никакого балкона, а за ним — ещё одного, висящего в воздухе — окна...

Зато он и в этот раз отворачивал матрас, шарил в деревянных развалинах, которые язык не поворачивался назвать мебелью, — не забираясь, впрочем, в их глубины, нервно ходил на кухню, возвращался и молча разглядывал корешки книг в перекошенном шкафу.

Книг было довольно-таки много, в основном классика в серых, коричневых обложках... Но что шкаф был перекошенный, я теперь уже не уверен: может быть, просто книги там так стояли, наклонившись, а то, что я перед этим довольно долго созерцал висящие за балконом наклонные стёкла... создавало такой странный поворот мысли, которую и мыслью-то трудно было бы назвать... Скорее, объективно там что-то было... инфлексия такая... И оттого ощущение, что находишься... не в комнате кривых зеркал — как обычно... А внутри калейдоскопа, как бы это ни было пошло... Причём тут я вспомнил и другую квартиру — похожую

на эту степень трущобности... Она была не в панельном доме, но в каком-то смысле... и «панельном», там то есть можно было снять квартиру почасово... Но я снял на несколько дней — на сколько хватило неожиданной премии... «Меблированные комнаты» — так литературно это называлось в объявлении... Мелированные волосы, мебели... Мело, мело... Но всё это явно не из той повести, *thisisnotalovesong*... Я только вспомнил — стоя совсем в другой квартире и глядя на похожую, — если мне только память не изменяла, кровать... что тахта там распадалась каждый раз на части, и потом я их сколачивал заново, кулаком, непрочно... Я шарил там в поисках молотка, но не находил его нигде — там вообще ничего не было, никаких инструментов, посуды... но при этом в одной из тумбочек без лицевой крышки выдвижного ящичка я нашёл оптический... Язык почему-то не поворачивается повторить это слово, слишком оно заезженное, да... Не манометр, нет, который можно положить на живот подруги, чтобы узнать... Но калейдоскоп... Который можно разве что засунуть в неё... Но мы не дошли до таких из-вращений — времени было мало, да и темно бы там было... для освещения витража — это же только кажется, что вульва, распаяясь, светится пурпурным светом...

И вот, стоя посреди хлама другой квартиры — где ждали Картона и где была странная инфлексия, — круговорот стекла в природе... сделался здесь отчего-то зримым... Почему я и подумал, что это логово находилось внутри... Нет, не влагилица, а вот именно — калейдоскопа, и поэтому так наклонены все стёкла... что они медленно вращаются — очень

медленно, так что движение их для простых смертных незаметно...

Я закрыл глаза и вспомнил, как я лежал в той, другой квартире, в изнеможении, в абсолютном нигде, потому что даже номера той квартиры не было на табличке, висевшей над входом в подъезд...

А та, из-за которой я снял это нежильё, упорхнула на работу, и вот я лежу полчаса, битый час, поворачивая калейдоскоп, и вместе с его цветными поворачиваются битые стёкла, нависшие на балконе, и все эти банки, и склянки, и стёкла книжного шкафа, и кружочки пенсне... И вдруг я слышу звон разбитого стекла — это балконные стёкла совершают наконец свой оборот...

Может быть, я даже уснул на одно мгновение, уже в машине...

«Пойдём», — сказал Игорь Антонович, и мы с ним спустились на лифте, в очередной раз сели в «жигуль» и медленно поехали по узким серым улицам, похожим на систему пересохших каналов.

Паузы были — мы что-то жевали.

Всухомятку, потому что Игорь Антонович на рабочем месте не мог пить пиво, которое лилось, продавалось то есть, на разлив в одной из щелей катакомбного «торгового центра», расположенного в сердцевине микрорайона, как будто это была его модель, несколько уменьшенная и уплотнённая: микро-микро-район...

О чём я думал все эти три часа, глядя на бетон, который был как-то удивительно сер, даже по сравнению с моим районом... я уже, конечно, не вспомню...

Но вполне вероятно, что я как раз и думал о том, почему мой район не такой серый, — не только благодаря деревьям...

Я мог, например, вспомнить, что мой дед десятилетиями писал письма во все инстанции, вплоть до ЦК КПСС.

Нет, он не просил покрасить наш микрорайон в более жизнерадостные тона, чтобы жить стало веселее... но так получилось.

Хотя дед писал конкретно о воде. Потому что, с одной стороны, к нам не поступала горячая вода — из-за того, что подавалась под слишком слабым напором, и на первых этажах поэтому была всегда (за исключением тех периодов, далеко не только летних, когда её выключали во всём Салтовском жилмассиве или даже в целом Харькове — чтобы уже никому не обидно), а к нам не поднималась почти никогда.

С другой стороны, в сезоны дождей нас не то чтобы заливало, как соседей с последнего этажа, которые жили над нами... К нам в квартиру вода просачивалась не сверху, а сквозь фасад здания, рисовала на стенах комнат, в углах этакие тёмные акварели... Необходимо было «заделать стыки» — об этом дед мой и писал во все инстанции, пока лет через двадцать откуда-то не прислали машину, люльки, рабочих, и они покрасили стыки зелёной, как бы подчеркнув этим блочную конструкцию дома, — он теперь стал «в клеточку», но, в общем, оставался тогда ещё таким же, как был, пасмурно-серым... Протекать дом от этой зелёной сетки (кажется, так ещё лечили тогда от простуд или ещё от чего-то, был такой метод — только йодом, рисовали сетку

на спине) стал немного меньше, вот только я не помню, застал ли эту радость мой дед, был ли он тогда ещё жив.

А потом наш дом покрасили зелёной краской уже весь... Кроме, разумеется, окон.

И вот эту монументальную живопись мой дед уже не увидел...

Какое-то время он был один такой, наш дом, а потом его примеру последовали некоторые другие... А если учесть, что там у нас — в микрорайоне — много было посажено живой зелени, в смысле флоры, изначально, можно согласиться, что, несмотря на общий план застройки, архитектуру — если это можно назвать архитектурой... микрорайон, по которому три дня подряд елозила машина Игоря Антоновича, и мой родной микрорайон — две совершенно разных конкретики... После чего уместно было бы мне вспомнить, что слово «бетон» по-английски — это «concrete», что я, кажется, и сделал, причём вслух, потому что Игорь Антонович спросил меня:

— Скажи... А как ты думаешь, нормальный человек может во взрослом возрасте выучить английский?

— Конечно, — сказал я, — например, N (и я назвал фамилию одного известного в городе общественного деятеля) выучил на курсах, говорит свободно, читает в оригинале.

— Нет, ну я же сказал: нормальный человек, — скривился Игорь Антонович, — ладно, это я так, абстрактно...

Через несколько дней я сидел в кафетерии общежития инженерно-экономического института со своим бывшим коллегой и рассказывал об отработке в милиции, которая,

по моим словам, была похожа на чистое безумие... Я показывал рукой в воздухе круги, которые мы со следователем наматывали в вязкой необитаемой среде... Пока Аркадий сардонически не подытожил мой отчёт словами: «Что наша жизнь... как не бетономешалка».

Аркадий к тому моменту давно уже был корреспондентом местной газеты, точнее нескольких газет.

Он, по-моему, родился *литератором* и, работая в институте, писал романы, стихотворения в прозе и т. д. Что-то издавалось в гомеопатических дозах, в периодике...

Разговаривая с ним в кафетерии «Инжэка», я напомнил ему и такой эпизод: мы пошли с ним во время перерыва в необитаемый скверик на Клочковской...

Наверное, это всё-таки было после работы, потому что Арканоид купил бутылку портвейна, ну да, и я ещё подумал: не собственное ли это его признание, что без поллитры...

Он на самом деле писал — по крайней мере, тогда — довольно «интенсивную», как теперь говорят, литру...

А пили мы без закуски, зато с культурной, значит, программой: Арканоид взял с собой рулон с распечаткой, с одной стороны которой был его код на коболе, а на другой — кусок его же нетленки... Потихоньку отматывая сей свиток, он читал мне своё оповидання вслух...

Бутылка была уже пуста, когда из-под земли возник милиционер.

Маленький, тщедушный, с длинным нездоровым лицом, без фуражки... К тому же он казался сильно пьяным, хотя от него и не пахло... Он сел рядом с нами на скамью, приподнял

с земли пустую бутылку, предъявил её нам, поставил обратно и стал интенсивно шевелить двумя пальцами.

— В чём дело? — сказал Аркадий.

— Нехорошо, — сказал милиционер, — распиваете спиртное в общественном месте.

— Это не наша бутылка! — сказал Аркадий. — Она стояла здесь, когда мы сели. А сели мы здесь, чтобы поработать. Вы что, не видите, что мы работаем? — И он показал милиционеру рулон, который успел свернуться таким образом, что там теперь действительно было видно только: «IDENTIFICATIONDIVISION... DATA DIVISION... ADD A_FIRST TO B_LAST... MOVE TRAKT TO AT...»

— Я слышал, — сказал милиционер, — что вы не это читали. Это что, ребятки, и есть ваша работа?

— Да, это наша работа!

— А вы позволите? — сказал милиционер, протягивая руку к распечатке.

Я помню, что Аркадий, поколебавшись, дал ему рулон и с интересом стал следить, как милиционер читает, перемаывая, его рассказ...

— А вот тут у вас, ребята, порнография, — сказал милиционер, ткнув в распечатку пальцем... После чего вернул рулон Аркадию, стыдливо отвернулся и двумя пальцами — большим и указательным — стал повторять для особо тупых или глухонемых: «гроши, гроши...»

Впрочем, не совсем бесшумно: слышался шорох от трения пальцев.

Но мы делали вид, что не слышим и вообще не понимаем, о чём речь...

И пошелестев так минуту-другую, милиционер сказал «ну что за люди», вздохнул обречённо, махнул рукой и... исчез, да-да — как бледно-голубой мотылёк, присевший на скамейку, растворился в весеннем воздухе...

Вот об этом эпизоде я теперь напомнил Аркадию, чтобы добавить:

— До вчерашнего дня это был единственный в моей жизни контакт с милицией.

— Ангел, — кивнул Аркадий и молча закурил папироску.

Перед этим я рассказал ему, на какой отработке побывал, и Аркадий не то чтобы возмутился... Но сильно, скажем так, стал недоумевать: как я мог?!

Сначала я подумал, что он шутит, но вскоре понял, что Дебаркадер, странным образом, серьёзен как никогда... А потом он стал нести какую-то полную пургу: я, мол, предпочёл честному, хоть и малоприятному, физическому труду взаимодействие с карательными органами...

В очень герметичном подвале общежития «Инжэка», где мы сидели в тот момент в маленьком кафетерии, повеяло вдруг ветром с *Архипелага*... Я не преувеличиваю, куда: Аркадий в какой-то момент стал буквально цитировать... Он напомнил мне, что в городе, где мы с ним проживаем, работал тот самый начальник местного ЧК, который спускал с живых людей кожу и ещё много чего вытворял...

— Какое отношение имеет Саенко — или там... К сегодняшней милиции? — удивился я.

— Прямое, — сказал Аркадий, — ты что, маленький мальчик? Ну скажи спасибо, что на себе не испытал, но ты

же не мог не слышать, что представляет собой эта милиция... То же гестапо, в чистом виде.

— Погоди-погоди, только что это было ЧК?

— А какая разница? Что там перчатки, а там — абажуры?

— Нет-нет, ты погоди... Уж давай остановимся на чём-то одном. И тогда я тебе скажу... Что, во-первых, как нас в школе учили, белые были тоже звери, господа звёзды на груди вырезали, не забыл? И вообще, если так рассуждать, тогда все имеют к этому отношение без исключения, кто здесь продолжает после этого жить как ни в чём не бывало... А некоторые ещё и писать стихи.

— При чём тут Адорно...

— А при чём тут гестапо? Тебе не кажется, что это перебор? Не в том смысле, что что-то лучше, что-то хуже...

— Ты прав, наверно... Но если бы ты знал то, что я знаю... Я бы посмотрел на тебя тогда.

После этого я посмотрел на Аркадия, который знал то, что я не знаю... В бытность его в НИИ борода была короткой, но за время его свободного журнализма отросла так, что он едва не превратился в двойника человека, которого я встречаю в городе с раннего детства: очки с сильным увеличением, соответственно огромные глаза, жухлая львиная грива... Я называю его тайным архивариусом, хотя я понятия не имею, кто это такой...

И ещё два слова о его переходе... Аркадий вообще-то ушёл из института в никуда, в пропасть — не на радио и не в газету, а вот именно писать опус-магнум... Мы виделись с ним нечасто, он полгода жил уже на вольных хлебах, то есть

буквально: стреляя при случае у знакомых 20 коп. на батон, а на дворе было что-то вроде перестройки, и вот я помню, что когда я заглянул к нему, он, покосившись, заметил, что в сумке у меня лежит свежая газета. Кажется, это были «Московские новости». Он спросил, поморщившись, как будто у меня там лежал кусок тухлой колбасы, — как можно читать газеты? Таким тоном, которым Сван говорил: «...я бы ещё понял, если бы там ежедневно публиковали мысли Паскаля...» — или Цветаева с её «...жеватели мастик, читатели газет...» — таким, то есть, примерно тоном... Я пожал плечами и сказал: можно, мне интересно. «Не понимаю», — сказал Аркадий, и... я чуть было не начал оправдываться.

А потом мы как-то шли с ним по городу и встретили на Сумской моего приятеля Кирилла, который уже к тому времени стал «очень важным человеком». Да нет, почему — без кавычек.

Он взял координаты Аркадия и устроил его на какой-то новый канал местного радио, чтобы старик не голодал по крайней мере.

Тогда они только начали появляться, лицензии, каналы, всё делалось с нуля, и Аркадия взяли этакой «радионяней» к новому дитяти, чтобы он сделал новостную программу.

Я посочувствовал, когда узнал об этом, подумав: какая всё-таки ирония: *ausgerechnet*¹ Аркадий, который не может видеть газет...

Но когда я через месяц зашёл к нему в гости, Аркадий ни о чём, кроме новостей, просто не мог говорить. То есть

---

¹ Вот как раз, вот именно (*нем.*).

все мои попытки «переключить канал» — я пытался завести разговор о его прозе или о своей прозе, которую я ведь и начал писать с его лёгкой руки, вообще — о чём-то помимо текучки... Но безуспешно! Всё это вызывало у него только короткий смешок, он отмахивался и снова, как заведённый, начинал вещать о выборах, о заседании у губернатора, о новых законах кооперации и т. п.

И я, собственно, вовсе не затем это припомнил, чтобы подмигнуть читателю: мол, где наша мудрость, которую мы поменяли на знания, где наши знания, которые мы поменяли на информацию... Нет-нет, я всё это вспомнил только из-за того, что с Аркадием метаморфоза произошла как-то слишком уж быстро... Не по-человечески. Вот как тумблер щёлкнул — и передо мной предстал совершенно новый Аркадий, постиндустриальный, информационный, — какой угодно, но только не прежний Арканойд, который писал в тетрадочку в клеточку свои эпифании и от вида газеты морщился так, что она сразу же тоже начинала морщиться — газета-газета...

Стало быть, борода у него была всегда табачного цвета, но почему-то сигарки без фильтра только теперь казались мне подожжёнными и выдернутыми клочьями всё той же бороды...

Точно так же, как и кофе «по-турецки», который бармен варил прямо за стойкой и который во рту производил впечатление густой песчаной взвеси... возможно, и был тем самым песком, в котором елозили железные турки — как напёрстки напёрсточника, при этом я ни разу не видел, как бармен насыпает в них кофе, — зато мне казалось, что я

заметил, как он набирает в них песок, как совочком в песочнице, быстро так, раз-раз...

Впрочем, в подвальчике было темно, в этом было всё дело... Хотя никакой это был и не подвальчик, если уж вспоминать подробно, — кафе располагалось на первом этаже общежития, и я теперь уже не знаю, почему там было так темно: то ли окон вообще не было, то ли их чем-то наглухо заколотили для создания атмосферы, характерной для харьковских кофеен... Полумрак был такой же непреложной их составляющей, как кофе «по-турецки» и жареный арахис в лёгких пластмассовых вазочках, к концу беседы обычно полностью заполненных шелухой...

В одном подвале на Пушкинском въезде — там на самом деле был подвал-как-подвал, винтовая лесенка сразу вела резко вниз... Так вот, мало того, что все гранёные стаканы там были выкрашены снизу синей краской, — так ещё и чайные ложечки были все продырявлены... Зачем? А чтоб не украли — вам же не нужна дырявая ложка... Причём это было не их ноу-хау, я не помню, у кого — у Довлатова? не помню точно, у кого — описаны такие же ложечки с дырочками и то, как иностранец, приехавший в Союз, ничему особо не удивлялся, пока не увидел эти ложечки... Вот они его просто-таки ввергли в ступор. После чего он быстро собрал чемодан и уехал, сказав напоследок что-то вроде того, что «в стране, где специально делают дырки в ложках, может произойти всё что угодно»...

— Ладно, я тебе объясню, в чём дело, — вздохнул Аркадий, — чтобы ты не думал, что я сумасшедший. Знаешь это новое словечко — демшиза?

— Нет, не знаю. Но ты можешь мне ничего не объяснять, — сказал я, подумав про себя, что «тайный архивариус», которого я встречаю в городе с детства, в свою очередь похож на старика, изображённого на некоторых конвертах Jethro Tull... Хотя у того нет очков, но это неважно, образ тот же... Плюс стёкла с огромным плюсом, плюс как бы это сказать... глазное давление, но направленное вовне, — а это уже делает обоих, или сколько их там теперь, похожими на самого Яна Андерсона...

— Нет уж, послушай, — сказал Аркадий. — А то ты думаешь, что это у меня такой антименталитет, — как тебе, кстати, такой неологизм?

— Никак, — пожал я плечами, — не люблю сам корень.

— Ах, ты не любишь... А «мусор» для тебя лучше?

— Я не знаю, мне всё равно, по правде говоря.

— Да? Какие мы... Ну так вот: некоторое время назад я попытался провести журналистское расследование. В редакцию сообщили, что на мусорке — одной из самых больших в городе... на свалке то есть, найдены три трупа с целлофановыми кульками на головах.

— Какой-то ужас... И что, все с кулками?

— Да, представь себе.

— Что ж там за клей такой был у них...

— Клей? Люди видели, что их накануне забирали в милицию. А там, да будет тебе известно, широко практикуется в числе прочих и такой метод... допроса с пристрастием. То есть, может, и не специально — их убивали, может быть, просто сердце не выдержало.

— Сразу у троих? Нет, так не бывает. Разве что там был какой-то практикант...

— Не смешно.

— Ты уверен, что их задушили именно в милиции?

— Теперь да. Уверен. И я тебе скажу почему. Как только я начал наводить справки, нам позвонили из управления МВД и сказали моему шефу, что у них есть достоверная информация. О том, что у нас кто-то — цитирую дословно: «чирикает». И этот кто-то, как ты понимаешь, — я. Шеф запретил мне заниматься этим «материалом». Всё, больше я не хочу сейчас ни слова говорить, я рассказал это тебе только для того, чтобы ты не думал, что я псих.

— А кто не псих... А кто были эти люди?

— Никто. Бомжи. Может, чего-то видели лишнего или услышали случайно — я не знаю. Просто теперь ты понимаешь, почему меня так колотит... Скажем так: удивил меня твой юмористический рассказ об отработке, Витя.

— Да почему же юмористический...

— ...знаешь, я даже готов допустить — абстрактно, — что они нужны.

— Кто?

— Менты. Что кто-то, в принципе, ну должен ловить этих воришек, бытовых и бескорыстных убийц...

— А корыстных?

— Тех всё равно никто не ловит... Но просто всё это меркнет по сравнению с трупами ни в чём не повинных людей... С целлофановыми кулками... Времена не меняются — всё только на поверхности, понимаешь?

— Гулаг-архипелаг, яволь... Ну, не знаю. По крайней мере, кожу с людей не спускают. А наоборот, как видишь,

надевают на них ещё одну, прозрачную... Отчего они, правда, задыхаются... Исход то есть один, но разница всё же есть, согласишься. Таким образом, прогресс налицо... целлофан, полиэтилен, эпителии, этил...

— Остановись! И я тебе поведаю... ещё кое-что. Но сначала скажи: когда тебя туда посылали, ты пробовал найти отмазку? У тебя что, не было вот этих мыслей — что ты будешь пожимать руки и работать бок о бок с садистами и убийцами?

— Ты меня уже спрашивал. Если честно, то нет. Вот если бы всё это произошло в обратной последовательности: сначала разговор с тобой, а потом направление на отработку... Тогда наверняка. Так что можешь считать, что одному человеку ты... прожёл глаголом целлофан.

— Целку. В мозгу.

— Ну, это грубо, ты же у нас представитель изящной словесности... А что шеф запретил тебе писать об этом... Так я ему за это благодарен. Потому что иначе там мог бы появиться четвёртый труп, мне бы это было тяжело перенести...

— Они решили пойти другим путём... Я провёл сутки в камере... хранения, блядь, у меня даже очки забрали.

— Ты был в камере?!

— Да. Меня объявили подозреваемым в том самом преступлении, в котором я пытался обвинить их...

— Пытался обвинить, тоже мне дон... бросился не на мельницу, а на мясорубку... Но на каком основании они тебя...

— А вот именно изящной словесности... Которая, по правде говоря, была не такой уж изящной... Но и не такой, согласишься, чтобы за неё сажать в камеру...

— Аркадий, раз уж начал — говори, к чему эти загадки...

— Да всё очень просто... У меня был когда-то такой этюд из цикла «Тайная жизнь клавесина», опубликованного в альманахе «Пятихатки», там описывалось как бы бытовое убийство с помощью кулька... А в милиции нашёлся какой-то читающий чин, даже пишущий — стихи, публикует он их под псевдонимом... Который это вспомнил и попробовал пришить к делу, понимаешь?

— Против тебя возбуждено дело?

— Нет, потому что, отсидев в камере сутки и выслушав их — пусть и бредовое, но им-то можно бредить наяву, не правда ли... Выслушав их инверсию моего обвинения, я пообещал им впредь никогда больше не «чирикать» — после чего меня выпустили... Как щегла, блядь, весной, у меня жили в детстве щеглы, и весной я сам их из клетки выпускал...

— М-да. Нам не дано предугадать... Чем наше слово обернётся...

— Скажи ещё, что не воробей... А вообще — не надо больше банальностей. Хватит, наслушался... Чин, кстати, передал мне записку — через своего подчинённого. Где была цитата, выписанная им из Гёте: «У людей, которые не пишут, есть одно преимущество: они себя не компрометируют». Каково?

— Ну что, вполне мефистофельское чувство юмора... Надо его стихи почитать?

— Нет, не надо.

— Ясно. Осталось только ещё, чтобы это был тот же самый твой рассказ, который ты мне читал в скверике...

Чтобы понять, что менты — это на самом деле такие фотороботы, точнее, роботы с фотоэлементами, раз увидел — и всё, фотографическая память...

— Да нет, генерал сам прочёл, сам вспомнил, говорю тебе: он поэт, так что интересуется не по роду деятельности... Нет, я помню, что тогда тебе не это читал, распечатывал, но альманах я тебе дарил потом, подписывал, так что если покопаешься в своих завалах, найдёшь¹.

---

¹ Я и в самом деле впоследствии нашёл истрёпанный альманах, так что переносу сюда текст целиком: из цикла «Тайная жизнь клавирина», рассказ «Варя», автор Аркадий Карпенко.

«Где он грязный? — громко сказала жена и выхватила у Большакова кулёк. — Покажи мне, где он грязный?» Большаков промолчал. На кульке там и сям были чёрные точки — в нём раньше лежали овощи. Варя швырнула кулёк в Большакова через кухонный стол, но тот не долетел: прежде чем упасть, повисел в воздухе медузой. При этом в нём мелькнул жёлтый отсвет, и Большаков вспомнил, как они познакомились: поздним осенним вечером в скверике возле Вечного огня. Варя боялась подходить близко к пламени, хотя она дрожала от холода.

Когда Большаков заговорил с ней, она схватила его за рукав и увела в сторону, а потом вниз, по Бурсацкому спуску, где на ступеньках, снизу перехватив его взгляд, сказала: «Страшно?» Большаков тогда её не понял, а теперь, когда снова увидел эту картину: удивительно чёрная и живущая собственной жизнью рука, мёртвой хваткой впившаяся в его светлую куртку... Он отчасти понял, что Варя тогда *имела в виду*... «Мне самой страшно», — призналась она, глядя на собственную руку в кожаной перчатке... Большаков всё это забыл, и только сейчас — когда оно снова встало перед глазами — вспомнил, подумав почему-то, что человеческие руки — странные существа с хоботами, которые во время тихого часа бегают, бодаясь, поверх одеяла, как того и требует воспитательница. «„Чёрная рука“, в пионерлагере, — ну да, конечно, точно...» Большаков поднял со стола грязный, с его точки зрения, целлофановый кулёк от завтрака, который Варя давеча собирала ему на работу, и быстро надел ей на голову.

— Если меня снова отправят на эту отработку, — сказал я, — я спрошу следователя поподробнее...

— О чём?! Спросишь его, не душит ли он людей, надев кулёк им на голову?

— Да нет, это тебя заботят кульки... Прости, но такое впечатление, что ты через них лучше чувствуешь эту реальность... Ну, как фетишисты сквозь латекс — чужое тело... То, что в милиции убивают, ты ведь и так знал, как все, я думаю, — но вот именно эти кульки почему-то...

— Ты не прав — просто это попало непосредственно ко мне, так получилось... Ну всё, хватит об этом, пойдём.

Мы расплатились за два «маленьких двойных» и за арахис, Аркадий подхватил свою журналистскую сумку-через-плечо, и мы прошли сквозь очень узкий кафельный коридор-предбанник, в конце которого попали под холодный душ. Аркадий открыл зонтик, пожал мне руку и пошёл в какую-то редакцию, а я в другую сторону мимо длинного дома — который, по словам того же Аркадия, накануне стогрел, — бормоча про себя: «...что я — не смерть и ноль в сравнении с ней... я б разузнал, чем держится без клея... тра-та-та повесть на обрывках дней...» — я, то есть, это бормотал на ходу, не дом...

Не требовалось ничего рыть, потому что, катаясь в лесопарке на лыжах, Большаков случайно въехал в неприметный пролесок, где было множество чёрных ямок. Он не сразу понял, что это не кротовьи норы, а разрытые могилы немецких солдат. Так что теперь рыть не надо было. Лунки были неглубокие, но ведь и кулёк с тем, что почти год выдавало себя за Варю, был маленьким и легко поместился в одной из них, а немного земли, вперемешку со снегом, Большаков нагрёб рукой.

Сгоревший дом был одним из длинных чёрных домов, что стоят недалеко от Госпрома, построенные, что ли, для персонала. Ну, не весь сгорел — изнутри, а фасад остался.

Перед каждым подъездом стояло теперь нехитрое добро погорельцев: тюки, мешки, картины, ящики с книгами, этажерки...

Но мне вдруг показалось, что погорельцы сидят и за углом следующего дома, и дальше... что это вообще такие... статисты погорелого театра... времён апокалипсиса...

Видимо, они так естественно вписывались в контекст окружающей меня действительности, что я почувствовал... что если сейчас не выпью, могу и не выйти... из окружения.

На меня вот ещё что произвело впечатление: я вспомнил, что в этом доме (ну да, я там бывал, не буду сейчас описывать, я отчасти это уже и сделал... и вообще я чувствую, что пора закругляться, да) есть — или, по крайней мере, были квартиры, которые нигде не значились.

И не одна, и не две — а целый этаж неучтённых квартир, по крайней мере, над входом в каждый подъезд висела табличка: номера квартир с такой-то по такую-то, но на самом деле их было чуть ли не в два раза больше.

Вот за счёт чего: там был деревянный чердак — гигантская коммуналка, где, правда, у всех были отдельные ванна и туалет и на каждой двери висел свой номер... И почему тогда этих номеров не было над входом в подъезд? Я понятия не имею. Но только теперь мне казалось, что это жители того самого — неучтённого, последнего этажа, материализовавшиеся призраки, коллектив домовых, выкуранный из дома...

Одним словом, я понял, что выпить просто необходимо — хотя бы для того, чтобы окончательно не впасть в «то-этовство»... Потому что в обычном состоянии я-то ведь «этовтовец».

А теперь из меня — ну, или из моего альтер эго — могло получиться что-то уже даже не совсем кржижановское, ну, какой-нибудь этовтоатовэтовец... Или товэтоазтовтовец, но тут ведь уже было бы всё равно, что справа налево, что слева направо...

То есть это был уже явный забормот, и чтобы не оказаться одновременно и в повести и вне повести — за гранью добра и зла, так сказать... я попробовал придумать какой-нибудь свой — если не термин, то хотя бы образ — для того, что мелькало в чердачной памяти...

Сомнамбулические погорельцы, медленно бродившие по тем же своим квадратным метрам туда и сюда, но только уже без всяких стен, как голуби, или куры по газонам... очевидно, напомнили мне о состояниях сознания, когда всё вокруг предстаёт развёрткой мира, который перед этим сворачивался, иногда при этом можно успеть заметить, как он расправляется в одном — иногда в нескольких — местах...

Я никогда в жизни не обобщал этот опыт, и почему вдруг в этот раз я подумал, что жизнь, может быть, и есть не что иное, как... складывание парашюта?

Если неправильно сложить парашют, он не раскроется, и, соответственно, будет просто пшик... Поэтому и важна, наверно, каждая складка материи или сгиб души, вот что имел в виду Делёз... Хотя слова «парашют» я в его книге («Складка. Лейбниц и Барокко») не видел, что было даже

странно... Я набирал слово в поисковике — находясь внутри текста книги (вот здесь http://yanko.lib.ru/books/philosoph/deleuze=le_pli=leibniz_et_le_baroque=ann.htm) — и нет, не нашёл...

При этом я вспомнил, что складывать парашют нужно на чистой поверхности, — я когда-то читал инструкцию, где было написано: достаточно, чтобы маленький кусок нитки или какая-то крошка случайно попали между складками — и всё, парашют не раскроется...

Вот так, короче, я брёл по мягким газонам осеннего парка, или сада — Шевченко, — в то же время блукая по «ничейной области между наукой и литературой»... Только что покончив с перестановками букв, со всей этой товэтовской абэвэгэдэйкой, я теперь вспоминал, как по каналу ARTE шёл цикл «Философия от «А» до «Я» с Жилем Делёзом». Но не «Я», а вот именно — «Z», я помню, что «Z» у Делёза было очень странным: своим видом буква напоминала ему росчерк молнии, предшествующей зарождению жизни — или даже возникновению мира, просто росчерк... И это было странно, потому что до этого шли буквы как буквы и люди как люди, хотя... я вспоминаю, что были и до этого странности, скажем, «К» у него неожиданно оказалось не как «Kant», а как «Kafka»... Ничейная область, одним словом, что ещё от неё ожидать: как всегда, когда я случайно забредаю в неё, я испытывал теперь всё большее желание напиться... Может быть, потому ещё, что знал наверняка: за столом все эти мои метафизические потуги — в данном случае что у нас там было, стропы, тропы, и всё то, что за ними трепе-

щется... Ах да, складки материи — сгибы души — склады памяти — закрома родины... и кто здесь мир, и кто парашут... Вот именно: всё это плавно перешло бы в какой-нибудь старый анекдот о главном...

Ну, скажем, о человеке, который на вопрос другого парашютиста, почему он без парашюта, — они сидят вместе в отсеке самолёта, ожидая прыжка, и один другого спрашивает, и другой отвечает: «А мне так больше нравится».

Но это не весь анекдот.

Вторая сцена — это комната с большим окном, в котором видно бескрайнее голое поле, идёт собрание колхозного актива, выступает председатель: «Опять у нас засуха, самый депрессивный регион, колорадский жук заел, народ спивается...». И вдруг он что-то видит в окне, от чего хватается за голову и стонет: «И ко всему ещё этот идиот каждый месяц на наше поле падает».

Первоначально я думал зайти в «Затышок», но вдруг вспомнил, что его уже нет, и, пройдя сад Шевченко перпендикулярно и выйдя на Сумскую, я зашёл в «рюмочную», что между «Сквозняком» (который ещё существовал на момент повествования, но был закрыт по случаю поздней осени) и «Пирожковой» — которая есть и сейчас, и успел опрокинуть два раза по сто коньяку... Прежде чем услышал одобрителное:

— Вот и всё. И всех делов!

За соседним столиком сидел старичок с таким... разбойничьим огоньком в глазах, или это мне теперь так кажется, когда я уже знаю, что за старичок-боровичок то был...

— Да было б о чём говорить, — сказал я, махнув рукой на стакан: мол, для меня это капля в море, ерунда.

— Вот именно! — сказал старичок и оказался за моим столиком. — Вы знаете, кем я был во время войны?

— Ворошиловским стрелком, — сказал я.

— Угадали!

— Ну вот...

Я хотел было встать и уйти, но старичок не отставал:

— Но кем я работал после войны, вы ни в жисть не угадаете.

— Вы уверены? А если с трёх раз?

— Да хоть с тридцати трёх.

— Ментом?

— Да нет, не пытайтесь. Рабочее место моё было в обкоме. Но моей должности нигде не значилось, она была тайной, и я даже в ведомости не расписывался.

— А жили вы не в том доме, что за Госпромом? Он как раз сгорел на днях, этаж, который не значился... Ну ладно, рассказывайте, что вы за боец невидимого фронта, я сейчас принесу коньяк.

Я сходил за коньяком к стойке, вернулся со стаканами за столик и выслушал его историю.

Понятия не имею, заливал старик, чтобы ему наливали, — или это была правда-матка... Слушая его простой рассказ — который шёл по кругу с многочисленными повторами, — я в какой-то момент вспомнил своё краткое посещение литинститута и Битова, курившего там на лестничной клетке в окружении студентов, приговаривая: «И Ленин во мне, и Сталин во мне...»

Всё это было почти так же давно, как исповедь секретного стрелка в «рюмочной» на Сумской: Битов, садящийся после семинара в машину... Перед этим один из его студентов уверял меня, что это настолько многослойный человек, что давать ему свои рукописи бессмысленно, «он окружён таким количеством слоёв...» — и вот он после семинара как бы воочию подтверждал, надевая поверх пиджака кожаную куртку так, что пиджак под ней полностью исчез, — он так тщательно подобрал фалды, застегнул молнию, а потом и куртка исчезла в девятом слое — в «девятке», которую, в свою очередь, поглотил десятый слой — московский смог-туман, и остались только эти слова в облачке: «И Ленин во мне, и Сталин во мне...», такое вот матрёшечно-рюмочное воспоминание, ну да... Так и слышу его неторопливый голос — старичка из «рюмочной», — воркование, как будто бы тех самых голубей...

«...я сначала и сам не поверил, думал, шутят они так, или даже: не сон ли это? Ущипнул себя — вроде бы и не сон. «В день должно быть не меньше одного трупа птицы, — говорил мне сотрудник, проводивший инструктаж, — хотя бы не меньше одного трупа в два дня, орнитологи посчитали, как долго на них действует устрашение. Ну что вы на меня так смотрите? Вы понимаете, что мы не можем поставить там чучело, как в поле? И что же нам делать прикажете? Чтобы они гадили Ленину на голову? Вы представляете, как бы он выглядел через неделю. Вы этого хотите?..»

...и с тех пор я все годы смотрел на Ленина сквозь оптический прицел, ну прикинь... Ты мне, конечно, не веришь...» — После этих его слов, когда он начал меня убеж-

дать, как когда-то его самого в обкоме, что это не шутка, я представил, что старик сейчас достанет из сумки и передаст мне... эстафетную снайперскую винтовку.   ”

«...не веришь, да... Но ты подумай, почему Шевченко был весь заляпанный, а Ленин чистый, а? Никогда не задумывался? А ты подумай... Ты в Симферополе был, в скверике возле вокзала? Так вот, не Гоголь там, а именно что Ильич, но такой заляпанный, засранный... Что многие, как и ты, думают, что это гоголь-моголь... Но там он стоит под деревьями, на которых птицы устраивают свои съезды, — я как-то спал там на скамейке, точнее, не мог уснуть — так они там галдят, именно что над Лениным... А здесь обком не мог себе такого позволить, чтобы прямо в центре города... И позвали меня на эту тайную должность, понял... А потом я шёл, это всё ночью, конечно, оптика прекрасная, глушок... Шёл и подбирал тушку, а как же, специальные у меня были даже кулёчки для этого, выдавались...»

— О нет, — сказал я, — только не это...

И я, к удивлению старика, быстро встал и вышел из «рюмочной».

В РОЛИ
ДОКТОРА

1. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Первый из череды эпизодов, которые я попробую «положить в основу произведения», десятилетиями оставался уделом «поползновений на поприще разговорного жанра» во время застолий. Может быть, писать рассказы я начал и позже, чем познакомился с Артуром, и то, и другое произошло уже так давно, что с уверенностью я не вспомню. Да это и неважно, что было раньше, всё равно мне тогда не интересны были подаренные жизнью истории, да ещё и такие «несколько анекдотические случаи», как тогда говорили. Меня поначалу сильно тянуло на пустыри, где можно было выпускать на волю свою, пусть домашнюю и не слишком свирепую, но всё-таки фантазию, дабы почувствовать себя хроником-писателем, а не писарем-хронистом. Потом я, казалось, избавился от этого детского комплекса и списал у жизни немало историй «один к одному». Кроме того, я не раз пользовался чертами внешности, предметами гардероба и высказываниями Артура, я дарил их иногда своим героям, чтобы они были не совсем худосочными, этим Артур как раз ничем не отличался от других моих знакомых. Но сам он, так же, как и тот самый «грузинский эпизод», с которого началась наша дружба, всегда оставался слева от нуля, т. е. в области непригодного, как мне казалось, для литературы жизненного опыта. Что в свою очередь тоже не удивительно: скорее правило, чем исключение.

И что же изменилось с тех пор? Автор решил, что теперь готов ко всему, заматерел, набил руку? Да нет, ничего

в этом смысле не поменялось, пишу каждый раз, как будто в первый, тяжело раскачиваясь через пень-колоду... Просто, когда проходит столько времени, быть и так кажется небылью, а это создаёт некоторую иллюзию «творчества». Так что попробую изложить наконец «первое дело Артура» (на самом деле тогда же, в Грузии, едва не заведённое) в письменном виде, не обращая внимание на рудименты стыдливого ощущения, которое испытывал в школе, когда скатывал изложение или диктант, но тогда ещё не у сестры нашей жизни, а у соседки по парте, с пшеничными косичками и смешной фамилией Желонкина.

При этом я понимаю, что как раз для этого «грузинского эпизода» было бы лучше, если бы я написал отдельный маленький рассказ, — анекдот в иностранном смысле, где вообще не было бы людей, одни события. И ещё: это дерзость с моей стороны — помещать доктора, причём не только в двух смыслах, научном и медицинском... Но ещё более двойственного, скажем так, доктора (но и не в смысле Джекиля, нет) Артура Никольского в фокус моей, довольно-таки бесхитростной, чтобы не сказать: простейшей, — оптики.

Впрочем, если бы дело было только в оптике... Да будь она самой современной и мощной, мой рассказ был бы тогда вариацией истории о микробе, который исследует исследователя, глядя на него с другой стороны микроскопа. Но тут я заканчиваю вводную ремарку: во-первых, время «виноватых виньеток» прошло, и не то чтоб я этого не за-

метил, просто мне нужен был «разгон», который потом можно спокойно элиминировать, если будет из чего субстрагировать, конечно... Ну, или будет «полная элиминация» (всё сотру нафиг), кто это может предугадать заранее, сейчас важно то, что дальше микроба в своём самоуничтожении автору идти, по идее, некуда, разве что раствориться в воздухе — в духе Флобера... Но мне удобнее пока что, во всяком случае, сохранять это своё дежурное «я»... Коротче говоря: поехали... не совсем на море, путёвка была несколько странная, так вот с ходу я и не скажу, чем она, помимо цены, привлекла меня, или, точнее, моих предков. Была ли она «горящей»? Да, по-моему, она как раз такой и была. И «профсоюзной». Т. е. цена была чисто символическая, что частично оправдывало странность. Вообще, устраивая такие ретроспекции (речь ведь идёт о времени, которое отстоит от меня уже сейчас на тридцать лет), постоянно испытываешь угрозу искажений, которые в памяти ведут себя тихо и незаметно, но будучи пересажены на бумагу, имеют склонность разрастаться в развесистые клюквы. Путёвки в те времена не выбирали, не правда ли, их просто хватали и всё. По крайней мере, простые люди, какими были мои родители-инженеры, все годы ездившие в отпуск не по профсоюзным путёвкам, а «дикарём». И всё-таки некая дополнительная странность в этой путёвке была: городок Махарадзе находился в ста километрах от берега. На пляж в Кобулети, впрочем, обещали возить на автобусе в дни, когда не будет экскурсий. Но я привык, благодаря родителям, что если уж мы на Юге, то в ста метрах, а не километрах, от прибора. И я сейчас понял, или, точнее,

вспомнил, потому что тогда-то, в контексте, я наверняка это понял сразу... Что в скоропалительном (обычно такие вещи у нас обсуждались заранее, родители согласовывали между собой, куда ехать, в Крым, скажем, или на Кавказ, а теперь, когда я стал взрослым, и ехать предстояло мне одному, надо было бы, по идее, согласовать это для начала со мной) решении купить мне эту самую путёвку определённую роль сыграло то, что отец служил в Аджарии.

«Батуми», «Кобулети», «Зелёный Мыс», «чкара-чкара», «бичо» — я слышал от него эти слова столько, сколько себя помнил, т. е. начиная с того времени, когда я и русских-то знал не больше. Неудивительно поэтому, что мой отец, услышав на работе о том, что «горит» путёвка, хоть и не на море, но в Грузию, причём на море обещали возить на автобусах вообще в Аджарию (Кобулети), пошёл в профком и купил, или, как тогда говорили, «взял» мне её. При этом родители поехали, как всегда в те годы, на Северный Кавказ, и я вместе с ними на два или на три дня, после чего они посадили меня в Сочинском порту на корабль с подводными крыльями и «на воздушной подушке» (то ли «Комета», то ли «Ракета»), и после шести часов бреющего с изобильной пеной полёта я приземлился в Батуми.

Откуда меня и ещё двадцать человек бело-синий, кажется, автобус-«лазик» повёз уже непосредственно в Махарадзе.

В окне был тот самый Зелёный Мыс, о котором мне столько рассказывал отец, это оказались настоящие джун-

гли, я видел, как там густо всё переплетено лианами, чаща была совершенно непроходимой, непроницаемой для взгляда, но закрывая на мгновение глаза, я видел, как там проридается рота химзащиты, в которой служил отец, люди в противогазах и балдахинах были почти неотличимы от деревьев, увитые гофрированными шлангами, как лианами, эти субтропические друиды, влажные духи Зелёного Мыса... Напомнили мне другое видение, которое, впрочем, было настоящим воспоминанием, но из такой глубины детства, что казалось видением точно такого же порядка, как теперь это аджарское... М. б., они соединились ещё и потому, что я тогда тоже плыл на каком-то корабле с подводными крыльями, только по Днепру, а не по морю, и видел в окне военные учения, и как бы зелень, которая, когда я в неё вглядывался, принимала формы пушек, машин, маленьких фигурок солдат, мне было тогда три года, и эти ожившие игрушки остались в памяти навсегда, и теперь, когда рассказы отца, казалось, материализовались за окном автобуса, я вспомнил то учение, что видел в раннем детстве, обе картинки казались написанными одним художником и одними и теми же красками.

Потом, когда мыс кончился, зелень не была больше такой густой, пошёл серпантин, мимо нас, или нет — где-то сверху, проплыли стены какой-то мрачной крепости. Мой сосед проснулся и неожиданно спросил: не замок ли это царицы Тамары?

Я повернулся к нему и увидел человека, который мог быть моим ровесником, но мог быть и старше меня, трудно

было сказать, потому что очки в такой оправе... Не то чтобы старческой, но серебристой и тонкой... Да и сами виски, нет, ещё не серебряные, но уже начавшие редеть, и лоб — человек уже явно лысел, и всё это вкупе со строгой оправой могло прибавлять ему лет в моих глазах... Через минуту я узнал, что это так и есть: передо мной был мой ровесник, год разницы был тогда уже не в счёт.

Артур оказался студентом медицинского института, и, по-моему, это было всё, что я узнал о нём, а он, соответственно, — обо мне, студенте строительного, — когда мы ехали в автобусе.

Но сразу было ясно, что это аккуратный, «собранный», как тогда говорили, человек, и когда по приезде оказалось, что мы можем, если хотим, стать с ним соседями по номеру, я этому скорее обрадовался. Не могу сказать, чтоб я испытывал к нему какую-то приязнь, просто я, не живший, но зависавший иногда на сутки-трое в общежитии, скажем так, *I could imagine opposite*.

Гостиница была пятиэтажной, внешне похожей на обычную «хрущёвку», однако внутри была иначе «нарезана», и в самом деле походила на гостиницу: холл, рецепция, или как там она тогда называлась... Вообще, в гостинице до этого я останавливался всего один раз, и уже очень давно, мне было лет семь или восемь, и это была сочинская «Магнолия», куда мы неожиданно вписались, благодаря весёлой вере моей мамы в чудеса, на несколько дней между выехавшими и ещё не въехавшими группами, то ли иностранцев, то ли «почти что иностранцев». У меня тогда на самом деле было ощущение

ние, что я побывал за границей. Самый запомнившийся — это эпизод с подстаканниками: разместившись в номере, мы вышли с отцом в вестибюль, где в креслах сидели какие-то люди и говорили на итальянском или на французском, и все при этом держали в руках стаканы с чаем в серебряных подстаканниках. Мы подошли к столику горничной, и нам тоже налили чай. «А подстаканники?» — сказал отец. Стаканы были очень горячими, к ним и прикоснуться было трудно, а уж нести... «А подстаканники ТОЛЬКО для иностранцев!» — был нам ответ, и это ощущение — стакана с кипятком, обжигающего пальцы, перехватывание его то одной, то другой рукой, когда я шёл вслед за отцом по ковру через холл под залиvistый бусурманский смех... Вот оно запомнилось, да.

В принципе, одна такая детская травма может сделать из человека заклятого ксенофоба и квасного патриота. Через сорок лет я увидел эту же детскую картинку как бы в перевернутом виде: русская стюардесса не только не дала иностранцу подстаканник, но чуть не дала подзатыльник... Нет, для начала она ему вообще ничего не дала из того, что он просил... А когда он попытался качать права, шутливо замахнулась над его головой — так, что он не видел, — да и пошла дальше по салону обслуживать русских пассажиров.

Кроме того, две мои знакомицы, не говорящие ни слова по-русски, проделали не так давно весь путь от Владивостока до Москвы, причём не на элитном каком-нибудь, а на самом простом поезде, или, точнее, поездах, с остановками в каждой дыре, полтора месяца телепались, и вот они после этого утверждали, что такого плохого отношения к

иностранцам они нигде не видели, хотя объездили они уже к тому времени полсвета, например, проехали от Катманду до Тегерана на перекладных... Но это я к чему?

Я просто подумал, что целью такой вот ретроспективной прозы могла бы стать попытка выяснить, что же в конечном итоге остаётся. Не равен ли нулю определённый интеграл, если жизнь, подобно синусоиде, качаясь вправо, качается влево — ну вот как это советское «преклонение перед иностранщиной», перешедшее в постсоветскую российскую ксенофобию...

Гостиница в Махарадзе была больше похожа всё-таки на пятиэтажки в центре моего микрорайона (в целом более многоэтажного — 9, 12, 16 этажей, и не розовато-желтоватого, а серого цвета), чем на единственную гостиницу, в которой мне перед этим доводилось останавливаться.

И всё-таки это тоже была гостиница, и наша комната была вот именно двухместным номером, а не однокомнатной квартирой.

Площадь была, может быть, и не больше, чем в «хрущёвке», но совсем другая планировка и мебель, во всяком случае, с моей точки зрения обитателя спальных окраин, мебель была чуть ли не «современной». Удобной, негромоздкой, светлой, насколько я её помню... В общем, в номере находиться было приятно, от вещей не веяло пионерлагерем, откуда я всегда бежал...

Именно по причине моего вечного бегства из пионерлагерей я и отдыхал всегда с родителями, это ведь была моя

первая самостоятельная поездка. Нет, ну на какие-то экскурсии я ездил, но на такой долгий срок впервые. Путёвка была на две недели. Это не значит, кстати, что я был таким уже маменькиным сынком, я просто не мог переносить пионерлагерь, это было довольно иррационально, потому что ничего плохого, насколько я помню, со мной там никогда не происходило. Тем не менее, на третий ли, на пятый ли день я обязательно бежал, полностью я не отбыл ни одну смену, так что эта поездка была для меня, как ни странно, если вспомнить моё поведение в школе, во дворе, в подъездах, в квартире одной одноклассницы... Была первой длительной поездкой без родителей.

Но я уже был взрослый, и более того: наверно, никогда я не чувствовал себя таким взрослым, как в то лето... И мне теперь нравилось всё, что раньше толкало на бегство, т. е. смена обстановки, отсутствие родителей, неопределённость...

Я видел, что моему соседу всё это нравится, как и мне, стальные зрачки в оправе теперь были не такими холодными, как в автобусе, и он, как оказалось, даже умел улыбаться так, что улыбка его больше не выглядела как оскал.

Вроде бы еда должна была немного нас отрезвить: несмотря на то что всё было дико острым и надо было шумно дышать после каждого глотка или куска открытым ртом, сквозь весь этот огонь специй пробивался советско-столовский дух старых тряпок, еда была неважная, прямо скажем, но нас это не расстроило. Что ли, для поддержания

морального духа, Артур там же — за столом — рассказал мне, человеку не очень-то бывалому в этом смысле, о том, насколько бывает хуже.

В одном из пионерлагерей он выловил рыбий скелет из тарелки с молочным супом. Суп представлял собой молоко, налитое в тарелку, крупы в нём почти что не чувствовалось, зато скелет был крупным, чёрным и целым, и что-то было в нём такое «сюрое», по словам Артура... Что больше в той столовой ноги его не было.

Когда его дружбаны — а они за компанию голодали вместе с Артуром и не ходили в столовую, и вот когда они окончательно проголодались, то перелезли через ограду и пошли охотиться на кур, которые бегали по соседнему посёлку, Артур очень смешно описывал «паниковские» сцены их охоты... А потом сказал, что он был единственным, кто смог скрутить курице шею, остальные спасовали. Может быть, ещё тогда он придумал этот психотренинг, который однажды устроил для своих пациентов, но я не буду больше перескакивать с места на место через десятилетия, мы сидим с Артуром в столовой, недалеко от гостиницы, еда там чуть получше, чем в среднем по стране, по крайней мере, имеются хачапури с чаем, но главное заключается не в этом.

«Там были булочки и девочки!» Вот-вот, по-моему, мы уже не одни. Опять же я не могу теперь вспомнить, в какой момент мы с ними заговорили, не в автобусе точно, хотя

уже там посматривали, но вот были ли они рядом во время первого похода в ту столовую, что за углом...

Да, кажется, были. Потому что случай, который рассказала одна из них... имён я, правда, не вспомню, ну пусть будет Лариса... Случай из жизни был рассказан Ларисой в ответ на «молочный суп с рыбьим хребтом» Артура, а вряд ли он стал бы это рассказывать в моём присутствии второй раз и вряд ли Лариса вот так вот, с бухты-барухты, в первые же минуты знакомства поведала бы нам, как она в детском садике нашла в ломте белого хлеба чёрный шнурок от ботинка.

Это привело её в ужас, потому что в первый момент ей показалось, что это червяк.

Потом мы обсуждали, как шнурок от ботинка, или от туфли, мог попасть в буханку белого хлеба, неужели тестом ногами месили? Артур, морща лоб, сказал, что читал когда-то о подобных находках в газетах, только там были золотые кольца, перстни, — Лариса, вздохнув, сказала, что ей с детства не везёт, на что её подруга, допустим, Ольга — рассмеялась и сказала как-то чересчур многозначительно, но, в общем, подружески: «Да ладно, это тебе-то жаловаться!»

В гостинице они пошли в свой номер, а мы в свой, договорившись через полчаса встретиться внизу у входа. В номере Артур сказал мне: «Давай сразу определимся. Так будет легче, женщины не любят колебаний, они любят твёрдых

мужчин и верят в любовь с первого взгляда. Мне больше нравится чёрненькая, а ты, по-моему, всё время смотрел на блондинку». «Да нет, — сказал я, — ты ошибся, мне вообще-то тоже понравилась Лариса...»

«Ладно, — сразу же согласился Артур, — нет проблем, обе хороши на самом деле. Я сказал наугад, просто потому, что мне казалось, что ты ещё не определился, чтобы тебе помочь. В общем, тебе Лариса, мне...» — «Оля», — подсказал я. «Хорошо-хорошо», — сказал Артур и пошёл в совмещённый санузел со станком в руке.

А я лёг на кровать на спину, заложил руки за голову и попробовал ни о чём не думать.

Вряд ли это получалось, я чувствовал, конечно, волнение, гадал, когда всё случится, неужели уже сегодня?

Лариса была выше, стройнее, чем её подруга, и я тоже был выше Артура, и не то чтобы стройнее... Ну, скажем так, более тощий, я был очень худой тогда, «кожа да кости», говорила мама и всё пыталась меня «откормить», но безуспешно. Но дело было не в корпулентных соответствиях... В Ларисе легко угадывалась совсем другая, более интенсивная внутренняя жизнь, как будто внутри неё постоянно вращались какие-то антенны, радары, передавая сигналы во вселенную о наличии жизни... А в Ольге чувствовалась какая-то флегма, немножко тупое спокойствие, которое вполне могло быть обманчивым... Но зачем было рисковать, гадая, есть ли жизнь на других планетах, когда с одной из них к тебе шёл радиосигнал, вот туда, значит, и надо было причаливать... Тем более, что для Артура выбор «флегмы» был, как мне

ещё тогда показалось, более приемлемым... Чуть позже он это и сам подтвердил, кстати, когда после одной особенно неудачной шутки Оли, девочки на секунду удалились, он внимательно посмотрел мне в глаза и так серьёзно сказал: «Ничего, моего интеллекта хватит на двоих», — что я не мог не рассмеяться.

Обе девочки были студентками одного ВУЗа... Не из самой глубокой российской глубинки, кажется, Владимир или Воронеж... А на вопрос, что это у них там за ВУЗ, они ответили, как муми-тролли: «Мы будем учительницами пения!»

Ну, т. е. ВУЗ у них явно был педагогическим.

Что может быть прекраснее, чем идти по улице с двумя свежеиспечёнными подружками? Причём не по унылой осенней, или пыльно-знойной харьковской улице, и даже не по сочинской, где декорации другие, вокруг красиво, но люди всё те же, и от этого всё не так достоверно... Здесь же люди были другие... Совсем другие, и то обстоятельство, что в советских фильмах грузины, помимо самих себя, играли то итальянцев, то французов, если не мексиканцев, делало наше пребывание в городке Махарадзе совсем уже каким-то сказочным...

Это было не побережье, а вот именно грузинская глубинка, кроме нас на улице не было ни одного негрузина

или негрузинки, машины останавливались прямо посреди дороги...

Да-да, то и дело они останавливались прямо посреди дороги, из них выходили улыбающиеся грузины, подходили к нашим девушкам... Ничего злонамеренного в этих их выходках не было, они просто нас не замечали, мы были для них серы и незаметны, как вечерние тени, рядом с нашими красавицами, пока те не кивали на нас, и тогда только мы немного прорисовывались-анимировались, и жители городка Махарадзе, хоть и без особого энтузиазма, но всё же кивали нам, а некоторые протягивали руку и говорили: «Добро пожаловать». Похоже было, что здесь человек проходит как хозяин, в смысле, местный человек, и от этого мы, неместные, чувствовали себя постоянно в гостях, что тоже было, в общем-то, приятно. Причём настолько, что маленькие не совсем приятные сюрпризы не портили настроение, а наоборот, поднимали его ещё на один градус. «Как будто за границей!» — воскликнула Лариса, и мы с ней согласились, а подтверждение её догадки не заставило себя долго ждать. В ближайшем магазине, хотя нет, вру, не в ближайшем... Не помню, как мы туда забрели, он был уже где-то на окраине городка и стоял на пригорке, и назвать его больше хотелось не магазином и не ларьком — да и какие тогда были ларьки, в начале восьмидесятых, разве что «Союзпечати»... «Колониальная лавка», — сказал Артур после его посещения.

Зайдя в магазинчик, мы прошлись глазами по полкам, быстро нашли то, что нам было нужно. Нас удивила бирка

прейскуранта: «10 руб. 40 коп.» «А почему шампанское у вас стоит 10 рублей, если его цена 4 рубля?» — спросил я, уверенный, что это просто ошибка. Но продавец — высокий бородач с какой-то артистически-аристократической внешностью — посмотрел на меня и спокойно сказал: «Мой магазин — мои цены!».

Артур купил шампанское, может быть, чтобы покрасоваться перед девочками, я предлагал поискать в центре, в нормальных магазинах, — и вот, выйдя из первой в нашей жизни частной лавки, мы рассмеялись истерическим смехом, и потом всю дорогу девочки повторяли: «Мой магазин — мои цены!», разумеется, с соответствующим акцентом...

На базаре, куда мы забрели тоже как бы случайно — городок был маленький, и у нас через час или два уже возникло ощущение, что мы его весь обошли, ну и с базаром, разумеется, не разминулись: Кавказ, да и к шампанскому на вечер нам нужны были какие-то фрукты... «Чего ты ждёшь?» — спросил продавец, которому Артур дал трёшку, получив взамен арбуз средней тяжести. «Сдачу, — сказал Артур, — вы же просили за него рубль восемьдесят». — «Ты что, бэдный?» — спросил продавец. Артур немного подумал, заглянул в кошелёк, оглянулся на девочек — они отошли как раз и пробовали виноград у соседнего прилавка. «Да, — сказал Артур, — я бедный». — «Ну так на тебе тогда твои деньги!» — сказал продавец и вложил Артуру трёшку прямо в руку. Тот попытался её отдать назад, но продавец замахал руками, повторяя: «Нет, нет, ты бэдный, бэдный, иди, иди». И это тоже было, мягко говоря, непривычно для

нас, т. е. не только эта театральность, но сами эти слова «бедный», «богатый», они были из другого мира, и, кажется, я тогда впервые задумался, бедный ли я? Но лишь на секунду: мы шли дальше, девчонки что-то щебетали, что — я уже не вспомню... Ах да, у них же с собой была гитара, но не было ключа... Зачем нужен был ключ гитаре, я не знаю, ну чтобы опустить гриф, ну да, или поднять его ближе к струнам, потому что иначе играть было сложно...

Гитару Ольга прихватила в последний момент, по её словам, довольно «левую», но «лучше, чем вообще ничего». Она до последнего момента не думала её брать у своей соседки, но когда та, узнав, что Оля едет в сторону Батуми, рассказала, как тоскливо провела там отпуск несколько лет назад, глядя в окно на непрерывный тропический ливень, и Оля представила, как они будут сидеть совсем одни в номере, запивая дождь хванчкарой... она поняла вдруг, что гитара просто необходима. Лариса, правда, улыбнувшись, сказала нам: «Слушайте её побольше. Олька взяла гитару, чтобы собирать местный фольклор!» На что Ольга, как мне показалось, едва не вспыхнула, но сдержалась, и всё кончилось, как обычно, смехом, и вот мы уже снова выходили из гостиницы, на этот раз с рыжей гитаркой, у которой струны действительно так возвышались над грифом, что это уже был почти арбалет, можно было из него стрелять, если бы был ещё смычок, но смычка не было, — это была только шутка Артура.

Мы пошли по городу, спрашивая у прохожих, где здесь есть часовая мастерская — идея принадлежала опять же

Артуру, он вспомнил, что к гитарам подходят ключи, которые используют для заводки некоторых видов часов с боем, с кукушкой...

И мы нашли настоящую часовую мастерскую, где тикало множество механизмов, и пока девочки и Артур, получив необходимый ключ, опускали гриф, и там же настраивали гитару — по камертону, который там тоже имелся, я заведомо ходил по большому помещению с деревянным скрипящим полом, похожему на внутренность какой-то древней шкатулки, и разглядывал всевозможные часы.

Я тогда не видел ещё «Жил певчий дрозд», это потом, через много лет, когда я его смотрел, то во время тех сцен, когда герой заходит к часовщикам, я чувствовал дежавю, а потом понял, что я же действительно был вот в этой лавке, в другом тысячелетии, или вообще out of time...

Лавка находилась в центре циклона Времени, который всё время идёт на нас... Пока троица не вывела меня из оцепенения... цепной реакции всех этих колёсиков и гирек...

Нет, я не заразился от них тиком, но что-то там произошло в той точке, что мне трудно пока объяснить. (Могу только вспомнить старую шутку: «Эти часы на самом деле не показывают, а производят время!») Кстати, в фильме «Жил певчий дрозд» герой заглядывает, помимо часовой лавки, в кинематографическую, и просит, чтобы ему разрешили посмотреть краем глаза в окуляр, в глазок, в видеоискатель, как его ни назови, но вот этот взгляд вместе

со зрителем в диегетическое пространство, как только что, или после этого, во внутренность часовой луковицы... Мне бы хотелось, чтобы от текста, и не только этого, было такое же примерно ощущение. Неосуществимое желание, но если его не испытывать, то и писать незачем...

Тем временем как-то незаметно стемнело, может быть, потому что гористая местность, а может быть, сумерки и были, но я их не запомнил. Было темно за окном, а в номере горел торшер, света нам хватало, вообще всего хватало, шампанское, две девушки, гитара... Впрочем, гитару они оставили у себя, уже было поздно и шуметь вовсе не входило в наши планы, так, тихие смешки, разговорчики, которые уже точно не имели никакого смысла, и я бы не стал их воспроизводить, даже если бы помнил, важно, что всё шло к наиболее тихой фазе знакомства, к сближению, я уверен был, что скоро мы вообще разойдёмся, Артур с Олей, скажем, пойдут в номер девочек, а мы с Ларисой останемся здесь... Если чего-то нам не хватало, так это моря за окном, балкона, лоджии, на которой можно было сидеть, глядя на лунную дорожку, попивая тягучее вино, закусывая его виноградом...

Но к тому моменту у меня уже был подобный опыт, предыдущим летом я провёл немало вечеров на террасе номера двух москвичек, вместе с одноклассником, причём он останавливался сначала вместе с нами — я там был с родителями, а потом вообще съехал с квартиры, потому что мы постоянно оставались у девочек, вот только они уехали раньше на день, чем мы, — у нас заранее были билеты об-

ратно, и Ростислав спал одну ночь в увитой виноградом «изабелла» беседке возле нашего подъезда, на матрасе, укутанный клетчатым одеялом, ничего страшного — Юг... А через несколько лет, когда мы сидели у него в мастерской, он вдруг прислушался и сказал: «Витя пришёл с кем-то, я сейчас», — и с этими словами нас покинул, мастерская была огромна, подвал с неизвестным никому количеством отдельных помещений. Ростислав был скульптором, и вот, когда он исчез в своих катакомбах, мы продолжали пить без него, с полчаса, наверно, пока он снова не явился, причём мне показалось, что он сердится. На мой вопрос он ответил: «Да Витька нарушил договор, паршивец». — «А что за договор?» — спросил я и узнал, что у Ростислава с Виктором был договор: если один приводит девушку, то ни в коем случае — как бы она ни просила, не гасит свет, с тем, чтобы второй мог видеть всё из соседней комнаты сквозь замочную скважину, или какая-то другая у них там была специальная дырочка в стенке. А Витя нарушил договор, потушив свет. «Так, а... что же ты всё это время делал?» — спросил я, подливая ему водку в стакан. «Слушал», — серьёзно сказал Ростик, отчего я подавился огурцом.

И тогда же, откашлявшись, подумал, что грузный милиционер с португеей мог ввалиться к нам в номер аккурат в тот момент, когда мы стали целоваться, потому что он...

Ну да, подглядывать он не мог, но — подслушивать, вот именно, дождался тишины, подождал минуты три-четыре и ввалился — открыл дверь он, наверно, ещё раньше, ключом дежурного, неслышно, яко тать в ночи... И в наш номер

вслед за ним вошли ещё два человека, и сразу стало ужасно тесно, вообще показалось, что рухнули стены, потому что людей было больше, чем могла вместить в себя комната, и они входили, выходили, часть была в форме, часть в гражданском...

Потом, после психической атаки, менты ушли и в комнате осталось помимо нас только два человека в гражданском. Это были наши «экскурсоводы», один из них ехал с нами в автобусе из Батуми, комментируя окрестности... Помнится, он выступал по свободной программе: сказав вначале несколько слов об Аджарии как самой густонаселённой когда-то части Колхиды, перешёл к практическим советам по поводу местного быта, и я как человек, безнадежно непрактичный, просто перестал его слышать. Со своим коллегой он познакомил нас всех уже в Махарадзе, заметил, что они будут «работать с нами» то вместе, то попеременно. Допустим, что одного из них звали Ваню, другого Тенгиз, один был выше, другой ниже, один толще, другой тоньше, а цвет волос у них был одинаковый. Ещё я запомнил, что Ваню в автобусе начал делиться с нами своей жизненной мудростью, «Женщину, — сказал он, — украшает верность». Я не знаю, после чего он это сказал, потому что я его не слушал, а эта фраза как-то включила мой слух. Может быть, он перед этим говорил всё-таки что-то краеведческое, о той же Тамаре, понятия не имею... А потом, допустим, переходя в наши дни, он и произнёс это «сакраменто»... «А мужчину?» — сразу же воскликнула одна из наших дам. Ваню секунду подумал и сказал: «А мужчина должен периодически

доказывать себе, что он мужчина!» — чем вызвал смех и завоевал что-то вроде симпатии у части туристов.

И вот, значит, настал такой момент, когда Ваню и Тенгизу необходимо было что-то такое себе доказать... При этом выбор просто не мог не пасть на Олю и Ларису, потому что это были единственные молодые девушки в группе.

В процессе развития дальнейших событий нам с Артуром это стало ясно, а вам я это скажу на всякий случай прямо сейчас, потому что я не такой хороший сценарист, как тот, кто прокрутил тогда перед нами, или нас самих, сквозь ночь... Так вот, ясно, что всю эту туристическую программу Ваню и Тенгиз, и, может, кто-то ещё, кого мы не видели, пробили через соответствующие инстанции именно что с целью привлечения в свой городок молодых красивых жительниц Необъятной. Ну а что, вполне законный посыл... Кто же виноват, что в нашей группе женщин было раз-два и обчёлся, а таких, которые вызывают желание доказать себе, что ты мужчина... Только две.

Собственно, мы с Артуром себе ничего доказывать не собирались, но мы были и младше «экскурсоводов» лет на десять, как минимум... Так или иначе, такой вот возник посреди грузинской ночи расклад-шестиугольник, грозя распадаться на треугольники, а те в свою очередь — на углы...

Пыл Артура с его этими возгласами «хочу адвоката!», ну или почти, то есть: «по какому праву!», «я буду

жаловаться!» и всё такое... они быстро охладили, объяснив ему, что мы «нарушали правила социалистического общежития», «распивая в номере напитки», «занимались оргиями», плюс «оскорбления стражей порядка», в общем, вполне хватает, чтобы вышвырнуть из гостиницы на улицу или в КПЗ... «Но мы не такие, — сказал после этого Тенгиз, — давайте всё закончим мирно. По-мужски. Девочки поедут с нами. Вы больше не будете их трогать. И всё, будем считать, что инцидент исчерпан».

«Ничего себе! — сказала Лара. — А нас кто-нибудь спрашивал?»

— Девочки! — сказал Тенгиз. — Поедемте с нами, у Ваню тут недалеко есть замок.

У меня тоже, но немного дальше, и мы поедем к Ваню. А у него там лучшее на Кавказе киндзмараули, зимний сад и вся культурная программа в эксклюзивном виде. Если вы не побываете у Ваню, считайте, что вы не были ни в Махарадзе, ни в Аджарии, ни в Грузии — его дом стоит как раз на границе. Вообще нигде тогда не были, только зря потратили деньги.

— Какие деньги? — спросила Ольга, зевая, как мне показалось, нарочито — чтобы заразить окружающих своим олимпийским спокойствием.

— За путёвку!

— А-а... — сказала Ольга и снова зевнула.

— Мы никуда не поедем, — сказала Лариса.

— Подожди-подожди, — вмешался Ваню, у которого акцент был колоритнее, чем у Тенгиза, учившегося в Ростове-на-Дону-на-кого-не-помню, — почему за подругу

говоришь? Ты за себя говори! Поедем, Олечка, кататься на «тройке»? Вон она ждёт под окном, посмотри, — позвал он её жестами к окну. Ольга встала, подошла к окну, выглянула и сказала:

— Ты издеваешься? Да там «бобик» стоит!

— Э, подожди, дорогая, плохо смотрела, посмотри ещё раз, красная «Жигули» вон там, — и он попытался положить руку ей на плечо, но она сбросила и сказала:

— Вы чё, охренели совсем? Да никуда мы не поедем!

— Ах так... — сказал Тенгиз, но что он собирался сказать дальше, мы не узнали, потому что Лариса вдруг подняла руку, как в школе, и громко сказала:

— Мы поедем!

Все уставились на неё. Ольга открыла было рот, но не успела ничего сказать, скорости у них были совершенно разные, и Лариса уже чеканила вторую часть фразы:

— Но при одном условии!

— Каком? — сказал Тенгиз. — Всё, что ты хочешь, всё, что ты захочешь...

— Ловлю на слове! Условие такое: вот эти двое, — и она довольно бесцеремонно показала пальцем на меня и на Артура, — поедут вместе с нами.

— Э, подожди, милая-хорошая, постой-постой... Зачем они нам? Ну подумай сама...

— Я подумала. И я решила: только при одном условии. И вы его уже слышали.

Экскурсоводы не стали возражать против такой диспозиции, ну а что было делать, сказав «А», нужно было

жаловаться!» и всё такое... они быстро охладили, объяснив ему, что мы «нарушали правила социалистического общежития», «распивая в номере напитки», «занимались оргиями», плюс «оскорбления стражей порядка», в общем, вполне хватает, чтобы вышвырнуть из гостиницы на улицу или в КПЗ... «Но мы не такие, — сказал после этого Тенгиз, — давайте всё закончим мирно. По-мужски. Девочки поедут с нами. Вы больше не будете их трогать. И всё, будем считать, что инцидент исчерпан».

«Ничего себе! — сказала Лара. — А нас кто-нибудь спрашивал?»

— Девочки! — сказал Тенгиз. — Поедемте с нами, у Ваню тут недалеко есть замок.

У меня тоже, но немного дальше, и мы поедем к Ваню. А у него там лучшее на Кавказе киндзмараули, зимний сад и вся культурная программа в эксклюзивном виде. Если вы не побываете у Ваню, считайте, что вы не были ни в Махарадзе, ни в Аджарии, ни в Грузии — его дом стоит как раз на границе. Вообще нигде тогда не были, только зря потратили деньги.

— Какие деньги? — спросила Ольга, зевая, как мне показалось, нарочито — чтобы заразить окружающих своим олимпийским спокойствием.

— За путёвку!

— А-а... — сказала Ольга и снова зевнула.

— Мы никуда не поедем, — сказала Лариса.

— Подожди-подожди, — вмешался Ваню, у которого акцент был колоритнее, чем у Тенгиза, учившегося в Ростове-на-Дону-на-кого-не-помню, — почему за подружку

говоришь? Ты за себя говори! Поедем, Олечка, кататься на «тройке»? Вон она ждёт под окном, посмотри, — позвал он её жестами к окну. Ольга встала, подошла к окну, выглянула и сказала:

— Ты издеваешься? Да там «бобик» стоит!

— Э, подожди, дорогая, плохо смотрела, посмотри ещё раз, красная «Жигули» вон там, — и он попытался положить руку ей на плечо, но она сбросила и сказала:

— Вы чё, охренели совсем? Да никуда мы не поедем!

— Ах так... — сказал Тенгиз, но что он собирался сказать дальше, мы не узнали, потому что Лариса вдруг подняла руку, как в школе, и громко сказала:

— Мы поедем!

Все уставились на неё. Ольга открыла было рот, но не успела ничего сказать, скорости у них были совершенно разные, и Лариса уже чеканила вторую часть фразы:

— Но при одном условии!

— Какое? — сказал Тенгиз. — Всё, что ты хочешь, всё, что ты захочешь...

— Ловлю на слове! Условие такое: вот эти двое, — и она довольно бесцеремонно показала пальцем на меня и на Артура, — поедут вместе с нами.

— Э, подожди, милая-хорошая, постой-постой... Зачем они нам? Ну подумай сама...

— Я подумала. И я решила: только при одном условии. И вы его уже слышали.

Экскурсоводы не стали возражать против такой диспозиции, ну а что было делать, сказав «А», нужно было

говорить «Б»: они впереди, Ваню за рулём, девочки сзади, у нас на коленях, хотя одна могла бы втиснуться и между, но, что ли, за компанию, обе сели на наши колени, и дорогу к дому Ваню я поэтому смутно помню, как будто у меня были завязаны глаза, хотя мы не целовались ни с закрытыми, ни с открытыми, и пожимали друг другу в основном руки — с самого начала мы всё время интуитивно чувствовали ту грань, за которой неизбежен был взрыв, и старались её не переступить... Вот только близость границы мы с Артуром, как потом выяснилось, оценивали совершенно по-разному.

Да, это был дворец, по нашим меркам, и отнюдь не в переносном, а в самом прямом смысле. Трёхэтажный дом из какого-то белого камня. С тремя колоннами. «В греческом стиле».

Уже покидая эти тёплые места, мы из окна рейсового автобуса, огибавшего горы с другой стороны, увидели, как во сне, бесконечный ряд таких же домов, трёхэтажных, белых и с колоннами. Кто-то из пассажиров, видя наше удивление, объяснил, что здесь это считается необходимым атрибутом мужчины. Поэтому, как бы ни обстояло в семье с деньгами, семья старается, чтобы у наследника к совершеннолетию стоял трёхэтажный дом, а что там у него внутри, это уже не так важно, главное, чтобы все видели: три колонны и три этажа.

Не знаю, что было внутри других таких домов, но за дверью дома Ваню оказалась пустота. Можно предположить,

что и другие дома были такими же, но мы побывали только в одном... Где только одна комната была обставлена, ещё в одной стоял одинокий диван-кровать, а в остальных было совершенно пусто, ну разве что вазы кое-где серели по белым углам...

Тем не менее, Ваню водил нас по всем этажам, мы поднимались и опускались по винтовой лестнице, и он показывал нам все комнаты без исключения.

Похоже, что ему в самом деле важен был объём, а что до обстановки, ну, по-моему, он говорил, что только что въехал, не успел, хотя что-то подсказывало нам, что дом на самом деле построен давно.

Войдя в дом, или ещё раньше, сев у гостиницы в машину, мы больше не обменивались впечатлениями ни с Артуром, ни с девочками, мы не шептались и не шушукались, говорили громко, не исключали никого из круга собеседников и тогда, когда расселись за длинным столом. Ваню и Тенгиз довольно быстро достали из холодильника и расставили несколько вазочек с закусками, тарелки, приборы... Не видно было только вина, хотя фужеры были расставлены, но когда всё было уже полностью готово, Ваню взял фужер со стола, поднёс его к серому глиняному медведю, стоявшему на задних лапах у стенки, немного наклонил, и из пасти брызнула красная струйка.

В спаивании нас пышным тостам была отведена специальная роль: нам объяснили, что меньше тринадцати или двенадцати их не может быть при грузинском застолье,

что это — закон, который нельзя нарушать, и когда я это услышал, я уже точно знал, что экскурсоводы решили нас спойть.

Но не видел в этом ничего плохого: что-нибудь подмешать в вино они не могли — мы же пили из одного медведя.

Вино было приятным, молодым, наверно, и с какого-то бокала я уже забыл о первоначальной своей идее выливать его незаметно под стол, как это делали в каких-то древних романах...

Вано и Тенгиз произносили готовые тексты, мы же, когда доходила очередь до нас, импровизировали, а от девочек, насколько я помню, тостов никто не требовал. И не заставлял, как нас, пить, не следил, чтобы допивали до дна, впрочем, ещё не прошло и первых 13—15 обязательных тостов, а мне уже было очевидно, что если кто-то здесь и опьянел, так это как раз экскурсоводы.

То ли я привык уже к тому времени к более крепким напиткам (если вино, то портвейн, а лучше водка), то ли ситуация таким образом повлияла на мой организм, но, насколько я помню, голова была ясная, и я чувствовал себя совершенно трезвым. Артур в какой-то момент показался мне таки пьяненьким... Но со следующими фужерами тоже стал трезветь, а девочки вообще пили немного,

особенно по сравнению с нами, и вели себя тихо, как две мышки, не помню, чтобы они во время трапезы произнесли хоть слово.

Артур же, находясь в апогее, произнёс довольно длинный и пафосный тост. Язык его при этом заплетался, но смысл был ясен: он везде видел плохих людей и хороших, во всех местах, в каждом народе есть плохие люди и есть хорошие... Но только не среди грузин!

Плохих грузин Артур ни разу не встречал, ни разу, все они до одного — прекрасные люди, один такой народ есть на свете. Закончив произносить этот тост и выпив, Артур так плюхнулся на стул, что мне стало немного тоскливо, я решил, что вскоре останусь бодрствовать один, а как поведут себя наши девчонки дальше, никто не знает... Но я ошибся, Артур не «бросил товарища в биде», как мы тогда говорили, хотя ни одного биде в глаза ещё не видели... Впрочем, Артур видел, я помню, что он рассказывал мне, как выглядит биде...

В общем, он не отрубился, наоборот, он стал трезветь и мрачнеть при этом, по-моему, ещё в доме Ваню Артур стал таким зловещим, как бы принимающим нелёгкое судьбоносное решение... Произнёс ли я сам хоть один тост как таковой? Всё может быть, но не уверен. По-моему, я отделялся какими-то общими черноморскими здравицами... Я помню, у меня вертелся на языке ядрёный — как мне тогда казалось, тост, который я слышал в Харькове, случайно попав однажды в небольшую компа-

нию, состоявшую в основном из детей обкомовских работников и зубных техников... Но его надо было произносить с сильным грузинским акцентом, что было бы в Махарадзе, по меньшей мере, странно... Кроме того, это был скорее анекдот, чем тост, к тому же «антисоветский»... Ну этот, про «настоящего коммуниста»: *«Я пью не за то, что у него жена в Тбилиси, любовница в Кутаиси и подруга в Москве...»* Да, он вертелся в голове, но вслух я это не произносил, я был слишком для этого трезв. А вот с Ваню и Тенгизом творилось что-то неладное, видно было, что их с какого-то момента начало разводить не на шутку, создавалось даже такое впечатление, что они что-то всё-таки подмешали в вино, но при этом перепутали бокалы... Чего не могло, конечно, быть: наливали вино они по-прежнему из глиняного топтыгина, я не помню, пополняли они его или нет, но он и так был достаточно большой, ростом хоть и не со взрослого медведя, но с трёхмесячного медвежонка, так точно.

С какого-то момента я и сам подходил к нему и подливал себе киндзмараули, что, по-моему, не нравилось хозяевам, как если бы я потешался над их дьявольским планом устранения двух «третьих лишних», путающихся под ногами студентов.

Я даже думал, не притвориться ли мне пьяным, чтобы их успокоить, но понял, что мне не хочется это делать.

Я наслаждался весёлой трезвостью в компании всё более соловевших грузин и всё больше мрачневшего — и от этого тоже казавшегося мне каким-то смешным — Артурчика и девчонок, которые были тише воды... Кстати, в отличие от

нас, они разбавляли вино водой, несмотря на возражения Тенгиза, который, морщась, говорил им, что в этом есть что-то «антихристианское».

Я не понимал, почему Артур стал такой хмурый посреди праздника. Да, я воспринимал эту ночь как праздник, и мне казалось, что Артур просто осёкся на своём тосте, слишком занесло, и не увидел там должной поддержки в глазах превознесённых им представителей грузинского народа, а может, и заметил усмешку... Я подошёл к нему, чтобы узнать в конце концов, чего он так невесел, но он меня сразу не понял — он слишком был погружён в себя, а тут как раз Тенгиз и Ваню встали и стали звать нас в соседнюю комнату. «Мы вам покажем, как мы с Ваню прошлым летом отдыхали в Пицунде», — сказал Тенгиз, усаживаясь по-турецки за проектор прямо на паркетный пол, направляя луч на белый потолок, потом опуская его на стенку, оставляя кадр недалеко от границы с потолком, но, по-моему, часть кадров он проецировал потом на потолок, во всяком случае, так называемые, «25-е»...

Мы впятером разместились на тахте, которую Ваню разложил, задрали головы, и перед нами пошли обычные курортные снимки, Ваню и Тенгиз в тех же спортивных костюмах, море, пальмы, как вдруг мелькнуло что-то не пляжное, но при этом полностью обнажённое.

Облачко розовой плоти тут же переместилось на потолок и исчезло. И потом так повторялось много раз, нам т. е. показывали микс из софт-порно, чередуя «клубничку» с обещанным фоторепортажем: Тенгиз, Ваню, иногда в об-

нимку с одетыми, как минимум, в закрытые чёрные купальники, толстыми тётками, вероятно, это были их жёны, которые теперь неизвестно куда подевались, а может, и не жёны, мы не спрашивали. Видны были также знаменитые пихты, или что там в Пицунде, самшитовые рощи и залитые по второй этаж корпуса элитного дома отдыха... Потом снова мелькали голые девочки, переснятые из западного журнала, снова Тенгиз говорил «ой, случайно», и кстати, м. б., это действительно было случайно... Я не помню, чтобы мы это обсуждали впоследствии с Артуром, но уверен, что он бы не согласился с моим предположением о случайности — если его послушать, всё развивалось той ночью по чёткому плану, и для случайностей вообще не было места, и слайды, значит, были специально заранее именно так перетасованы... Может быть, он и прав был... Впрочем, если его послушать, если принять его детерминистскую версию развития событий, всё равно план наших «гидов» был чётким только до этого пункта: до показа слайдов. Или даже не так: в этой точке, по их плану, нас уже не должно было быть, как и прочих случайностей. А так как произошёл сбой, то всё пошло-поехало, и реальность стала расщепляться — наподобие тех же перетасованных слайдов. Это было вполне ощутимо, ну да... А всё потому, что по плану мы уже должны были дрыхнуть без задних ног в другой комнате, на другом этаже, может быть, они действительно что-то нам подмешали, что мы не почувствовали, м. б., каким-то непостижимым образом они при этом таки да — перепутали бокалы... Нет, экскурсоводы наши не рухнули, не повалились, всё обстояло значительно хуже: они теперь, путаясь

в ключьях разных реальностей, спали на ходу и одновременно тянули нас из дома наружу — «кататься», «поехали кататься», «покатаемся», — бормотали они... Я заметил, что они отводят глаза, но объяснял себе это тем, что глаза у них просто уже слишком сонные. Я и сейчас не думаю, что они представляли себе, куда мы едем, хотя чёрт их знает, в машине-то они не переговаривались, значит, что-то уже знали... А может, и обменялись несколькими словами, но на грузинском, и вообще, таких подробностей я теперь не вспомню. Волна, которую они оседлали, несла их дальше и дальше, не давала тихо и мирно уснуть в своём доме, отпустить нас на все четыре стороны... Впрочем, ну куда они могли нас отпустить? Уже была ночь, да если бы и день, как бы мы добирались и куда? Нет, нас надо было тогда уже тоже оставлять на ночлег, но кто теперь были эти «мы», в смысле: кто мы, а кто они... Устойчивая — благодаря примерно поведению девочек, фигура шестиугольника так и не была деформирована, но «гиды» вели себя, как будто к ним теперь были приложены мощные разнонаправленные силы, на которые человек просто не может не реагировать, иначе силы его четвертуют... Вот как-то так, да, и спасал их индивидуальную целостность, м. б., как раз «медведь вина», который мы раздавили сообщая: ночь вокруг них распадалась на обрывки, которые сразу же снова скатывались во что-то новое, и... я по-прежнему не могу сказать, что мне всё это так уж НЕ нравилось. Даже когда мы вырвались за пределы Махарадзе в горы — которых не было видно в темноте, фары выхватывали только их подножия, а м. б., выше ничего и не было, хотя, судя по петляющей дороге,

это всё-таки были горы, и где-то там Ваню развил бешеную скорость, причём очень быстро, что называется, с места в карьер — в который мы, казалось, сейчас же и улетим...

Справа от нас чернела пропасть — я употребляю фигуру речи, конечно, вокруг всё чернело, но справа как-то особенно, и фары там ничего не могли выхватить, я услышал душераздирающие крики девчонок, в лицо мне бились их волосы... Но даже это было не страшно, ну как бы плёнку за полуоткрытым стёклышком перематывали: «Немного покатаемся, — сказал Ваню, — я, когда нервничаю, всегда здесь катаюсь перед сном», но уменьшил скорость, крик девчонок на него всё-таки подействовал, и эта его вменяемость меня ещё больше успокоила: немного покатаемся, вернёмся, они уснут, мы уснём, и все уснут, даже сказка спать ложится... Нет, я-то не спал, я, м. б., и закрыл глаза, но не спал, я вот именно думал о чём-то таком — позитивном, когда машина резко — а всё теперь было резко, и разгон перед этим — с девчачьим визгом, и теперь это торможение с визгом тормозов, как будто на дороге перед нами кто-то бросился, горный заяц, или просто горец, мелькнуло в уме, но открыв глаза, я увидел Ваню, который переходил дорогу перед машиной и одновременно сидел за рулём... В следующий момент я понял, что на самом деле машину обходит Тенгиз, а Ваню сидит за рулём, а машина стоит возле дома, похожего на тот, где мы только что смотрели слайды... Но это явно другой дом, или вокруг него теперь вырос забор... И в этот дом нас никто не звал. Глаза у меня больше не слипались, я нашёл руку Ларисы, сказал: «Давай я научу тебя борцовскому замку. На всякий случай», — после

чего положил свою ладонь под её, согнул пальцы, так что ладони сомкнулись — как меня учил тренер, а свободную руку я положил ей на грудь, но она её оттуда убрала, а потом уже и наш «замок» разомкнулся: «Смотри», — тихо сказала Лариса, я посмотрел направо и увидел, что из ворот вышел Тенгиз с «винчестером» наперевес.

«Немножко поохотимся, — сказал сидевший за рулём Ваню. — А, ничего... Тут недалеко, в горах».

Что винтовка была типа «винчестер», я, наверно, понял только когда Тенгиз сел в машину.

Он держал её таким образом, что двойной ствол не то чтобы упирался мне или Ларисе в лицо, но смотрел прямо на нас, просто так он её держал, и с другой стороны — как ещё он мог её держать? Если бы он положил её на колени, она бы мешала Ваню переключать скорости или упёрлась ему в бок, это ведь был не обрез.

«Винчестером» я её называю только потому, что у неё было два ствола, расположенных не рядом по горизонтали, а один над другим, как в фильмах про индейцев...

Я хотел спросить: «А на кого мы будем охотиться?»

Но не спросил.

Я помню, что в голове у меня и после этого мелькали какие-то оптимистичные гипотезы, в смысле сценарии, типа того, что мы действительно едем на ночную охоту — на

рыбалку же едут засветло, почему бы и не на охоту... Но как-то это выглядело не слишком правдоподобно, мягко говоря...

Я не знал, как спросить у Артура, что он думает по этому поводу, чтобы это не поняли наши гиды, или егеря, или кто они были теперь для нас... А мы для них?

Машина набрала скорость, при которой волосы сидящей на коленях девушки летят в лицо, но девушка при этом не кричит так громко. И вряд ли, потому что ко всему привыкает, скорее скорость была теперь всё-таки немного меньше, кроме того мысли Ларисы теперь были заняты той же мрачноватой загадкой, что и мои... «What do you think, whom we'll be hunting?» — тихонько спросил я Артура, который, кстати, в отличие от меня, раньше был не большой любитель рассказывать эту историю, но если уж он это всё-таки делал, тут уж, как говорится, хоть всех святых выноси. Особенно когда это происходило во время «спиритус-сеансов» в его кабинете в «неотложке»...

У меня так не получится, поэтому я не буду пересказывать его версию, а приведу из неё несколько «ключевых слов»... «Exactly!» — восклицание, которое Артур вкладывал в уста Ваню или Тенгиза (после того, как он вкладывал в мои уста вышеприведённый вопрос на английском), скрип, визг тормозов, хук левой в висок, условный Тенгиз, падающий головой в приборную панель, *ожесточённая* — ключевое слово — борьба за винтовку с Ваню, выстрелы, непонят-

но в кого попала, если попала, *пуля-дура*, а потом «самое интересное»: внезапный ответный огонь с чёрных холмов, *трассирующими*, зелёными, чертовски красиво, жаль только, что мы не можем этим любоваться, потому что лежим ничком в траве... Пока Ваню не приподнимает свои два ствола и делает *ответный выстрел* куда-то в ночь наугад.

Может быть, он делает его после того, как взрывается машина: пламя, музыка из «Зигфрида» (Артур напевает), титры... Нет, кажется, доктор ещё что-то бросал перед этим в свой костёр, но я не буду вспоминать подробнее, что конкретно, всё равно это было хорошо вот именно в его исполнении и с группой поддержки, с медицинскими сёстрами, принявшими «на грудь», и т. п.

Внешность Артура, его манера говорить придавали всему этому бреду удивительную серьёзность: чуть ли не «достоверность»... И я думаю, что у Артура это могло так уложиться в голове («модель для разборки», «устный боевик», как он сам называл эту старую телегу), ещё в Махарадзе, на следующий день, после того, как я ему рассказал про отца — что тот служил в этих местах, и что я периодически смотрел вокруг как бы его глазами сержанта роты химзащиты, — это и подсказало Артуру идею устного эндшпиля... Да-да, кажется, он тогда же его впервые прокрутил в голове, сказав мне: «А представь себе, что было бы, если бы, кабы...»

Повторяю, у Артура это «если бы» получалось довольно лихо и без грибов, медсёстры и медбратья, во всяком случае,

слушали заворожённо, несмотря на полный, казалось бы, абсурд, это же был типичный «рассказ про войнушку» в стилистике дошкольников...

По-моему, то, что было той ночью на самом деле, не менее замечательно, чем версия Артура (которому, очевидно, ко всему ещё не давали покоя лавры его деда, известного военного хирурга, и Артур после описания «фейерверков» переходил к полевой медицине, говорил, как, кого и что задело, как он там же оказывал первую помощь... ну да, это у него была такая собственная игра — в полевого врача).

На самом же деле не мы перебрались тихим английским словом с Артуром, а Лариса и Оля между собой — ангельским...

Одна сказала другой что-то неслышно на ушко, та ей тоже на ушко, они покивали головками, наклонились к гидам — непосредственно к их ушам, — и вдруг... запели песню на грузинском языке.

Я помню, что это не была «Сулико», но что это было, не скажу... «Грузинская народная», — объясняли они нам потом, может быть, и название сказали, но я не запомнил.

Пели девочки красиво, профессионально, но главное: запев был настолько неожиданным, что я не буду голословен, если скажу, что они перенесли нас своими голосами в другой мир — туда, где события стали развиваться по совсем другому сценарию... Скорость почти сразу стала уменьшаться, напряжение, которое уже было видно невооружён-

ным глазом, стало спадать, двойной ствол, смотревший на нас с Ларисой в упор, куда-то подевался, очевидно, съехал вниз, прикладом под панель, или на пол, и теперь моё беспокойство состояло в том, что Ваню мог точно так же легко расстаться с ручкой скоростей, а там и с рулём и с педалями... Но он, хоть и клевал носом, руль, тем не менее, не отпускал и, кажется, тихонько подпевал, как во сне, точно не знаю, потому что за сильными голосами девчонок этого всё равно не было слышно... Ехали мы очень медленно, и эту часть поездки я очень хорошо помню. Девочки не знали, конечно, столько грузинских песен, чтобы их хватило на всю дорогу, тем более, что ехали мы медленно, поэтому они повторяли одну и ту же песню беспрерывно, что действовало, конечно, ещё более суггестивно, чем если бы у них был заготовлен целый репертуар...

Вах, это было на самом деле, как в сказке, и воины на сопках Грузии тоже все легли и уснули, как то войско, которое усыпила птица-феникс-вертинская, подложив под головы сумки с противогАЗами, вещмешки, скатанные шинели... Те же, кто был внутри «жигулёнка», стали превращаться в многоголовое существо, на которое, верно, они и выезжали охотиться, но как бы поймали живьём, затолкали, — что-то вроде этого мелькало в голове, какой-то такой бред, когда машина остановилась. Причём прямо возле фасада нашей гостиницы.

Мы попрощались с экскурсоводами, пожелали им спокойной ночи, они кивнули, не открывая глаз, «Жигули» развернулись и уехали.

По-моему, мы проводили девочек в их номер... или нет, никуда мы их не провожали, они сами пошли к себе, и как только они поднялись по лестнице на пролёт и скрылись из виду, с Артуром начали происходить странные вещи.

В первую минуту я думал, что это эпилептический припадок, хотя Артур не упал на пол, а распластался по стене... Ну или не совсем распластался, тоже мне саламандер... Нет, он не обернулся во что-то или в кого-то другого, но метаморфоза, которая произошла с ним, была, тем не менее, впечатляющая...

Лица на нём теперь не было, и он по-настоящему *страшно* дрожал.

В ответ на мой вопрос, что с ним, Артур, не переставая трястись и подпирать руками стенку, сильно заикаясь, проговорил, что это пройдёт, пройдёт... просто он... всё время... буквально... каждую секунду... каждую секунду... прикидывал в уме... какой выставить блок... какой удар наносить в ответ...

Он находился всё время в позах, которым его учили на занятиях по карате...

Он всё время был ко всему готов — как тот пионер...

Нет, он тогда так не говорил, ему было не до шуток, его тело, казалось, сошло с ума и отрабатывало теперь разом

все команды, которые собрались в буфере головы, — тело представляло собой настоящий завод по переработке адреналина в кинетическую энергию, оно вибрировало, как турбина, пока я вёл Артура сквозь коридор, предложив опереться на моё плечо.

В какой-то момент я уже думал, что его придётся нести, Артур падал на пол, я боялся, что он сейчас вообще распадётся на винтики.

Да-да, под его мокрой рубашкой, казалось мне, катались какие-то валики, колёсики, чёрт знает что такое...

Но как-то я довёл его до нашей комнаты, подволок к кровати, он повалился на неё и практически сразу же вырубился.

Я разделся, лёг на свою кровать, но долго не мог уснуть. Его дрожь не то чтобы передалась мне, но, скажем так, произвела *неизгладимое* впечатление... И мне теперь было немного не по себе от мысли, что я всё это время... не испытывал практически НИЧЕГО.

Несколько лет спустя я был в командировке в Москве, заходил в литинститут (ну да, я тогда уже что-то начал пописывать) и попал там случайно на семинар одного известного синолога, и когда он говорил о том, что «чаньский дедушка, заступающий слегка в пропасть ногой, чтобы лучше прицелиться из лука в пролетающую птицу, не испыты-

вая никакого страха перед тысячеметровой бездной... — на самом деле полностью неотличим от букашки, которая не боится смерти, потому что не знает её...» — я вспомнил ту ночь, каратоида, подпирающего стену кариатидой...

«Вы никогда не сможете найти отличие между ними, как бы ни старались», — говорил известный синолог...

Впрочем, я предчувствовал и даже, кажется, предупреждал, что мой рассказ о докторе будет вариацией истории о «микробе и микроскопе», зачем это повторять. Я вспоминал про наш с Артуром мощный «когнитивный диссонанс» на семинаре у востоковеда и сейчас просто потому, что я по-прежнему не знаю, кто из нас в ту ночь был адекватнее, я или он. Если бы не вся эта штука (шутка? — да нет, не похоже) с «винчестером», я бы с уверенностью сказал, что я, но так как в руках у них винтовка... То получается где-то «так на так»...

И всё же мне кажется, что в пользу моей адекватности, говорило большее число фактов.

Но я напрасно нарушаю обещание, данное в самом начале... Хотя, наверно, есть смысл сформулировать его немножко чётче: смотреть на доктора только со стороны, не стучать молоточком по коленке невропатолога и не пытаться анализировать аналитика (т. е. сильно забегая вперёд: его вторую ипостась). На следующий день экскурсоводы вообще не появлялись, мы говорили друг другу, что они, наверно,

«поехали в Пицунду», во всяком случае, нас возили в горы без них, мы осматривали какие-то достопримечательности, но я не буду всё это сейчас вспоминать, потому что, честно говоря, день вообще выпал из памяти. Может, потому что мы мало спали ночью, второй день стёрся из памяти и мне пришлось бы его теперь полностью придумывать, а зачем это нужно, память избирательна, и то, что надо для того, чтобы и дальше вязать лыко... я и так помню.

На третий день я был разбужен очень рано и очень бесцеремонно. Меня трясли за плечо и говорили «подъём!». В номере мы с Артуром были к тому моменту одни, он вернулся от Оли, Лариса же к Оле ушла, это я помнил, и первая моя мысль, когда я, открыв глаза, увидел перед собой физиономию в фуражке с околышком, была такая: «Какие могут быть к нам претензии, если мы спим в своём номере?»

Было ещё так рано, что солнце не успело взойти, и от этого создавалось ощущение непрерывности вчерашнего, или, точнее, позавчерашнего бреда, снова по номеру разгуливали милиционеры и экскурсоводы, и всё это было похоже на повторяющийся скверный сон...

— Значит, так, — сказал толстый (вертится: «Портос»... м. б., из-за созвучия с португеей — единственной деталью, которую я чётко запомнил) капитан, — вы сейчас тихо собираете свои манатки. И уматываете отсюда к ебене фене. Прямо сейчас, пока все ещё спят. В противном случае мы заводим на вас дело, и вы здесь остаётесь надолго. Но не в

гостинице, конечно. Дело уже заготовлено, смотрите, — он помахал какой-то серой папочкой.

— Ладно, — сказал я, — я сейчас схожу к нашим знакомым, и мы поедем.

— Сидеть, — сказал второй милиционер, — никуда вы не пойдёте. Условие такое: мы проводим вас в машину прямо из этого номера. Под рученьки. Всё. Это последнее слово.

— Выбора нет, Костик, — сказал мне Артур, — так или иначе, вещи нужно собирать.

И мы стали собирать чемоданы, очень медленно, милиционеры на удивление спокойно это терпели, не подгоняли нас, а экскурсоводов вообще не было в номере, они вышли, или они мне на этот раз уже просто мерещились, во всяком случае, больше я их в своей жизни точно не видел... В дверь тихонько постучали, а потом, не дождавшись ответа, потому что и мы, и стражи порядка молча туда воззрились... Дверная ручка повернулась, и в комнату просочилась заспанная Лариса в коротком халатике.

— Что у вас тут происходит? — сказала она.

Шантажировать сразу трёх или даже четырёх человек — это уже, очевидно, было для них слишком. Да ещё девушек... И где четыре, там и больше трёх, а мы, кстати, уже днём в автобусе слышали, что наш инцидент (хотя мы, исходя из своих интересов, как нам казалось, не слишком-то болтали) вызвал в группе недовольство, которое наряду с другими

бытовыми претензиями граждан могло перейти в массовый протест или вообще отъезд-исход...

«Всё, проваливайте отсюда все!» — крикнул Портос. Его подчинённый начал было мямлить: «А что мы скажем Вану...», но Портос рявкнул: «Заткнись!» и повторил нам ещё громче: «Проваливайте! Все! Надоели вы мне вот как!»

Лара после этого убежала к себе в номер — будить Олю, собирать вещи... И вот уже мы стояли в холле гостиницы с чемоданами перед журнальным столиком, за которым восседал Портос, выдавая нам поочерёдно паспорта, предварительно внимательно их просматривая и выписывая данные на листик, который он достал из той же серой папочки. Ясно было, что «дело» было блефом, впрочем, от слов до «дела» у этих людей промежутков небольшой, это-то было ясно даже такому непуганому идиоту, как я... А в следующую минуту я, кстати, довольно сильно испугался, хотя вроде бы чего мне было опасаться, что такого за мной числилось? Но я его почувствовал — этот неожиданно сильный страх, когда, осмотрев мой паспорт, Портос, вместо того, чтобы протянуть его мне, пробормотал: «постой-постой» и взялся рукой за свою портупею (наверно, в гражданском обличии он носил подтяжки, или жилетку, и это была привычка).

— Ты что, правда еврей? — сказал он, поднимая ко мне глаза — фуражка съехала на затылок, лоб у него был мокрый, хотя ещё не было такой жары, как днём.

— Да, — сказал я, — там же написано.

— Почему ты сразу нам не сказал?

— А что, я обязан это говорить? Я не знал...

— Да ты что, не знаешь, что грузины и евреи друзья? Всегда были и всегда будут? Друзья навек, понимаешь?!

Я что-то хмыкнул в ответ... Что — не помню, да и вряд ли что-то членораздельное...

— Стой, погоди... Зачем же тебе уезжать? Оставайся! Слушай, оставайся!

— Нет, — сказал я, — во-первых, как быть с остальными? Они ведь не...

— Неважно! Друзья друзей — наши друзья!

— Нет-нет... мы уже собрались, спасибо, конечно, но мы уж, пожалуй... того... Мы поедем.

Он не смог убедить нас «переиграть всё обратно» и, взяв с меня лично слово, что я на следующее лето, или максимум через одно, снова приеду в их город... Портос и его лейтенант отвезли нас на «бобике» к автовокзалу и разве что не расцеловали на прощанье.

Я думаю, что ему нужен был какой-то повод, переключатель, чтобы перестать выполнять осточертевшее задание, которое он к тому моменту и так уже практически похерил, да и какое там задание, «дружескую просьбу»... Ну, и как-то подсластить нам пилюлю, чтобы зла не держали, чтобы жалоб там не писали, я не знаю, на всякий случай, как в преферансе, немножко «заложиться»... Вот он и ухватился за мою «пятую графу», только и всего.

Но это был смешной поворот, это нас развеселило на дорожку.

Надо ли говорить, что колебаний — не остаться ли в самом деле в этой гостеприимной гостинице с её бесплатными театрализованными представлениями... у нас не было ни малейших, двух актов нам хватило с головой, и мы уже ехали на рейсовом автобусе в направлении Батуми: вскоре в окне показались продолговатые тёмные чащобы Зелёного Мыса.

А потом был шторм, который, по идее, надо было бы описывать уже в следующей главе, но, с другой стороны, девочки и лето останутся в первой, так что, наверно, можно и шторм поместить сюда же... Вообще-то шторм был такой большой, что его хватило бы и на две главы (как интеллекта Артура, по его словам, на две головы), а в этой всё равно больше нечего писать: я подумал, что пересказ последующих двух недель, описание ненасытного юношеского секса... Если бы и отличалось от того самого показа слайдов Ваню и Тенгиза, то вряд ли в лучшую сторону...

Ну, такой же дурацкий микс бы получился, разве что не на фоне Пицунды.

Поэтому только шторм... Или, чтобы не нарушать связности, просто в двух словах: в конечном счёте нас занесло в Сухуми, я теперь точно не знаю почему, сначала мы, кажется, хотели остаться в Батуми, но потом, наверно, решили, что это слишком близко от Махарадзе, не хотелось случайно встретить на улице Портоса или наших экскурсоводов, кроме того, Батуми был какой-то... Не знаю, серьёзный, что ли, город, в нём интересно было два дня побродить по

лабиринтам улиц, но отдыхать в нём не хотелось, может быть, ещё эта тёплая влажность, в которой тела как бы теряют контуры, а нам хотелось, чтобы они были твёрдыми и чёткими, это было для нас важно, каждая чёрточка друг дружки, чёлочка, ключица...

И потом, вот-вот, казалось, и в самом деле грянет тропический ливень — он висел над нами, как ушат, что-то уже просачивалось, и не было солнца, и мы поехали дальше, но не думаю, что мы собирались задержаться и в Сухуми, нет, собирались мы в Сочи, ну или в какие-то окрестности Сочи, я в них немного разбирался, так как отдыхал много раз с родителями, и я уже представлял себе, как мы все будем спать первую ночь на матрасах в беседке — как прошлым летом Ростик...

Но дело в том, что в Сухуми нам подфартило с жильём: прямо на улице к нам обратился маленький, не очень молодой человек, одетый, несмотря на жару, в серый пиджачок, он спросил, нужен ли нам ночлег. Мы, переглянувшись, промолчали, или всё-таки нерешительно кивнули, и он повёл нас на всякий случай в школу, да-да, обычную сухумскую среднюю школу номер такой-то, которая, по его словам, летом использовалась как детский дом отдыха, но по какой-то причине в этот раз не было заезда, хотя всё приготовлено, кровати застелены.

В самом деле он завёл нас в большую комнату, во время учебного года это был класс, причём очень просторный класс, а теперь там стояли вдоль стен ряды кроватей, штук

двадцать, наверно, не меньше, и сторож сказал нам: «Выбирайте любые, но только, пожалуйста, не меняйте их, ладно? Чтобы мне потом возни было меньше».

Взял с нас он при этом очень мало, мы уже были в курсе тамошних цен и знали, что комната на четырёх человек стоила бы в три раза больше, если не в пять... Девочки озирались недоверчиво по сторонам: «А вы к нам никого не подселите?» — спросила Оля. Сторож улыбнулся и сказал: «Нет, я сам за вами буду следить» — и серьёзно добавил, что так же точно обставлены несколько классов, так что если он и найдёт ещё людей, поселит их туда. И то вряд ли, потому что, мы же понимаем, это всё «втихую», много народу он пустить просто не рискнёт. Я подумал, что в случае чего он на самом деле ничем особо и не рискует, скажет, мол, пробрались, впервые вижу... И опять милиция?

Но, посоветовавшись, мы всё-таки там остались. Денег-то у нас было совсем немного, на обычную комнату нам бы на две недели и не хватило (нам и так не хватило, помню, что Артур звонил домой и ему прислали перевод, и только так мы кое-как выкрутились)... Ехать же в тот посёлок, где отдохали мои родители с этакой компанией было всё-таки глупо: я представлял себе, как отец будет подшучивать, при всех вспоминая мои побеги из пионерского лагеря и говорить, что вот я опять-таки сбежал...

А здесь душ даже был — рядом с туалетом в конце коридора, и до моря было не очень далеко — минут двадцать

ходьбы; и город был как город, т. е. он не отвлекал нас ни от моря, ни от нас самих.

Что до нашей «однокомнатности», то это перестало быть проблемой уже на второй день.

Нет, мы не сошлись там все в одном порыве, просто делили дневное время и всё, делать-то всё равно больше было нечего: пляж да «уроки физлюбви», а что ещё... Поэтому никакой проблемы не было в том, что часть дня в комнате кувыркались мы с Ларисой, а часть дня Артур с Олей, ночью же мы по большей части просто спали, ухандоканные друг другом, морем, солнцем, всем этим вместе взятым... Если кому-то чего-то не хватало, не добрал днём, ну переползал к своей или своему, и что, остальные-то спали как убитые, я не помню, чтобы мы друг друга будили стоном или скрипом кроватных сеток... Но я обещал в двух словах, и мне на самом деле не хочется это описывать подробно, кому это нужно...

«Нет ничего скучнее, чем чужие любовные истории», — любит повторять одна моя знакомая, и может быть, в этом она не так уж и не права (как во всём остальном)... Но дело даже не только в этом — ну какие там «любовные истории»... Это был чистый эксперимент, какой-то «Дом-Ноль»: четыре молодых тела в большом помещении, ряды кроватей... Ненавистным мне пионерлагерем там, тем не менее, не пахло, скорее, это была такая смесь детсада и школы, одна доска чего стоила, которая переехала в сад, или кровать из сада, въехавшая в класс, в общем, наложение разных времён... Был даже мел, в избытке, на доске мы все по очереди что-то

писали, рисовали, стирали... Я помню, что рисовал силуэты дельфинов, как в самом раннем детстве, когда я их рисовал непрерывно повсюду...

Это были выпускные дни, да-да, выпускные, как бывают вечера...

И, может быть, самые безмятежные вечера в моей жизни... И с ещё большей степенью вероятности — в жизни Артура... Я не помню никаких ссор, конфликтов, угроз извне или изнутри... Только море, тёплый асфальт, пальмы, джинсовые шорты Лары, её длинные ноги, её небольшие, но очень ласковые груди, которыми она любила меня щекотать...

Один только раз над нами собирались тучи, и то почти смешные: какие-то «неблагополучные» сухумские подростки стали вдруг стекаться к школе, как стая дворовых кошек.

Ну не так чтоб стекаться, но человек десять-пятнадцать подтянулось, с неизвестными нам, да и им самим, я думаю, намерениями. Сторожа в этот момент не было, а мы сидели в своём «классе», что-то ели все вместе — иногда мы обедали в близлежащей столовой, иногда «дома», покупая в гастрономе колбасу, хлеб, кефир... И вот мы услышали какие-то мерзкие, может, ещё потому, что ломающиеся, голоса, громкие, наглые крики, но слов мы не понимали, слышали такой топот, как будто в школу ворвалось стадо слонов, и что-то там падало в коридоре — как потом оказалось, портрет Ленина, висевший в холле... Они пробили

Ильичу большую дырку во лбу, это был единственный результат этого «набега варваров»... Артур хотел выйти, но Оля схватила его обеими руками и сказала: «Не пущу», а Лариса зажала ему рукой рот.

Ну всё, хватит, теперь только шторм.

Ещё по дороге к морю мы поняли, что он пришёл за нами из Батуми, где уже штормило, когда мы уезжали. И я и Артур купались: шторм был балла три-четыре, не больше, так что и штормом его нельзя было назвать, ну так, «волнение»... Девочки — нет, но не из боязни, как они говорили, а из брезгливости: когда море волнуется, вода мутная — песчаная взвесь, какой-то суп с гущей из обрывков водорослей... В плавках потом находишь горсти мелкой гальки, мотки тины, девочкам это, наверно, особенно неприятно...

Я слишком любил плавать в волнах, чтобы обращать внимание на такую ерунду, как «частички материи не на своём месте». И в том, что я пошёл в море, на самом деле не было никакого безрассудства. Я сто раз купался в шторм. Но только до пяти баллов. Я не знал, как это объяснить, но там был какой-то разрыв у этой функции, разница между пятью и шестью была качественной — там был явно какой-то скачок...

Я наблюдал это с детства, и всегда, когда было шесть и более, мне даже в голову не приходило идти в море, да и что значит идти — в шестибалльный шторм море идёт на

тебя самого плотными рядами двухэтажных строений, которые взрываются по команде и обрушиваются в водяную пыль, и на их месте оказывается следующий ряд... Человеку, как и любому живому существу, я думаю, хочется держаться от этого подальше.

Но дело в том, что шторм-то в Сухуми был по шкале шестибалльный — как потом оказалось, а выглядел при этом ну максимум на пятёрку, если не на четвёрку или даже троечку... Это был какой-то обманчивый шторм, да... Поэтому в том, что я пошёл в море, не было ни капли бахвальства.

Ну, может быть, капелька, так она ведь есть во всём, что делаешь в присутствии девушки, да ещё в таком возрасте...

Я разделся и пошёл к штормящему морю так уверенно, как будто был накоротке с этими валами — их пастух или дрессировщик, вот уже я оседлал один, потом второй — поехал прямо к горизонту на их спинах...

Настоящее родео я устраивал во время штормов на своём старом красном матрасе, который не взял с собой в путешествие, и тут без «надувного седла» я не так чтобы на них восседал — некоторые валы я прошивал насквозь, бодая головой, на некоторые взбирался, да-да, быстро-быстро полз наверх, чтобы успеть оказаться на пике прежде, чем эта гора начнёт сворачиваться и накроет тебя своим гребнем...

Впрочем, ничего плохого в таких покрытиях не было, и я ползал наверх, а не нырял в волну, хотя легче было её пронырнуть, просто потому, что мне нравилось оказываться на мгновение наверху — в этот миг видишь как бы всё море перед собой, да что там море — всю Землю; правда-правда, это — кратковременное, но захватывающее зрелище... И сразу после того, как я брал очередную высоту, она просто растворялась подо мной, и меня быстро несло дальше в море...

Но и это меня никогда не беспокоило: я умел точно так же двигаться в обратном направлении, да и что там было уметь... Никогда у меня не было с этим проблем, даже чувства такого, что там могут быть какие-то проблемы... Более того, и шести-семибалльные штормы мне иначе как с большого расстояния не хотелось наблюдать, не говоря о том, чтобы там плавать... Только потому, что волны, достигая берега, были такими высокими и мощными, что... К чёрту сравнения с домами, направленными взрывами, но ведь и в самом деле они запросто могут расплющить тебя о камни.

А вот другой опасности — невозможности выйти из них — я и там не видел, я думал — мысленно я ведь плавал и там, но только мысленно... И думал при этом, что если в них благополучно войти, то дальше — как раньше, плаваешь и всё, что по горизонтали, что по вертикали — там нет силы тяжести... Ну, а на выходе, конечно, надо не угодить под молот волны весом с тонну, но это не должно быть сложно, потому что интервалы между махинами достаточно большие...

И вот я стал впервые в жизни испытывать некое беспокойство: волны как будто не пускали меня обратно, я заметил, что берег, в силу какой-то непонятной мне махинации, не приближается, несмотря на все мои нешуточные уже к тому времени усилия, а отдаляется всё больше и больше.

Через какое-то время началась паника, но не она парализовала меня, нет, во время панической фазы я как раз истошно грёб в сторону берега, который периодически мелькал передо мной то в одном, то в другом направлении, потому что волны... Ну да, они вели себя всё более нагло, т. е. в самом деле как животные, которые чувствуют твою слабинку, зарождающийся страх...

Волны теперь бесцеремонно крутили меня во всех направлениях, не было больше этого «вверх пополз и с горочки спустился»... Не уверен, что правильно было бы сказать, что я попал в область турбулентности — а где во время шторма вы там найдёте ламинарность? — но может быть, и так: море в разных местах вело себя по-разному, и я попал в какую-то особо каверзную зону перекрученных потоков, где пространство имело совсем другие характеристики, а когда началась следующая фаза — фаза бессилия, пространство стало терять смысл не только как общее понятие...

Как бы сказать... я был теперь заперт — моё восприятие было теперь всё время в ограниченном сгустке, который становился всё более неоднородным, взбалтывался, и меня в нём крутило, трепало, бросало, плющило по стенкам узкой,

хотя вроде бы и несуществующей, каморки... И это было только начало — начало бессилия, после этого пространство вернулось, пузырь, окружавший меня, лопнул, и я стал ощущать море чем-то всё менее мне чуждым...

Но это трудно передать словами через столько лет...

Впрочем, и тогда единственное, что я мог сказать по этому поводу, это то, что моё тело превратилось в тряпичную куклу.

В какой-то момент, я помню, стало даже забавно... ну да, новый экспириенс: я никогда до этого не испытывал паралич... Может быть, на суше мои члены бы и двигались, ну как-то не так резво, как обычно... Но здесь была вода, причём очень быстрая и сильная во всех направлениях... Порог, за которым твоё усилие становится, по сути, равно нулю, в такой среде совсем другой. Я стал тряпичной куклой, as I said, с глазами и ртом, и больше я ничего не помню.

Очевидно же, что для мысли, и даже такой простой, как «осознание окончания собственного существования»... тоже нужна какая-то энергия, а у меня в тот момент уже не было никакой... Поэтому мысль о том, что это — конец... была какой-то тупой, приглушённой, типа, «ну да, всё, пиздец...» — и больше ничего, то есть никакой внутренней патетики — вплоть до молитвы, которая бывала у меня не раз в аналогичных вроде бы ситуациях, но, во-первых, не

при таком истощении сил и, во-вторых, на суше... Тонул я только один раз — мне хватило.

Последняя фаза была отмечена, короче говоря, полным равно-душием.

Я только помню, что это было уже не притворство, наподобие того, как, по Джерому, делают вид, что не хочется чаю — чтобы чайник поскорее вскипел...

Нет, теперь мне не хотелось чая на самом деле. Мне стало всё равно, правда.

Не знаю, потерял ли я на время сознание... Но потом было это ощущение — что там была какая-то накладка, как бы латка короткого сна на поверхности бессонницы, которую не сразу и отличишь... Только ещё через мгновение, если сразу не уснёшь по-настоящему, понимаешь, что это был моментальный сон, просто потому, что ты лежишь в кровати и не мог, стало быть, только что идти по той улице... Вот что-то подобное, возможно, что и произошло со мной в волнах, но точно я не вспомню... Произошёл какой-то скачок, перескок... «У него бывают такие заскоки»... Я вдруг почувствовал, что лежу на твёрдой поверхности.

В первое мгновение я в это не поверил, но потом что-то включилось, я нащупал пока что ещё не своей рукой камни... Я думал, что это дно, но как-то вокруг теперь было бо-

лее воздушно, хотя вода и пена пеленали меня ещё со всех сторон... И вот странно: интервал-то у таких волн большой, но всё-таки не такой же, чтобы я, ещё сам не свой и с этими ватными, как во сне, конечностями, успел подняться и не убежать, какой там бежать... вот именно отойти, медленно, как во сне, согнувшись в три погибели, уйти от очередной волны, которая наверняка бы забрала меня обратно...

Тут легко, конечно, поддаётся соблазну антропоморфных метафор, типа «море меня отпустило», «море соблаговолило», «море решило»...

В общем, выплюнуло к чёртовой матери. И теперь уже я дрожал — но не так, как Артур в коридоре, — не от избытка то есть, а от недостатка сил, а это не одно и то же.

Хотя там, где-то раньше по тексту, я забыл сказать, что однажды дрожал и от их избытка, причём точно так же, как Артур... И поэтому тогда, в коридоре, так ужаснулся, на Артуре ведь не было лица... в переносном смысле... Но вот уже и в прямом: Артур дрожал точно так же, как я после драки, которой не было, и мысль о том, что всё это один такой тварно-дрожащий поезд... меня тогда поразила, да.

Меня встретил ночью в микрорайоне бывший одноклассник в компании своих новых друзей, выкрикнул мне в лицо мою старую обидную кличку, я привычно поднял руку и вдруг у своего горла ощутил лезвие... И они обобрали меня так, что я при этом не пикнул... При том, что в школе я его

поколачивал, но теперь он стал другим, пусть тогда ещё и не в законе... И вот, когда они ушли, сказав своё «скажи спасибо, а могли бы...», меня начало колотить точно так же, как Артура после нашей поездки в гости к «гидам», только стены гостиничного коридора рядом не было, и я упал на снег.

Но я отвлёкся: я уходил от волн, опираясь сразу и на Артура, и на Ларису, и дрожал, как будто пародируя его вчерашнюю дрожь. Потом я некоторое время лежал на мокром асфальте набережной на недосягаемом для волн расстоянии. Девочки отошли в какой-то киоск, их посетила мысль, что мне нужна глюкоза в том или ином виде, Артур пожал плечами и сказал, что не помешает; уходя, Лариса спросила: «Можно на тебя его оставить?» Мне это не понравилось, но у меня не было сил спорить, я просто лежал ничком, потом перевернулся на спину, ещё через некоторое время открыл глаза и увидел лицо Артура.

Он сидел на бордюре рядом со мной, или, точнее, надо мной: «Когда мы приедем в Харьков, — сказал он, — ты зайдешь ко мне в институт. Я покажу тебе полный комплект инструментов, которые использует нейрохирург во время операций. Я уверен, что после этого у тебя навсегда пропадёт охота вытворять нечто подобное». При этом у Артура было точно такое же, слегка изумлённое абсурдом окружающей его действительности, выражение лица, с каким, я уверен, он смотрел на тот самый рыбий скелет, который какое-то время держал перед собой двумя пальцами, выловив из тарелки с молочным супом в столовой пионерского лагеря.

2. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Артур на самом деле показал мне их. Это было уже в другом году, но всё равно так давно, что я не могу теперь понять, было ли это на его кафедре в мединституте, или в больнице, где он проходил практику. Я навещал его и там, и там, и где именно Артур взял меня под локоток и подвёл к стенду, я не вспомню: столько лет...

Хотя всё же странно, сам-то стенд помню отчётливо, он втемяшился мне в голову, похоже, что навсегда, а вот в каком коридоре это было... Нет, не знаю.

Я бы этим и не заморачивался, ну какая разница, где они висели — где-то... Просто от того, что я не могу теперь вспомнить точно местонахождение предметов, у меня создаётся это неопределённое ощущение: было, не было, не приснилось ли...

Впрочем, оно может стать плодотворным, если писать не автофикшн, а всё-таки прозу или хотя бы нечто среднее между ними...

Я сохранил во второй главе первое лицо не для того, чтобы писать о нём, т. е. о себе (я достаточно уже написал о себе в других произведениях, не делая вид, что пишу о ком-то), на фоне смутного портрета другого, а для того, чтобы писать о другом, сохраняя нужную мне дистанцию, ведь если бы я начал писать от его лица, это было бы совсем уже лицом-к-лицу-лица... Так что пусть уж пока будет, как будет, т. е. из первых рук, но от третьего лица, а там посмотрим,

чего убудет, а кого прибудет, и тогда уже рассчитаемся на раз-два-три...

Артур подвёл меня к стенду и сказал: «я сейчас». Оставил наедине с воспитательной целью.

Я подумал, припоминая шторм прошлого, или позапрошлого лета, что Артур слов на ветер не бросает. В переносном смысле, — даже когда делает это в прямом, во время шторма ветер ведь был такой, что слова должно было унести... Но не унесло, м. б., потому что они были чеканные, металлические, и не только, как голос (хотя и он тоже), но и как его инструменты...

Ну и что, я признаю: его тогдашние орудия труда произвели на меня сильное впечатление.

Особенно огромный коловорот, которым, казалось, можно было бурить землю, пока там не забурлит нефть или не откроются другие ископаемые...

Может быть, такая странная мысль (каким бы большим коловорот ни был, а всё равно странная) пришла мне в голову потому, что накануне другой мой школьный приятель тоже показывал мне своё орудие труда. Валера по кличке Глухой устроился в геологическую экспедицию на необычную должность: он должен был устраивать по команде небольшие землетрясения.

Да-да, на счёт «три» он должен был лупить огромным молотом о землю — чтобы учёные члены экспедиции могли тем

временем снимать показания со своих датчиков, что-то им нужно было знать определённое о поведении каких-то земляных пород, скорость распространения в них колебаний...

Молотки, висевшие на стенде, были не такого размера, как у Глухого, конечно, но это были и не те молоточки, которые я привык видеть у Артура, когда он был ещё не хирургом, а «юным невропатологом».

Не только коловороты и молотки, там было много всякого всего, стенд был обширный — несколько метров в длину, два-три в высоту, и большая часть инструментов была совершенно неожиданных для меня форм, не говоря о размерах...

Ну что мы знаем о хирургии, даже если бываем её объектами, мы же находимся под наркозом и ничего не помним... По крайней мере, у меня было так: в памяти осталась рыжая маска, которую белая рука хирурга поднесла к моему лицу... А дальше шла темнота, которую иногда заполняли образы из кинофильмов, если не анекдотов: «скальпель, спирт, ножницы, спирт, скальпель, огурец...».

А нейрохирургу приходилось иметь дело не только с мягкими тканями, поэтому инструментами его, во всяком случае в ту пору, были такие штуковины, которые профан вроде меня предполагал увидеть разве что в цеху машиностроительного завода или в арсенале слесарной мастерской.

Повторяю, не только коловорот меня так впечатлил, но ещё и дрели, пилы, кусачки Дальгрена, ранорасширители Егорова—Фрейдина... Артур вернулся и подробно называл и пояснял мне назначение каждой железяки.

Стамески, огромные дюпеля, разводные ключи, свёрла разного диаметра, спицы...

Произвели, произвели, чего там. Как... если не на героя, то на зрителя «Семнадцати мгновений» производили все эти пыточные иголки, разложенные на белоснежной ска-терти...

Но эти на стенде были страшны ещё и нечеловеческими размерами... Честно говоря, мне трудно было поверить, что предназначались они для ремонта человек...

Если и верилось, то с большим трудом, и тогда уже начинало мерещиться, что это здесь на самом деле такой... завод в преисподней, где «не все умрут, но все изменятся», Артур же на этом фоне смотрелся просто как вылитый Франкенштейн... Т. е. не креатура, с которой порой путают её создателя, а сам доктор Фран-кен-штейн... который кроил в этих катакомбах монстров (раз написалось «катакомбы», значит, наверно, всё-таки это было в больнице, а не в институте).

Это было секундное видение, конечно, после которого я вспомнил, что Артур и его коллеги, или учителя, не со-

здают здесь ничего нового, а лишь пытаются спасти то, что однажды уже было создано...

Очевидно, что наиболее бесстрашны — или безрассудны, если угодно, те, у кого плохое воображение. И вот Артур, значит, решил, что может исправить мой врождённый дефект. Чего и достиг, повторяю: на меня стенд «наглядной агитации» подействовал, и произошло это как нельзя вовремя, как раз когда субстанция вокруг нас начала приходить в движение, как в шторм, по которому и не скажешь, что он шестибалльный, пока не попадешь вовнутрь...

И вот в это вот «море волнуется два» я уже не стал бросаться очертя голову.

Я не буду чрезмерно упрощать свою реконструкцию, представляя всё так, что, мол, инструменты, заложенные Артуром в мою пустую голову, стали теми предохранителями-оберегами, которые спасли меня, например, в тот день, когда я встретил отца своей соученицы Егора Исаковича...

На перекрёстке у «старого колбасного», и не сразу понял, что он пьян не от вина, а от духа времени, витавшего над разверзшимся морем безграничных возможностей и засиявших перспектив...

Да, Егор Исаакович был, по сути, медиумом, через него со мной говорил тогдашний Zeitgeist.

Мы разговорились, ещё бы, он ведь стал предлагать мне поучаствовать в празднике новой жизни...

Смеясь, сказал, что мы завтра же можем взять один кредит на двоих, и при этом с пятью нулями...

Я согласился: «а чё», дают — бери, мы выпили водочки, какая-то там была забегаловка, где наливали, — не совсем там, где ещё раньше был колбасный, а прямо через Петровского, напротив... А-а, где наша не пропадала — ещё по одной...

А потом, когда он позвонил мне, как условились, через два денька, я сказал, что передумал.

«А чего, — спросил он, — перегорел?»

«Вот-вот, — сказал я, — послушайте, Егор Исаакович...»

Но не коловорот и не ранорасширитель, показанные мне Артуром, предотвратили для меня всё дальнейшее, а встреча — тоже случайная, с другим человеком, объяснившим мне в двух словах, что происходит, когда идут откаты по кредитам этого банка...

И хотя Егора Исааковича я знал раньше, и он всегда казался мне гораздо более серьёзным человеком, чем мой следующий собеседник, поверил я всё-таки последнему. А Егор Исаакович мне не поверил, м. б., я не так доходчиво пересказывал, а м. б., тут уже и стенд с «наглядкой»

Артура сыграл свою роль, так или иначе, но меня в итоге не увезли в лес, как Егора Исааковича, где, судя по тому немногому, что от него осталось, применили что-то похожее на экспонаты стенда.

Но, разумеется, пришедшую ко мне так вовремя трезвость трудно связать непосредственно с медицинскими инструментами, выглядевшими как слесарные и развешенными по стенке наподобие противопожарных...

Даже при моей этой склонности всё раскладывать по полочкам, по «векторам базиса», если угодно... Это ещё зачем, кому это угодно?

Ну, написал, чтобы блеснуть остатками знаний, показать, что и я что-то учил и что-то ещё помню, скажем, из курса строймеханики, хотя деятельность моя по завершении учёбы в ХИСИ почти сразу стала чисто экономической.

Вот именно «чисто», во всяком случае, меня не только не увезли в багажниках в разных направлениях: «части тела — части света...». Но и не сажали в кутузку, и я не скрывался, как партизан, по чужим квартирам, подвалам, дачам...

Только не надо подозревать меня в совсем уже неумной заикленности на моей собственной персоне, потому что здесь я как раз и перехожу непосредственно к моему персонажу, которому по злой иронии судьбы в прятки пришлось поиграть предостаточно.

Вот только... Я заметил, что перескочил через слишком уж большой промежуток времени. Так ведь можно совсем растекаться, если предложение начинается в те далёкие времена, когда будущая элита гоняла шарики между напёрстками, а заканчивается, когда она же стала гонять... Шарики-шарики, только больших размеров.

Ну, и напёрстки при этом как будто перевернулись, выросли в землю, стали лунками гольф-поля... Слишком большой получается скачок, — я чувствую, что даже прорезиненная проза на такие шпагаты не способна, может в любой момент треснуть по шву, как, бывало, мои брюки, когда я на спор садился в шпагат... Вернёмся поэтому лучше к самому началу восьмидесятых.

Собирались мы вообще-то вместе, и у нас уже были билеты на поезд, не в Батуми, конечно, но в Воронеж или, там, во Владимир — туда, где жили Лара и Оля... Но у меня к тому времени образовалась постоянная подруга (хотел стереть слово «образовалась», но передумал, вспомнив, как не то чтоб из желания позлить, просто в шутку пел ей под гитару: «Слепили бабу на морозе, руки, ноги, голова...»), а, как известно, «баба сердцем чует», и хотя я сказал ей, что мы с приятелем едем «смотреть памятники русского зодчества», она всё сделала так, что я опоздал на поезд.

Или, точнее, спохватился, глянул на часы только тогда, когда поезд ушёл и на вокзал уже незачем было ехать.

Такой жаркой Лана никогда не была до этого, впоследствии — сколько угодно, но начало жара пришлось как раз на тот вечер, когда Артур, напрасно прождав меня на промозгом перроне Южного вокзала, выплюнул сигарету, послал меня подальше и заскочил на подножку тронувшегося поезда.

Мой путь был гораздо короче: вместо вокзала — в зазеркалье платяного шкафа, куда мы забрались, потому что пришли с работы родители, ей потом влетело ещё за мятые костюмы... И вот в этом шкафу мы куда-то с ней так поплыли... что ещё долгое время после этого меня не оставляло карнавальное какое-то настроение... которым я пытался заразить и Артура.

Но наш доктор был, как правило, мрачен, хотя внешние обстоятельства складывались для него более чем удачно: красный диплом, ординатура, аспирантура, защита...

Женским вниманием он тоже не был обделён, я ведь бывал на ночных «летучках» и видел каждый раз новую медсестру, смотревшую на Артура такими оленьими глазами, что сомнений быть не могло.

Да Артур этого никогда особо и не скрывал, разве что в тех случаях, когда у сестры был какой-то явный жених, или что-то вроде того...

Вот только не видно было, чтобы это отвлекало Артура от одной и той же тяжёлой мысли, сообщавшей его лицу выражение, которое я знал ещё с Махарадзе.

Я говорил себе: «ну что ты хочешь, действующий хирург, в отличие от тебя, ничего не строящего строителя, работает на линии «жизнь-смерть, земля-воздух, земля-земля»... Это не контора с кроссвордами, от которых ты перешёл к ямба и шарадам... Хиханьки-хаханьки, короче говоря, а у него совсем другие «кроссворды», он этими железяками каждый день перекраивает кости и мозги... И было бы странно, если бы он был при этом весельчаком...»

Но эти банальности я сам же для себя опровергал, глядя на лица других хирургов.

Хотя что значит банальности... Ведь позже Артур в какой-то степени их подтвердил, когда он объяснял мне, почему ушёл из медицины. Нет, не так, ушёл он не потому и не добровольно, а при форс-мажорных обстоятельствах, на которых я ещё остановлюсь — скажу, по крайней мере, всё, что знаю, а объяснял он мне — гораздо позже, не то, почему он ушёл, а почему так легко ушёл, почему рад был уйти, но об этом надо будет сказать ещё позже, пока что Артур — многообещающий молодой нейрохирург, мы пьём медицинский спирт, точнее я, он же вкалывает себе кубик внутривенно, в лабиринте «неотложки», кажется, это день рождения, но его ли, точно не помню, может быть, одной из медсестёр или медбратьев.

Потом начинается какой-то бред: мы надуваем презервативы... Или напальчники? Нет, кажется, презервативы, мы заливаем их водой и начинаем играть в гандбол, ну да, благо коридоры этой больницы достаточно огромны, и есть там такие тупики, куда ни один больной не доберётся, таким пьяным я Артура, пожалуй, никогда больше не видел, гандоны быстро рвались, в этом и был прикол, братья и сёстры визжали, как ненормальные, мокрая оргия в летнюю ночь продолжалась, пока все не попадали...

Да, это было странное зрелище: люди в белых халатах, играющие в водяные шары, т. е. полный сюр, мокрый пол, «скользанки» (это уже сюр-жик), кто-то падает, и на него сразу ещё кто-то, и вот уже куча мала...

Прикольно, скажем так, было очнуться лежащим на кушетке в кабинете «неотложки» не в качестве пациента и не в качестве персонала, а таким... Посторонним духом, немного с бодуна, но не сильно, медицинский спиритус не оставлял таких последствий, как те смеси, которые мы пивали за пределами больницы... Собственно, я и спал-то совсем недолго, и чувствовал себя хоть и измочаленным, но выздоровевшим... Как будто я был-таки больным, которого выпиывали, и вот он — я, выходил на улицу с синим узелком, с бельём, и ничего не помнил... из анамнеза... ввиду амнезии — этого неизменного атрибута мыльных опер...

Хотя тогда мы не знали таких слов, первый latinoамериканский сериал пришёл на экраны несколько лет спустя,

а про амнезию я впервые слушал не с экрана, а от Артура, когда он рассказывал мне о человеке, которого оперировал после концерта «Звуков Му»... Я что, помимо больничных оргий, собираюсь здесь описывать ещё и концерт, это ещё зачем? «Отказаться от памяти в пользу жертв катастрофы...»? Ну разве что... «То, что было не со мной, вспомню...» Ладно, попури так попури...

На самом деле тот парень впал в кому не от музыки Мамонова и Липницкого, а от ударов безымянных гопников, которые поджидали толпу, условно говоря, «хипарей», после концерта, возле выхода из ДК.

Артуру пришлось делать несколько операций в последующие ночь и день, и всю жизнь после этого при словах «Звуки Му» он вздрагивал и шептал: «блядь».

Били, конечно, гопники, но в чём-то Артур был прав, музыка ли, движения ли Мамонова действовали как электролиз, разделивший мутную толпу на: 1) гопников, которым нужно было выплеснуть на кого-то, не то чтоб даже злобу дня или силу ночи... А просто заряд, который перешёл к ним, иначе их устройства сгорели бы на раз, и 2) объекты для битья, «хиппи-панки, бледные поганки»...

Энергия была странная на самом деле — ролики в ютюбе не дают понять, как это могло быть таким сильным, надо вспомнить, что это был 83-й год, Харьков, захолустный ДК, зал которого наполовину заполнен парубками в

дерматиновых кепках, и как они должны были реагировать, когда на сцене стало происходить что-то вроде ночи оживших мертвецов и одновременно амнистированных беспредельщиков... Я говорю в множественном числе, хотя речь идёт об одном человеке, потому что его передвижения по сцене создавали ложное впечатление: что его много, что «всюду ходит волк», гримасы его зависали в воздухе, даже когда не работал стробоскоп, чеширские улыбки, когда он уже почёсывался в другом месте, а воздух расслаивался на струпы, потом ещё вынули термос с жидким азотом, в облаке которого зарождались всё более мощные рифы Липницкого и — прокатывались по залу, как тяжёлые шары...

Мамонов был Фрэдди Крюгером, причём, он, кажется, опередил последнего, большинство зрителей вообще ни одного видео ещё не видело, во всяком случае, ужаса...

О господи, я не оправдываю гопников — которые вполне могли разбить в ту ночь и мой череп между прочим, потому что я тоже был на том концерте... А гопники, кстати, в большинстве своём, может быть, и не были, я вот сейчас вспоминаю, что концертов было два на самом деле, и после первого сарафанное радио разнесло по городу такую весть... что после второго на улице стояла уже группка кепок и били они не всех, конечно, а тех, кто особо выделялся...

Этот механизм, наверно, везде работает одинаково, говорят, что после первой трансляции концерта Sex Pistols

фермеры, или там «реднеки», похватали свои винчестеры и поехали на охоту за «мразью», т. е. это автоматическая реакция...

Так или иначе, Артуру пришлось попотеть той ночью и на следующий день...

Он тогда был совсем лыс, стригся под ноль, воюя таким образом с облысением... Но всё равно, ни тогда, ни сейчас, ни разу он был не похож на вокалиста The Smashing Pumpkins, так что это скорее само название — «разбитые тыквы» — то, что сейчас выдернуло из памяти клип-парашют — дёрни за верёвочку... Или кликни в ютубе... И раздвинутся целлофановые занавески, отделяющие больничный коридор от пургаториума твоей памяти, и зазвучит рефрен, слышишь: «We must never be apart...»

Да, когда я впервые его увидел — я имею в виду клип The Smashing Pumpkins, я вспомнил ночь в «неотложке», лысого Артура, бесконечную кайфоловку, в которую я там попал, занимаясь чёрт знает чем с его сестрой, ни секунды не забывая, кстати, что за дверью отделение больницы, причём какое...

Такое, куда каждый день привозят кого-то с ранами, переломами, с ударами, нанесёнными то изнутри, как при инсульте, то снаружи, как то: после концерта «Звуков Му», хотя, конечно, для ударов не нужно было никаких особых звуков...

Если не побояться высокопарности, можно сказать, что Артур тогда воевал на передовой тотальной войны небытия с бытием со всем его битием и катаньем... но пафос пафосом, а здесь не надо шить гладью, гладкопись-звуккопись здесь вряд ли уместна, в санпропускнике «неотложки» (вспомнилась девушка, которую я там видел, ожидая Артура... Страшная рыжая девушка с картины Мунка, с десятками ножевых ран, в том числе и на лице...) А кат — палач, кстати, по-украински, антиврач...

Специфическое там было чувство протекания времени, как будто все там были подключены к капельницам, и больные и персонал,ходишь и сразу подключаешься к чему-то, у меня, по крайней мере, было такое ощущение и даже мысленный эксперимент: «мог бы я там работать?», мне плохо удавался, нет, я не мог себе это представить... И могущие показаться постороннему сверхциничными — оргии, в памяти сливающиеся воедино с клипом Ador, в таком месте, где люди мучаются, и многие отмучиваются... И чистый спирт, разумеется, который Артур вкалывал себе в вену после того, как сутки вкалывал в операционной, — на самом деле понятны только в контексте, и напрасно я их сейчас оттуда выдёргивал...

Ну вот, а потом мы стали общаться реже. Артур сохранился, конечно, в телефонной книге и на периферии сознания, но уже больше как знакомый доктор. Ну и как старый друг, естественно, но с дружбой такое дело... в какой-то

момент приходит новая полоса, новые друзья, со старыми общаешься всё реже и реже... короче говоря, и в сознании и в записной книжке Артур теперь был главным образом: знакомый доктор.

Несколько раз я давал его телефон родственникам, друзьям или друзьям друзей... Сам не знаю, почему я у одной знакомой спросил потом, взял ли Артур с неё деньги, кажется, это была не операция, а небольшая консультация по поводу головных болей её сына... Знакомая призналась, что стеснялась совать ему конвертик, решила сначала спросить, как он отнесётся, если вместо обычного в таких случаях (так ей казалось, святой простоте) коньяка...

«С тех пор, как человечество изобрело деньги, — сказал ей Артур, — от них ещё никто не отказывался».

Я сомневаюсь, что он именно так сказал — фраза какая-то не его... Но с чего бы ей врать, с другой стороны? Не знаю, зачем я вообще это спросил, но знаю, почему сейчас вспомнил: когда начался весь этот театр абсурда, если верить Артуру, в каждую минуту готовый перейти в фильм ужасов...

А как ему можно было не верить, когда он позвонил в дверь ночью, перепугав Лану, и она быстрее меня, бесшумно подобралась к двери и, не узнав Артура в глазке, вернулась, зашептала, чтобы я не открывал, но когда я протопал в при-

хожую, позвонили ещё раз, и знакомый голос сказал: «Этот я, Артур».

Боже, что он плёл Лане, пока она накрывала на стол — ясно было, что спать уже никто не будет, и хотя Артур, да и я тоже, кричали, что мы не будем ничего есть, Лана упрямо и методично накрывала на стол, наверное, чтобы самой успокоиться... И вот, когда мы выпили по второй, Артур начал рассказывать дальше...

По его словам, на него наехали авторитетные люди — и тут, конечно, не было ничего фантастического, но вот причина наезда была, прямо скажем... Хоть стой, хоть падай.

Артур — *по его словам* — последний год не то чтобы полностью изменил свой профиль, но стал подрабатывать как бы в смежной области... Или в промежуточной, если угодно, и не один, а в группе спецов, основу которой составлял уролог с мировым именем. Ну, или со всесоюзным — во всяком случае, так считалось у нас в городе. Подробности их коллективного хирургического помешательства я не возьмусь, конечно, воспроизвести, я только помню, что, несмотря на серьёзность ситуации (в чём мы как раз не сомневались — иначе с чего бы Артур завалился к нам в два часа ночи), Артур излагал технические подробности таким голосом и с таким юмором, что мне показалось: он хочет оставить нам возможность допустить, что всё это шутка. Наполовину шутка. «В каждой шутке есть доля,

т. е. судьба», — говорил тот же Артур задолго до инцидента...

«Новая телега», короче, в которую я тогда поверил, а через день уже нет, а ещё через день снова поверил... была приблизительно такой: они чего-то впа(р)ивали под кожу уставшим мужчинам, микросхемку такую, чип, который приводил в действие какой-то гидропривод, или что-то в этом роде, но гидравликой в любом случае занимался не Артур, и эти технические подробности он нам не приводил даже схематично, или я не помню... Его конкретной задачей было соединение контактов микросхемы и нервных окончаний: тонкая, филигранная операция, хотя, на мой профанный взгляд, и не более фантастическая, чем то, с чем он справлялся раньше, когда соединял, скажем, нервы отрезанных трамвайными колёсами кистей...

Ну да, поразив моё бедное воображение своими макроинструментами на заре перестройки, Артур, конечно же, работал с ними и там, где всё решали микроны и доли микронов... И где-то там, значит, помещалась теперь микросхема, запускавшая весь сложный механизм судьбы: видный уролог-рационализатор погиб в автомобильной катастрофе недели через три после того, как Артур залёг на дно.

Выглядело как несчастный случай. Хотя бедняга был не виноват, подвела техника, я имею в виду не авто... Самое странное в рассказе Артура было связано с дистанционным

пультом, или сенсорными датчиками, которые реагировали на сигналы и включали всю подкожную цепочку запуска эрекции...

Эти датчики стали вдруг откликаться на посторонние сигналы, скажем, на инфракрасные от пультов телевизоров и музыкальных центров, но это было бы ещё полбеды... Но они стали откликаться вообще чёрт знает на что, и всё это вместе свело с ума новоиспечённого киборга, ему показалось, что пульт управления находится на другой планете, он ощутил себя игрушкой в руках безличных невидимых сил, полусиликоновый член его вздымался, как натуральный в юности, без причины... Но когда надо было — не шевелился... И ещё какое-то отторжение чужеродной ткани началось, правда, лёгкое, его-то победили... Но пациент всё равно уже слетел с катушек и решил расправиться с докторами, «поставившими на нём эксперимент, как на каком-то Шарикове».

Это всё рассказал Артуру человек из ближайшего круга «страшного человека». Артур когда-то спас его после травмы, в большинстве случаев несовместимой с человеческой жизнью, поставил титановые пластины в череп или что-то в типа того... И вот теперь парень решил отплатить Артуру той же монетой и предупредил, что к нему направляется бригада «весёлых разведчиков», как называл своих ребяташек «очень важный человек».

Честно говоря, я всегда допускал, что причина была совсем не такой уж научно-фантастической.

Может быть, просто взял деньги за обычную операцию, а спасти не такого уж и грозного... но и не совсем, скажем так, обычного, человека не сумел?

А говорить друзьям о том, что взял деньги, и не смог их отработать, а может, так потратился, что отдать не смог... было не так сподручно, как развлекать нас байкой о вживлении микросхемы в самого страшного человека со всеми этими подробностями: торшер, вспыхивающий в ночи вместо того чтобы... или что-то на самом деле поднимающееся, ворота гаража, всё, что угодно, но только не то, что нужно...

Всё это выглядело, короче говоря, как смесь дурного сна со скверным анекдотом (что вовсе не исключает, повторяю, что такие операции междисциплинарная медбригада, в которую входил Артур, не делала на самом деле), и тогда же на кухне мне эта тема поднадоела, я сказал ему что-то грубое... Сначала вспомнил анекдот-загадку о «советской машинке для жужжания в заднице» (ответ: «не жужжит и в жопу не лезет»), а он сказал, что тут как раз другая ситуация, влезть-то влезла...

Кажется, он тогда вспомнил и другой случай — как его приятеля-дантиста чуть не убили, когда он поставил бандюге коронку, которая, вкупе с другими мостами, или хрен знает чем там у него во рту... превратилась в колебательный контур, и дяденька стал слышать радио «Маяк» круглосуточно, — случай, о котором я слышал до этого не раз, и тут я вдруг почувствовал (как тогда говорили, когда слышали

старый анекдот: «знаешь, за что брат убил брата?»), что мне всё это осточертело, может, просто это у меня уже «сели батарейки», было пять часов утра, мне предстояло невыспавшимся идти на важную для нашей фирмы встречу по приватизации объекта общепита, неизвестно было, чем это всё кончится... «Артур, ты молодец, — сказал я, — такую телегу прогнал... Молодец-молодец, обосрал всех фантастов».

Он не обиделся ничуть, он так расхохотался, что тогда же я подумал: что-то вколол, и на этот раз не спирт...

В общем, как тогда, опять же, говорили: «за что купил, за то и продал»... Ничего не наварив — «ніякого сенсу», так что зачем было так подробно это сейчас пересказывать... Ну, может быть, и не надо было.

Тем более, что теперь вот мне ещё вспомнились строчки, где то же самое сказано в двух словах:

*«Доктор Фрейд, покидаю Вас,
сумевшего (где-то вне нас) на глаз
над речкой души перекинуть мост,
соединяющий пах и мозг».*

Но чтобы выбраться из этого порочного круга... из «простого кружка»... внутри которого и всё и ничего... напомним вам или, по крайней мере, себе, что, во-первых, я тут пишу вовсе не отходняк Артуру... А во-вторых, Артур прошёл по этим мосткам в другую сторону — туда, где его и встретил доктор Ф. ... И это я уже совсем не для красного словца говорю: начальный импульс для всей этой дальнейшей ленты «Артур

Николаевич меняет профессию»... был сообщён нашему доктору столетним стариком, который начал заниматься психоанализом практически одновременно с возникновением этого... концептуального искусства. Ну, или с первыми шагами, родилось-то дитя доктора Е. в 1897, что ли, году, с выходом какой-то работы по истерии, почему-то мне не хочется уточнять год, хотя это было бы «секунда дело», один клик, но я напишу так, как запомнил со слов Артура, в конце концов, если в прозе психоанализ чуть позже или раньше появится, ничего страшного, не правда ли... Так вот, старик, имя которого я тоже не помню, практиковал психоанализ в двадцатые годы, а потом затаился лет этак на семьдесят, пока не выплыл в виде живой реликвии. Он попал в больницу к Артуру, там они и разговорились, и под влиянием харизматичного старца и его рассказов о психоанализе периода гражданской войны в Артуре, по-моему, и зажёгся этот интерес.

Хотя пока гром не грянул, интерес был «чисто спортивным», так сказать, факультативным, и только после вышеупомянутых неприятностей интерес на букву «п» превратился в новую специальность, и даже в нечто большее, чем специальность, — в новую жизненную функцию, как-то так, да...

Но пока мы ещё не расстались со всей этой чушью — с чипами-нейронами, поющими чупа-чупсами, сенсорными торшерами... скажу ещё два слова о тогдашней аргументации Артура — которую я слышал не той ночью, когда он к нам ворвался, но и не намного позже, т. е. когда я спрятал его на квартирке, купленной на всякий случай, но не такой, конечно, совершенно уже непредвиденный, а просто

на банальный чёрный день... Ну вложил денежку — и не прогадал, кстати говоря... Так вот, когда я его *вопрошал*, как это он так легко решился расстаться с медициной — м. б., по-пьяни, ну да, стал его прямо так и «запытывать»: «...ты ж клятву давал, как же так, блядь?»... Артур помимо литературных аргументов приводил ещё и электронно-информационные, хотя сам, возможно, это до такого логического конца и не доводил, т. е. не осознавал, что... Если коротко, что эти последние его доводы были похожи как две капли воды на то, что мне рассказывала Лана. Т. е. на то, как объясняли Лане своё решение стать информатиками слушатели её курсов, основу которых составляли технари-электронщики...

Мне-то всегда казалось, что для того, чтобы написать программку, особого ума не надо, терпение и труд... Тогда как электронщики представлялись мне жрецами и магами в буквальном смысле... А оказалось, что они в своей массе имели тайное желание перейти от всех этих «материнских плат» в бесплотные материи, потоки информации...

Когда я слушал Лану, я не мог не вспомнить аргументы Артура — звучало очень похоже.

Так что никакая не метафора, а вот буквально: захотелось человеку перейти от хардвеа к софтвеа и всё.

Была у его оправдательной речи ещё и вторая, «литературная составляющая», но её легко можно было бы свести к

первой... Впрочем, м. б., и наоборот, первую ко второй, потому что тут всё ещё проще и понятнее и к тому же опирается на традицию... Когда я напомнил ему, как он гордился своими предшественниками — он рассказывал нам с Ланой о своих предках, среди которых были земские врачи, «бес-серебренники, соль Земли»... Когда я ему это напомнил, Артур сказал: «Ты когда-нибудь задумывался, почему столько врачей стало писателями? Нет ни одной другой профессии, которую бы в таких масштабах меняли на литературную... Не такой уж я урод в своей семье, и не дезертир, поверь, это что-то другое... Для чего у нас пока нет для вас более вразумительных объяснений».

«Ну хорошо, — сказал я, — допустим. Но ты-то собрался не в литераторы, а... в литерные психоаналитики, или я что-то не так понял?»

«Ну уж литерные... Вашими бы устами... А так ты всё правильно понял, — сказал Артур. — Ты знаешь, что Фрейда Томас Манн номинировал на Нобелевскую премию по литературе?..»

Ещё он тогда, кажется, привёл цитату из первоисточника:

«Мне самому кажется странным, что истории болезни, которые я пишу, читаются как новеллы...»

Я не могу сказать, что с переходом Артура от нейрохирургии к психоанализу он стал более интеллигентным как

персонаж... Т. е. понятным, ибо зачем непонятное называть ещё более непонятными словами, да... Переходу странному, кстати, ещё из-за времени, в котором он осуществлялся, ведь как раз тогда, в начале девяностых, насколько я могу об этом судить (на самом-то деле не могу, конечно, но так, по самым общим данным), мировая научная мысль проделала движение в противоположном направлении: от анализов психики к попытке дойти до самой сути в нейробиологии, плюс успехи новой фармакологии...

Впрочем, не будем обобщать, не наше дело. Я только хотел сказать, что я не стал лучше понимать Артура в его новом качестве.

Я не сопровождал Артура в его «настоящем путешествии», я только дал ему ключи от квартиры и привозил иногда книги, которые мог достать из продиктованных мне списков.

И я, в частности, затрудняюсь сказать, какую роль в его самообразовании сыграло доскональное знание «матчасти»... Так что я не буду подробно описывать эту перезагрузку. Да я и не думаю, что в этом месте от меня требуются какие-то особые... трансперсонажные работы.

Скажу, что со стороны — с моей стороны — это выглядело примерно так: Артур залёг на дно и там, произведя некие такелажные работы — в которых я ему помогал в роли грузчика, от туш перешёл к душам, перефразируя известную шутку Арсения Тарковского (про инженеров человеческих ...уш).

Мы общались довольно часто в то время, естественно, но к его новой специальности эти беседы не имели прямого... Да и вообще: никакого отношения, ни тогда, ни впоследствии. Книг по гуманистической психологии в тот период прошло через мои руки немеренно, но что с того — я мог их максимум пролистать по дороге в метро, прежде чем отдать своему «постояльцу».

Моя запасная недвижимость была довольно скупо обставлена, кроме тахты в гостиной и раскладного кресла-кровати в спальне, некое подобия журнального столика и двух-трёх табуреток там ничего не было. Но постепенно из книг, которые я привозил Артуру, образовались серо-коричневые ландшафты, гармонировавшие с цветом обоев, и всё это там как-то так стало сливаться со всем в пыльной полутьме, образуя некий биотоп, в сердцевине которого тихонько шелестела страницами основоположников, а может, уже и прорезающимся собственными крылышками («психо» это ведь психея, «бабочка», — невольно вспомнилось как-то) пока ещё только куколка-гусеница...

И я стал посещать этого книжного червя всё реже и реже, мне хватало других дел, да и книг у него после крупной закупки у отъезжавшего за границу доцента кафедры психологии было теперь достаточно.

Продукты он покупал сам, в близлежащие гастрономы заходил безбоязненно, так же, как и позвонить мне или

своим предкам из ближайшего в округе автомата с неоторванной трубкой.

Телефона на моей запасной квартирке не было, мобильных тогда ещё, кажется... в это трудно поверить, но их вообще ни у кого не было, кроме самых крутых менеджеров, или больших чинов, хотя и у тех было что-то другое, огромное, тяжёлое — рация... В общем, отшельник. Гастроном, лампочка Ильича, книги. В основном на русском, иностранных языков Артур тогда не знал.

То есть знал, как всякий советский человек, но тогда же, кстати, в языкознании он продвинулся, наверно, потому, что несколько книг было на английском, а так как во всех этих книгах, что на русском, что на английском, что в старых, что в новых... написано одно и то же... Хотя не мне судить, это я просто так пошутил, когда Артур похвастался своими как бы побочными успехами — в английском языке. Может быть, это было в тот день, когда я так устал на объекте накануне, что, выпив в одиночку — Артур отказался, он тогда вообще перестал пить... бутылку или две «жигулёвского», я спросил, не возражает ли он, если я полежу на раскладном кресле, он сказал: «ты шутишь?», я ответил, что отнюдь не шучу, пошёл в другую комнату, слыша уже, как сквозь вату: «...забыл, что это твоя квартира...», опустившись в кресло, я мгновенно отключился и проспал некоторое время чёрным сном без сновидений... А когда открыл глаза, то увидел что-то похожее на сон, или, точнее, услышал...

Ну, то есть увидел Артура, который говорил что-то очень странное...

«Как тебе удаётся здесь спать? Я уже третью ночь не сплю». — «А что такое?» — «Блохи. Разве тебя не кусают блохи?» — «Ты в своём уме, — сказал я, — откуда здесь могут быть блохи?!» — «Я не знаю откуда», — сказал Артур, расстёгивая рубашку.

Я поднял руку, как в том анекдоте: «не стряхивайте на меня...»

Хотя кто тут был доктор?

Нет, я поднял руку, чтобы остановить его разоблачение, в голове мелькнуло, что единственные блохи могли быть те самые вошки, которые передаются только половым путём, и мне меньше всего хотелось, чтобы Артур мне всё это предъявлял...

Но нет, он показал расписанную красными полосами спину, бока, плечи... «Я не придумываю, — сказал он, — здесь на самом деле появилось множество блох, они не дают мне спать, поэтому я просто... удивился, я позавидовал тебе первый раз в жизни, что ты так мирно спишь, хотя они по тебе так и скачут, вот же — так и скачут...» — «Артур, ты понимаешь, что ты говоришь?! — закричал я, как во сне, дурным голосом. — Откуда тут могут быть блохи, твою мать!! Здесь нет никаких кошек-собак! Здесь никого, кроме тебя, нет, и даже дома у меня, как ты знаешь, нет соба-

ки, если ты думаешь, что это я в кармане тебе принёс сюда блоху... Ну, подумай сам: здесь просто не может их быть, чёрт подери!»

Артур молча потыкал указательным пальцем вниз, я перевёл туда взгляд, он присел на корточки и сказал: «Посмотри, посмотри, как они скачут... На светлом фоне лучше видно. Тут целый блошиный бал...»

Мне стало страшно, я совершенно был к этому не готов, хотя что-то такое предчувствовал: что это затворничество, что это однообразное питание, однообразное чтение... до добра не доведут.

Но такой сильной образности я не ожидал, по правде говоря... Он вдруг быстро накрыл участок паркета ладонью, сжал кулак, потом раскрыл, посмотрел и торжествующе поднёс к моему лицу... Надо ли говорить, что на его ладони я ничего не увидел.

«Послушай, — сказал я, — ты, конечно, врач, а не я...» — «Что ты этим хочешь сказать?» — спросил он, снова хлопая по паркету ладонью — при этом он стоял на четвереньках, я подумал, что он становится похожим на пса... «Я хотел сказать, что в детстве мне купили собаку. И она вскоре начала чесаться, а вслед за ней и вся наша семья, мы были в ужасе, её уже хотели отвезти обратно, потому что никакие средства не помогали, что только не перепробовали... Но перед этим мы на всякий случай ещё позвали одну собачницу со стажем, она положила нашу Стеньку на пол, она

была беленькая, мохнатенькая, несколько минут собачница её подробно исследовала, а потом торжественно сказала: «У вашей собаки нет ни одной блохи. Ни единой. Тут что-то другое... Скажите мне, сколько раз в неделю вы её мое-те?» — «Да каждый день, по пять раз, с мылом!» — сказала мама. Тут соседка поднялась с корточек, покрутила пальцем у виска и пошла. Где-то уже в дверях она повернулась и сказала: «Раз в неделю, не больше!» Так вот, я не знаю, сколько раз в день ты тут стираешь свою голову, Артур, или своё хозяйство... Но мне кажется, есть и другие причины чесаться, дерматиты, или ещё что-то там, опиаты... тебе же лучше знать, нервный доктор... Но опомнись, окстись, ради бога, ну откуда тут блохи?»

«От соседей, — сказал Атур, — у них есть собака». — «Во-первых, никаких собак я здесь не видел. Но даже если завелись, то от соседей... Могут перейти тараканы, но не блохи!» — «Огромная чёрная такая собака». — «Ты уверен? Я никогда её не видел!» — «Я тоже не видел, потому что... Они её выпускают днём на лестничную клетку, она лежит, прислоняясь к моей двери, и в глазок её, конечно, не видно». — «А дверь ты не пробовал открыть?» — «Нет, это невозможно, потому что он очень тяжёлый пёс, он наваливается на дверь, и я не могу её открыть, я пробовал... Может, и к лучшему, что не открыл, потому что он очень свирепый» — «И ты хочешь сказать, что...» — «Ну да, с него эти блохи сквозь щели проникли в твою квартиру... Это очевидно. Я только не могу понять, почему они меня поедом едят, а тебя не трогают... Или ты терпишь?»

Поначалу я сильно испугался, но потом... Всегда, знаете ли, помогает, если вспомнишь прецедент. На этот раз не связанный с Артуром, нет, я просто вспомнил, что все из тех, кого я знал, и кто поступил в университет на психологию (из моего школьного выпуска три человека), были, мягко говоря, акцентуированными личностями... Мальчик один мог забросать тарелками в столовой — буквально забросать тарелками, как эта машина для стендовой стрельбы, весь свой класс, параллельный моему, по какому-то ерундовому поводу... А девочка из моего класса посреди урока могла вскочить и, быстро-быстро перебирая лапками, разреветься и убежать, что для девчонки не так уж странно, да... но надо было видеть, как она перебирает в воздухе руками, расцарапывая невидимых врагов скрюченными пальцами, распанахивая их лица, я плохо описываю, но это было на самом деле жутковатое зрелище — настоящий психоз... Правда, там он — психоз — предшествовал выбору психологии в качестве профессии, а здесь сначала человек решил стать психологом. Но это уже были мелочи, главное, что, вспомнив свою одноклассницу, царапавшую воздух ногтями... я уже и на Артура, хлопающего ладонями по полу и раздирающего ногтями собственные плечи... смотрел без особой опаски, и, как я и предполагал, всё это «ча-ча-ча», или «чесоточная чечётка начётника», как я пробормотал тогда же, вскоре закончилось, так что Артур смог продолжить штудии, а я — полежав ещё какое-то время после того, как он вышел из комнаты вместе с «блохами» и прочими своими тараканами... поехал домой, не скажу, что совсем с чистой совестью, всё-таки страш-

новато было оставлять *такого* — ещё невиданного мною Артура, одного.

Но что я мог сделать, записаться к нему в няньки? Слава богу, этого не потребовалось, в следующий раз я о блохах уже вообще ничего не слышал, и кошмарные видения, которые посещали меня по дороге — Артур, расчѐсанный до мяса, свисающие клочья кожи... не воплотились в жизнь.

Потом он сказал мне, что пережил тогда «первый кризис». Насколько я понимаю концепцию их «секты» (взял — автоматически — в кавычки), у них там этих кризисов должно быть до фи́га, т. е. как сатори в некоторых «школах просветления», восемнадцать, что ли, сатори, и перед каждым — помутнение...

Короче говоря, программа теперь перед Артуром была обширная, чего там, на долгие и долгие годы вперѐд, и чтения в моей пустой квартире были только началом пути, подготовительным этапом, своеобразным предбанником... Кстати, тогда же мне пришло в голову, что как-то вся эта наша тогдашняя временная диспозиция... похожа была на первые топические образы психоанализа, типа: передняя — бессознательное, сознание — примыкающая к ней узкая комната (моя запасная «хрущёвка»), салон, и между ними — страж, решающий, кого пропустить из одной комнаты в другую...

Всѐ это смешно, конечно, но, честное слово, что-то такое я почувствовал странное, примерив эту образность, соразмерив её, так сказать, ситуативно...

Дальше в историческом психоанализе возникал, если вы ещё помните, «венский штрудель», слоёное сознание, Я, Оно, Супер-Эго... ты, она, вместе целая страна... И тут уж я сказал: чур, чур меня...

И остался, по словам Артура, на примитивном уровне: после какой-то очередной моей глупой шуточки он окрестил меня «basic'ом», а потом и «хомо вульгариусом».

Может быть, после того, как я признался, что, «як на мэнэ», так весь этот его психоанализ, который он практикует на богатеньких дамочках, судя по тем диалогам, которые он так любил мне одно время пересказывать чуть ли не дословно в лицах... с моей точки зрения сводятся к одному диалогу двух моих разнополых одноклассников, которые начали трахаться раньше всех, ещё в начале девятого класса, и почему-то все об этом знали, а в десятом они уже как бы жили среди нас, деток, как этикие разведённые и умудрённые муж и жена.

И вот однажды я услышал, как Света добивалась от Андрея, чтобы он отдал ей её карандаш.

До этого они вообще не разговаривали — в течение нескольких месяцев, а тут он вдруг попросил у неё карандаш, который после этого благополучно потерял или вообще выбросил.

Света стала требовать карандаш «назад», монотонно, тупо, упрямо повторять: «Отдай мне мой карандаш. Отдай мне мой карандаш. Отдай мне...» — и так раз сто, пока он вдруг не возопил... Причём так громко, что это услышали все, хотя «отдай-мне-мой-карандаш» слышал только я и

ещё два-три человека, потому что я сидел с Андреем за одной партой, а Света специально села перед нами на пустое место, повернулась и повторяла, как заведённая, немного склонив голову, пока Андрей не крикнул ей в ответ: «А ты отдай мне мою молодость!»

3. ТЕРРАРИУМ ИНКОГНИТО

Солнце ещё было немного тусклым и пахло так, как будто за зиму на него слишком долго смотрели сквозь полупрозрачного вяленого рыба. При этом шёл дождь — то ли слепой, то ли просто моросило с веток. Артур замедлил шаг, проходя мимо жёлтой будки без стёкол, думал было мне позвонить, но вспомнил, что в это время меня нет, и прошагал по тающему снегу дальше в сторону троллейбусной остановки. Хотя он давно уже никуда не ездил, как если бы и не было городского транспорта, или всё остановилось. Я предлагал ему прошвырнуться на моей «тройке» за городскую черту, немного развеяться: «Артур, под лежачий камень...» — «Ну и хорошо», — отвечал он.

Помню ещё, что, отнекиваясь, он цитировал Флобера, сравнившего себя с бидоном, который нельзя трогать. Конечно, это была довольно-таки далёкая аналогия — то, что предлагало Флоберу парижское общество и то, что предлагал Артуру я, поездку в какую-нибудь Покотиловку, и всё же он вспомнил эти слова про бидон, в котором вызревает сметана и который поэтому ни в коем случае нельзя сдвигать с места, а я, смеясь, сказал на это, что лягушатник уж мог бы вспомнить и ту лягушку, которая взбила сметану лапками

и спаслась. «Так я ж этим только и занимаюсь», — сказал Артур. Переубедить его, короче говоря, я не смог и оставил эти тщетные попытки и пустые прибаутки, почувствовав, что сейчас помяну ещё, чего доброго, «блех», оказавшихся необходимыми для каких-то его фазовых переходов, как определённые бактерии для пищевых метаморфоз, или вспомню бедных лягушек, дёргавшихся в их лабораториях. Я ещё по дороге сказал себе, что надо быть осторожным в выборе выражений в этот ответственный момент вскорости после напугавшего меня эксцесса, и больше не шутил по поводу его затворничества, не звал кататься по кольцевой, и так он и просидел под «домашним арестом» вплоть до того дня, когда закапало с крыш, и неожиданно для себя Артур сел в троллейбус, даже не глянув, какого тот маршрута.

Перед этим он купил в киоске сигарету — их там продавали поштучно, и с таким смаком, с каким может только некурящий, выкурил её, глядя на этикетки выставленных к окошку бутылей. Хотел уже было купить водку или похожий на средство для очистки унитазов (или мозгёв, как пел тогда Бо-Бо) ликёр и вернуться домой, но вместо этого щелчком выбросил окурок и вскочил в подъехавший троллейбус. Двери громко, как это бывает в пустом транспорте, схлопнулись, Артур поднялся на ступеньку и хотел уже пройти дальше, но вместо этого, что называется, встал как вкопанный.

Проход был свободен, троллейбус почти пуст, два-три пассажира... Три-четыре, от силы, однако девушка его меч-

ты стояла, а не сидела, и Артур тоже остался стоять на задней площадке. Она была возле того сиденья, что повёрнуто вспять, т. е. довольно близко, но на достаточном расстоянии, чтобы он мог как следует рассмотреть её идеальные чёрные ноги и ягодицы. У него при этом мелькнуло ощущение, которое бывало в детстве при появлении на тротуаре ног дога. Потом, когда Артур вспоминал это мгновение, он думал, что где-то на периферии зрения мог к тому моменту уже засесть Трофима, потому и мелькнули в его Unterbewußtsein эти дожди ноги, а уже вслед за ними — дежавю... которое вообще-то могло быть и не ложным воспоминанием — о том, как он мальчиком вышел не на своей остановке и пошёл за женскими ногами, вот только могли ли они быть тогда чёрными, он теперь не был уверен, тогда не было ещё всех этих лосин, а чёрные колготки уже были, наверно, но в них не ходили по улицам без юбки.

Девушка с чёрными ногами — вот эта, перед ним (та, что осталась в «препубертатной», или «детской» комнате его памяти, не оглянулась ни разу и так и не заметила, что мальчик шёл за ней до самого подъезда), коротко обернулась и, может быть, если бы не её рост, Артур понял бы в этот момент, что перед ним подросток. А может, и всё равно бы не понял, он ведь успел увидеть её смазливое круглое личико, и в той небольшой перспективе, которую обеспечивали несколько шагов, отделявших его от неё, он смотрел не снизу вверх (потом она оказалась выше его на полголовы) и всё равно не понял, что это переросток, решил, что девушке восемнадцать-двадцать или даже два-

дцать два... Макияж, конечно, тоже сыграл свою роль — она была сильно разукрашена, и я невольно подумал, что ей двадцать, когда её впервые увидел, несмотря на то, что я-то уже точно знал — со слов Артура, сколько ей на самом деле. Она ничего не ответила на его «привет», а из-под сиденья, или где-то рядом, раздался рокот, Артур отшатнулся, увидев под ногами у себя шевелящийся кусок темноты с полумесяцами клыков, который девушка, впрочем, сразу заговорила несколькими им одним известными словами, прозвучавшими для Артура полной абракадаброй, что, казалось, подтверждало нематериальную природу этого гипертрофированного пуделя... После чего она обернулась к Артуру и сказала: «Пойдём с нами гулять на острова. Будешь палку бросать. Трофим это любит, а мне уже надоело, достал он меня своими корягами». — «Что это что за порода?» — «Помесь». — «А чего... с чем?» — «А бульдога с носорогом». — «А где рог?» — «А увидишь». — «Ну а серьёзно, что это за смесь такая... Адская?» — «Ньюфаундленда и чёрного терьера».

На острове, куда они прошли, сойдя на конечной, по небольшому перешейку, Трофим и вправду превратился в подобие бодающегося единорога. Он всё время вторгался в их беседу, совал корягу прямо Артуру в руки, тыкал в пах или куда-то в воздух между Леной и Артуром, побивая при этом обоих, пока Артур не вырывал дрын у него из зубов и не бросал в воду, тогда на некоторое время пёс исчезал. Лена называла это «гонять беса» или «раздавать плюхи» и смеялась приятным смехом, хотя когда говорила, голос у неё был грубоватый и как бы собравший в себе интонации, которые

Артур слышал в криках юных обитательниц этих бетонных дворов. Потом они лежали на песке у воды, Артур с Леной на его расстеленном пуховике, а совсем близко от них груды нарастающего снега, похожая на белого двойника Трофима, какую-нибудь «южно-русскую овчарку». По другую сторону и чуть поодаль у воды лежал сам Трофим, похожий, в свою очередь — а он всё время был на что-то похож, и в данный момент — на густые мотки и охапки водорослей, выброшенных штормом, как будто не сонная вялотекущая речка разморила их своим мерцанием... Рука Артура лежала на её талии, глаза были закрыты, он не уверен был, что они находятся в горизонтальном положении, а не продолжают идти дальше по острову — по кругу, ох и закружит этот танец... «Наверно, это и называлось в старину „терять голову“?», — подумал он, когда рука его сама по себе проскользнула под её розовую «тужурку», ощупала упругую грудь, уже, или ещё, не нуждавшуюся в «лепке», устремилась вниз под колдовские колготы-лосины, но тут была перехвачена. «Я ещё маленькая, — сказала она, — от меня пока пользы, как от козла молока». Артур чуть было не сказал, что от козла бывает другая... польза... но запутался... не только в словах... ему показалось, что его связывают по рукам и по ногам, хотя это были порывы ветра, а не канаты или нейролептики... И сосны, которые при этом поскрипывали, были вовсе не корабельными, как их хотелось почему-то называть — и он их так и называл впоследствии, во всяком случае те, что стали частью интерьера квартиры, куда ему суждено было скоро попасть из этой «прихожей»... «Из «Дневника первоклассника», — сказала она. — «Вчера Галя предложила мне минет

в вестибюле. Надо будет спросить у мамы, что такое вестибюль». Ну что молчишь, не смешно?» Когда Артур расстегнул змейку и достал свой гудящий, как телеграфный, столбик, она крикнула: «Закрой глаза!» таким же голосом, каким отдавала команды собаке. «Глаза закрой, я кому сказала! Вот так, и не смей открывать!» Артур хотел было что-то сказать, но молча закрыл и подумал, что она теперь спрячется в лесу, чтобы он опять пошёл искать, начал было уже считать «раз-два-три-четыре...», но понял вдруг, что никуда она не прячется, наоборот, прячет его часть... Он тогда всё же на мгновение приоткрыл веки, она это не заметила, занятая, сосредоточенная, а потом уже он не открывал до самого конца и в то же время видел остров сверху... Или, точнее, когда он всё это вспомнил лет через двадцать, ему показалось, что он тогда же, лёжа на спине с закрытыми глазами, видел всё это с высоты полёта... Но, подвергнув «материю памяти» более тщательной «проявке» («blow-up-of-blow-job» — английские слоги, остававшиеся от чтения книг, в тот период то и дело складывались у Артура в голове в идиотские каламбуры, позже он даже опубликовал статью об этом явлении в журнале «Психонафт»), он понял, что это результат наложения двух разных «дагерротипов». Он тогда от неожиданности — сверху так застрекотало, как будто отбойный молоток включился, и он на секунду приоткрыл глаза и увидел, что Лена смотрит в небо, где мелькают лопасти, она быстро перевела взгляд на его лицо и заорала: «Глаза закрой, я кому сказала!» И больше он их не открывал уже до самого конца. Он понял, что ей нравится... не только «сам процесс», но ещё и чувство абсолютной власти в момент, казалось бы,

подчинения себя... Она перевернула всю эту ситуацию, расшатала его «вестибулярный аппарат» во всех смыслах... Но эти — в небе, не были «полицией нравов», как он пошутил потом, они пролетели раньше, чем он заорал матом, сжав руками её голову, и только потом уже, через несколько лет, Артур увидел это сверху глазами вертолётчиков: полуостров, зелёную воду, сосны, — когда пролетал на МИ-8 с могущественным пациентом, страдавшим кроме прочих нервных напастей от «синдрома вертиго», — и лес-бережок, и за зеленью сосен, и за зеленью реки — растр микрорайона, антенны, которые делали крыши ещё больше похожими на палубы... И даже — не отдельных кораблей, а на фрагменты одного распавшегося авианосца... Артур увидел — или ему показалось, что он увидел, как из длинных двенадцатизэтажек складывается это гигантское «СССР», о котором рассказывала ему Лена во время первой прогулки... А он тогда ей не поверил и смеялся — когда она нарисовала план своего района веточкой на песке... «Воспоминание о будущем», — сказал он себе, сидя в вертолёте в качестве бортового терапевта и имея в виду, очевидно, название документального фильма, в котором он, будучи ребёнком, впервые увидел фигуры Наска...

Как ни странно, при всей головокружительной лёгкости, с которой это случилось, больше ничего *такого* между ним и Леной не было. Т. е. ни такого, ни сякого, вообще никакого. На попытки обнять или хотя бы приобнять ему отвечали толканием, а в ответ на его вопрос о «вестибюле» он слышал грубое «какого тебе?!». Но, тем не менее, он

продолжал какое-то время гулять с «каменной девкой», как он её про себя окрестил за её рост, голос и нрав, чуть ли не каждый день, пока однажды она не захотела прогуляться вслепую, только на этот раз чтобы не он, а она закрывала глаза, и — нет, он ей ничего такого не делал взаимно-ответного, она просила просто поводить её по острову с закрытыми глазами, побыть её поводырём. Может быть, хотела посмотреть на всё его глазами? Так он подумал, когда управлял ею, поворачивал за плечи, когда доходили до воды, как бы играя в «люди-куклы», — она послушно ступала, как паинька, а Трофим скулил, чего-то не догоняя: «забыла обо мне, что ли?»... Детская какая-то прихоть, которую Артур легко удовлетворил, сказав себе, что это ещё полбеды, разновидность прятков...

И вот после этой прогулки Лена уже с открытыми глазами завела его к себе домой и познакомила со своей мамой.

Она представила его маме как «универсального айболита», — так и сказала, а он чуть не добавил: «А это мой друг Тяни-Толкай»... И ещё у него мелькнуло ощущение другой сказки: что его вытянули в эту квартиру... как там: бабка — за дедку, кошка — за мышку, дочка за... репку, как-то так, — думал Артур, разглядывая пафосно-роскошный паркет и грубую, явно самодельную, мебель.

Перехватив его взгляд, мама Лены сказала: «Да, у нас всё из сосен». — «Корабельных», — сказал Артур. — «Почему? Нет, из простых, тех, что растут здесь рядом на так называемых «островах». Когда их вырубали, освобождая место для жилого массива, муж уже знал, что мы получим здесь

квартиру, мы сюда поэтому ездили гулять, и когда он увидел штабеля стволов, ему пришла в голову эта странная идея... Ведь странная, правда?» — «Правда», — кивнул Артур.

Мебель была кривовато-узловатой... И она показалась Артуру в этот момент (он чувствовал себя неудобно... как бы такой игрушкой в какой-то разновидности игры в «дочки-матери») даже неприличной, местами напоминая ненароком выглядывающие из одежды огромные рыжие локти, колени или что-то другое.

Но это было только в первые минуты, он быстро привык, по крайней мере, наяву.

Раз или два ему, правда, снился кошмар, в котором сосны прорастали сквозь всё, как белые вьющиеся побеги из картошки, и он тогда, кажется, кричал... Но это было во сне, а наяву он на самом деле быстро привык к тому, что в этой самобытной мебели в таком избытке сохранены части стволов и толстых ветвей, изгибы, дупла, скрещения...

Евгений Иванович Слюсаренко умер от инфаркта на рабочем месте, оставив своих девочек одних в четырёхкомнатной квартире, в которой он даже не успел «как следует пожить». Но вся мебель была сделана по его рисункам ещё при его жизни. Артур не понял только одного... Причём ни тогда, ни впоследствии он почему-то не понял: когда именно гостили в этой квартире рептилии, до или после ухода из жизни главы семейства... Судя по добротности двух оставшихся стеклянных пустых обиталищ с тепло- и электропроводкой и с маленькими ландшафтами на дне из светлой глины, похожими на замки, которые лепят дети на морском

берегу... и тому бардаку и безбытности, которые окружали идиллически-аккуратный тихий уголок, скорее всего вараны и черепахи жили здесь ещё при жизни хозяина, который был не самым видным, но и не последним чиновником в облисполкоме, пока ему смертельно не наскучил его казённый стол, невидимые посторонним налокотники и люди, идущие перед ним бесконечной чередой с одними и теми же просьбами...

Катя только рассказала Артуру, когда мужу пришла мысль завести черепах — а потом уже и варанов, причём планы его простирались и дальше... вплоть до питона. «Что, тоже во время прогулок по массиву будущего? Неужто они там водились... Или лягушки навеяли?» — сказал Артур... «Нет-нет, — улыбнулась она — впервые, когда речь заходила о муже... — Где-то он прочёл, или кто-то ему рассказал на работе эту шутку, которую выкинул со своим соседом-биологом один известный физик. Ты, наверно, знаешь. Нет? У ботаника-зоолога, жившего на нижнем этаже под физиком на балконе летом жила черепаха, пока физик не вытянул её оттуда сачком, а на её место подложил другую, немного большего размера. Потом через месяц он поменял её на третью, которая была ещё больше, и так проделал несколько раз — что дало пищу для полёта научной мысли соседа, который, придя в себя от изумления, стал писать по этому поводу статьи, собирать симпозиум... Пока физик не начал всё это проделывать в обратном порядке: черепаха стала постепенно уменьшаться в размерах... Что после этого стало происходить в голове соседа... я не помню, кажется, в какой-то

момент физик сам во всём признался, а может, был пойман ночью с поличным...» — «В общем, бабка за репку...» — про- бормотал Артур... «Что-что?» — «Да так, ничего...» — «Так вот, услышав этот анекдот, Женя долго смеялся, а потом ска- зал, что он хочет, чтобы у нас жили черепахи. А через не- сколько минут добавил: и вараны, и маленький питон...»

Но вот успела ли мечта чиновника воплотиться, Артур был не уверен — ему казалось, что Катя тут что-то скрывает, м. б., никаких питомцев за этими стёклами вообще никогда не было, или... наоборот, они есть там и сейчас? Спрята- лись в пещерах, тёмные входы в которые виднеются среди освещённых лампочками в 40 ватт ландшафтов, а вараны, в отличие от черепах, могли ведь и сливаться со светлой глиной вплоть до полной неразличимости, как хамелеоны, которые, в свою очередь, тоже земноводные, разве нет...

Иногда Артуру казалось, что там в самом деле что-то мелькает в слепом пятне, лапка, хвостик...

Артур думал, что, исходя из анекдота, из которого они возникли, или собирались возникнуть за этими «витри- нами», можно предположить, что черепахи для Евгения Ивановича должны были стать средством коммуникации с Неизвестным, с Несбывшимся...

«Впрочем, не надо усложнять, наверно, они были краси- вы сами по себе... если только они были... Но даже фигуры их отсутствия хороши... Так или иначе, эти стёкла выгоро-

дили в жилплощади какой-то потусторонний участок, и, может быть, подсознательно в этом и была идея Евгения Ивановича, когда он находился ещё по эту сторону инстинкта смерти...» — думал Артур.

Фотография Евгения Ивановича, естественно, оставалась стоять на тумбочке и тогда, когда доктор перебрался из моей «конспиративной» квартирке к «девочкам».

«Чем-то похож на молодого Твардовского», — сказал Артур Кате, когда впервые увидел фото. Она не согласилась, но собственное сравнение ему запомнилось и помогло впоследствии не то чтобы чётко вспомнить лицо Евгения Ивановича, но, по крайней мере, отделить его в памяти от лица старого Фроста.

Т. е. от портрета Роберта Фроста, на котором лицо старика как бы поплыло за свои пределы и стало похоже и на кусок древесной коры и на дым лесного костра... Двухязычный том с этим портретом на суперобложке лежал на соновом комод в спальне неподалёку от стоявшей там же в чёрной рамочке фотографии Евгения Ивановича. Катя работала вполне прозаическим бухгалтером, но любила поэзию, многое знала наизусть, когда они гуляли по «острову» с Трофимом, однажды прочла Артуру почти всю «Лісову пісню». А из Фроста она прочитала ему вслух «...непонятна любовь к деревьям...» и заплакала под конец, там где: «...я не стану твердить про уход, а уйду». Артур осторожно гладил её волосы и думал про себя, что навряд ли Евгений Ивано-

вич подолгу прислушивался или присматривался к тополям за окном при таком изобилии сосен в квартире... Или он мог смотреть на своих черепаха, а если их никогда не было, был в конце концов телевизор... Хотя на работе, может быть, и смотрел — на деревья, и в любом случае ясно было, что деревья любил, раз заказал в свою квартиру «весь этот «ансамбль», — как говорила Катя, — исполнять вечный реквием по сосновому бору»... Кстати, когда Катя произнесла эту фразу, Артур машинально подумал о том, что да, сосновая кровать скрипит, как сосны на «островах», когда их качает сильный ветер... Но поспешил прогнать эту мысль, отметив про себя только, что всё хорошо пока что, вот только Кате не надо переходить от чтения чужой лирики к собственной... Но она и не переходила, она что-то после этого читала ему из Цветаевой, вот только цветаевские строчки Артур не смог потом ни вспомнить, ни найти в собрании сочинений... Там было что-то о сосне, которая, уже превращённая... или нет — запертая, в стул, по-прежнему тянется к звёздам.

И это была единственная неясность-неточность, связанная потом с деревьями в его памяти... тогда как с террариумом Артуру всё было неясно с начала и до конца. Что-то Лена обронила однажды, или ему показалось, что это всё могло быть делом рук другого человека, какого-то промежуточного, кто побывал у матери после того, как она овдовела, но точно Артур не понял и не переспрашивал. Может быть, «девочки», оставшись в слишком большой для них квартире... т. е. для Кати слишком большой, девочке-то, дочке, всё это было по фигу, если она в нечеловечески ог-

ромных дворах была как рыба в воде, ныряя туда на полночи, а иногда до утра... А вот маме её в большой квартире было явно не по себе, пока не пришёл Артур и не вылечил её в том числе и от агорафобии... Так что вполне могло быть, что террариум образовался (ну, заказали, было чем заплатить, Евгений Иванович оставил своих девочек с небольшим рублёвым кладом, которого хватило не только на памятник) при попытке Кати справиться с обострённым ощущением пустоты, внутри и снаружи... Так или иначе, этот застеклённый кусок пустыни или, как его ещё называл Артур про себя, «подпольный облисполком», стал его любимым местом в те часы, которые он проводил в квартире один. Он подтягивал туда кресло, зажигал днём ламповый свет и, предаваясь созерцанию глиняного ландшафта, входил в некое умиротворённое состояние, которое со стороны могло показаться чем-то даже и близким к слабоумию, — чтобы потом уже, как будто опомнившись, открыть лежащий на коленях очередной путеводитель по человеческой психике...

Катя работала бухгалтером в каком-то раннем — возникшем на самой заре перестройки, и не без помощи Евгения Ивановича, кооперативе, общалась со старыми «цеховиками» и новыми «предпринимателями», дружила с их жёнами, и это сыграло не последнюю роль в рестарте Артура, т. е. переходе к совершенно новой для него практике и обретении первых клиентов, или пациентов, неважно, как их ни зови, появились они не в последнюю очередь благодаря «старым связям» всё того же Евгения Ивановича.

Когда практика приобрела более или менее стабильный характер («Артур пошёл по рукам»), Катя ему это напомнила — про «старые связи», сказав: «Я могла бы претендовать на комиссионные». В шутку. Но, когда они ещё через месяц или полтора расстались навсегда, Артур вспомнил эти слова и понял, что какие-то комиссионные будет теперь ей платить — не деньгами, их-то Катя никогда бы не взяла, даже если бы у неё их не было... «Да и вообще, это как-то не так называется, — думал он, когда вспоминал «сосновый» период жизни, — это то, что шарлатаны называют энергетикой...»

Артур в своей практике, впрочем, тоже мог употреблять это слово, да и не только это.

Если надо было, он мог произносить и такие слова, как «кодирование», «приворот-отворот» и всё такое прочее, хотя надо отдать ему должное: делал он это только поначалу, когда не мог отказаться ни от одного клиента и с «самыми тёмными», по его словам, приходилось говорить на их языке, чтобы они ему поверили.

Впоследствии не то чтоб «темноты» вокруг поубавилось, но, видимо, оттого, что Артур почувствовал себя уверенней и стал в некоторой степени независим финансово, он, нет, не брезговал «тёмными», но и не переходил больше на понятный им язык, а там уж они сами решали, оставаться им с этим «костоправом, подсевшим на умняк» (как сказал об Артуре один такой «тёмный», который попросил меня его подвезти — я как раз заходил к Артуру в гости и слышал, как Артур с ним говорил, цитируя Лакана,

Анну Фрейд и Мелани Кляйн), или искать другого, какого-нибудь «народного» целителя, «колдуна первой категории» или что-то в этом роде... Так вот, какое-то время Артур мог объединять в себе всё это в одном лице — в глазах пациентов, в чём никогда потом не раскаивался, кстати, а рассказывая мне отдельные эпизоды своей тогдашней «смешанной» практики, смеялся... Хотя и без особого, как мне казалось, цинизма. Надо ли говорить, что он не брался «лечить» неизлечимые телесные недуги, он только мог усилить — «если Родина прикажет», как он тогда повторял, терапевтический эффект, т. е. изъясняться на народном языке, употребляя всю такую слова, как то: «сглаз», «биополе» и всё такое прочее.

Что касается «старых связей» Евгения Ивановича, которые ему якобы помогли при переходе от тел к душам, — то да, он признавал, что они сыграли свою роль, но — не такую уже и значительную... Ну, несколько это ускорило его вход в круг людей, которые способны были в то время платить реальной «зеленью», но не надо преувеличивать и, кроме того, сбрасывать со счетов его собственные знакомства — бывших пациентов, да и вообще — Артур ведь был не гостем в этом городе. После того как «страшный человек», объявивший ему заочный приговор, сам взлетел на воздух в своём «мерсе» во время передела беспредела... Артур был больше не ограничен ни в передвижении, ни в общении, но какое-то время уже после того, как до него донеслась весть о взрыве, продолжал вести тот же уединённый образ жизни — скорее уже по инерции. Привык, человек ко всему

привыкает, к хорошему и подавно, а ему ведь было совсем не плохо с Катей, во всяком случае, до поры до времени. Да и потом, «что пройдёт, то будет мило», и «сосновый» период на самом деле показался Артуру лет через двадцать едва ли не самым счастливым в его жизни.

А слова «старые связи» оказались в его сознании каким-то образом переплетены с корнями сосен, росших на «островах», которые — корни — при подходе к реке оголялись совсем, как люди, только сбрасывали с себя не тряпки, а песок, которым до этого были укутаны, а впрочем, и тряпки, и бумаги, к концу лета в лесу было очень грязно...

Крайние сосны стояли на песчаном склоне и песок вместе с тряпками из-под них выдуло ветром, вымыло дождями, и теперь корни были видны — сосны как бы стояли в воздухе на многих ногах... Катя как-то сказала во время прогулки с Трофимом, что они напоминают ей бегущих к воде осьминогов... Артур сказал: «Точно!», пропел: «in an octopus's garden in the shade...», и так потом это заблудившееся стадо беспозвоночных и мелькало каждый раз где-то в его памяти, когда он слышал слова «старые связи», — не только в связи со связями Евгения Ивановича... Катя вообще-то говорила не «связи», а «знакомства», но, видимо, из-за корней всё это переплелось у Артура в какой-то единый клубок, который он стал называть про себя «корешковый синдром», хотя в его прошлой медицинской жизни это словосочетание означало нечто другое.

Через много-много лет — «once upon a time», как он мне сказал, взмахнув обеими руками, как дирижёр, перед своим лицом... Кстати, эти его взмахи почему-то очень веселили Лану, она прыскала, спрятавшись за моё плечо, а потом, когда Артур уже не слышал, повторяла: «Эти ручки! Эти ручки!»

Лана вообще видела Артура совсем иначе, чем я, гораздо более комедийно, мне-то казалось, что Артур — отлично сложенный и абсолютно нормальный (внешне, во всяком случае, смайл) мужчина без особых примет... Лана же видела в нём прямо какого-то персонажа кунсткамеры, то руки его казались ей ненормальными, то другие соотношения, но всё это я объяснял скорее её взглядом, Артур ведь тут не был исключением, ну такая... стекло-волоконистая смешинка была у неё в глазе, в общем-то, не андерсеновская, люди её просто забавляли, а не злили... Ну да, но Артур был в этом смысле её «любимчиком», я же, повторяю, вообще никаких аномалий в его фигуре не находил, и не буду поэтому описывать его внешность «глазами Ланы», да и не помню я теперь всего, что она тогда болтала, только звучит до сих пор в ушах вместе с её тогдашним (совсем не похожим на нынешний...) смехом: «Эти ручки! Ой, я не могу... Эти ручки! Ой...»

Так вот, «once upon a time», как он сам выразился, хотя к тому времени, если и вставлял в речь иностранные слова, то, как правило, немецкие — как более подходящие, с его точки зрения, для серьёзного «психотерапюита»... Он увидел Лену, но при этом обознался в первый момент, приняв её за Катю.

К нему в трамвае подседа со словами: «Артур, узнаёшь меня?» женщина, Артур сказал: «Катя? Ты?», она рассмеялась и сказала: «Я не Катя, я Лена». Видно было, что её ничуть не смутила его ошибка, ни в том смысле, что она *так* изменилась, ни в другом — их маленькой тайны, происшествия на «острове», которое предшествовало всему, что у него потом было с Катей — мол, вот ты нас и перепутал, ха-ха-ха... Но нет, она не заостряла на этом внимания: Катя так Катя, ну ошибся, столько лет... Они вышли вместе на Клочковской, поднялись вверх по ступенькам «каскада» на верхнюю террасу, где тогда было кафе, и какое-то время сидели там за столиками, несколько раз пересаживаясь из-за упрямых атак многочисленных, непонятно почему так взявшихся за них, ос, хотя пили они что-то несладкое, она — джин, он — тоник, говорить было особенно не о чем, а потом ещё к осам добавились пьяные особы в тельняшках, отмечавшие свой день. В фонтанах «каскада» была традиционно кульминация их праздника, и это вот осталось в памяти: с одного края террасы — жужжащий осиный рой, у противоположной балюстрады — входящие в кураж десантники... М. б., потому что и те и другие были в полосочку и вообще чем-то похожи — взвод десантников высадился там так внезапно, как будто по воздуху — в соответствии с родом их войск...

Всё это рассказывал мне Артур, показывая руками то на один, то на другой край площадки, потому что мы сидели с ним в том же кафе. Начал с того, что видел Катю, «которая выдавала себя за повзрослевшую Лену», «Зачем?» — спросил я. «А я знаю? — пожал плечами Артур. — Шутила, на-

верно... типа: обманули дурака на четыре кулака... Впрочем, это я уже шучу, это была на самом деле Лена, просто я в первый момент обознался — повзрослела девочка».

Я посмотрел на него, и он прочитал мою мысль, это было нетрудно сделать.

«Постарел и я?» — сказал он. «Да нет... тоже повзрослел», — сказал я, и он невесело рассмеялся, а я подумал — и эту мою мысль он уже, кажется, не прочитал: «Забавно, у него появились совсем новые черты... Нет, не «замашки», а вот именно черты этакого благообразного русского барина. И даже руками он больше так — как это забавляло Лану, не взмахивает, он делает это теперь более плавно...»

Это могло быть и не связано с его доходами — хотя они тоже играли свою роль, Артур к тому времени зарабатывал, как минимум, в десять раз больше меня, но дело было ещё и в круге общения: проводя бóльшую часть времени в разговорах с совсем уже не бедными людьми, Артур невольно перенял какие-то выражения, позы, приосанился, ну только что не заговорил по фене — и то, я думаю, только потому что бóльшая часть его собеседников были женщины, т. е. жёны, а не сами вожди племени «деловаров». Плюс женщины как таковые — жены у Артура по-прежнему не было, и женщины менялись постоянно, с какого-то момента этой их ротации я уже не помнил ни имён, ни лиц... При этом не удивительно то, что, когда он сказал: «Лена и Катя», я сразу понял, о ком идёт речь — то был совсем другой период, совсем другая жизнь, от неё остались совсем другие воспоминания — чёрно-белые, тонированные, со всей этой магией, присущей старой фотографии... В отличие от той пёстрой ленты, которую пред-

ставляла собой дальнейшая его жизнь. Да и только ли его? Я стал тогда всё больше писать, записывать, сначала просто чтобы что-то сохранить, как будто предчувствуя, что в памяти потом будет на этом месте зиять дыра, дымиться котлован... То есть очерково, хотя, как ни странно, с рифмами, ну такой себе завёл дневник-рифмовник... А потом я однажды вспомнил что-то более существенное, «метод виртуальных перемещений» из институтского курса строительной механики... И как будто с цепи сорвался, пошла писать губерния: рассказы, повести, вышла книжечка, потом вторая, потолще, и таким образом самое бессмысленное в наше время занятие затащило меня с головой...

В решении уехать за границу оно, конечно, тоже сыграло свою роль: моё увлечение не кормило семью, но требовало всё больше и больше времени... А если внести в смету то, что строительная фирма, в которой я работал, в те времена переживала свои худшие времена, и жили мы в основном благодаря заработкам Ланы — лекциям, курсам, ну т. е. тот ещё мизер на самом деле... нетрудно понять её решение уехать на «вольные хлеба», раскинувшиеся на ниве «немецкого чуда», раз уж нас туда позвали... Т. е. это, мягко говоря, не слишком горделивое решение было принято Ланой, но моё было — согласие, которое я не сразу, но всё-таки дал, потому что соловья баснями не кормят, а воробушков и по-прежнему — каковых у нас к тому моменту уже было двое... Это всё — арифметика, да, хотя... Оглядываясь назад, я понимаю, что гораздо логичнее было бы, если бы уехал он, а не я. Артур — западник до мозга костей, типичный европейский интеллеktуал, тогда как я натуральная натура и всегда ощу-

щал в себе нечто растительное, мне гораздо естественнее было бы жить там, где я родился, перефразируя, «синдром корней» у меня более глубокий... Нет, правда, исходя из нашей умственной организации, всё должно было быть наоборот, но вышло так, что мы с Ланой воспользовались реверсом «немецкой машины» и дали ей перенести нас за Дунай в «заповедник», где я продолжил свои опыты «виртуальных перемещений», рассчитывая нагрузки и проектируя дома, жилмассивы, города, ощущая себя порой таким «виртуальным Нимейером»... Как бы компенсируя весь тот недострой, который остался в реальности... Впервые это слово — «виртуальный», я узнал на той же лекции по строймеханике, когда нам объясняли метод, основанный на законе сохранения энергии... Мог ли я тогда знать, кстати, что это словечко — «виртуальность» — станет едва ли не самым частым всего через несколько лет... Нет, я не перешёл к написанию сценариев или к рисованию ландшафтов для компьютерных игр — к сожалению, потому что тогда я бы жил, возможно, несколько иначе.

Но я забежал вперёд: пока что мы сидим с Артуром в открытом кафе... Не знаю, надо ли уточнять, в каком именно... Последние годы перед отъездом мы сидели с ним в стольких разных кафе, ресторанах, я ведь занимался приватизацией — в качестве клерка, по сути, но потом бывал там иногда, меня лучше обслуживали, кроме того, ряд кафе принадлежал моим бывшим однокашникам, психологам, кстати, т. е. окончившим факультет психологии, но по специальности никогда не работав-

шим. Таких среди тогдашних рестораторов вообще почему-то было непропорционально много... Хотя, может быть, в тогдашней гастросреде было всякой твари по паре, а просто мне такие попадались, или я так запомнил, потому что это были в каком-то — весьма отдалённом — смысле коллеги Артура.

Ну вот, время я таким образом как-то обозначил, место не играет роли, кафе находится на открытом воздухе, при этом есть сцена для музыкантов, такой себе кафешантан в одном из городских парков. Мы сидим за столиком с Артуром и ещё тремя людьми, без женщин, но это и не то чтобы мальчишник... Мальчишник это ведь когда все свои, все друзья, а среди нас не все друг с другом даже знакомы. Единственное, что я знаю, то есть помню, это то, что среди нас нет пациентов Артура: иначе разговор не принял бы такой характер.

В то же время, по-моему, как минимум двое из этих людей являлись потенциальными пациентами. Не в том смысле, что у них что-то явно не так было с психикой — у кого тогда было так, да и сейчас, наверно... А в смысле их платёжеспособности, и, скорее всего, не они сами, но их жёны вполне могли завтра обратиться к Артуру. Нельзя сказать, что это тогда так уж прямо вошло в моду — хотя Артур прилагал к этому немалые усилия... Но была, как я уже писал, была тогда в городе определённая потребность, определённый спрос — на Артура. Впрочем, не только в этом городе — который Артур, кстати, вскоре покинул, как и я, только он не в западном, а в восточном направлении, в чём, как я уже тоже говорил, было определённое

внутреннее противоречие... Впоследствии мы совсем не переписывались, я мог только иногда заглядывать в его «живой журнал», «френдлента» которого всегда была не менее пёстрой, чем та плёнка, на которой запечатлены отдельные кадры девяностых, когда мы ещё жили в одном городе, в одной стране, и которые — кадры — я сейчас как раз и пытаюсь проявить, точнее, один такой снимок, сделанный во время последней нашей встречи в том веке и в том городе...

О «френдленте» Артура как-нибудь в другой раз, она, пожалуй, достойна отдельного произведения — которое я вряд ли возьмусь писать, потому что я обещал — ещё в первой главе, не пытаться анализировать аналитика, а что такое «френдлента» как не «скажи мне, кто твой друг и я скажу, кто ты». Могут возразить, что я себе противоречу, и как раз этим здесь и занимаюсь... С одной стороны, таки да — анализируя Артура, или, по крайней мере, пытаюсь. С другой — посредством его портрета пишу всё-таки о себе, т. е. говорю о своём друге, чтобы вы сказали мне, кто я.

Но на самом деле это не так, я ведь и без вас знаю, что я, по сути, вводный оборот, в лучшем случае, фигура речи, создающая диалогический эффект в монологической речи... Стало быть, майский вечер, уже темно и пахнет так, как в раннем детстве, когда ещё жили вот в этих кустах жуки... Не какие-нибудь зелёные «вонючки», а лакированные большущие «рогачи», которых я столько раз ловил в детстве, приносил домой, а потом они все куда-то ис-

чезли, остался только запах, который исходит не от них, но почему-то с ними ассоциируется, это очень приятный запах, он ощущается за нашим столиком не всегда — его приносит ветерок, перебирающий листву, в остальное же время пахнет...

Да ничем не пахнет, никто не заказывал ничего пахучего, никакой сельди иваси с луком и уксусом на столе нет, а слова «дело пахнет керосином» надо понимать не прямо, они были произнесены — тихо и в сторону, как в театре, значительно позже, сначала ведь был разговор обо всём на свете...

Артур был тогда, возможно, лучший собеседник в этом городе и при этом он вызывал у своего визави не чувство зависти, наоборот собеседник вдруг поднимался сам над собой — как будто сзади кто-то подходил и поднимал его стул за две ножки...

Артур умел это делать, да, это ведь был в прямом смысле его хлеб: завтра эти приподнятые приходили к нему в офис, он назначал сеансы... Но тут его почему-то понесло. Он стал хвастать своими профессиональными достижениями... Да-да, самым явным образом хвастаться, что само по себе не вызвало одобрения у наших собеседников, но самое странное было то, что Артур этого не замечал, нам уже подали вторые блюда, его уже не раз пытались прервать, произнося тосты, но он — чокался, выпивал и — продолжал «вещать» дальше, совершенно не задумываясь, понимают ли люди, сидящие с ним за одним столом, все слова, которые он произносит, знают ли они хоть сотую

часть тех имён, которыми пересыпана его речь... А надо сказать, что это были частично небезбедные (по тем временам), а частично не вполне безобидные люди — из тех, чей бронепоезд... И я чувствовал, что паровоз там уже пыхтит вовсю... И пытался Артура остановить, перевести стрелку его «дискурса», но он этого не замечал или делал вид, что не замечает, а может быть, он просто неожиданно для себя сильно опьянел и нёс всю эту пургу как раз в расчёте на то, чтобы завоевать расположение собеседников, вот только в пьяном виде... не все машины водить умеют, и тут было что-то похожее, Артура несло и несло: «...и вот этот шизофреник, которого я сначала ошибочно считал шизотимиком, хе-хе, мне и говорит...» — по-моему, в этом месте его прервали, причём на этот раз уже совсем резко... Для начала человек зарычал — застонал-зарычал, схватившись руками за лицо — так, что Артур вынужден был прерваться... Возникла пауза, лысый дядечка отнял руки от лица, положил — упёрся ими в стол, наклонился — он сидел напротив Артура, и сказал таким тоном, как будто говорил с подчинённым: «Я не желаю за столом слышать такие слова!»

— Какие такие? — удивился Артур, — разве я говорил о копрофагии?

— Закрой ебало, — сказал лысый.

— Э, батенька, да вы сами, как я погляжу... — начал было Артур... но не закончил.

— Ну договаривай, договаривай, — сказал лысый, — кто я, шизофреник?

— Нет, ну что вы. Вы циклотимик типичный, да и вообще я...

— Слушай, ты. Или ты сейчас заткнёшься, или я за себя не ручаюсь.

— Палыч, Палыч, остынь, — сказал его приятель, взял лысого за плечи и увлёк из-за стола — тот, как ни странно, повиновался, видимо, он был у них не таким уж и главным... Их было трое, кажется, нас с Артуром двое, в тот момент я уже делал в уме и такие прикидки... Но что-то при этом я не учитывал, например, то, что у двоих из них в карманах были пушки, причём, чёрт его знает, пугачи, травматические или — драматические по-настоящему...

Но самое паршивое в тот вечер, пожалуй, было то, что, когда они отошли — я думал, что они уже и не придут, но нет, они чуть позже вернулись, хоть им и не в кайф было сидеть за столом с говорящим нехорошие слова Артуром, но уйти не позволяла, что ли, гордость, так-то мы, казалось бы, всё с ними обсудили ещё до того, как Артура «понесло», у них были вопросы ко мне по поводу приватизации одного из их «генделиков»... И вот, когда они отошли куда-то в густую лиственную тьму, пахнущую жуками-рогачами, попавшими в Красную книгу, Артур, ноздри которого вряд ли улавливали этот запах... приходивший ко мне, может быть, и непосредственно из детства, вытирая рот салфеткой, сказал каким-то чревоуещающим голосом — очевидно, он немного переел:

— Пиздец какой-то.

— Ну да, неандертальцы, — сказал я, — ты что, не знаешь?

— Да знаю я всё, но как-то иногда попадаются особые экземпляры.

— Ну, это те ещё жуки... Кстати, — сказал я. — Я давно хотел тебе это сказать, Артур, но как-то не решался, думая, что яйца курицу не учат... — и я снова засомневался, нужно ли это ему говорить, и потому замолчал. Артур немного отодвинулся от меня, очки сами собой съехали к кончику его носа, он уставился на меня поверх стёкол:

— Что ты этим хочешь сказать, — осведомился он, — при чём тут яйца?

— Ну, это так, поговорка... Артур, они как животные... Они на всё реагируют, они чувствуют — вот именно животом, яйцами, понимаешь, поэтому нельзя совсем сбрасывать со счетов их реакцию — не говоря о том, что она могла быть и не только словесной.

— Пусть попробуют, — храбро сказал Артур, — я свой страх оставил в Махарадзе. Которого теперь вообще нет на карте, так что и страха нет... Как называется теперь этот городок, не помнишь?

— Не помню. Я думал, что ты свой страх оставил в моей квартире на Блюхера... Но неважно, я не то хотел сказать, бог с ними, с неандертальцами...

— Это точно — они же названы по имени священника, помнишь?

— Не помню, я ничего не помню, Артур, из того, что не важно... Я хотел сказать тебе, что мне тоже не очень нравится... то, как ты легко обращаешься с медицинской тайной.

— Что ты имеешь в виду?

— А то, что ты иногда рассказываешь мне о проблемах с психикой известных мне или вообще всем известных людей. Чего, как мне кажется, им очень не хотелось бы, если бы они об этом узнали, им бы не понравилось.

— Я что, хоть раз произносил какую-то фамилию?

— Нет. Но помимо фамилий у людей есть множество однозначно определяющих вещей, идентифицирующих их не хуже фамилий... кто-то живёт в известном конструктивистском доме — который ни с чем не перепутаешь...

— Ты знаешь, сколько в нём живёт людей?

— Да, но я из них всех знаю только одного, и ты это знаешь... Не надо, Артур, ты прекрасно понимаешь, что люди в твоих рассказах узнаваемы... Или ты, допустим, упоминаешь чью-то довольно-таки экзотическую специальность...

— Так это же я, — усмехнулся Артур, — послушай, спасибо, конечно, но мне кажется, что ты совершенно не прав. Ничего такого я не выдаю, это неправда, и для меня вообще оскорбительно то, что ты мне приписываешь.

— Привести конкретный пример? Когда мы были в «Патфоне» недели две назад, ты при всех...

— А вон смотри, они идут, твои живые примеры.

Я оглянулся и увидел, что из темноты появились три фигуры. В круге света, в который они вступили, рубашка Палыча вспыхнула, как будто фонари, освещавшие территорию ресторана, были стробоскопами, и я понял, почему Артур назвал рубашку «цветомузыкальной». Да, и какой-то там играл «музон» к тому времени, но он начисто стёрт из

моей памяти... Я помню, что мужчины не сразу пошли к столику, о чём-то они там совещались, остановившись на полпути, и мы успели обменяться с Артуром ещё несколькими репликами.

— Очень мило с твоей стороны, — сказал он, — попрекать меня в несуществующих грехах, да ещё в такой ситуации, когда на меня наезжают...

— Но ведь я это сделал, когда они отошли. Заметь.

— Я думал, ты мой друг. А ты вместо моральной поддержки...

— Именно потому, что я твой друг, Артур. Дело не только в том, что мне немного жаль этих людей, доверяющих тебе все свои тайны, как священнику в исповедальне... Дело в том, что это может быть небезопасно для тебя, учитывая круг твоих клиентов.

— Спасибо, — сказал он, — но о своей безопасности я уж как-нибудь сам позабочусь. Мне неприятно, что ты лезешь не в своё дело, где ты ничего не понимаешь...

Но тут он замолчал, потому что троица дошла до стола, все уселись, я разлил водку и предложил выпить за светлое будущее их «генделика», который я, конечно, так не назвал, я произнёс его название, которое теперь не вспомню, кажется, что-то морское, но это может быть как лошадиное... Все выпивали и закусывали молча, разговор не клеился, я этому был даже рад — о чём ещё говорить, обо всём уже поговорили, даже более чем... Во всяком случае, это всё, что я помню. Когда через некоторое время Артур вторично вынужден был скрываться — на этот раз он вообще уехал из города,

причём навсегда... то первое, что пришло мне в голову, это была как раз та версия, которую я — как в воду глядя — как бы уже изложил ему тогда в кафешантане.

Его бегство почти совпало с моим отъездом в противоположном направлении, мы успели только поговорить по телефону, он смеялся, но довольно нервно, это чувствовалось, и на мой вопрос: «а что, собственно...» отвечал: «Я ведь тебе в прошлый раз всё рассказал, повторяться не буду, добавить нечего, времени нет». У него было ко мне несколько вполне конкретных просьб, в том числе таких, которые мне предстояло выполнить уже по приезде за границу... Но, выслушав его, я всё-таки повторил свой вопрос, и он тогда зло сказал, что об этом мы поговорим как-нибудь в другом месте. «Но ведь тот человек погиб? — не унимался я. — Взорвался, неужели ещё один через столько лет...» — «Он ожил», — сказал Артур и повесил трубку. И тогда же я подумал, что причина может крыться в болтливости, от которой я пытался его предостеречь.

На этот раз Артур не прятался у меня, а покинул город, но об этом позже, или ниже — по тексту, я хочу всё-таки вернуться в тот вечер, за тот столик под тем каштаном, потому что именно там я — я сам, согласился с Ланой, решил уехать, почему-то мне нужно восстановить сейчас в памяти тот момент...

Обстановка за нашим столиком была напряжённая, но теперь мне уже казалось, что причина не в Артуре, едва не

помешавшем неуместными словами правильному усвоению пищи нашими собеседниками, а во мне, или, точнее, в фирме, которую я представлял, что всё это было только прелюдией, и сейчас мы перейдём к основной части, и ещё неизвестно, как всё повернётся... Почему Артур не уходил после того, как его оскорбили, я тоже не совсем понимал. Может быть, для него это было не так уж и внове, не обращать внимания на слова, смотреть на окружающих как доктор на пациентов... А может быть, он хотел что-то мне досказать, улучив момент — по поводу моего несправедливого, как ему представлялось, упрёка.

А может быть, он как раз уже и хотел уйти, но...

— Куда? — сказал Палыч. — Ещё же не всё выпили. Жетон сейчас вернётся, и ты сиди, давай, о блядь, — сказал он, увидев, что графинчик уже пуст, — а мне казалось... Официант!

И тут, как бы ему в ответ, раздался этот крик: «Здесь есть доктор?!» — от чего лицо Артура сильно изменилось — я это видел, потому что автоматически посмотрел на него... И вдруг понял, что я больше ничего *здесь* не понимаю... Что я не просто не врубаюсь, но я уже просто где-то не здесь, — вот в чём было дело, и мне оставалось только подтянуться к этому самому «там», как на перекладине, только вместо обычного «подъёма с переворотом» мне предстоял довольно затяжной прыжок...

Я встретился взглядом с Артуром, который в тот момент снял свои «хамелеоны» в серебряной оправе — казалось, что там что-то заклинило, в молекулярном механизме фотохромных стёкол, и окуляры такие тёмные, как будто мы сидим на солнце, — такая дурацкая мысль у меня мелькнула, хотя ясно было, что Артур просто протирает салфеткой запотевшие стёкла... И не то чтобы вся эта повесть о настоящем друге... Но эту мизансцену так точно — я начал писать из-за последней встречи наших взглядов, или, точнее, всё-таки: наших глаз. Надеюсь, что если восстановить всё окружающее, то получится высказать и то, что я в тот момент понял — животом...

Но нет, я сейчас вижу, что вряд ли. Даже если я произведу подробную опись столиков, блюд, листьев каштанов, столбиков балюстрад, людей, поющих караоке... Или тогда ещё не было караоке... Но была эта маленькая сцена, где играл какой-то шансон, хотя как раз в тот момент было тихо, иначе мы бы не услышали крик: «Здесь есть доктор?!»

Артур теперь смотрел на меня так, как будто вопрос на самом деле исходил от меня, а не из громкоговорителя или из колонок — кто-то же прокричал эти слова, стоя возле сцены, в микрофон, но Артур смотрел на меня этими своими... особенно незащищёнными, как у всех очкариков, когда они снимают очки с сильными диоптриями... глазами так, как будто это я задавал вопрос, или задавался вопросом... Не знаю, понял ли он по моему взгляду или хотя бы

по тому, как я пожал плечами, что я уже не здесь и не там... Понял ли он, что я больше не понимаю, что вообще происходит, всё, ключик потерялся в травке... Где-то здесь, вот на этом газоне, я потерял блокнотик со стихами и рисунками, когда мне было четырнадцать лет, и я гулял по парку со своей первой любовью. Проводив её домой и обнаружив пропажу, я вернулся в ночной парк, шарил по траве руками, как сумасшедший, и ничего не находил, и на следующий день тоже, мой маленький «часослов» исчез, растворился, стал травой, на полях там были рисунки авторучкой с синими чернилами, и я говорил себе, что не о чем жалеть, рисунки всё равно были размыты — под утро шёл дождь, а стихи всё равно надо было стирать... Ну вот, и так же теперь что-то было потеряно, что вообще не реально найти в высокой траве, как иголку в сене... И всё распалось, распустилось на нитки, и нитку я тоже потерял, и передо мной сидел Артур, которого я почти не узнавал, тогда как со сцены кричали: «Доктор, есть здесь доктор?!», и двое из сидевших с нами мужчин почему-то — на всякий случай? — достали из карманов волыны, посмотрели друг на друга, снова рассовали их по карманам... Третьего по-прежнему не было, по ресторану гулял луч софита, перед этим освещавший сцену. Шёпот «о том, что случилось» докатился и до нас: мы уже знали, что зарезали владельца, и я вспомнил, но вслух не сказал, конечно, что владелец подставной... А настоящий — вот он, ночной фотограф с «каноном», болтающимся на впалой груди, этакий «интеллигент в маминой кофте», предлагающий всем свои услуги, я знал о том, кто здесь на самом деле хозяин, только потому, что когда-то подписывал

с ним документы, не думаю, что, бывая в этом кафе, я хоть раз задавался вопросом, зачем ему весь этот спектакль, но в тот момент мне это показалось безумно странным, как будто всё вокруг было сложно-постановочной фотографией Грегори Крюдсона или Джеффа Уолла... Но я говорю, что я перед этим выронил ключик, так что «пунктум» был мне совершенно не ясен... А кажущееся взаимопонимание по поводу непонимания происходящего вокруг... было в наших взглядах, наверно потому, что Артуру за миг до этого — прежде чем мы узнали, что случилось, успело привидеться что-то достаточно безумное: ему показалось, что ищут именно его... Ну как объявляют в аэропорту или на вокзале: «такой-то, подойдите к справочной», человека определяет не только ф.и.о., в этом ведь Артур со мной согласился. Поэтому он продолжал сидеть какое-то время, глядя мне в глаза немигающим взглядом — пока до нас не доехал шёпот, пока мы не встали наконец — я пошёл с ним, как будто был его медбратом — в заросли, за кулисы сцены, туда, где когда-то жили жуки-рогачи, а теперь лежал на траве человек в светлом костюме...

Прежде чем Артур присел на корточки и склонился к нему, я подумал: это не живой человек, и не мёртвый... А кукла в натуральную величину, которую проткнули булавкой, чтобы нанести вред другому человеку. Может быть, потому что там было такое освещение — карманный фонарик, в свете которого все кажутся жмурами... А может быть, потому что это на самом деле так и было: тот, кто нанёс удар ножом, прекрасно знал, что перед ним подставное лицо, но

таким образом хотел предупредить настоящее, т. е. физическое...

Мы стояли с Артуром, точнее, стоял только я, Артур сидел на корточках, возле человека в летнем костюме и с тёмным пятном посередине туловища. Он был жив, я слышал его стоны и тихое бормотание, которым Артур загонял его боль. Поднявшись, Артур сказал куда-то мимо меня в темноту — я и забыл, что кроме нас там есть люди... и Артур сказал им, что ничего страшного, «повезло, нож попал в мышечный карман...» Потом уже он обратился ко мне: «Ты иди, наверно, я буду ждать «скорую», а тебе зачем. Лане привет».

Больше мы с ним не виделись в Харькове, как я уже сказал, вскоре после этого мы оба уехали из города в разных направлениях.

Артур не сразу поселился в Москве, какое-то время он кочевал по разным городам и весям, не столько работая, сколько тратя заработанное во время стабильного периода своей практики — пока она не возобновилась в другом месте... Я же обитался в «дальнем зарубежье», где писал в основном ретроспективную прозу, почти не обращая внимания на своё, так сказать, «окружение»... Я бы сказал, что я вообще никуда не уезжал на самом деле, если бы печать в моём паспорте не свидетельствовала об обратном. Если верить ей, я теперь был на постоянном месте жительства на обратной стороне Луны, зачем-то воссоздавая там словами

ту сторону, которую покинул... Достаточно банальное для эмигранта последней волны занятие.

Волну называют «колбасной», но я бы добавил ещё и: «чернильная».

И не то чтобы отличием, но скажем так: характерной чертой моей прозы стало изобилие в ней блочных новостроек.

Да, дома в моих текстах упрямо росли, как на дрожжах, я мотался со страницы на страницу прорабом, и я же был архитектором, ясно было, как белый день, что всё это было реализацией неизрасходованных после института знаний, специфически-пчелиной зодческой энергии... Точнее я всё равно не смогу объяснить, откуда взялся весь этот океан бетона, но, так или иначе, шёл сквозь все эти соты какой-то такой хронотоп, точку отсчёта которого можно было бы отыскать, по-видимому, в тот день, когда мы с отцом гуляли в районе того кладбища, что в конце Пушкинской... Или я уже начинаю забывать город — Пушкинской ли? Ну, в начале этого большого склона-спуска-к-Журавлёвке... И отец показал мне оттуда — с высоты, вдалеке белый, маленький тогда ещё островок зачинающегося жилого массива со словами: «вот там мы и будем жить».

Перед этим он заводил меня на выставку, кажется, во Дворце труда, где были макеты в таких ящичках без крышек, и я увидел свой будущий микрорайон вблизи — я думал, он поэтому и называется «микро»...

А здесь отец показал мне всё это и сверху и живьём, но в то же время как бы и с точки зрения мёртвых — мы ведь с ним стояли совсем рядом с кладбищем, откуда было лучше видно, мы и подошли тогда к этому кладбищу только с этой целью, там ведь ещё никого у нас тогда не было.

А когда я уезжал из города насовсем, оставляя отца там лежать, я вспомнил, как он показывал мне оттуда наше будущее, оно же теперь было и прошлое... И в этот момент у меня появилась идея этого «сотового романа», которым я только и занимался, безвылазно живя в крошечном захолустном городке на юге Германии (название которого — Штраубинг, недавно, впрочем, упоминалось во всех мировых СМИ в связи с одной инсталляцией: известный художник выставил на брусчатке древней площади десять тысяч садовых гномов, делающих ручкой запрещённый здесь жест). Я не сомневался, что пишу, что называется, «в стол», ведь в моём романе не было ни острого сюжета, ни словесных изысков, только серый бетон, который я месил из букв, создавая малоосмысленные мыслеформы и железобетонных персонажей — гвозди бы делать из этих людей... Ну да, внутри них была одна арматура...

Но с чем-то там всё это аукнулось, что-то там в Москве расслышали в этом заблудившемся в бетонном лабиринте эхе, приняли его за «новый саунд»... Так или иначе, но случилась странная для меня вещь: мой роман «Товарищ бетон», рукопись которого я послал, по сути, на большую деревню дедушке... вышел книгой в одном из лучших столичных издательств, и вскоре после этого мальбрук

в поход собрался... Ну, какая-то там ярмарка, плюс презентация, не говоря о том, что в Москве я не был лет этак десять-двадцать, я уже и не помнил, когда в последний раз... И само по себе это было мне... небезынтересно, т. е. даже независимо от того, буду ли я что-то ещё писать впредь.

При этом в Москве у меня не было ни одной знакомой души, а те копейки-евроценты, на которые мы тихо, как мышки, жили с Ланой и детками в игрушечном городке, вовсе не вдохновляли на поездку в «самый дорогой», если верить СМИ, город мира.

В общем, я колебался до тех пор, пока человек, который имел странную, во всяком случае, для моего уха, должность в издательстве (он назывался там «внутренним рецензентом» и первым читал рукописи, т. е. именно он убедил Главного прочесть мой роман), не предложил мне остановиться у него.

Надо сказать, что с этим человеком мы каким-то образом сдружились — по телефону, по электронной почте, мы общались с ним почти каждый день, и когда я признался, что причина моих колебаний в том, что мне в Москве негде остановиться, он сказал, что будет рад предоставить мне крышу над головой, благо место есть: три комнаты, жена ушла, и он там один-совсем-один. Я никогда его не видел, но заочно — по тону его голоса и писем, он представлялся мне... таким митьком — как я себе представлял себе мить-

ков... И вот к нему я, стало быть, и направил свои стопы, выйдя из здания аэровокзала, назовём его, что ли, тогда уже Митей — к Мите, да, мы были с ним «на ты», и он был младше меня, но ненамного.

Я знал, конечно, что в Москве есть такие жилые массивы, каких нет в моём нынешнем городке, но есть в моём родном городе и в моём романе. Но сам я воочию, когда бывал в столице в восьмидесятые, в точности таких домов не видел, панельные многоэтажки были — как и в фильме «Ирония судьбы», совсем другие, чем в Харькове, и по форме и по цвету бетона, ну то есть у них была отделка, декор... поэтому, подходя к дому Мити, я был... несколько удивлён, да. Вот это была абсолютная копия моего дома в Харькове, 464-я серия, «ирония судьбы» forever, думал я, входя в точно такой же лифт, ну только что с другими надписями, нацарапанными на стенках, так ведь я к тому времени уже забыл и те, что были у меня на Салтовке и, нажимая такую же стёртую кнопку того же самого последнего этажа, я вспоминал объявления: «первый и последний не предлагать», — сколько их прочли родители, пока не потеряли надежду поменяться на центр...

Но и у Мити и у меня был как раз последний, и ничего тут нельзя было уже поделать.

Створки лифта разъехались, и я увидел девушку, сидевшую на корточках на верхнем, несуществующем этаже... То есть это такие полпролёта перед крышей и там площадка, лестничная клетка, наполовину зарешеченная — у меня

дома такого не было, а здесь были ещё эти полрешётки... И там, то есть здесь, в двойнике моего дома, сидела на корточках девушка, похожая на Лену.

В «сосновый» период жизни Артура я его видел чаще, чем в какой-либо другой, или примерно так же, как когда он перед этим жил у меня на квартире, так что Лену я знал в лицо очень неплохо. Иногда, уходя после чаепития у них на кухне, я напевал про себя: «эх, взял бы в дочки...» Но не буду преувеличивать: она не была так же похожа на Лену, как мой дом на дом Мити, нет, м. б., моё сознание наяву работало в более сумеречном режиме, чем проза, которую я сейчас пишу, но тогда я так действительно подумал, что в сумерках все кошки... В общем, створки лифта разъехались, и я увидел вверху, под самой крышей, красивую светловолосую девушку, которая говорила по мобильному телефону, сидя на корточках. И ещё прежде, чем я вышел из лифта, она сложила телефон и, глядя мне в глаза, сказала:

— Ну что, с приездом.

Я почувствовал себя в кино или на сцене театра, как-то так — занавес разъехался... И что-то вроде бы начало уже таять в моей душе, обваливаться, сталактиты замёрзшего цемента, макеты микрорайонов, прилепленных к потолку, что-то там сдвинулось с мёртвой точки...

И вот каким же надо было быть дебилом, чтобы не подыграть, не угадать её имя, не забыть в ту же секунду о каком-то там «внутреннем рецензенте» и не пройти по ступенькам — лифт дальше не идёт — на несуществующий

этаж, не выйти с ней на гудроновую крышу... Может быть, потому что со мной был огромный чемодан на колёсиках... Издававший, пока я его катил по вымершему немецкому городку, такой же звук, как взлетающий реактивный лайнер... И потом я летел, да, это я запомнил, облака, потом был какой-то красно-серебристый поезд, скоростной, новый, всё как у людей, хоть и немного неуклюжий... И потом этот единственный и неповторимый морок московского метро... И вот: осторожно, двери открываются — я как будто вспомнил свой старый дом, стоя в метро, и вдруг створки лифта разъехались, я уже стоял на лестничной площадке, с которой надо было, конечно, идти вверх, это было ясно, как божий день, это было написано в её глазах, на небе, на стенах лифта, везде... Но вместо этого я подошёл-подкатился к Митиной двери и нажал на кнопку звонка. Девушка осталась в другой пьесе, махнув мне оттуда напоследок рукой и сказав шёпотом: «эх ты...» — или мне послышалось... Я уже не мог её видеть, я смотрел на открывшего мне дверь Митю, жал его руку, произносил голосом, пропущенным сквозь синтезатор, приветствие, я думаю, он в тот момент принял меня за полностью отможенного. В голове мелькнуло: можно будет потом у него узнать, расспросить, кто она, из какой квартиры — если это был не ангел, а пока, раз уж я позвонил в его дверь, то туда мне и нужно сейчас пройти, хотя секунду я ещё думал сделать шаг назад... Но вместо этого прошёл-таки в коридор Митиной квартиры, проталкивая перед собой огромный чемодан, как в ячейку камеры хранения, куда он, кстати, не помещается ни в одной стране...

Но в квартиру Мити чемодан поместился — хотя он смотрел на это с опаской и как бы с сомнением, и я вслед за ним, и вот уже мы оттаивали, точнее, я.

Мы сидели на кухне и пили виски, который я купил в дюйти-фри. В чемодане у меня была ещё одна бутылка, я отвык от здешних реалий и не представлял в тот момент, что мы её тоже сегодня оприходуем.

Митя курил папиросы — как и полагается митьку, т. е. не использовал их гильзы для, скажем, травы, а просто смолил «беломор», который я не видел уже столько лет, что я тоже взял одну и тоже закурил, подумав, что как-то это сочетается с виски, как будто его доводят до полной кондиции уже во рту, превращая рот в маленький дубовый бочонок...

Хотя я и так всё ещё был деревянным — с одной стороны, девушка под крышей не шла у меня из головы, с другой — этот перелёт, и этот двойник моего дома, хорошо ещё, что Митя оказался на меня не похож... И виски на голодный желудок — есть у Мити было нечего, что-то там сгорело в духовке. «Девушка переживает», — сказал он, и я подумал, что сейчас из комнаты выйдет та самая... Но вышла совсем другая, маленькая женщина, похожая на пони с чёрными волосами и асимметричным лицом, — она стала извиняться за сгоревшую пиццу, которую она сделала из всего... как в каком-то фильме, — подумал я, — ну да, как раз в «Блондинке за углом»: «вы меня сейчас, конечно, все возненавидите...» Но никто её не возненавидел, и она к нам подсела за

столик, пила мало, как птичка, в разговор особо не вмешивалась. Как я понял, она тоже работала в издательстве или подрабатывала иллюстратором.

Ну вот, и можно сказать, что мы хорошо сидели, а что еды не было, так виски лучше вставлял, и есть совсем не хотелось, к тому же что-то Митя строгал периодически, похожее на хозяйственное мыло, — что это в точности было, я благоразумно не спрашивал, лишние знания вредят пищеварению, это я понял ещё в Харькове... И вот так мы, значит, «хорошо сидели», говоря обо всём на свете, — занавесок на окне не было, за окном был вид, похожий на вид из... Или наоборот — в прошлое... или в, или из... из-в-не... я задумался, перебирая предлоги, а Митя тем временем... и не то чтобы воспользовался предлогом, а просто это было уместно, к слову, вот он их и прочёл вслух — свои стихи... свободные в том числе и от поэтического тщеславия и посвящённые маленькой женщине, которая сидела там же, на кухне (выписываю их теперь из его сборника):

*Чёрный холст в оконной раме
Только свет в окне напротив
Кто-то ляпнул жёлтой краской
И отдёрнул кисть и замер
А стекло, как холст в истоме
Обнесло холодным потом.*

Я говорю, мы хорошо сидели, и у нас было ещё полбутылки, ну или четверть, что-то точно ещё было на дне... когда чёрт меня дёрнул произнести при Мите фамилию «Шелестов».

И не просто произнести, а сказать, что-де Шелестов мне представляется очень хорошим поэтом и незаурядным прозаиком.

После этого сразу же что-то изменилось, и не только в лице Мити, но вообще всё: я успел проследить, поворачивая голову, как тень перешла с его лица на лицо маленькой художницы и двинулась ещё дальше — тень, накрывая собой всё вокруг...

— Может быть, ты хочешь сказать, что и его камрад Ч. тоже хороший поэт?

— Да, — сказал я, — он мне тоже очень нравится...

После этого художница встала и ушла из кухни, очевидно, чтобы не слышать всего дальнейшего.

Хотя, может быть, она просто хотела спать.

— Это очень плохие люди, — сказал Митя, — поверь мне.

— Я их не знаю, — сказал я, — но о людях я ничего и не говорил. Впрочем, Пастернак... говорил, что плохой поэт не может быть хорошим человеком... Но следует ли отсюда, что хороший не может быть плохим? — с этими словами я поднял стакан, но Митя не только не пожелал со мной чокаться, но накрыл свой стакан рукой.

— Ты ошибаешься, Пастернак как раз говорил последнее. И сам был плохим человеком.

— Ну и ладно, — сказал я, — давай тогда выпьем за того, кого ты считаешь хорошим поэтом. За тебя мы уже пили, но можно ещё раз.

— Если Ш. и Ч. для тебя хорошие поэты, то я не могу быть для тебя хорошим поэтом.

— Это ерунда, — сказал я, — к тому же... Ты для меня больше, чем поэт, Митя, ты — «внутренний рецензент», меня, знаешь, завораживает само это словосочетание, похожее на «внутренний голос»... Ну, стоит ли нам при таком раскладе по таким пустякам...

— Это не пустяки, — сказал Митя и тяжело задумался.

— Я понял: у тебя нет принципов, — сказал мой «внутренний голос» через минуту, — и это очень плохо, у тебя совсем нет принципов... Ч. и Ш. ужасные поэты, но это ещё полбеда. Они очень плохие люди.

— Но что они сделали, — спросил я, — убили, украли?

— Они лицемеры и карьеристы. Они всячески заискивали только потому, что я москвич. Они провинциалы. Я ненавижу провинциалов.

— Постой, но я тоже провинциал.

— Ты не провинциал.

— Тебе видней, конечно...

— Но у тебя нет принципов. И у тебя нет Бога.

— И это ты понял на том основании, что мне нравятся произведения Шелестова?

— Да.

Где-то в этом месте я понял, что Митя не просто чертовски пьян, но что из него попросту «прёт чернуха», не плос-

кая тень, а объёмное тёмное облако повисло теперь между нами, я наивно думал, что его можно разогнать взмахами рук, как табачный дым, который, кстати, тоже уже не разгонялся, можно было вешать топор, и почти всё было выпито, и в какой-то момент я осознал, что уже и всё сказано.

Но я не настолько чётко помню последнюю часть нашей беседы, поэтому не буду её приводить дальше «лестенкой», это было бы сейчас вот именно как английский «юмор на лестнице», или русское «махание после драки кулаками», — чего уже точно не было, т. е. никакой драки... Митя ещё некоторое время нёс какую-то чушь, пока не сказал:

— Тебя здесь никто не держит, — после чего я пошёл в коридор и покатил чемодан к двери, отнюдь не ожидая при этом, что он опомнится и меня остановит — слишком уж чёрное облако висело теперь на кухне, такое быстро не рассеивается... Хотя что тут такого уж странного, — думал я, — на него виски подействовал иначе, чем на меня, только и всего. Что-то тут с подсознанием, у кого-то оно чистое, у кого-то много там всякого хлама, — говорил я себе, не думая, что такая высокая самооценка собственного подсознания тоже является действием алкоголя на моего «внутреннего рецензента», которого тут уже надо бы мне раскавычить.

Но, по крайней мере — в этом я и сейчас уверен — я никогда не выгнал бы человека из своей квартиры ночью под дождь в чужом городе...

Так что выходил я из подъезда, исполненный чувством собственного морального превосходства. И некоего очищения, вследствие как бы ответной экстрадиции, или лучше сказать: экстериоризации внутреннего рецензента, — без кавычек... как-то вот так.

«Они же тут, как скорпионы в банке, а я полез, как дурак, со стороны... Да пошли все к черту», — я решил ехать напрямик в Шереметьево и лететь обратно первым рейсом.

Но «внутренний голос» — не рецензент, его уже не было, но голос что-то прошептал, и возле входа в метро я полез в один карман, потом в другой, третий... Чтобы проверить наличие документа и кошелька. И вот кошелек там был, а документа не было. Паспорт исчез, растворился... Я положил чемодан на мокрый асфальт, думал было открыть, потом высушу вещи, будет время... хотя если паспорта и там нет, кто знает, где я буду сушить вещи тогда... сушите вёсла... Я всё же поставил зонт, не закрывая, на асфальт, быстро открыл чемодан, наклонился над ним и прошарил руками все его боковые отделения. Паспорта нигде не было. Это открытие и холодный дождичек меня полностью вытрезвили, поэтому, когда Митя не с первого раза, но открыл мне всё-таки дверь, пробурчав: «А ты не подумал, что люди в такое время могут спать», мы с ним совсем уже не понимали друг друга, он что-то там плёл... про то, что мне меньше надо было грибов есть — как будто я ел при нём грибы... И опять же — про полное отсутствие у меня принципов и, стало быть, Бога.

Под эти проповеди я обшаривал его кухню, ванную, совмещённую с туалетом, т. е. везде, где успел побывать и где мог выронить аусвайс... При этом я, слава Богу, не подозревал, что паспорт взял Митя, во-первых, потому что твёрдо помнил, что переложил его из куртки в карман джинсов (не задний, конечно) ещё в Шереметьево, чтобы было надёжнее... Во-вторых, смотри во-первых, я был уже даже и не пьян... а если б и был пьян, подсознание у меня всё равно пустое, как... квартира Мити, из которой жена его, уходя, вынесла буквально все вещи и теперь это были голые стены и пол, и даже обои были почему-то ободраны вплоть до бетона... Но где-то в центре пустой, хоть шаром покати, гостиной всё-таки стояла узкая тахта, на которой я — не будь дураком, мог бы поспать, по крайней мере, до завтра, но теперь уже назад дороги не было, и я покидал квартиру Мити второй раз, находясь теперь в осознанно-беспаспортном режиме, мой документ провалился как сквозь землю — очевидно, в то самое подсознание, больше было ведь некуда... «Ну бывай, Митёк», — сказал я на прощание, не испытывая, как ни странно, ненависти.

Не потому, что я вообще не способен её испытывать, а потому, что тут была такая странная ситуация, что лучше было мне трезветь себе и дальше, чтобы окончательно не запутаться в матрёшечной московской реальности, где жил не похожий на меня не только внешне, как оказалось... Но тем не менее эти слова — «внутренний рецензент», продолжали меня завораживать, хотя я говорил себе, что теперь мне нужен не он, а «внутренний голос». Но он молчал... Или

точнее, когда я снова оказался под дождем, оракл внутри меня вдруг пропел слова древней бардовской песни... Может быть, потому что Митя был похож на её автора, хотя, по правде говоря, я слышал эту песню так давно, что лица автора я уже совершенно не помнил, но Митя вообще был похож на барда...

Я слышал эту песенку в детстве на Эсхаре — на слёте КСП, куда я попал с лёгкой руки своей дальней родственницы, тогда же ощутил мощный сектантский дух, сопутствовавший этому движению, и больше на мероприятия, связанные с КСП, меня невозможно было заманить ни за что, даже у Ланы это не получилось, не она меня туда, а наоборот я её оттуда вытянул.

Но, стоя под косым московским дождичком ночью с огромным чемоданом — в котором я при желании и сам мог поместиться, если бы вытряхнул из него всё... Оказавшись то есть без паспорта, ночью, в Москве, под дождем, переходящим в мокрый снег... я вдруг неожиданно для себя заметил, что в голове вертится уже не «цыплёнок жареный», а старая песенка с Эсхара с той же примерно мелодией: «Интеллигенты — дворяне духа, интеллигенты — в душе разруха, интеллигентность — жужжала муха, пока не села на му-хо-мор...» — может быть, потому что Митя упоминал в своих словесных галлюцинациях грибы, я не знаю... впрочем, чего он там не упоминал... Мне захотелось курить, я оставил чемодан возле бортика станции метро и подошёл к мужчине, который как раз закуривал.

— Со мной тоже такое было, — сказал полуночный москвич, когда я ему вкратце описал ситуацию (он вопросительно кивнул на мой фантастический чемодан), — в девяносто восьмом, в Одессе, и паспорт пропал и кошелёк, и я тогда...

Я не запомнил, что он делал тогда в Одессе, наверно, потому что, слушая его, я понимал, что всё это мне сейчас совершенно не подходит, тем не менее, я был благодарен ему за моральную поддержку. Он мне оставил пачку сигарет «Тройка» (которые мне не были нужны, но я не смог ему впихнуть их назад) и пошёл вниз на последнюю электричку, а я ещё несколько минут предавался собственным воспоминаниям о ночной Одессе...

Однако вокруг была ночная Москва, я никуда не шёл, мне некуда было идти, и стоял под дождём с чемоданом, похожим на бутафорский, — из какой-то комедии, пытаюсь понять, куда же мне всё-таки ехать — на вокзал?

На вокзал не хотелось: судя по тому, как выглядели окраины столицы, вокзал представлялся мне всё тем же «несгораемым ящиком», мои воспоминания ничего хорошего о вокзалах мне, скажем, не навеивали, начать с того, что там сплошные менты, и вот как раз сейчас, когда я без паспорта...

Нет-нет, на вокзал мне совсем не хотелось... Не знаю, в какой момент я вспомнил об Артуре. То есть сначала я вспомнил о девушке, которая первой поприветствовала

меня на родной земле... Да, мне надо было пройти ещё совсем немного, полпролёта, но я не дотянул, я вместо этого позвонил, как робот-робокон, своему «внутреннему рецензенту»... Чёрт возьми, мне пора бы уже было в тот момент забыть это словосочетание, не имевшее уже никакого отношения к человеку, который взял мою книгу и выставил меня самого... И тут я подумал, что имело, имело значение её сходство — с Леной, потому что я понял наконец, кому я позвоню... Но вспомнил, что телефона-то у меня его как раз и нет... Да я и не уверен был, что он теперь был в Москве, это была всего только гипотеза — но почему бы мне за неё в той ситуации было не ухватиться... Я уже набирал телефоны общих знакомых... Артур давно ни от кого не скрывался, он и в Харьков заезжал открыто, а не только звонил друзьям, но жил при этом где-то в Москве, я точно не помнил, но мне так казалось — как я уже говорил, мы напрямую не общались, только поглядывали «живые журналы» друг друга, куда ни один из нас ничего не писал, ну то есть проглядывали «дружеские ленты», «друзей друзей», и вот как раз им, только не жж-шным, а живым, я сейчас и звонил, благо мобильник вписался в ночное пространство Москвы гораздо лучше, чем я, совершив свой роуминг... Правда, мне эти звонки влетали в копеечку, но что мне оставалось делать под дождём за полночь и с чемоданом... После третьего или четвёртого звонка с кучей извинений за позднее время я узнал номер Артура.

— А ты уверен, что я не помешаю, если это служебное помещение? — сказал я.

— Откуда такие сомнения и что это за церемонии?

— Есть причины, потом объясню... Ну да, обжётся тут на молоке...

— Если я сказал, значит так и есть. Вот только надо доехать, это не близко, это уже как бы не совсем Москва...

Он подробно объяснил, как до него добраться и даже прикинул в уме, сколько надо будет заплатить таксисту. Поэтому, когда я поднял руку и первый же частник сказал мне: «согласен», хотя я назвал ему в три раза меньшую сумму... я решил, что он решил, что у меня в суме что-то достаточно ценное, чтобы завезти меня в лес... и там и порешить.

Ну да, я ещё даже не сорвал с ручки эти бумажные бирочки, прикрепляемые на контроле, а водитель при этом выглядел как-то даже гротескно — точно, как в немецких сериалах про русскую мафию... Но мне было уже не то чтобы всё равно... Мне просто не было смысла «закладываться», я не знал эту реальность, ключик, или нить, были потеряны в прошлом веке в траве парка культуры и отдыха... И, услышав, что человек со шрамами на лице и с одним глазом берётся меня везти в Подмоскowie за названные мною деньги, я молча сел в его машину.

Когда я проснулся, Артура не было, или я не мог его найти — комната у меня была, как он и обещал, отдельная, и в ней стояли ещё шесть таких же коек, как моя, застеленные свежим накрахмаленным бельём. Похоже было, что в здании, кроме меня, никого нет. Ну разве что ещё старушка-вахтёр внизу, при этом в здании было четыре этажа, высо-

ких, как потолки в «сталинке», огромные холлы, коридоры, полы которых застелены зелёно-тёмно-вишнёвыми дорожками, теми самыми, да-да... А стены холлов покрыты мозаиками, изображающими жизнь советских людей: жёлтое солнце, синее море, и вовсе не бетонные, а белозубые, улыбающиеся, загорелые блондины и блондинки, выложенные из мелкой, как зубы, плиточки, — мозаика, одним словом... Переводя взгляд с неё на окно, я бы не удивился, если бы там были ещё и витражи с теми же сюжетами, но витражей не было, окно было обыкновенным, хотя мною тоже уже подзабытым: шероховатая белая краска с трещинками, шпингалеты, — я вспомнил сухумскую школу, где мы жили с Артуром и будущими учительницами пения, и подумал, что люди, которые находят своих одноклассников на соответствующем сайте — смелые люди, я вот не могу относиться так к прошлому. Может быть, потому что я в нём живу?

Я ходил по коридорам пустой четырёхэтажки — я вспомнил, что Артур называл её «профилактием», а что это такое, я так и не понял... Что-то среднее между больницей и... не знаю чем, гостиницей, общежитием, я правда не знаю.

Артур арендовал там чуть ли не весь этаж, благо, цены были низкие, дом стоял такой пустой, как будто Советский Союз не просто исчез, а был уничтожен нейтронной бомбой, примерно так, да... Т. е. всё осталось, что было неодушевлённого... Как в Чернобыле, ощущение чего-то жуткого и в то же время завораживающего, одно это мозаичное панно с отдыхающими на Юге... А потом я ещё попал в пустой пла-

вательный бассейн, не только в том смысле, что там — как и везде — никого не было, но там не было и воды, отчего казалось, что вода, напротив, есть не только там — что это я так медленно хожу и озираюсь по сторонам, вот именно что под водой в затопленном корабле...

В общем-то весь этот «профилакторий», или «пост-скрипториум», произвёл на меня сильное впечатление, и сравнения, которые выстраиваются в очередь, — бесконечны, я не знаю, специально ли Артур снял помещение для своих сеансов именно там, или просто цена его прельстила, но мне кажется, что эта «подмосковная Безлюдовка» сама по себе не могла не воздействовать на пациентов.

При этом пациентов Артура я так и не увидел, но это не означает, что их там не было, я ведь и его самого не смог найти. Весь дом я, конечно же, не обшарил. Полюбовавшись ещё немного мозаикой (после созерцания пустого бассейна мне в этом панно, составленном как будто из более мелких осколков того же кафеля, на мгновение тоже померещилась пустая глубина), я вернулся в номер и, погрузив те вещи, которые накануне вынимал, в чемодан, позвонил Артуру по мобильному.

Через несколько минут он вошёл ко мне, и мы посидели на дорожку.

Паспорт мой нашёлся — Митя уже звонил мне и, не сказав ни «здрасьте» вам, ни «до свиданья», буркнул, что паспорт лежал на кухне в тумбочке, а вот кто его туда положил, неизвестно. То есть кроме меня вроде бы и некому, и хотя я

не мог себе представить, зачем бы я туда его положил, факт оставался фактом: паспорт нашёлся, я могу ехать, куда хочу, или не хочу, но всё равно поеду.

Артуру же надо было возвращаться к своим пациентам, поэтому мы просто посидели на дорожку, м. б., немного дольше, чем это предписывала традиция.

Мне почему-то вспомнилось в тот момент, как он вышел проводить меня из квартиры Кати и Лены, по-моему, я был тогда у них в гостях первый раз. Он сказал, что надо поспешить, потому что уйдёт последний троллейбус — недалеко от них была конечная, а до метро пешком было «пилить и пилить», да и метро уже не ходило, кажется, было за полночь. Когда мы шли к остановке по широкой трассе-долине, вдоль канала, отделяющего «острова» от жилого массива, последний троллейбус выкатился нам навстречу, и Артур стал его останавливать, как такси, махнул рукой, троллейбус, презрительно ускоряясь, проехал мимо, но через пятьдесят метров у него соскочила дуга, водитель вышел её поправлять, и я смог сесть. Прощаясь, я сказал: «Ну ты даёшь, дуги срываешь, хватит тебе погружаться в область пси...» — «Да ерунда, — сказал он, — какая там область... Просто я тут уже обжился немного».

Вот и здесь, в профилактории, глядя на него, я думал, что он обжился и не видит вокруг себя ничего такого странного — для чего я даже не могу подобрать слов, чтобы выразить эту странность... а он её в упор не видит, как я его пациентов...

И вот там я его и оставляю — Артура — молча — как полага-
ется — сидящего со мной за компанию — на дорожку.

Если портрет не получился раньше, то есть выше по
тексту, он всё равно уже не получится сейчас, поэтому я не
буду наносить дополнительные штрихи и закончу словами
Ланы для того только, чтобы их опровергнуть... Как-то она
сказала мне, ещё в Харькове: «Мне иногда кажется, что ты
и Артур — один человек». И я тогда вздрогнул. Не потому,
что подумал что-то нехорошее... скажем, о её с Артуром
отношениях, нет, я и сейчас почти уверен, что между ними
ничего не было, и я говорю вовсе не об этом... Не уверен, что
мне удастся объяснить, почему я тогда подумал, что теперь
мы обязательно рассоримся с Артуром...

*«Мне кажется, что я и такой-то — один человек», или
«Я и такая-то — один человек».*

Вот это я когда-то слышал... не то чтобы часто, но для
такой фразы всё-таки слишком.

Я думаю, я слышал её, как минимум, десять раз.

Два раза так, т. е. дословно так, говорил муж о своей
жене. А через месяц, или два, их брак распался, причём, не
просто тихо-мирно, разошлись, как в море корабли... Нет,
были драматические абордажи, которые до этого нельзя
было предвидеть, и всё рассыпалось, один раз жена даже
пыталась зарубить мужа топором, до этого тихая такая ин-
теллигентная девушка...

Но и не только браки, тут что-то было за гранью раз-
личий... в том числе и между полами, — я слышал, как эти

слова произносились в отношении друга, приятеля... В этих случаях особого драматизма впоследствии могло и не быть, и даже дружба полностью не прекращалась, дружба как таковая вообще ведь такое дело... Более долговечное, во всяком случае, чем отношения мужчины и женщины... что не мешает ей быть более эфемерной — дружбе то есть... Но я не о том. Я говорю только об одной опасной (хотя — ну кто бы мог подумать?) фразе — как будто в эти моменты создавалась угроза того, что, если она войдёт, так сказать, в оборот, то разольётся клей, на котором... Или точнее: не на котором, а вот именно благодаря отсутствию которого — всё вообще и держится...

Ну да, когда один друг говорил эти слова о другом, ничего такого впоследствии бурного между ними не происходило (всё это я пишу про гетеросексуальные пары и про друзей-друзей, в традиционном смысле, хотя, по элементарной логике, в гомосексуальной среде это должно быть ещё чаще), но потом я всегда слышал от друга друга нечто... прямо противоположное, то есть не только пренебрежительные, уничижающие слова, но какие-то такие... которые можно было свести к формулировке: «мы с таким-то *совершенно* разные люди».

Ясно, что это происходило каждый раз безо всякой провокации с моей стороны, я никому не говорил, что, знаешь, а такой-то сказал, что «ты с ним — один человек», смешно даже подумать, что я мог бы такое сказать... И вот, не то чтобы синхронность, т. е. не совсем синхронность, но непременно двухтактность, скажем так, этой заглаз-

ной «бестактности» (повторяю, жёны и мужа после этого не произносили при мне ничего противоположного друг о дружке, а просто расставались, или не просто, со скандалом... Друзья же могли и не скандалить, но обязательно произносили заглазно — как будто в ответ — что-нибудь эдакое), всё это мне, очевидно, помешало осуществить первоначальный замысел: написать повесть об Артуре от первого лица. То есть так как эта фраза — о нашей тождественности — была произнесена всё-таки не мной, а моей второй половиной, то никакого крупного раздрая с разрывом отношений между нами с Артуром не произошло, нет, но когда я начал писать о нём, я понял, что мне нужно сохранять в тексте моё собственное, как бы дежурное «я», как я сказал в самом начале, правда, я тогда думал, что после разгона от него удастся избавиться и написать о докторе без этих надоевших мне не меньше, чем читателю, авторских самонаблюдений, рефлексии... Но уж вышло как вышло... «Я» — это ведь такое дело, довольно навязчивое. Я помню, как один известный европейский автор читал на своём вечере такой примерно «Дневник писателя»: «1 марта. Я. 2 марта. Я. 3 марта. Я... 22 марта. И опять-таки: Я...» Правда, в последнем романе этот же писатель взял и поместил — как с удивлением обнаружила читающая общественность — целую главу другого писателя, т. е. дословно целую главу... Так что стенки «Я», казавшиеся ему такими монолитными — как в одиночной камере, на поверку... Но всё, «на дорожку» мы уже посидели, и вот последний кадр: Артур на крыльце «профилактория», я оборачиваюсь, прежде чем сесть в такси, которое он вы-

звал, и вижу, что это всё тот же Артур... Ну м. б., только белого халата ему не хватает, — думаю я, когда чемодан удаётся наконец поместить в багажник.

Ещё раз оглядываюсь и вижу, что Артура на крыльце уже нет. Сажусь в машину и называю водителю станцию метро, где мы через час молча встретимся с моим «внутренним рецензентом». Он отдаст мне мой паспорт, и мы после этого поедem дальше — в Шереметьево-2.

2010.

СОДЕРЖАНИЕ

Вечный студент	3
1. Экспериментатор движений вверх-вниз	5
2. Головокружение от успеха	19
3. Провал в экзаменах	49
4. Отрезок касательной к силовой линии	62
5. Дело техники	81
6. Inside Mark V	91
Дважды один	107
Общая теория облаков и оболочек	193
Скло	253
1. Вводная часть	255
2. Наружное наблюдение	267
3. Лестничная клетка	272
4. Кодекс парашютиста	294
В роли доктора	321
1. Колыбельная	323
2. Переходный период	380
3. Террариум инкогнито	413

Літературно-художнє видання

МІЛЬШТЕЙН

Олександр Мойсейович

КОДЕКС ПАРАШУТИСТА

(російською мовою)

Головний редактор *Є. В. Мезєнцева*

Відповідальна за випуск *Р. Є. Панченко*

Художній редактор *Л. П. Вировець*

Технічний редактор *Г. С. Таран*

Комп'ютерна верстка: *В. А. Мурликін*

Коректор *Л. І. Вакуленко*

Підписано до друку 10.12.12. Формат 70 x 108 ¹/₃₂.

Умов. друк. арк. 21.00. Облік.-вид. арк. 18.77.

Тираж 700 прим. Замовлення № 2-663.

ТОВ «Видавництво Фоліо»

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи

до Державного реєстру видавців, виготівників

і розповсюджувачів видавничої продукції

ДК № 3194 від 22.05.2008 р.

61002, Харків, вул. Чубаря, 11

Електронна адреса:

www.folio.com.ua

E-mail: realization@folio.com.ua

Інтернет магазин

www.bookpost.com.ua

Надруковано з готових позитивів

у ТОВ «Видавництво Фоліо»

61002, м. Харків, вул. Чубаря, 11

Свідоцтво про реєстрацію

ДК № 3194 від 22.05.2008 р.

М60

Мильштейн А. М.

Кодекс парашютиста / А. М. Мильштейн; Худож.-оформитель Е. В. Вдовиченко. — Харьков: Фолио, 2013. — 480 с. — (Харьковская проза).

ISBN 978-966-03-5483-8

(Харьковская проза).

ISBN 978-966-03-5482-1.

Эту книгу составили пять повестей, которые можно рассматривать и как части романа. Один и тот же герой в поисках потерянной идентичности путешествует под разными именами в те края, где внешнее пространство бывает не так легко отличить от внутреннего времени. Студента отчисляют с харьковского мехмата конца восьмидесятых, он пропадает где-то в партизанских лесах, брат отправляется его искать на исторической родине в начале девяностых, чтобы потом снова впервые в жизни пересечь границу доисторического СССР... Это постоянное возвратно-поступательное движение продолжается в течение всего романа. В каком-то месте «многошаговые методы» тематизируются: герой вспоминает свою программу, все еще работающую в оперативной памяти ЭВМ на родине, после чего заново попадает на отработку в Харьковский уголовный розыск...

КНИЖКИ ВИДАВНИЦТВА «ФОЛІО» ВИ МОЖЕТЕ ПРИДБАТИ:

склад-магазин у м. Києві
вул. Трьохсвятительська, 4
(044) 278-82-64
e-mail: foliokiev@kv.ukrtel.net

відділ роботи з роздрібною торгівлею
м. Харків, вул. Чубаря, 11
(057) 706-25-13
e-mail: market@folio.com.ua

Книга поштою
Книжковий клуб «Фоліо»
м. Харків, 61052, а/с 46
(057) 715-61-19 з 9.00 до 18.00
e-mail: club@folio.com.ua
Висилається
безкоштовний каталог.

гуртова торгівля:
ТОВ «Аргумент-Принт»
61005, м. Харків,
пл. Повстання, 7/8
(057) 7149-173, 7149-386
e-mail: topman2@argprint.com.ua,
info@argprint.com.ua

ТОВ «Видавництво Фоліо»
61002, м. Харків, вул. Чубаря, 11
(057) 700-44-29
e-mail: foliosp@kharkov.ukrpack.net
www.folio.com.ua

представництво в Києві
м. Київ, вул. Трьохсвятительська, 4
(044) 279-25-48
e-mail: foliokiev@kv.ukrtel.net

ВИДАВНИЦТВО «ФОЛІО» В ІНТЕРНЕТІ

Інтернет-магазин «Фоліо»:
www.bookpost.com.ua

Видавництво «Фоліо» —
сторінка на Facebook
«Facebook-магазин Фоліо» (перехід зі
сторінки видавництва «Фоліо» на Facebook)
Сторінка видавництва «Фоліо»

на LiveJournal
www.folioua.livejournal.com

Сайт подарункових ексклюзивних книг
«Фоліо»
www.elitbooks.com.ua

МАГАЗИНИ ВИДАВНИЦТВА «ФОЛІО»

м. Київ
«Книги Фоліо»
магазин-склад
вул. Трьохсвятительська, 4
(044) 278-82-64
«Книгарня #1»
пр. Московський, 10
(біля виходу М Петрівка)
Книжковий ринок «Петрівка»
Центральний ряд, місце 25

м. Львів
«Книги Фоліо»
вул. Коперніка, 3, (032) 244-55-17

м. Харків
Книжковий ринок «Райський уголок»
6-й ряд, місце 4

Магазини-партнери

Вінницька область

м. Вінниця

Магазин «Емпік»

ТРЦ «Мегамолл»

вул. 600-річчя, 17 (0432)65-91-88

Магазин «Емпік»

пл. Гагаріна, 2 ЦУМ (0432)55-08-48

Магазин «Кобзар»

пр. Привокзальний, 2/1

Магазин «Книгарня-Є»

пр. 50-ти річчя перемоги, 26 (0432) 26-59-04

Магазин «Дім книги»

вул. Інтернаціональна, 3/2

вул. Коцюбинського, 33а

Дніпропетровська область

м. Дніпропетровськ

Магазин «Емпік»

ТЦ Гранд Плаза

пр. К. Маркса, 67, (056) 371-28-56

Магазин «Емпік»

ТЦ «Вавилон»

вул. Маршала Малиновського, 2 (056)760-

11-19

«КС»

ТЦ «Московський»

вул. Глінки, 24 (056) 726-53-14

«КС»

ТРК «Мост-сіті Центр»

вул. Глінки, 2, (056)790-30-57

Магазин «Білокнижник»

вул. Червона Площа, 3 (056)745-10-60

Магазин «Книги»

Ул. Вокзальная, 5

м. Дніпродзержинськ

Магазин «Книги»

вул. Шепетова, 4

м. Кривий Ріг

«КС»

пл. Горького, 10, 95 квартал (056) 404-76-41

Супермаркет «Епицентр»

ул. Быкова, 33

Супермаркет «Ашан»

площа 30-річчя Перемоги, 1

Супермаркет «Фоззи»

Вечерний бульвар, 33

Донецька область

м. Донецьк

Магазин «Літера»

ул. Артема, 130 (062) 206-60-98

Магазин «Буклет»

вул. Артема, 160

Магазин «Читай город»

вул. Артема, 158-Б (062) 258-21-05

Супермаркет «Амстор»

пр-т Ільича, 23

ул. Стадіонная, 3

ул. Соколинная, 38

ул. Землянская, 106

ул. Добровольського, 4

бульвар Шевченко, 41а

м. Горлівка

Супермаркет «Амстор»

ул. Ленина, 60А

ул. Пересыпкина, 19

м. Макіївка

Супермаркет «Ашан»

автомобільна дорога «Слов'янськ-Донецьк-

Маріуполь», 114 км.

м. Маріуполь

«КС»

«Будинок книги» в ТЦ «Браво»

вул. Металургієв, 53 (0629) 41-06-96

Житомирська область

м. Житомир

Магазин «Біблектор»

вул. Київська, 19 (0412)472752

«КС» в ТЦ «Сатурн»

вул. Московська, 16

Запорізька область

м. Запоріжжя

Магазин «Емпік»

пр. Леніна, 147 (061)270-00-89

Магазин «Літера»

пр. Леніна, 208

Книжковий супермаркет «Папірус»

ул. Гоголя, 32-32а (061)2226568

Супермаркет «Епицентр»

ул. Запорожская, 1в

Супермаркет «Ашан»

вул. Запорізька, 16.

Супермаркет «Амстор»

пр. Советский 13

ул. Новокузнецкая 41

ул. Чаривна, 74

ул. Бородинская, 24

м. Мелітополь

«КС»

пр. Б. Хмельницького, 42 (0619)43-66-94

Івано-Франківська область

м. Івано-Франківськ

Магазин «Лілея»

вул. Незалежності, 18/2

Магазин «Книгарня Є»

вул. Незалежності, 31 (0342)72-25-02

Магазин «Дім книж»

вул. Тичини, 61

Супермаркет «Епицентр»

ул. Івасюка, 17

м. Калуш

Магазин «Наш Формат»

вул. Грушевського, 50/1 067-342-11-79

Київська область**м. Біла Церква****«КС»**

вул. Гагаріна, 11 (04463)3-50-10
Магазин «Буквоїд»
вул. Гагаріна, 8/10 (04463) 5-84-98
вул. Тарашанська, 191а, 2 поверх.
Торгова алея
(04463) 3-90-21

м. Бориспіль**магазин «Емпік»**

вул. Київський шлях, 2/6

м. Бровари**«КС» «Будинок книги та медіа»**

вул. Незалежності, 3 (0494)5-50-75

м. Славутич**«КС» «Будинок книги та медіа»**

Київський квартал, 130 (04479)2-34-13

Луганська область**м. Луганськ****Магазин «Літера»**

вул. Сосюри, 137

Магазин «Знання»

вул. Володарського, 59

Магазин «Глобус-книга»

вул. Радянська, 58

Магазин «Хороші книги»

вул. Челюскінців, 6 (0642) 71-81-40

Волинська область**м. Луцьк****Магазин «Знання»**

пр. Волі, 41

Магазин «Книги»

вул. Конякина, 37а

Магазин «Дім книги»

вул. Медведєва, 13

Магазин «Волинська обласна друкарня»

пр. Волі, 27 (0332) 24-41-73

м. Володимир-Волинський**«Культурний центр Є»**

вул. Ковельська, 6 (0334) 22-19-57

с. Липини**Супермаркет «Епицентр»**

вул. Окружна, 37

Львівська область**м. Львів****«Книгарня на Федорова»**

вул. Ставропільська, 4, к1 (032) 2355488

м. Жидачів**Магазин «Українська книгарня»**

площа Свободи, 5

Миколаївська область**м. Миколаїв****Магазин «Емпік»****ТЦ «Магелан»**

пр. Героїв Сталінграда, 13 (0512) 67-48-34

«КС» «Кобзар»

пр. Леніна, 122 (0512)55-20-51

«КС»**«Молода гвардія»**

вул. Радянська, 3 (0512)35-12-86

м. Кременчук**Супермаркет «Простір»**

пр. 50-річчя Жовтня, 96

Супермаркет «Амстор»

вул. Халаменюка, 7

Одеська область**м. Одеса****Магазин «Атріум»****ТЦ «Рівьєра»**

Староніколаєвська дорога, 101

Магазин «Літера»**ТЦ «Афіна»**

пл. Грецька, 3/4

«КС»

вул. Черняхівського, 1А (048)78-57-240

«КС» «Будинок книги та медіа»

вул. Люстдорфський шлях, 140 В

(048)785-67-07

«КС» «Будинок книги та медіа»

вул. Буніна, 33 (0482)32-17-97

«КС»

вул. Новосельського, 60 (048)728-81-33

«КС»

вул. Преображенська, 4 (048)711-61-27

«КС» «Дім книги»,

вул. Дерибасівська, 27; (048) 722-47-99

Магазин «Емпік»

вул. Дерибасівська, 14 (0482)35-84-04(05)

Магазин «Книжкова казка»

вул. Академіка Глушко, 16 (048)249-47-56

Магазин «Горизонт»

Люстдорфська дорога, 54 (048)766-82-65

«КС»

вул. Дерибасівська, 18 (048) 743-02-10

Супермаркет «Епицентр»

Жукова, 99г

м. Іллічівськ**ТЦ «Іллічівський» (Юнга)**

вул. Леніна, 35

«КС»

вул. Леніна, 16 (04868)40-5-95

Магазин «Книгарня»

Центральний універмаг

вул. Леніна, 19 (04868)6-25-80

Полтавська область**м. Полтава****Супермаркет «Велика кишеня»**

вул. Ковпака, 26

Магазин «Емпік»

вул. Ковпака, 26 (053)261-56-68

«КС» «Будинок книги та медіа»

вул. Шевченка, 29 (0532)61-26-76

«КС» «Будинок книги та медіа»**ТЦ «Київ»**

вул. Зенківська, 6/1а (0532)51-12-90

Супермаркет «Епицентр»

Київське шосе, 41

м. Кременчук**Супермаркет «Простір»**

пр. 50-річчя Жовтня, 96

Супермаркет «Амстор»

вул. Халаменюка, 7

Рівненська область**м. Рівне***«КС»*

вул. Соборна, 47

м. Острог*Магазин «Острог»*

вул. Незалежності, 20/3 (036)543-03-41

м. Севастополь*Супермаркет «Атриум»*

ТЦ «Муссон», 2 этаж

ул. Вакуленчука, 29

Магазин «Солнечный»

Пр. Генерала Острякова, 80 (062) 473183

Сумська область**м. Суми***«КС»*

Площа Покрівська, 2

Магазин «Книголюб»

пл. Петропавлівська, 50

Магазин «Емпік»

вул. Кірова, 8 (0542)77-03-47

Тернопільська область**м. Тернопіль***Супермаркет «Сільпо»*

вул. Текстильна, 28А

Мережа магазинів «Дім книги»

вул. Танцорова, 11 8-0352-25-37-62

вул. Злуки, 37 8-0352-51-06-65

вул. Й. Сліпого, 1 8-0352-43-03-71

вул. Коперніка, 19 8-0352-43-01-39

Книжкова гуртіня

вул. Подільська, 44 8-0352-43-42-72

Мережа магазинів «Книжкова хата»

ТЦ Подольки, 1 пов.

вул. Чорновола, 14 0352-522433

вул. Текстильна, 28 ч

0352-477909

Магазин «Книгарня Є»

вул. Валова, 7-9 (0352) 25-44-59

Закарпатська область**м. Ужгород***Супермаркет «Епицентр»*

вул. Баб'яка 7/1

Бовт «Файні книги»

площ. Шандора Петефі, 47

Херсонська область**м. Херсон***«КС»*

вул. Комунарів, 21

Магазин «Емпік»

вул. Суворова, 22 (0552)22-60-47

Хмельницька область**м. Хмельницький***«КС»*

вул. Подільська, 25 (0382) 65-60-73

Магазин «Книжка»

ул. Проскуровская, 62 (0382)702165

Магазин «Дім книги»

вул. Грушевського, 50 8-0382-704-004

Супермаркет «Епицентр»

ул. Заречанская, 11/4

Супермаркет «Сільпо»

ул. Маршала Рыбалко, 2-а

Черкаська область**м. Черкаси***Магазин «Метро-книга»*

вул. 30-річчя Перемоги, 50

Магазин «Будинок Книги»

вул. Хрещатик, 200

Магазин «Світоч»

вул. Байди Вишневецького, 38

Супермаркет «Епицентр»

ул. 30 лет Победы, 29

Чернігівська область**м. Чернігів***Культурно-мистецький центр «Інтермеццо»*

вул. Шевченка, 9

(0462)97-36-28

(0462)97-36-29

КП «Будинок книги»

пр. Мира 45

«КС»

пр. Миру, 19 (0462) 67-51-72

м. Ніжин*Магазин «Масква»*

вул. Воздвиженська, 4/1 (0463)12-01-04

Магазин «Освіта»

пр. Леніна, 2

м. Чернівець*«КС» «Будинок книги та медіа»*

пр. Незалежності, 90 (03722) 3-42-70

«КС» «Будинок книги та медіа»

пл. Соборна, 1 (0372) 52-00-19

Магазин «Українська книга»

пл. Центральна, 10 (0372) 58-55-58

Книжкова мережа «Книги»

вул. Кафедральна, 2,

корп. № 14 ЧНУ

(Чернівецький нац. ун-т)

вул. Університетська, 19,

корп. № 2 ЧНУ

вул. Коцюбинського, 2

корп. № 5 ЧНУ

вул. Л. Українки, 23,

бібліотека ЧНУ

Інтернет-магазини*інтернет-магазин*www.kutuzov.ua

(044)593-82-28

www.petrovka.com.ua

(044) 3511052

Актуальний український інтернет-магазинwww.nashformat.ua

(044)273-29-17

www.yakaboo.ua

(044) 5377237

 АЛЕКСАНДР
МИЛЬШТЕЙН

Александр Мильштейн — прозаик, эссеист, переводчик. Родился в 1963 году. Закончил механико-математический факультет Харьковского государственного университета.

Живет в Мюнхене. Автор книг «Школа кибернетики» (ОЛМА-Пресс, Москва, 2002), «Серпантин» (ОГН, Москва, 2008), «Пипоктико» (Формат, Харьков, 2008). Перевел с немецкого книгу Ю. Герман «Летний домик, позже» (ОГН, Москва, 2009).

Что он делает? Он достаёт из прошлого, словно фокусник, столько вещей и разных явлений, что поневоле удивляешься — как там всё это могло уместиться. Может быть, дело в той обратной оптике, которая позволяет Саше видеть события многолетней давности, как будто они происходили вчера. В «Кодексе парашютиста» прошлое просто растворяется в настоящем, делая его более полным и понятным. Удивительная проза, похожая на множество разноцветных ниток, которые даже не пытаешься распутать — просто разглядываешь их красочное переплетение, гадая, куда в конце концов может вывести каждая из них.

Сергей Жадан

ISBN 978-966-03-6182-9

9 789660 361829